

К 80-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
И 50-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Приокские зори

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2010

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2010 — 2(19)

СОДЕРЖАНИЕ

К 65-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ И САТЕЛЛИТАМИ Великая Отечественная война — наш триумф (Колонка главного редактора).....	3
ПОВЕСТЬ	
Владимир Мирнев. Голос Кутузовки.....	9
Олег Каширин, Виктор Харлашкин. Хмурые горы.....	30
ВОЙНА И МИР В АНТОЛОГИИ РАССКАЗА	
Владимир Сапожников. Знахарь.....	40
Рудольф Артамонов. Отвергнутый.....	47
Алексей Яшин. Серебряная ложка.....	53
Геннадий Маркин. Марш победителей. Васька.....	71
Валерий Маслов. Дачный роман.....	79
Тамара Белицкая. Гаврош. Русская душа.....	84
Сергей Лебедев. Поездка.....	90
ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА	
Анатолий Панин. Памяти невынутый осколок (Рассказы).....	96
ВОЙНА И МИР В ПОЭЗИИ	
Владимир Лазарев. Березы.....	108
Виктор Пахомов. Все глуше раскаты последней войны.....	111
Яков Шафран. Шестьдесят пять.....	118
Иван Александров. <i>Personalia</i>	121
Владимир Чистополов. Вот и кончился опять год.....	129
Олеся Маматкулова. Анюта.....	137
Владимир Резцов. Сонеты (1981—2009).....	141
Наталья Квасникова. Боль памяти.....	144
Марина Русская. Мои стихи, они как дети.....	148
Олег Пантюхин. Военные сны.....	151
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДОВ РОССИИ	
Новокуйбышевское народное литобъединение на Волге «Отчий дом»: Илья Павлов, Василий Попов, Карина Сейдаметова, Андрей Хитев, Анастасия Устинова, Олеся Малютина, Мария Черняева, Валентина Карташова, Ольга Тутарова, Ольга Полухина, Нелли Христосова, Галина Сорокина.....	153

«ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ...»	
Николай Макаров. Награды Великой Отечественной войны.....	170
Михаил Черняков. Военные будни лейтенанта-артиллериста.....	182
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ	
Алексей Логунов. Православные журналы Новомосковска.....	202
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРИХ»	
Валентин Сорокин. Предупреждение (Стихотворения последних лет).....	205
К 280-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА, ГЕНЕРАЛИССИМУСА, КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО, ГРАФА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО	
От главного редактора.....	212
Г. Р. Державин. Снигирь.....	213
Введение: Суворов и его победительная наука.....	213
А. В. Суворов. Наука побеждать. Разговор с солдатами их языком. Три воинских искусства.....	218
Письма А. В. Суворова.....	221
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ	
Вениамин Зикун. Гунькин хутор.....	235
Галина Рукосуева. Стихи для детей.....	242
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Валерий Богущев. Уроки Бунина, или как стать классиком (Ироническая проза).....	246
Наталья Квасникова. Теплый зов «Страны холода».....	248
Людмила Атунина. Заметки по поводу... Государственные люди.....	250
Александр Хадарцев. Поэту быть зонлом — не резон.....	256
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	259

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@yahoo.com; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула)
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники)
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы

Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Тульский литератор»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Ярило» (Тула)

Журнал издается попечительством и финансированием Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СП России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
www.medsu.tula.ru (в PDF формате)

© «Приокские зори», 2010

К 65-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ И СТЕЛЛИТАМИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ — НАШ ТРИУМФ (Колонка главного редактора)

Любой триумф предполагает долгий, а в случае войн — кровавый, путь к нему. Потому и само понятие триумфа, триумфатора возникло в Древнем Риме, государстве чисто военном.

В своей тысячелетней истории Русь, Россия не была обделена военными триумфами: разгром и полное уничтожение Хазарии Волжской Святославом, Куликовская битва и разгром тевтонов Александром Невским, Полтавская битва и завоевание Крыма Потемкиным, Итальянский поход Суворова и Отечественная война 1812-го года с последующим маршем на Париж, освобождение Балкан от турок в 1877—78 гг. и завоевание Средней Азии. Даже Брусиловский прорыв на фоне в общем-то неудачной для Российской империи Первой мировой войны. А для Советской уже России, СССР — это победа в Гражданской войне, разгром японских милитаристов на Дальнем Востоке, освобождение Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии.

Победа в Великой Отечественной войне — величайший триумф во всей этой тысячелетней истории страны, хотя лучше бы войны не было, рассуждая по-человечески. Немыслимые жертвы, величайшее напряжение всех сил. В определенном смысле война подорвала суммарный генофонд советского народа, особенно русского. Ведь на войне всегда гибнет цвет нации. В исторической параллели это как с Францией после двух десятилетий наполеоновских войн; сами французы признают: они как нация стали совершенно другими. Наш народ другим не стал, слишком большой запас прочности у него. Но все же для восстановления этого суммарного генофонда советскому, русскому народу понадобилось почти три десятка лет, то есть два поколения.

Любой самодостаточно мыслящий человек, хотя таких по «биологической разнарядке» весьма мало, понимает: законы исторического движения неподвластны человеку. «Ни бог, ни царь и ни герой» не в силах эти законы отменить, исправить, тем более — переписать по своему желанию. Индивидуальный или коллективный разум могут только, предугадав удачно два-три ближних хода истории, в какой-то степени использовать свои преимущества. Или недостатки своих локальных, реже — геополитических противников.

Повторим в данном контексте уже явное: если предназначенная историей миссия Первой мировой войны — крушение последних и основных монархий континентальной Европы, то есть империй Романовых, Габс-

бургов и Гогенцоллернов, то Вторая мировая, уже предугазанная Первой, должна была ответить на очередной эксперимент истории: какой из «предложенных» ею вариантов социального (социалистического) государства является наиболее жизненным: советский интернационализм, германский национал-социализм, то есть нацизм, или итальянский фашизм — итальянская социальная республика Муссолини, присвоившего себе идеи Антонио Грамши. Кровавый эксперимент с полусотней миллионной жертв показал жизнеспособность социализма в советской, интернациональной форме.

...История не профессор-исследователь, свои опыты ставит не на лабораторных животных, но на людях, на целых государствах, на всем населении земного шара. И если над государствами-изгоями устраивают Нюрнбергский процесс и Суд в Токио, то история неподсудна.

Понятно, что свои эксперименты история творит не эсхатологически, хотя элементы конспирологии, масонской мистики и всего такого прочего присутствуют. Нет, опыты эти реализуются посредством совершенно реальных событий, дел, стран и лиц. Хотя тем же нашим фронтовым политрукам было сложно объяснить бойцам, почему во встречном бою обе противоборствующие стороны сражаются неистово, до последнего патрона и солдата под одинаковыми красными знаменами. Только на одних — звезда и/или серп и молот, на других — ведический, древнеарийский символ вечности движения жизни — свастика.

Точно так же профессора геополитики, международной экономики и взаимоотношений — в исторической ракурсе — не менее сложно всегда было объяснить своим студентам: почему дважды за первую половину двадцатого века в смертельной схватке сталкивались именно Германия и Россия? То есть, страны, на протяжении всей их истории не имевшие ровно никаких политических, экономических и любых других противостояний, главное — территориальных претензий.

Даже известный *rang nach Osten*, расширение 90-миллионной Германии, якобы задыхающейся в своих исторических границах, было явно внушено Гитлеру для сраживания его с СССР. Следует «держать в уме», что фюрер — личность явно клиническая. Это отмечали такие светила психиатрии как Бехтерев и Ганнушкин, а особенно его соотечественник Фромм. Причем клиника эта располагалась в его мозгу на границе невроза и шизофрении, что носит предэпилептоидный характер. Возможно причина этого в его ранениях и контузиях на позициях Первой мировой войны. А для таких персонажей присущи почти гениальные ходы — кто создал за десять лет Третий Рейх, завоевал всю Европу и дошел до Москвы и Волги? — Но тут же и губительные для Германии стратегические просчеты, объединившие против нее весь мир.

Опять же для таких характеров свойственно сочетание почти демонической способности к овладению умами десятков миллионов людей и в то же время глубокой личной внушаемости. И здесь Гитлер стал подопытным кроликом тех кукловодов, что и столкнули Рейх с СССР. Потому-то руководство СССР после пакта Молотова — Риббентропа до самого по-

следнего момента, до двадцать второго июня надеялись, что фюрер образумится и сам не полезет в уготованную ему на Востоке петлю.

Слишком хорошо известны эти кукловоды, что втянули Российскую империю в Первую мировую, опутав ее долгами Франции и использовав самого глупого из всех русских царей, и натравили Рейх на СССР, опять же сыграв на шизоидности личности Гитлера. Это все атлантисты, ныне уже де-юре объединившиеся в НАТО, а перед Второй мировой прежде всего мировая интриганка Англия, ведущая на поводке Америку, самую уже устремившуюся в мировые хозяева.

...Это как у нас на Балхаше, где проголодавшегося, полуслепое по природе своей свирепого тигра наводит на добычу руководящий этой зверюгой маленький камышовый кот, родной брат наших домашних Васек и Мурок.

Что же касается красных знамен с обеих сторон, то следует быть точным в названиях политических режимов наших противников в Великой Отечественной войне. Национал-социалистическая Германия Гитлера не была фашистским государством, как Италия; Рейх — нацистское государство, что, объективно говоря, намного хуже и зверинее, особенно учитывая специфику исторически сложившегося национального немецкого характера: сочетание предельной дисциплины, исполнительности и жесткости, в крайних случаях переходящей в жестокость. Да приплюсуем к этому историческую обиженность и обделенность Германии, до последней трети XIX века пребывавшей в раздробленности и геополитической ничтожности. А после проигрыша в Первой мировой ее и вовсе Антанта обшипала: отняли немногие африканские колонии, Франция прибрала к рукам Эльзас и Лотарингию, даже Польша и Чехословакия что-то из территорий прихватили.

Фашистской же нацистскую Германию стали обыденно называть с начала тридцатых годов с легкой руки не очень политически грамотных газетчиков. Или как в первые послевоенные годы распевали эстрадные куплетисты:

Я в Италии родился,
А в Германии закалился,
И поехал в русские края...

Соблюдая истину, политическое определение не было помещено в надписи на победной медали: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

И еще один существенный момент, требующий точности определения. Также расхожим стало определение: победа советского народа в Великой Отечественной войне. Это справедливо. Советский народ достоин такого определения, учитывая массовый героизм советского народа, его каждодневный — в течение четырех лет — воинский и трудовой подвиг.

Однако нужно быть объективным: в войне побеждает не народ, а государство, то есть Советский Союз победил Германию, ее союзников и сателлитов, а исполнителями этой победы и был героический совет-

ский, прежде всего русский народ. Ибо даже в революциях, в восстаниях, как и в стихийных народных выступлениях побеждает не только и не столько поднявшийся народ, но его организация. Тем более, если речь идет о войне мирового масштаба. Как настойчиво повторял в своей «Всеобщей организационной науке» Богданов, за что его не совсем справедливо упрекал в «Материализме и эмпириокритицизме» Владимир Ильич, не человек, даже не выдающаяся личность делает историю, но система, то есть социум, государство. Да, здесь наш выдающийся эмпириокритицист безусловно прав.

А побеждает то государство, у которого лучшие системная организация и у которого больший запас в экономике, в индустрии, преимущественно военной, в социально-политическом устройстве. Такой выигрышный запас оказался у СССР, такого запаса не оказалось у «двунадесяти языков», то есть у Германии и всей совокупной с ней Европы. Это и есть убедительнейшее доказательство того, что в кровавых играх-экспериментах истории именно советская, социалистическая, интернациональная организация государства новой социально-экономической формации является первенствующей над всеми остальными. Величие Ленина и созданной им партии в том и состоит, что, будучи гением, он сверхнайтием нашел ту единственную, советскую форму организации социального государства, лишь в общих чертах продекларированного классиками марксизма, которая только и позволила сделать социализм на Земле реальностью. Позволила нам победить в величайшей войне всех времен и народов. Именно поэтому логически верным является определение: Победа Советского Союза над Германией, ее союзниками и сателлитами.

Не надо преувеличивать, но и преуменьшать роль в войне союзников Германии, прежде всего Румынии, Венгрии, Италии и Финляндии, которые направили против СССР вовсе не обозные подразделения, а армии в комплектации военного времени; некоторые даже по две армии, воевавшие, по-преимуществу, не за страх, а за их, мягко говоря, своеобразную совесть. Достаточно напомнить, что полугодовое сражение за Воронеж Красная Армия вела не с гитлеровцами, а со Второй венгерской армией. Кстати, там же полностью и уничтоженной. И Одессу брали румыны. Они же и итальянские дивизии действовали на Сталинградском фронте. В Прибалтике свирепствовали дивизии СС из местного населения. И только тем фактом, что большинство из союзников и сателлитов Третьего Рейха после войны вошли в социалистический лагерь, либо проводят в отношении СССР достаточно либеральную политику, объясняется определенное «затушевывание» их неблагоприятной роли в войне в качестве приспешников Германии, губителей сотен тысяч советских людей: бойцов и мирных жителей.

...Заслуги Владимира Ильича велики, он предначертал тот единственный путь, которым мы пришли, в том числе, к триумфу-победе в Великой Отечественной войне. Но и военно-политическое руководство СССР в предвоенные и военные годы, следуя этим путем, оказалось на войне. События самой войны слишком хорошо известны, чтобы их занос-

во перебирать и анализировать. Но вот о чем особо надо помнить — это об упреждающих наших ударах в предвоенные годы. Это была не агрессия «во все стороны», но продуманная военная стратегия с целью уменьшить число врагов в неизбежной большой войне.

И эта война показала абсолютную верность наших расчетов. Особенно — в отношении Японии. Полномасштабные сражения и разгром японцев при Халхин-Голе и Хасане, а также не очень широко известное уничтожение дальней бомбардировочной авиацией Тихоокеанского флота крупнейшей авиабазы на Хоккайдо, причем со всей ее инфраструктурой и полутысячью самолетов, оградили СССР от войны на два фронта, отрезвили японских милитаристов. Здесь был и другой ход, когда, предоставив Гоминьдану биться с японцами на востоке и юге Китая, по рекомендации советского руководства Мао Цзедун со своей Восьмой армией весь период Отечественной войны стоял заградительным заслоном в горах Северного Китая, в Синьцзяне.

Не менее значимой была и Финская кампания, да плюс к ней и наша политическая демонстрация: создание шестнадцатой, Карело-Финской, союзной республики и выступления председателя финской компартии товарища Отто Вильгельмовича Куусинена на заседаниях Коминтерна о «стремлении трудового финского народа к единению с советским народом». Поскольку же бывшему генерал-адъютанту Николая Второго, маршалу Маннергейму в самом страшном сне не привиделось стать почетным председателем Верховного Совета расширенной на запад Карело-Финской ССР, то он свел участие Финляндии в войне против СССР до минимума: отказался перерезать стратегически важную для нашей страны Мурманскую железную дорогу, несмотря на мольбы и угрозы Гитлера, не допуская до нее и немецкие дивизии. А в блокаде Ленинграда ограничился сторожевой службой в северной части кольца, запретив использовать артиллерию и авиацию. В сорок же четвертом году сам предложил СССР сепаратный мир, разоружив и интернировав двадцать немецких дивизий, вернув Советскому Союзу Выборг и стратегические острова на выходе в Балтику, даже предоставил столицу Хельсинки под базу Балтийского флота!

Свою лепту в дело Победы внесло участие советских добровольцев в войне в Испании и разгром советскими же войсками в Абиссинии итальянского корпуса, то есть половины армии. Памятуя об этом, Муссолини послал на Восточный фронт не армии, но лишь дивизии, а Франко и вовсе «отделался» почти символической «голубой дивизией». Хорошо вела себя Турция, до этого за двести лет четырнадцать раз воевавшая с Россией. Но это уже ленинское наследие: военно-экономическая помощь младотуркам Кемаля Ататюрка. Подлинно совесть не позволила вступить в войну и болгарскому царю Борису.

Большая военно-политическая стратегия не позволила СССР нанести превентивные удары по Румынии и Венгрии, будущим главным союзникам Гитлера на Восточном фронте. Антонеску и сухопутного адмирала Хорти здесь спасли условия пакта Молотова — Риббентроппа,

который явился важнейшей предвоенной победой СССР в масштабе мировой политики.

Но еще более судьбоносными для грядущей нашей Победы явились «превентивные удары» по внутреннему врагу: остаткам троцкистов и недееспособной военной верхушки, зажавшейся на сомнительной славе своего участия в Гражданской войне — типа наполеончика Тухачевского, вчистую проигравшего Польскую войну, равно как и все остальные сражения, но зато блестяще расправившегося с кронштадтскими «братишками», сделавшими Октябрьскую революцию, и потравившего газом тамбовских мужиков...

...И еще мы загодя до войны воспользовались опытом царской России в Первую мировую войну: в части составления и исполнения планов эвакуации промышленности и людей на Восток.

Тяжело далась нам Великая Отечественная, неисчислимы потери и жертвы, но советский социализм победил. Поэтому наша Победа — наш триумф.

От редакции: Мы сочли возможным поместить в «Колонке главного редактора» главу из новой книги Алексея Яшина «Катехизис идеалиста: Повесть-размышление», которая в этом году планируется к изданию Независимым литературным агентством «Московский Парнас». Заметим, что Праздник Победы — единственный, исключая введенный в обиход феминистками Кларой Цеткин и Розой Люксембург Женский день 8-го марта, что за последние 20 лет не претерпел изменений (отмены, переименования и пр.) — из числа праздников советского периода истории страны. Это и понятно, ибо хоть что-то должно объединять стремительно распадающееся на классы общество... Хотя бы память о нашем трагическом и героическом прошлом.

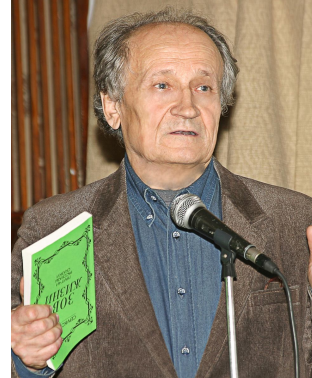
Многие материалы настоящего тематического номера журнала посвящены военной теме. В контексте памяти о воинской славе России в этом же номере журнала мы отмечаем 280-летие со дня рождения великого русского полководца, генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, князя Италийского и графа Рымникского.

ПОВЕСТЬ

Владимир Мирнев
(г. Москва)

ГОЛОС КУТУЗОВКИ

Владимир Наканорович Мирнев — известный современный писатель-прозаик и литературный критик, президент Академии российской литературы, член редколлегии журнала «Приокские зори» и альманаха (журнала) «Московский Парнас».

Я услышал голос... Нет ничего пронзительнее и проникновеннее родного голоса, внезапно услышанного. Сколько бы мы ни изощрялись в поисках чего-то другого, у нас ничего не получится, потому что нет ничего другого более оглушающего, чем услышанный внезапно нами голос ушедшего от нас родного человека. Вот уж столько лет мне каждый день слышится голос моей мамы. Я слышу его ежедневно. В какой бы точке земного шара я ни находился — в Европе, Азии, Америке. Я не знаю, откуда он появляется, каким образом рождается, в чем смысл его — когда он звучит непрерывно в моих ушах.словно отдаленный набатный звук. Чтобы будоражить мою душу неясными ощущениями? Трогать струны моего чувствительного сердца? Чтобы... чтобы. В человеческом мире нет тишины; в нашем мире живут одни звуки. Они исторгаются со всех сторон, обрушиваются водопадом на нашу душу, и земной шар — планета звуков. И наступает такой отчаянный миг, когда я слышу, как мое собственное сердце извергает само в подлунное пространство, в знакомый и невидимый мир, тот странный звук, который являет собою, из которого ткуются мои воспоминания, рожающие голос мамы. И тогда я устремляюсь навстречу тому голосу, ибо хочу понять, увидеть, ощутить живое естество того, кто дороже мне всего на свете. И тоска охватывает, хочется в такие мгновения приостановиться и представить себе, с чего началась эта тоска во мне самом. В том далеком времени понятия жизни и смерти существовали каким-то слабым отголоском — словно вспышка зарницы, словно тень за той разродившейся надо мною молнии, которая маячила в неизвестной мне стране, где нет грустных ощущений смерти. В потустороннем мире! В моих запомнившихся детских кутузовских ощущениях я имел дело с другим миром, о котором ничего не знал, о котором лишь смутно догадывалась моя душа. Я был слишком мал, чтобы понять тот смысл, который скрывался за чертой, разделяющей некую грань, за которой кончается видимое начало и начинается нечто другое. В те торопливые мгновения я жизнь по звукам знал. Вернее, я знал всего лишь ее звуки. Из общения с братьями и сестрами я представлял, что на свете живут только знакомые мне люди, которых видел каждый день. И еще много других существ, славных и вредных, и

других, мое отношение к которым определяла моя мама, ибо для меня только она знала, что есть хорошо и что есть плохо. Сибирь, вообще, страна загадочная. Она самая русская сторона, хотя и непривычная для нас в обычном смысле слова. Из ее дремучих недр, как из топких болот, может всегда появиться, высунув голову, и посмотреть своими глазами на вас нечто, при виде которого у вас от страха забьется сердце.

Как мама узнала о гибели брата Алексея, которого все в семье звали нежно — Леня — о том лишь можно догадываться. Похорожки в Кутузовке разносил почтальон, и он, видимо, явился причиной этого узнавания. Я помню, я помню, я помню... память мне о том говорит и подсказывает — темная морозная ночь, доносится тонкий посвист метели, завывающей в печной трубе и виден еле-еле заметный пробивающийся тонкой полоской свет от керосиновой лампы из-под неплотно притворенной в нашу маленькую горницу двери... И детские ноги сами собой опускаются с печи, нащупывая холодный дощатый пол, вслед за мною поднимают головы и — старший брат Ваня, и младший брат Витя, и вот мы уже подбегаем торопливо — быстро к сидевшей на шатком табурете подле печи мамы, склонившейся над фотографией Алексея и беззвучно проливавшей вот уж которую ночь слезы: «Родненький мой сыночек, Ленечка, да как же я тебя не уберегла? Да ты еще такой маленький, да некому было тебя защитить от пули проклятой немецко-о-ой...» Мы одновременно бросались с похныкиванием к маме, умоляя, упрашивая не плакать, обнимая ее и прильнув всем нашим существом к милому, доброму, извечно дорогому мамину естеству, своим прикосновением стараясь разделить то страшное горе, которое мы детским умом еще не могли осмыслить, хотя и чувствовали его через маму его. Как младший Витя в свои четыре года мог понять это? Я знал, что человек может умереть, погибнуть, но что он больше никогда не вернется домой, и мы его не увидим в этой жизни — это осмыслить четырехлетнему ребенку было невозможно. А ведь на фронте бились насмерть с фашистами еще и — папа, и старший брат Андрей, которого я, признаться, в лицо никогда не видел (его призвали в армию до моего появления на свет). Он воевал на финской, потом плавно перевели его на фронт Отечественной, затем отправили на японскую войну... и вернулся он домой после окончания всех войн, то есть спустя восемь лет.

Когда на моего брата Алексея пришла похоронка (погиб под Кёнигсбергом), и мне, шестилетнему мальчику, старшими братьями и сестрами было уговорено не сообщать о том маме. Вот только тогда я вспомнил, как прошедшей осенью, отправляясь добровольно на фронт, убивался в слезах на проводах на фронт наш Леня, целуясь и обнимая всех не только нас, но и коровку нашу, каждую овечку, собачку, кошку и даже кустики в садике, яблоньки... Мне в мои годы доверили страшную тайну, могущую защитить маму. Шесть лет и — страшная тайна. Как подобное можно было совместить с моими годами, то тоже не поддается моему пониманию. Но ведь Вите вообще не было еще и четырех годиков, а ему можно было доверять. Я не могу представить взгляд моих глаз на маму в то время. Мои глаза, полные скорби, — это были глаза жалости. Но Вите на этот раз ни о чем таком не сказали, потому что слишком велика потеря. Он мог заплакать и выдать маме тайну.

* * *

Кажется, с этих пор я стал присматриваться к моей маме, догадываясь о чем-то и ничего не понимая. Как она, такая исхудавшая, в исстиранной длинной сатиновой черной юбке, в старенькой в горошек кофточке с засученными рукавами, мелькающая из дома в сарай и обратно, таская для телят, индюков, гусей и овец — то пойло, то картофельные очистки, ухитряясь одновременно еще и отправлять в школу Марию, Надю, не говоря уж о старших сорвиголовах — Коле, Сане, Ване и приемной

нашей сестре Марии, которой так хотелось учиться, чтобы «стать человеком»? Но ведь взрослые не обращали на меня внимания, как не обращали внимания и на моего любимого кота Ваську, на моего любимого тоже песика Шарика, и на хромоногую ягненка Шаха, по случаю небывалого мороза взятого в дом из сарая, и на крякавшего из-под кровати довольного теплой своей судьбой утенка Белого с отмороженным носиком — немалая наша семья. Я уж не говорю о корове Марусе и других важных персонах. Мамою часто овладевало беспокойство, боязнь, что ей не совладать одной с немалым хозяйством, с большой семьей. Руки у нее цепкие, но все же бабьи руки. Но сколько было нервной решимости в ее порывистых движениях, в растерянных глазах, как она прикидывала, размышляя вслух, сколько ей надо очистить картофеля, сколько Наде и Марии, и о том, как трудно с приемными детьми на этом свете — голос повысить нельзя, хотя надо признаться, ни на кого мама голоса не повышала. А «шлепать» приемную Марию, да еще по отчеству Моисеевна, которую приютили папа с мамой, присланную по разнарядке из далекого Поволжья в тридцатых годах, еще до моего рождения, когда там от голода вымирали целые селенья — Боже упаси! Все село отказывалось удочерить четырехлетнюю девочку не только по причине ее отчества, но еще и по той причине, что у всех были свои большие семьи. Но мама тогда сказала папе, которому как председателю колхоза выпала тяжелая обязанность распределять беспризорников по «дворам»: «Где шестеро, Никаша, там и семеро. Никто не возьмет, а мы — такая обязанность у тебя. Как райком сказал, так и будет, хотя у нас своих уже шестеро. Ребенок ни в чем не виноват. Все дети — ангелы Божьи». «Ты будешь называть меня папой?» — спросил отец совсем чужого ребенка. «Если купишь пряник, буду», — последовал ответ. Так собиралась наша большая семья. У меня имелись замечательные старшие братья. На зависть врагам моим, ибо они своих, младших, в обиду не давали. В больших селах преобладали и большие семьи; в борьбе за лидерство между семьями борьба подчас принимала острые формы. Правда, война с Германией на некоторое время сплотила всех, даже врагов, против общего врага — фашистов. Даже у наших сельских немцев, которые жили рядом с нами в селе, те немцы, что фашисты, то есть из Германии, числились во врагах. А мой верный дружок Артур Молендор, так он просто клялся в том, что яростно ненавидит фашистов из Германии и готов идти на фронт сражаться с ними. Если его пустят, конечно.

Невозможно дать ответы на все вопросы, которые ставит перед нами жизнь. Ибо ну как можно спросить: желает ли человек жить? Или: почему ради другого я должен отдать свою жизнь, даже если это всеми любимый вождь Сталин или тот же Ленин? В чем смысл человеческого существования? О чудовищном человеческом эгоизме столько наговорено в истории. Но, вероятно, имеются какие-то замечательные штрихи в поступательном движении человека, которые обычный глаз человеческий не замечает. А? Мы ведь прежде всего видим, как говорил мой мудрый отец, дворец и живущих в нем, но не замечаем простой жалкой лачуги под ржавой крышей в глубине двора — наш домишко. Хотя у нас во дворе рос и тянулся всеми своими поблескивающими на солнце и вечно шуршащий огромными листьями высоченный тополь. Словно князь-богатырь, а вокруг села — теснились низкие березовые колки, которых мог любить только человек, родившийся среди них, и — люди, как люди во всем мире, вечно торопились по своим делам с утра и до вечера. Вечно озабочены собственными мелкими делишками, такими ничтожными с точки зрения мировой истории. Ибо издали (слова моего отца!) мы видим лишь вершины больших гор и не замечаем кустарник и деревья на склонах этих гор. Так мы не усматриваем рукотворные дела простых людей. Мы зрим дворец, но не видим камни, из которых он сложен. Вот в чем загвоздка человеческого бытия, особенность русской натуры, ее психологии, которая ощущает лишь дальнее, но не желает видеть ближнее, то, что

рядом. Мы знаем о любви Ромео к Джульетте, но о миллионах человеческих душ, которые страдали гораздо глубже, и трагичнее сложилась у них судьба — никто о них не знает. В нашей же Кутузовке! Что о том говорить? Мы знаем о любви Татьяны Лариной к Евгению Онегине. Но Россия огромная, и всю ее не вместишь в душу одного человека, даже если это душа гениального человека. Что говорить? Наш двор с сараями, с высоченным тополем, раздваивающимся на середине своего роста, с темневшим в ветвях скворечником, с домиком под железной крышей казался мне огромным. Перед самым домом красовалась с высоко задранной в небо трубой из красного кирпича и самана летняя печка — летом в ней стапливали кизяк, коптился старинный казан еще времен хана Кучума — чаще всего в нем варился суп, который, казалось, должен был пахнуть кизяком. Но запах в нем ощущался несравненный, то был запах исключительный. То был запах жизни. Он всегда незабываем. Суп с лапшой или мучной затиркой — чаще всего. Быстро и сытно! Попробуйте! А полный казанок разварной картошки — это ни с чем несравнимый запах! Покушайте! Здесь же находился низенький столик, сколоченный из досок и покрытый какой-то изобретательно сотканной холстиной. Подле него на игрушечный табурет усаживалась мама — булькало в казанке, стеной оттуда валил пар и по всему двору расплывался изумительный запах приготовленного ужина, текли слюнки даже у Шарика. Особенно бурно начинал вертеться возле мамы самый маленький, братик Витя, усаживаясь к маме на колени и, замороженно глядя на валяющийся клубами пар, сладостно потягивался в предвкушении ужина. Я, конечно, тоже находился рядом.

Уже смеркалось. По улице нестройно шествовало сопровождаемое всезнающим пастухом Козьмой с посохом в старческих руках коровье стадо — с долгим многоголосым мычаньем. Каждая корова, однако тем не менее, с большим чувством собственного достоинства направлялась, как госпожа, к своему двору, догадываясь и зная, что ее ждут дома с нетерпением, как родную мать, как кормилицу, как ждут того, кто кормит семью. Ведь ждали ее — и дети, и телята, и ягнята, и щенята, и цыплята, и котята, и, пожалуй, даже сам дом под железной крышей ее ожидал. Затухающий малый огонь еще курчавился розовыми змейками в печурке и бледные блики плясали на исхудавшем заострившемся мамином лице, отражаясь на самом доньшке ее глубоких глаз, расширенных от усталости, в которых слово надежда тлел далеких фитилек жизни. Но вот как бы в продолжение моих мыслей призывно и длинно, с укором, что ее не встречают, протяжно промывчала наша однорогая Маруся, коровушка, сообщая о своем появлении. Придерживаясь рукой за натруженную за день поясницу, приволакивая левую ногу, зашепила отворять ворота мама, ибо со своим раздувшимся от поглощенной сочной травы животом наша Маруся бы в постоянно отворенную калитку не протиснулась. Из белого тугого ее вымени тонкой струйкой сочились при движении молочко, орошая землю. Ах, как облизывался маленький Витя! С каким подобострастием он стерег каждый мамин взгляд, переводя взгляд то на маму, то на коровушку Марусю, и плакал от счастья — что Маруся возвратилась целехонькая и невредимая, и в душе восторгался от неслыханной удачи, ибо был абсолютно уверен в том, что все его любили неслыханно. Отчего и жизнь казалась необыкновенной, замечательной — от любви! Как везло ему в столь тяжелой жизни! Коровушка Маруся не подвела и как прекрасно жить, когда Маруся, приподняв свой длинный хвост, исторгла под восторженным взглядом Вити целую кучу коровяков, по-своему трезво и деловито готовясь к дойке. Что и говорить, жизнь несказанно правильно распорядилась, создавая столь разумное существо, как коровушка, для человека — вот что читалось в хитреньких глазках братика. Он догадывался, что не стала бы мама отдавать лучшие куски со стола Маруси, не стала бы ее называть именем своей старшей дочери, привязывая как бы именем напрочь к судьбе своей семьи и не стала бы она с такой нежностью и ласковостью поглаживать по ее мордашке,

спине, поить кристальной водичкой из казенного колодца, кормить пшеничными отрубями, замешанными приправами каких-то трав, не стала бы мама недоедать, чтобы отнести свою еду Марусе, прикармливая нашу кормилицу и ведя с нею тем временем целыми часами беседы о трудностях собственной жизни. Мне пришлось в этой жизни возмужать, потому что так устроена жизнь не только для меня, но и для всего человечества, и даже для всей планеты, для всей Вселенной. Мне и хотелось быстрее подрасти, не как младшему Вите, которому постоянно желалось оставаться маленьким, ибо он мечтал постоянно находиться под крылышком мамы, рядом с коровушкой, с курами, цыплятами и гусятами, и утятами. Маленький братик пугался и дрожал от одной мысли, что что-то может измениться вокруг. Но меняется все вокруг, и это надо знать, но все, переменившись, будет повторяться с самого начала. И то надо знать, чтобы выдержать и перенести перемену: если земля наша есть начало всего в жизни, то это может означать одно: она может стать и ее концом. Не стоит углубляться в смысл сказанного, ибо так оно и есть...

Прошло еще несколько лет, и мама стала брать меня на косьбу выделенных нам под сено колхозом делянок. Самые старшие братья воевали, средние братья с утра уходили работать на победу — Ваня, Шурик, а мы с мамой приноровились подкашивать поляны, где росла лесная душистая травка, поднимался густой березовый молодой подлесок, папоротник, различное разнотравье. Мама любила такие поляны, на них росла густая, пахнущая земляничной ягодкой травка. А если мама любила, то значит, и коровка Маруся тем более любила. Мы приходили спозаранок в лесок, косили росную еще траву, а вечером возвратившийся с полей пораньше брат Шурка увозил уже подсохшее за жаркий день сено на старой скрипучей нашей телеге, в оглобли которой он запрягал норовистого бычка Мишку. Сено можно было косить и вечером. Но косить траву надо рано утром, таков у травки норы, что косить ее необходимо только утром и по росе. Перед восходом солнца травка любит свои превращения в сено. Вечер — время дойки, которую мама не доверяла никому, даже умной сестренке Надюшке, а уж что говорить там о самой старшей сестре Марии, удравшей без позволения мамы на фронт и возвратившейся оттуда после того, как железнодорожный состав, на котором она удирали на фронт, немцы разбомбили под Москвою и ее ранило в бедро. (Но медаль «За отвагу», как обещали в военкомате, так и не дали.) Бегство для Маруси нашей закончилось плохо, рана сильно болела. В сенокосные дни мы с мамой вставали раньше всех, мама еще раньше меня. Вселенная еще подремывала, как кот Васька на печи, расточая вокруг и по всей нашей планете томное урчание и скрипучие вздохи, которые источали поля, леса, и дома. Еще дрожала чистая, умытая росой, низкая над горизонтом огромная Венера, моргая и посылая мне свои приветствия сквозь опущенные мои ресницы: я спал на ходу. Мое сердце торопливо колотилось от холодного воздуха — в ожидании неминуемой радости, и мне казалось в тот момент, что я в мире один. Мама — словно в далеком пространстве, на вершине высокой горы, где обитают ангелы и сам Бог, а я один на дороге жизни. Сильно пахло росой и гнилой корочкой подгнившей березы. Косы еще с вечера наточил Шурка. Только он один мог справляться с этим. У Паламарчукового леса мы посидели на поляне чуть, поразмышляли о том и о сем, принялись за косьбу. Восток ронял на землю яркий свет зари в полнеба; тот свет проникал сквозь листву берез на нашу луговину и алчно алкал росу с листьев трав и деревьев. А, как было хорошо! Как ровно и красиво укладывался мой валок, как ловко и могуче махал я косой и как сладостно от радости случившегося рделось в груди. Сама травка клонилась мне под косу и говорила певучим голосом косы, звеневшей радостно и вольно: «вот я — вот я, вот я»! Утром вставать трудно, а косить легко. Низенький березнячок так и укладывался под косу, как бы догадываясь, кто его будет зимою, похрумкивая, поедать за милую душу — коровушка наша однорогая, Маруся! В этот раз я удачли-

вее обычного подкашивал молоденькие березки — что особенно мне нравилось, показывая тем самым маме свою взрослость и силу — семь лет, то немалый возраст для села. Мама, взмахивая косой, медленно двигалась впереди и чуть сбоку — это чтобы не мешать мне. Я в это утро чувствовал себя если не владыкой Вселенной, то настоящим мужчиной — точно. Упруго, легко, с некоей даже бравадой — вот как я могу косить, вот какой я замечательный косец-молодец, — и могу еще сильнее, еще быстрее, могу так, как никто не сможет. Коса моя так летала туда-сюда и снова туда, так и пела свою песнь победы и торжества. Когда на моем пути встретились низкорослые осинки, словно кустики, то я поднатужился пуще: косить осинки еще слаще! Я заметил, как из-под косы вылетела куропатка и, квохча, как наседка, припадая на крыло, — что от хитрости, конечно, трепеща крылышками, по-над самой землей полетела прочь и присела невдалеке, словно раненная. Куропатки всегда поступали подобным образом, сколько я помнил, желая отвлечь внимание от своего гнезда. Лисицу или собаку можно обмануть, но не меня же. Я оглянулся на куропатку как раз на очередном взмахе косы, уж больно интересно — далеко ли отлетела, и с особой легкостью потянулся косу на себя. Взяло любопытство. И в этот момент услышал, как вскрикнула мама. Что такое? Оказывается, я острым концом косы задел ее ногу. Она присела, как подкошенная березка; из ее страдальчески вмиг потухших глаз катились крупные слезы, какие бывают при сильной боли. Она зажала рану рукой, стянула с головы белую косынку и чтобы не потерять много крови, перетянула ногу повыше раны. У меня дрогнуло в сердце, но я, кажется, до конца не мог понять, как ужасен мой поступок. Во всем этом чудовищном действе был виноват один человек, который сохранил боль матери в своем сердце до конца жизни. Тем человеком был я.

— Беги, сыночек, домой, пусть Нюра возьмет сельповскую лошадь и приедет, мне одной не добрести, — проговорила онемевшими губами мама, сдерживаясь от рыданий. — Торопливее только, сыночек.

Ни упреков, ни лишних слов, только больной взгляд укоризненный. Укор не мне, а той самой жизни, которая так с нами обошлась. Я смотрел, как краснел на моих глазах от проступающей сквозь ткань крови платок и — побежал. Я даже подумал, что мама могла умереть. Смерти я не боялся ни своей и ни чужой, потому что не знал, что это такое. Но читал о «затухающих пространствах, называемых жизнью». Я боялся, что и с мамой может произойти тоже самое, а ведь она для меня та же планета, та же Вселенная, которая имеет права затухнуть навсегда. Но, слава Богу, что мы с сестренкой Нюрой, замужней, жившей отдельно от нас, перевезли маму на сельповской бричке домой. И после случившегося мама долго лечила ногу травами и мазями. И ни разу не упрекнула меня до конца своей жизни.

А весной, в апреле, лишь только-только сошел на открытых местах снег, случилось не менее ужасное событие. Хозяева коров стали выгонять своих кормилиц, чтобы они паслись на прогалинах, где стоял снег, на которых появилась только-только молоденькая травка, скорее всего то была прошлогодняя трава, которую с большим удовольствием пощипывали коровки. Конечно, под присмотром свободных людей, то есть детворы. Самое открытое место у нас в Кутузовке — перед кладбищем, тут солнцепек и место для игры в лапту самое подходящее. За кладбищем у сельчан был особенный уход. Кому-кому, а мертвым должно быть не стыдно за живых на этом свете — и могилки всегда ухоженные, цветы и березовые веточки, то постоянно на могилах летом. В нашей Кутузовке — особое почитание умерших. Из древности известно, что нравственность и мораль людей определяется их отношением к умершим. То всем известно. Если уважается память о людях умерших, то это означает, что уважаются законы и живут в такой стране приличные люди. Глубокая канава опоясывала наше кладбище, высокий деревянный забор — все говорила об уважении к мертвым. Я так увлекся игрой в лапту, играли мальчики и девочки, что и не заме-

тил, как наша Маруся угодила в глубокую канаву, опрокинувшись туда спиной вниз. Она, бедная-бедная, дергалась ногами и никак не могла встать, Несколько часов так продолжалось: я оглянусь, смотрю, коровы пасутся — то ли есть наша Маруся, то ли нет. Не мог же я представить, что Маруся тем временем, сверзившись, лежала в канаве на наледи. Только когда закончилась игра, в тот именно момент я обнаружил, что Маруси нет среди пасущихся коров. Прибежав домой, я убедился, что и дома ее нет, вот тогда кинулись на поиски мама, Шурик и все остальные, кто постарше был. Марусю обнаружил в канаве вездесущий Шурик. Она с трудом дышала и к вечеру умерла, хотя должна была вот-вот отелиться. Мама слегла, а мясо коровки решили засолить. Всем управлялся Шурка, как самый старший. Разрезав живот Мани, он обнаружил в чреве ее живехонького, здоровенького, молочного теленочка. И извлек на свет божий будущую коровушку Марусю.

После всего мама долго не вставала с постели. Но спустя время, стала подниматься и, придерживаясь за стены, стулья и, опираясь на палку, уходила в сарай и о чем и о чем-то там говорила сама с собой. Я долго чувствовал себя виновным. Мне постоянно хотелось после того случая плакать. Я был виноват перед мамой прежде всего, ибо чувствовал, что моя жизнь — ее боль. После таких мыслей очень хотелось умереть, чтобы не приносить ей неприятности. За один ее скорбный с затаенной болью взгляд я готов был исчезнуть с лица земли. Мир был несправедлив ко мне, я это знал. Мама все поняла и решила проблему по-мудрому.

— Вон видишь, сыночек, по улочке нашей бредет нищий старичок, нельзя обижать его, потому что то, может быть, бредет сам Христос и думает: а ну-ка кто тут у меня на самом деле хорош, добряк? А кто и плох? Всегда подай нищему, то ты подаешь самому Богу. И не злись на людей. Не от ума то. Даже самое страшное в жизни — тоже жизнь. — Она говорила, а сама смотрела на меня, на своих детей, на весь мир человеческий, клубком роящийся вокруг нее, своими приостановившимися глазами.

После того случая прошло несколько лет. Пронеслись десятилетия, рождались и умирали целые народы, велись большие и малые войны, как говорят локальные, но простые, незатейливые эти ее проникновенные слова для меня важнее и весомее тысячи прочитанных мною научных, заумных книг, не научивших человечество за две тысячи лет ничему хорошему, что осталось бы с человеком навсегда, на всю жизнь и хранилось бы им, как зеницу ока. Ибо высший смысл на земле для всяк сущего, видимо, в самом естественном, то есть простом: уважай в человеке самого себя, считай, что человек создан Богом по своему образу и подобию не случайно, а преднамеренно — для уважения самого себя в другом. Когда с войны вернулся больной, контуженный и весь хворый, с открывшейся раной на ноге отец, стелая и охая ежесекундно, и стал принаравливать к забытой за время войны старой жизни и часто заговаривал о судьбе нашего народа, которому жить стало невмоготу, то мама в ответ, не как обычно раньше, резонно возражала:

— Гляди, чтоб тебе жилось славно, ибо как тебе, так и народу. Не хуже и не лучше. Одинаково. Вон Лени-то нашего убили, а Дрюню-то держат в армии-то, знать то не случайно, воевать замыслил вождь-то наш. Ой, не случайно то все. Вон как народ в загоне держат, как скотинку какую. Пять лет для него-то мало! Охранять их, правителей, надо? Всех кутузовчан поубивало! (Я впервые услышал это словосочетание.)

— Кого их, Ефросиньюшка? Нас! — возмущался ничего не понимавший отец, но уж и постигавший смысл ее слов.

— Нас не надо, сами не без рук, а для себя нас они не жалеют, — не уступала мама, ранее всегда уступавшая отцу. — Голос безбожников на небе не услышат. Конечто им будет!

Отец, вернувшись с фронта, почти не покидал больницу, дома появлялся урыв-

ками, чтобы посмотреть на детей, поговорить с мамой, располагая к себе дочерей и сыновей рассказами о войне, о прошлой своей загадочной и таинственной жизни, намекая на высокое свое происхождение до революции, говоря как-то очень запросто о князьях Долгоруких, о прочем и всяком таком разном. Он был не так уж и стар, хотя у него катастрофически выпадали волосы. Но молодые руки, как ни странно, выдавали его молодость, да еще большие жалостливые голубые глаза говорили за него о том, что жить ему осталось совсем немного. И о том отец знал наверняка. Не по этой ли причине он постоянно искал смысл своей прожитой жизни? И не находил. Он видел смысл в нас, но этого ему казалось мало. Он уже просчитывал: а как она, его любимая Ефросиньюшка, будет после его смерти, когда он отправится в мир иной, вести семью? На работу он пошел председателем Дубровского сельского совета. И многим помог. И работать пошел, кажется, исключительно ради одного — помогать другим. Отец проработал несколько лет. Это он привил у меня любовь к чтению книг. Это мой отец привозил в бумажных мешках книги для нашей Кутузовской библиотеки из Шербакуля! Я эти книги читал дни и ночи напролет. Он меня научил в восемь лет знать все столицы всех стран мира. Он мечтал видеть меня дипломатом. И я некоторое время стремился к этому. Но вскоре у него открылся туберкулез, и он наотрез отказался возвращаться в очередной раз в больницу, чтобы умереть дома. И целыми днями и ночами, не смыкая глаз, лежал на теплой печи, наблюдая за своими детьми, прежде всего с грустью ловя мои взгляды, может быть, по той причине, что он любил меня больше всех, ибо я был единственный из десяти его детей, кто повторил его физический облик полностью, был создан по образу и подобию его. Он, конечно, любил всех нас, маму, сыновей своих и дочерей, всякую животину, дом наш и тополь, и только горько ему было от осознания, что его, ушедшего на фронт, выбрасывают на свалку жизни. Он не нужен никому, кроме домашних. Жизнь его была нужна, а теперь, когда она кончается, он никому не нужен. Ему предлагается мир иной, мир ушедших...

Умер отец летом сорок девятого, в самом начале, когда жить после зимы стало так весело, свободно и легко. Так широко и радостно дышалось на прямом воздухе, нежном, зеленоватом среди пахучей зелени. Рай! И среди Рая на земле нас посетила смерть. И взяла душу отца. Не берусь судить, но, пожалуй, самую нежную из всех. Мама рыдала. Она знала, что наступают в человеческой жизни минуты, когда смерть — лучшее, что могла придумать жизнь. Она не плакала. Она тоненько подвывала, оплакивая смерть мужа и свою с ним жизнь. Его, которого любила. Я неожиданно открыл для себя, что мама безнадежно постарела. Она — старая. Перед последним вздохом отец все-таки, несмотря на уговоры матери, сполз с печи и плюхнулся в ноги матери, проговорив: «Прости меня, Ефросиньюшка! За все горе человеческое меня прости!» Это были его последние слова на этом свете. На свете, который так любили мы, дети его, которых он тоже любил бесконечно.

Черный платок подчеркивал сухость и старость ее лица. Медные пятаки на огромных красивых некогда глазах отца, ныне прикрытых навсегда, бросались своей странностью, рождая в душе жутковатой ощущение присутствие в доме иного мира. И мне стало больно, и я тоненько, нудно и надрывно зарыдал, пытаюсь погасить свою боль по утере навсегда любимого отца. Особенно меня поразило то простое обстоятельство — на улице вовсю светило яркое, истекающее жарой, солнце, с особенной неистовостью напевали скворцы, зяблики, надсадно кричала в недалекой рощице иволга, драчливо сустились воробьи, трещали сороки, словно перед дождем взволнованно кукарекал наш петух Петька, нет — и не верилось, что у нас в доме поселилась смерть, что умер отец, глава нашего небольшого государства на планете Земля. Я прислушался — жалобно поскуливал Шарик. Как подобное могло иметь место в жизни? Но наступает время и день у каждого земного человека, когда часы, дни, го-

ды и века не имеют временного отличия, наоборот, дальше видится лучше, ярче, ближе. Это не обман зрения. То состояние человека. Не случайно природой обозначен эффект дальнореккости у человека. Таким же эффектом дальнореккости снабдила природа и нашу память. Недаром человек не имеет возможности ничего не помнить до конца своей жизни. В равной степени можно ведь помнить через сто лет и через тысячу так же ярко, как помнишь вчерашнее: вот прошло пятьдесят лет, а я помню, словно случилось то вчера, как рассек брошенным камнем брату Вани мизинец на правой руке и как кинулся убежать от него, боясь мести. Все помнится. После смерти отца мама будто тише стала ходить по земле — словно от тяжести груза ответственности, взваленной на ее плечи перед памятью мужа за детей, за погибшего сына, за неясное и неопределенное будущее. Что мог заработать ребенок, который с утра и до вечера пропадал на колхозном поле, пропалывая пшеницу, — десять граммов пшеницы на трудодень! Мы, семи-восемилетние ребята с утра уходили на прополку пшеницы, полагая, что идем на заработки. А получали — пшик! Надеяться приходилось лишь на свой огород. Кончилась война, но не простое опустилось на нас время. Старший брат Андрей все еще находился в армии, его жизнью распоряжались правители, как хотели, а Алексей погиб, а раз погиб, то память о нем ведь никому не нужна. Она нужна только родным. Брата Николая забрали служить, на подходе для службы в армии находился Шурик. Одним словом, страна решала свои проблемы за счет нашей семьи, ставя на кон жизнь моих братьев. Главная надежда у нас одна — мама. Помощи ждать было неоткуда, хотя мама имела орден «Мать — героиня», которым награждали за рождение десятерых детей. Нам даже пособие за убитого брата Алексея, строя уловки, сколько мама ни билась, не выдавали. Лишь порою природа сочувствовала нам — преподносила замечательный урожай на нашем собственном огороде, который вдохнул прямо новую жизнь в сникшую душу нашей мамы: картофель уродился! Этой осенью мы собрали сто мешков! Такая крупная, рассыпчатая, пахучая и просто замечательная картошка рождается только в Сибири и лишь в селе Кутузовка, что находится в Омской области. Не верится, что еще где-то в другом месте могла уродиться картофелина весом в восемьсот пятьдесят граммов. Я бегал по селу с этой необыкновенной радостной вестью, показывая ее сельчанам, говоря, что это не картофель, а самое настоящее чудо! Директор нашей школы Безуглов, увидев меня с картофелиной, хмыкнув при этом, сказал, что только французы могут выращивать такой крупный картофель, потому что у них климат хороший. Теперь зима нам была не страшна! Ура! Мы были окрылены, имея в погребах сто мешков картофеля. Да какого! Надежда придает человеку нечто окрыляющее.

А следующим летом одна приятная весть следовала за другой. Первая — неожиданно и безо всякого предупреждения демобилизовался старший брат Андрей, наш Дрюня. Высокий, весь какой-то большой, загорелый и красивый, в кителе, при орденах и медалях, в трофейных хромовых сапогах, зеркалами поблескивающих на солнце; в его лице имелось нечто такое — что бывает у солдат. Надежность — вот что это такое. Это была последняя радость отца — возвращение сына! Где отец достал старинную бричку, которую у нас называли трашпанкой, чтобы привезти со станции Марьяновка брата Андрея домой? Мы с ребятами торопились на котлован купаться, и нам на встречу попала эта самая трашпанка. Больной отец сидел гордо и вдохновенно: он вез сына-победителя домой! Как сияло лицо у отца! Это невозможно забыть. Сколько было в его глазах гордого блеска! Я носился по селу и кричал своим друзьям и врагам, что вернулся наконец-то из армии самый сильный человек на селе, который своими руками поймал немецкого Гитлера, мой брат Андрей, герой Отечественной войны, что у него вообще сто орденов. Я, конечно, сильно преувеличивал, но так хотелось, чтобы это была правда. К нам в это лето со всех сторон валило счастье, потому что через месяц на побывку из армии для встречи с Дрюней, ко-

торого он не видел восемь лет, прибыл из армии брат Николай. Радость переклестывала через край, и мы на какое-то время стали самой счастливой семьей в Кутузовке. Я просто не имел права пропустить такое событие мимо себя. Я даже стал спать плохо от возбуждения, разумеется, и как-то однажды ночью проснулся, вышел во двор и вижу: там, где у нас находилась баня — свет! В окошке. Я с осторожностью прокрался на свет и вижу: в бане за столиком сидит брат Андрей, а напротив на стульчике, подавшись вперед грудью, всматриваясь в лицо старшего, примостился Николай и держит в руках... Никто не сможет отгадать, что я увидел в руках его — пистолет. Самый настоящий! Я никогда не видел в жизни пистолет, но понял, что это именно пистолет. У меня сердце дрогнуло от радости. Ах, какой молодец братец Дрюня, не забыл, возвращаясь из Германии, о главном — о пистолете. Ну, как можно военному человеку жить без пистолета в родном селе? Дрюня непрерывно рассказывал о приключениях на фронте, о том, что выжить на фронте умному человеку — раз плюнуть! Главное — не зевать и быть внимательным, стрелять первым. Особенно это важно в разведке. И второе правило выживания — это все, что ни горит, накрывать телогрейкой или шинелью — чтобы потухло. На следующее утро старшие братья отправились в лес пострелять якобы из ружья и отказались взять меня с собой. Но я-то знал, что они идут пострелять из пистолета. И Ваня хотел отправиться с ними, и Витя. Никого не взяли старшие братья. А через неделю у нас в доме появились милиционеры с обыском: кто-то донес, что приехавший брат Андрей привез с собою пистолет, за что полагалось два года тюрьмы. Два милиционера осмотрели весь дом, порылись для порядка в сундуке. Милиционеры и чекисты ушли несолоно хлебавши. Я потом долго гадал: видел ли на самом деле пистолет или мне померещилось?

— С обыском у нас многие бывали, то красные искали у нас что-то, то белые приезжали за фамильным золотишком, думали, что у батки его целые большие горы, и он его носит с собой в кармане, вот теперь большевички забеспокоились, окрепли, защитили их от немцев-то, восемь лет воевал, дома не был, а теперь ему пистолет не доверяют даже, — с горьким упреком говорила мама за столом во время обеда. — Что одни, что другие, все против человека, только за себя. Ездить на людях — ох сладко как! Человек все может, царя убить, церковь разграбить, как у нас советы сделали. Ваш батка все отдал в колхоз, когда его организовывали. Восемнадцать дойных коров, тридцать пять лошадей и семнадцать бычков, а кур одних, то за тыщу перевалит, считать перестали, триста пятнадцать уток и гусей, и индюков, все своим горбом нажитое. Одиннадцать топоров имелось — остался один, остальное отдал он. За что его назначили председателем колхоза, первым на селе.

— Мам, а где вы познакомились с папой? — спросила нетерпеливая Надя.

— Где, где... погоди, Надя. Появляются тут уполномоченные огэпзушники, чекисты и при оружии и сразу к отцу: «Вот что, Никонор Алексеевич, — сказали, — мы все про тебя знаем, что на богатой крестьянке женился, отец ее по Столыпину здесь землю получил, разбогател и твои письма в Москву читали. Перехватывали, больно грамотные они у тебя. Не белая ли косточка у тебя? Мы не спрашиваем обычно — мы сразу стреляем. Что все сдал до последнего, то советская власть учтет и зачтет в плюс тебе. Что и топор один оставил — знаем про то. Ты первый сдал весь скот. Сознательный, выходит. В Кутузовке открываем колхоз. Ты будешь председателем. Если твой ответ будет отрицательный, наш ответ будет один: Наган Иванович скажет свое слово! Понял? Мы тебе вернем одну овцу, одну телку, новая Советская власть добрая». Вот так ваш батка стал председателем колхоза. Он не хотел, его заставили, потому что уже вас было шестеро. Они могли нас сослать, и вы бы все погибли там. От любви к вам. А свидетельство за лучший урожай в тридцать седьмом-восьмом годах на ВДНХ за № 98795 — как участник Всесоюзной сельско-хозяйственной выставки и занесен в Почетную книгу в Москве в 1939 году кто получил? Отец ваш!

Честнее его никто не работал. А пшеницу кто развозил по дворам для всех? Такого урожая не было в Кутузовке более. Никогда! Некуда было девать зерно, завалили им все сараюшки, все дворы, все чердаки. Да, было время!

Все старшие братья принялись вспоминать отца.

— Вот в сороковом,— продолжил Николай,— папа сказал мне и Ленке, что, мол, будете приносить воду для питья из колодца дедушки Петра. А мы поленились. Приходит в двенадцать ночи. Правление там было колхоза. Фросенька, говорит, дай водицы испить. Мама дает воду из нашего колодца, а наша — соленая. Папа и говорит: буди Колю и Леню, пусть принесут воды попить, как договорились. Мама: ой, поздно, ой, волки, ночь и все такое. Нет, отец был очень справедлив, настолько, насколько был честный. Ты погляди, мам, на всех на нас, вот Вова — вылитый папа. А вот разрез глаза у всех у нас и цвет — твои глаза твои, даже у Вовы. Выходит, что на человеческий мир мы смотрим твоими глазами.— Все сидевшие за столом посмотрели друг на друга, ощущая между собою полное сродство.

* * *

Я и не заметил, как быстро пролетело лето, наступила осень, а вскоре выпал первый снежок, а в школе мы учили стихи Пушкина о зиме: «Пришла зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...» Я сижу дома, гляжу в окно, падает снежок, вон по первопутку мчит Ваня Безродный, лучший друг моего брата Ивана, самый честный человек на свете, как говорил брат. А наши соседи Леонтьевы уж всюю катаются с горок. Мама принялась вязать рукавицы, носки — все для нас. Шурка часто уходил на охоту, ставил в лесу на тропках самодельные петли — на куропаток. В сарае чисто, уютно, вся животиная занята своим непосредственным делом — хрумкает сено. В этот день мама с утра накормила скотинку, помогал ей Шурка. А после присела подле окна вязать, выбирая то окно, из которого можно было одновременно наблюдать за двором, улицей, за нами, за животиной, за всем сельским миром. Я, вернувшийся из школы раньше всех, поел, приготовил уроки за пять минут, тяжело вздохнул, потому что делать больше было нечего. Собрался было отправиться на улицу, поиграть в снежки с Леонтьевыми (так мы звали соседей, которые имели фамилию — Ротарь), но тут, как на беду, мое внимание привлекла полочка в углу, сбоку от входной двери в горницу, где хранились охотничьи запасы пороха и дрови. Там было много интересного. Я тут же поставил под нее табуретку, встал на нее, мгновенно припоминая слова брата Андрея о том, что главное — ничего не бояться. Мама вязала, глядя в окно, склонившись вперед и положив ногу на ногу, было тихо и хорошо; сердце мое билось ровно, ритмично, как бился пульс Вселенной. Я протянул руки и подумал: «Как же так, стоит на полке черная бутылка из толстого стекла и ею никто не интересуется? А ну, как мы ее сейчас же...» — так часто поговаривал Шурка наш, берясь за какое-нибудь дело. Я решил проверить совета бывалого брата-фронтовика, нашарил тут же коробок со спичками, в мгновение чиркнул и опустил вспыхнувшую спичку в горлышко бутылки с порохом. Меня словно кто подначивал: мол, подожги порох, сделай так, как учил тебя старший брат. В начале так и было — задымил в бутылке, я некоторое время подождал, оглянувшись на маму, которая сосредоточенно вязала, разглядывая петли. Когда из горлышка потянулся дымок, я вновь вспомнил советы брата-фронтовика о том, что все, что ни будет гореть, надо только прикрыть чем-нибудь — и тут же прикрыл горлышко ладошкой. В тот же миг грохнуло с такой силой, с огнем и дымом, что меня со страшной силой бросило об пол, а окно, возле которого сидела мама, вылетело с треском на улицу, на мне вмиг вспыхнула пламенем одежда, волосы, обгорели руки, в грудь и лицо впились сотни мелких осколков бутылочного стекла. Я страшно испугался. Закричал от боли и ужаса нечеловеческим голосом: «Мама! Мамочка!», подсознательно понимая, что меня

спасти от смерти может лишь один человек на земном шаре — моя мама. Я бросился спастись на улицу. В мозгу молнией, как свет падающей звезды, мелькнула, утопая в боли от случившегося, мыслишка, что в только что выпавшем, еще пушистом, перво-зданно белом снегу, если в него закопаться, все случившееся пройдет — боль, слепота, ожоги. Мама меня догнала в полутемном коридорчике, пристроенном для сохранения тепла в доме зимой. В коридорчике стоял большой эмалированный дореволюционный чан с холодной водой. Вот в этот чан мама и окунула меня, обьятого пламенем, ничего не видящего и не слышащего, жалобно поскуливающего, с головой, затем принесла в дом на руках, водрузила на стол, внимательно осмотрела и опустила в запечье. Положение мое оказалось настолько безнадежным и чудовищным, что через некоторое время появившийся наш фельдшер Переверзев, покачав сокрушенно в недоумении своей маленькой головкой, тяжело изрек, что необходимо немедленно и сейчас же срочно везти в районный центр Шербакуль, который находился от нашего села километров за двадцать. Я ничего не желал и не хотел, ничего не помнил, только дрожал, стуча зубами от боли и холода, дикого озноба и мысли, что случилось то — хуже не бывает. Я еще до конца не осознал случившееся, как щенок, лишь повизгивал, пытаюсь инстинктивно заглушить боль. У меня полностью обгорело лицо, черные обугленные руки я держал перед собою, боясь ими дотронуться до чего-нибудь, ибо их тут же пронзала чудовищная боль; множество стеклянных осколков впились мне в грудь, лицо и руки. Невозможно рассказывать об этом, ибо в тот момент я себе не принадлежал, боль покорила меня всего.

— Если его везти в больницу за двадцать километров, умрет на холоде, — проговорила фельдшеру мама и закусила нижнюю губу. — Нет. Может, вы чем-то поможете?

— То, что я предлагаю — единственно правильное решение, другого нет и быть не может. Пока обвяжите марлей, тряпкой, бинтами, чтобы сукровицу впитывало — это обгоревшие части тела, — наставительно произнес Переверзев ржавым от постоянного употребления медицинского спирта голосом и укоризненно отправился вон.

Я был так ужасен и страшен, находясь в забытии, что вернувшаяся из школы сестра Надя с опаской посмотрела на меня в большое зеркало, которое висело таким образом на стене, что, поглядев в него, можно было видеть, что делается в запечье. Увидев мое черное обгоревшее лицо, она испугалась, вскрикнув, и спряталась в соседней комнате: она была уверена, что я уже умер и нахожусь на том свете.

Мама тут же принялась за задуманное, потеряв надежду на фельдшера. Она не доверяла больницам, предполагая, что за чужими людьми и ходить будут, как за чужими. Она верила только в свои силы. В больницу мама решила меня не везти. Тут же не откладывая, прирезала самого жирного гуся Василия, растопила гусиный жир и этим же вечером принялась нежнейшим гусиным перышком смазывать растопленным жиром лицо, руки, грудь, то есть обгоревшие части тела. День за днем мама сидела напротив и потихоньку дула мне на лицо, унимая тем самым боль. Она никому не доверяла такое серьезное дело, зная, что никто не верил в мое выздоровление, что я выживу, кроме нее. Только ее вера в себя, в справедливость, которая несмотря ни на что, все же существует, там, в небесах, где должны услышать слова правды и справедливости: ребенок ни в чем не виноват! Она убеждала меня, себя и всех в том, что бывает ведь и похуже в жизни. Мама рассказывала мне, что в свое время, когда была маленькой, тоже обварила кипятком свои руки и ее мама, моя бабушка, вылечила ее вот так же гусиным салом. Убедив меня, что больно не будет, она пинцетом вытаскивала из моего тела осколки и, не обратив внимание на кошунственные слова фельдшера, что пацан, мол, все равно на девяносто девять процентов не выживет, принялась поднимать меня на ноги. Ею руководила судьба, если хотите интуиция, если быть точным. Мама верила, надеялась, стремилась; ею правили планетные силы добра и света, неподвластное уму таинство любви к своему мужу, если хотите. Она

не спала ночами, отбросив все бинты, смазывала ожоги каждые два часа круглые сутки. Но ведь она вела немалую нашу семью еще ко всему; в печи постоянно теплился огонь, подогревающий гусиный жир. И через десять дней я открыл глаза. И первое кого увидел — мама! Моя мамочка! Она сидела рядышком с задумчиво склоненным надо мною лицом. И столько в ее лице обозначилось полной и пронзительной веры в мою жизнь, в мое выздоровление, в то, что я именно обязательно поднимусь на ноги, одним словом воскресну вопреки всем предсказаниям — и я это почувствовал так сильно, что слезы сами собой полились из моих глаз. То были слезы верующего в победу жизни над смертью. Мама была единственным человеком, которая верила в мое выздоровление и — победила ее вера.

Через три недели появившийся просто ради любопытства старый, много повидавший фельдшер Переверзев (что-то не слышать о похоронах заживо сгоревшего мальчика!) и никак не могущий дожидаться этих самых похорон, которые подтвердили бы его самонадеянные и точные выводы, увидев меня сидевшим за столом с абсолютно бело-молочным чистым и без единой царапинки личиком новорожденного, не поверил самому себе, что я и есть тот самый пацан, который по всем его точным предсказаниям имел права и должен был отправиться на тот свет.

Я радовался вновь обретенной жизни, которая оказалась еще лучше и интереснее, нежели до несчастного случая. Нет, судьба благоволила ко мне; ее ведь не обманешь и — нет худа без добра. Как я полюбил вместе с мамой заниматься нашим хозяйством, оказывается, и в кормлении гусей, кур и теленка много прелестей, о которых дети и не догадываются до особого случая, как вот со мной. Я заново смотрел на моих знакомых ягнят, поросят, которых я любил, ну как своих братьев меньших, как несмышленишек. Как я полюбил, как запомнился мне зимой запах сена, запах навоза, запах самой жизни в сарае! А в школу, нашу милую школу, ходить после столь длительного перерыва — одно удовольствие, потому что меня, как мальчика, заново родившегося и вернувшегося с того света, рассматривали внимательно все, словно пытаюсь понять, а на самом ли деле я живой, тот самый, прежний, тот самый Вова. Даже учителя внимательнее обычного глядели на меня, на мою чистую, белую, как неснятое молочко, мордашку, без единой царапинки, без единого уродливого пятнышка от ожога. Мои недавние несчастья приносили мне известность, внимание и даже благосклонность учителей, потому что я стал получать за ответ на вопрос, за который раньше мог рассчитывать в своем ответе в лучшем случае — четыре, сейчас стал получать без натяжки — пять. Красавица-отличница Зинка Брябина смотрела на меня удивленно и с нежностью. Я сам себе стал больше нравиться — выросли длинные ресницы, чему очень завидовала наша красавица Надюша, брови отросли и лицо словно поумнело и стало взрослым. Это самое главное. Как я радовался всему: мир для меня стал лучше, изумительнее, красивее. Мне в душе казалось, что своей трагической болезнью я поверг в прах всех своих врагов — так было сладостно. Размышляя о жизни, я пришел к потрясающей мысли — что пока на земле живет и здравствует моя мама, а она на радость людям в мире должна жить вечно, то в мире и во Вселенной все будет прекраснее.

* * *

—Так, Вова, и жизнь можно потерять,— сказала как-то назидательно мне учительница Мария Федосеевна, не развивая свои мысли и глядя строго, и ласково на меня.

— Главное — чтоб честь не потерять,— ответил я ей словами мамы, ничуть не задумываясь над сказанным.— А уж все остальное как-нибудь обойдется, Марья Федосеевна. Без всего жить можно, а вот без чести невозможно. Ни сегодня, ни завтра, ни через сто лет.

Нельзя согласиться с утверждением, что жизнь — это наваждение, потому что наваждение предполагает нечто ирреальное. У нас же все реальное, осязаемое — дом под железной крышей, тополь перед домом выглядывает на нашу длинную сельскую улицу, в скворечнике живут скворцы, в сараюшках — живность, а за домом — смородиновые кусты, яблоньки. Какое уж там наваждение? Разве что наоборот. Разве то, что вокруг и то, что стало, не имеет своего отношения к жизни? Жизнь — что вокруг нас. А все вокруг — это прежде всего наш дом, который стал не просто моей колыбелью в этом мире людском, в моей Вселенной, но это еще и дом, в котором не только я родился, но еще и дом, где мама спасла мне жизнь — здесь мои братья, сестры, средоточие моих печалей и радостей. Но жизнь все расставляет по свои местам, как человек расставляет фишки на доске. В каких-то местах в жизни звучит музыка в сильных регистрах, а в каких-то ниспадает, снисходя на нет, а то и совсем пропадает. Так и жизнь наша: порою звучит в торжественных и мощных аккордах, но наступает время и волна ее, как вода в источнике, иссякает. Разве можно было предположить, ведь ничто то не предвещало, что мой старший братишка, богатырь, такой крупный в кости, могучий в свои пятнадцать лет и основательный, вдруг занеможет от голода. В последние годы после смерти отца наше житие — бытие со смертью, несмотря на временные взлеты, основательно изменилось. Время торопилось, унося с собою и хорошее и плохое. И мы оскудели довольно быстро, так как старшие братья разъехались. Андрей сказал, что по самое горло сыт своим крепостным положением, и вместе с женой Раей и народившимся сыночком Толей уехал работать в город Зыряновск, что в казахстанских горах, прихватив с собой обрадованного этому Шурика, а Николай отправился дослуживать и собирался после службы к Андрею. Правда, он демобилизовался и уехал на казахстанский урановый рудник Курдай. Старшая сестра Мария вышла замуж и уехала жить к мужу в соседнюю деревню Ком-Бие. Приемная дочь наших родителей Мария поступила учиться в ФЗО в Омск, который находился от Кутузовки ровно за сто двадцать километров. Оттуда она писала отчаянно радостные письма, приглашая последовать ее примеру нашу Надюшу. Надя несколько раз о том заводила разговор, но мама ее не отпускала. Все бы ничего, но в одну из весен в нашем доме появился самый настоящий, как определила мама, Дьявол с большой буквы, — уполномоченный вместе с понятыми (черти!) и участковым милиционером из райцентра Шербакуль, целый день они описывали наше имущество «за недоимки», пили чай, подсчитывали кур и цыплят, голубей и голубят, яблони и кусты смородины и в конце концов под вечер, так как брать за недоимки было практически нечего, забрали с собой нашу коровушку Марусю, ту самую, которую из чрева Маруси вынул теленочком еще молочным братишка Шурка. Мы с мамой ревели в рев, но Дьявол и черти были неумолимы, проводя с нами одновременно политинформацию о том, что налогом надо кормить Москву, большие города, укреплять обороноспособность против зверских американских империалистов, желавших развязать новую мировую войну и в результате, выходило по его речам, что наша семья подрывает силу нашего могучего и непобедимого Советского Союза, а за подобное полагается ссылка, ибо на такое способны только и исключительно враги народа. Дьявол говорил, а черти молча поддакивали, кивая головами своими пустыми. Мы с мамой ничего не понимали, плакали, ревели за печкой Надюша, пытался сопротивляться этому произволу и грабежу Ваня, но его грубо оттолкнули от коровки так, что он упал и сильно ударился грудью. Но потом поднялся и сопровождаемый Витей долго бежал вслед за Дьяволом и чертями, которые уводили коровушку нашу Марусю. Ваня подбежал к милиционеру и закричал страшным, истеричным голосом, который был слышен на другом конце села:

— На, возьми лучше меня! Нам же есть больше нечего, мы все умрем! Возьми вместо нее лучше меня!

— Ну, и умирай! Только умирать это дело личное каждого! Подыхай, а страну спасай! Понял!— вскричал злобным голосом своим милиционер и так оттолкнул брата, что тот упал и долго не мог встать.

Но чужое горе,— то часто бывает у наших русских людей, что своя радость. Так устроен наш человек. И я то понял с детства, и надо иметь сердце нашей мамы, чтобы чужое горе воспринимать — как свое собственное. Но подобное для обыкновенного человека невозможно, ибо он полагает, что если с другим случилось горе, то сие может означать, что ОНО обошло его стороной, не понимая, как говаривала мама, что чужое горе — мое горе прежде, ибо вернется к тебе удвоенным. Мама мыслит, чувствует, делает — все для ближнего. Так было сказано в запрещенной книге Библии, но тщательно хранимой мамой до конца своей жизни, запрещенную, но ни разу почему-то не конфискованную уполномоченными. Представляете себе нашу маму с ее душой после того, как нашу Марусю увел Дьявол с чертями, охраняемые милиционером? Весь день она сидела обреченно на пороге сарая, где до этого жила наша Маруся, выставив под длинной, сто раз стираной, юбкой свои исхудавшие коленки, обхватив их прозрачными, высохшими от непрерывной работы руками. Ее не покидали грустные мысли о происшедшем. В одночасье изменилась наша жизнь, которая вертелось вокруг коровушки Марусе, как планета Земля вертится вокруг солнца. Каждого человека, отправлявшегося в далекий и недоступный для нас Шербакуль, мы просили узнать что-нибудь о нашей Маруси, о том, чтобы вернули нам нашу кормилицу, ибо мы готовы жизнь нашу положить за нее. За ней, дававшей при хорошем уходе ведро молока, должен быть особый уход, ею стоило бы людям гордиться, стоило бы холить и лелеять, кормить лучшим со стола, как-то поступала, отдавая ей свою часть еды, мама.

Трудно было перенести случившееся горе, когда мы узнали от заведующего магазином Кравецкого о том, что коровушку Марусю, нашу славную кормилицу, извлеченную из чрева погибшей в кладбищенской канаве ее родительнице Маруси, забили жестоко на скотобойне на мясо, а мясо отправили продавать в магазины райпищеторга. То было ужасное и безжалостное сообщение. Мы оплакивали горе всей семьей, но были бессильны. Мама ночью при зажженной свече сидела у стола и безумно шептала какие-то слова — как после получения похоронки на гибель сына Алексея. Я грозился сквозь плач добраться до Шербакуля и разнести его в клочья, убить уполномоченного и прочее. Через какое-то время страсть ненависти спала, и на трезвую голову мы убедились, пораскинув умишком, что нам грозит — голод. Ни меньше и ни больше. Несколько оставшихся кур и уток — оставленных на развод, были съедены довольно быстро, голодное весеннее пространство мы не одолеем. У нас осталось три курицы, затем один петух, который тоже вскоре попал под нож. Жизнь наша после коровушки Маруси переменялась основательно, маме приходилось экономить даже на гнилой картошке, чтобы хоть кое-что оставить на семена.

Вы не знаете, как плохо жить без отца и без старших братьев? Ведь и уполномоченные с понятыми и участковым на реквизицию скота чаще всего приходят в семьи, в которых одни женщины и малолетние дети. Сила боится силы. Они боятся сильных мужских рук. Мы росли в голоде, но гордые. Тем не менее в нашей жизни после периода с коровушкой Марусей наметился новый период. Мы отправились в путь по жизни по иной тропке, на которой уже не встречали нашу кормилицу, которая держала всю нашу семью в пределах главной нашей крепости — нашего дома. Иногда приезжала из Омска приемная Мария и привозила нам халвы, которую мы очень любили, одаривала печеньем, карамелью, а Надю то одним фартуком, то другим. И становилось веселее на душе. Приемная Мария, как мы ее звали, потому что у нас кругом одним Марии и Маруси, так вот она рассказывала о счастливой городской замечательной жизни, наполненной концертами, встречами со студентами, с передовика-

ми производства. Но каждый раз перед отъездом обратно в Омск, она заливалась слезами, обнимая и целуя маму и Надю, говорила сквозь слезы, называя их родненькими, ради которых она жизнь свою готова отдать. Мама потом говаривала: «Говорили, что, мол, знать, вреднющая, добра не будет помнить, а гляди, добрее не бывает. Как она, родимочка, скучает по нам-то, не забывает. Даром, что не наша. Помню, когда мне было пять лет, мы жили в городе Николаеве, так там были погромы. Прибежал, помню, к нам хозяин магазинчика. Абрамчик: «Спасите! Убьют! Век не забуду!» Дед ваш Петр Захарович Стоянов, который дал имя Кутузовке — по месту, где громил турок полководец Кутузов, прятал. Спрятали мы Абрамчика, не выдали. Пожалели. Да, всю жизнь мы их спасали, а вот они нашего бедного царя Николая Второго не пожалели, убили. Вот вся наша жизнь. Но от этого только им хуже будет. Люди-то ни при чем. Жалеть надо. Главное, что в жизни: жалость. Не жалость бы, так людей уж не было б».

В середине мая мы уже ели только голую лебеду, ну и опилками пробавлялись. Да брат Николай присылал из армии из города Чкалова свои «сержантские денежки». В такие праздничные дни к нам возвращалась уверенность во все хорошее, прибывала сила. На сытый желудок верилось, как говаривал учитель истории, верилось, что мы люди для будущего. Именно — люди для будущего, то есть, мы — это почва, на которой взрастут будущие поколения людей, неизвестных, правда, нам. Что это будет за племя младое и нам незнакомое? Никто не знал. Но ох! как не хотелось быть почвой или навозом для кого-то. Но голодали не только мы, через наше село в пятидесятих годах шли непрерывной вереницей, текли чередой голодные, сырые и убогие — это только материал, видимо, почва для будущих поколений. Страна отбирала у наших людей не только их скот за недоимки, но отнимала и право на жизнь, ибо ей надо было кормить огромные города — Москву, Ленинград, Киев. Огромные города, словно хищники, пожирали наши осиротевшие сибирские села, как какие-нибудь динозавры заглатывали свои жертвы, то есть не пережевывая. И что там наша Кутузовка? Песчинка. Ну, вымрет она, и что изменится в яростной борьбе за власть одних прожорливых над другими, не менее прожорливыми? Незаметная смерть, не больше. Погибали же целые галактики, Вселенные, выстраданные сотнями тысяч лет целые космические системы, на которых, возможно, проживали миллиарды и миллиарды живых существ, выстраивались цивилизации. Вождь всех времен и народов казался из наших глубинок сильнее всех и умнее всех. Он ориентировался на самые высокие горные вершины. И что ему деревья или кустарники на склонах гор?

Теперь в нашем доме самым взрослым являлся Иван, наш Ваня, он был старше меня на два года. Он так старался в это голодное время жить для всех, что его сильное пятнадцатилетнее сердце дало сбой, не выдержало. Он ослаб, стараясь последние кусочки отдавать братьям поменьше. Осенью пятьдесят первого года мы собрали совсем небольшой урожай картофеля на огороде, на что мама взирала с тоской и горечью, понимая, что это такое перед грядущей зимой, урожая могло не хватить до конца зимы. Ваня старался, как мог, но голодный желудок в самое, казалось бы хлебное время года — плохое подспорье для здоровья. Он однажды пожаловался маме, то было в декабре, что у него так сильно и часто бьется сердце, что он просто ночью задыхается. И мама, испугавшись худшего и рассудив здраво, вопреки своему инстинкту никому не доверять, кроме как своему наитию, решила, что в больнице Ване будет лучше — кормят бесплатно, тепло и спокойно. Она еще в тот раз приняла не окончательное решение, но как нарочно подвернулась попутка до Шербакуля и прямо до больницы могла довести. Махнув рукой на внутреннее сопротивление души, она отвезла сына в Шербакуль. Надя, которая каждую неделю ездила к Ване в больницу навестить брата, и куда нас с Витей не отпускала мама, однажды рассказывала со слезами на глазах, что у Вани нашли дистрофию от постоянного и систематиче-

ского недоедания, а лечить стали от сердца, чтобы опробовать на его сердце новое лекарство «пеницилин», который так необходим многим миллионов больных людей нашей страны. Она маме шептала, что Ваня жалуется, что после приема лекарства у него так сильно-сильно бьется сердце, прямо как на ниточке висит и каждую минуту эта ниточка может оборваться. Он боялся умереть, Но наш Ваня напрасно боялся умереть: он умер. В то время стояла ядреная морозная январская погода, когда оборвалась та самая ниточка, на которой висело его бедное сердце. Смерть его в тот день мы скрыли от мамы. Мама узнала о смерти, когда нам с Надей утром надо было ехать в райцентр за умершим Ваней. На санях мы привезли из больницы тело его, закутанное в тулуп, чтобы не замерзнуть, никто не мог из нас понять, что мертвецу не холодно, домой по зимнику в дикую стужу. Он лежал после обмывания и маминых причитаний розовый лицом, с красными оттаявшими губами, с красивыми подстриженными волосами (мама остригла перед тем как увезти в больницу), густоволосый, красивый, молодой человек, никого уже не упрекавший за выпавшую на него недобрую долю. От частого приема пеницилина его пригорюнившееся лицо лежало белое со слегка зардевшимися щечками и с укором смотрело на мир человеческий. Смерть словно украсила лицо, рельефно подчеркивая выгоду уходить из этого мира в иной. После смерти он поправился как бы даже. Ему теперь не надо думать о картошке, о хлебе, о мясе, обо всем остальном. Но я не мог представить себе о том, как же он даже на том свете будет безучастен к моей или к Витиной судьбе, такого просто не могло быть. Все село пришло провожать его в последний путь и нас, конечно, пожалеть. Со слезами на глазах стоял у гроба его лучший друг Иван Безродный. И утешало мою детскую душу мысль о том, что его хоронят — как полководца, который мужественно до конца бился за победу жизни над смертью. И если учесть, что мама, я и Витя, а так же Надя остались жить, то можно признать, что он победил. Правда, ценою собственной смерти. Умер он в день смерти Ленина, которого ненавидела всей своей душою наша мама, но которого все, как один, беззаветно любили учителя школы. Некоторые, подозреваю, лукавили. Они поступали — как должны были поступать учителя. Удивляло только одно обстоятельство: разве всемогущий и справедливый Бог, которому я даже ставил в заслугу собственное выздоровление, разве он не видел, что умирает ни в чем неповинный подросток, кормилец, у которого еще впереди столько жизни? Ваню нельзя было забирать на тот свет, потому что он нужнее и лучше меня, но вот так случилось, что я выкарабкался с того света, а Ваня отправился туда. По чьей воле?

Мама замкнулась от горя и перестала разговаривать. Стоит, глядит в пол и никого не видит. Молчит. Она жила своей внутренней жизнью, прослеживала, как я думаю, собственные главные моральные ценности в этом несправедливом мире людей, в котором ценится все, что против Бога — убийство, воровство, предательство, обман. Но она никого не убила, никого не обворовала, не обманула и не предала, И детей подобному не учила, не нарушала нравственные и моральные христианские ценности и детей учила только богоугодному делу. Но что ж получается? Ее сына Алексея убили на войне в девятнадцать лет, младшего Ваню убили в больнице, проверяя на нем лекарства, забрали со двора кормилицу-коровку Марусю, муж вернулся с фронта без ноги? Но власть не посмотрела на то, что почти вся семья защищала страну, то есть, прежде всего их красивую жизнь, власть предрежащих. И что ж получается, они защитили их себе на погибель? Они требуют все новых и новых жертв? Что же еще может быть хуже?

Прошло несколько десятилетий, за это время разрушились в космосе целые миры и исчезли вместе с населявшими их существами, возможно, тоже гордыми, независимыми и умными, стойкими и сильными и не верующими от своей непревзойденной гордости ни во что. Я понимаю, в Кутузовке другие существа, то есть, люди, они,

хотя и гордые, но зависимые, и мы за это время остались как бы теми же самими, что и были раньше. Но я отлично понимаю, что хотя оболочка у нас та же, что и раньше, все же мы теперь — как с другой планеты. Мы, русские, немцы, молдаване, украинцы, одним словом Кутузовчане, и были инопланетянами на своей родной земле. И вот в настоящее время, когда многие из нас, тяжело вздыхая, вспоминают, что их любимейший вождь, вождь всех времен и народов, отец родной, товарищ Сталин — и спал на стареньком диванчике, не снимая с себя полувоенной униформы, поставив у изголовья свои старенькие, «времен отечественной войны» и изрядно поношенные, истрепавшиеся сапоги, укрывшись чуть ли не рваной, задрипанной шинелькой времен гражданской войны, продрав плохо видавшие глаза, покряхтывая от боли в суставах и усталости от старости, устремлялся в Кремль, чтобы управлять огромной, нет, гигантской империей, в том числе и Кутузовкой (Кутузовка начинается с «К» и Кремль начинается с «К»), так вот в такие минуты мне в голову приходят несколько иного порядка мысли, которые отнюдь не восхищают меня самого, а кажутся вполне нормальными. А что если бы наш великий вождь и, что хорошо, — не гребущий под себя, что очень важно сейчас, так вот, что если бы наш вождь все-таки умывался по утрам, чистил зубы обыкновенной зубной пастой, предположим «фтородентом», подстригал усы, спал в нормальной спальне, укрывшись не солдатской шинелью, а одеялом с пододеяльником, а волосы и причесывал — тоже каждый день, и с радостью ожидал по утрам детского лепета своих детишек или внуков? Что ж он жил, как в походе, как на фронте, как в чужой стране, ожидая с минуты на минуту нападения врагов? А возможно, он действительно жил в чужой стране? Которую не любил? А если бы наш вождь, предположим, занимался спортом, теми же, например, горными лыжами или коллекционировал монеты, или просто увлекался бегом трусцой? Вполне вероятно, что тогда при таком естественном для нормального человека положении бытия и наша жизнь организовалась бы тоже в естественное свое состояние — не убивали бы, не уводили бы со двора кормилицу Марусю, и дали бы детям выжить, ведь дети, как ни крути, — будущее страны? Что и говорить, надо признать, что мы не умеем управлять собою, и только при естественном ходе истории, при эволюционном развитии мы способны устроить свою жизнь. Я ведь вспоминаю все это спустя более полувека со слезами на глазах. И не забыть такое никогда ведь!

Когда умер вождь, последний наш вождь, не плакала в селе одна наша мама, с суровостью проговорив грустные слова о том: «А что он сделал для моих детей? Заслонял ими себя?» Действительно, как то ни прискорбно, но лучше бы все-таки вождь имел особенность умываться каждое утро, чтобы от него не несло замшелостью и прелостью грязного старческого обреченного на смерть тела, не пахло изо рта прокисшим грузинским вином, выпитом накануне вечером. Но отец народов определял будущее. Вождь мало спал и торопился, ибо он выверял азимут для всей огромной до ужаса страны, в которой жили и умные ведь люди, как то положено всегда в мире. А так как в русской истории народ больше доверял чаще чужим, пришлым людям, нежели своим, то только так и мог появиться вождь, который не знал, что за тридцать шесть лет, управляя гигантской, преимущественно русскоязычной, страной, он до самой смерти произносил слова с сильным грузинским акцентом. Но зато он определял образ будущего именно русского человека. Как бы то ни было, но после смерти Вани мама начала собираться в путь, желая покинуть село Кутузовку, в котором нашла свое счастье, и где она его потеряла. Она родила в Кутузовке десять детей — семь сыновей и три дочери, всех выкормила и вынянчила, здоровых, нормальных, красивых. От прошлого остались одни воспоминания, которые хотя и скрашивают жизнь, наполняя порою душу чем-то приятным, но, как известно, самой реальностью не являются. Они — прошлое. А в прошлом — смерть, смерть, смерть. Сын, отец, сын! Кто следующий для отправки на тот свет? Кто у переправы? Кого выберет

Дьявол? Я помню, как приехавший на побывку из армии брат Николай, однажды взял с собой меня на охоту, обучая хитроумному ремеслу. И когда из-под ног взлетела стая куропаток, он быстро спросил: «Вовка, в какую стрельнуть? В какую скажешь, ту и подобью!» Я машинально показал пальцем на птицу, которая поднялась выше остальных, и куропатка через мгновение, сраженная метким выстрелом, рухнула в подлесок. Разве могла самая быстрая и самая сильная куропатка догадаться, что ее именно застрелят? Такими же меткими выстрелами судьба поражала нашу семью — семейное здание, так крепко и, казалось, навсегда сколоченное, выстроенное из прочнейшего материала архитектором папой, которым была любовь, с помощью мамы, разумеется, которые оба вели одну и ту же мелодию — жить для детей. Папа ради детей отказался от отъезда за границу, чтобы уехать в Америку с братом и товарищами. Все это ради одного — детей, в которых он находил смысл своего существования. Мама, боясь репрессий, не за себя боясь, за детей, открыла тайну незадолго до своей кончины, скрывая от детей происхождение отца, его родословную. Я понимал, что вождь всех народов и его команда строили планы, которые не совпадали с планами отца. У них были разные способы достижения своих целей — отец своей цели добивался сам, а вождь и его команда добивались цели за счет жизни отца. Вот и вся разница.

* * *

Какие звуки рождаются в сознании маленького человека, которому на ночь глядя, приходилось, как нам с Витей, отправляться в соседний березовый колок за хворостом, чтобы натопить печь в доме? Рубить лес, среди которого мы жили, было запрещено под страхом уголовного преследования. А почему нельзя было, то знал только вождь, который о существовании этих сибирских колков ведать не ведал. Но, выходит, что за четыре тысячи километров он знал, как нам должно жить, как должно перезимовать. Кроме березового хвороста, мы, дети, ничего и не могли привезти по снежному насту, ибо мама тем временем зарабатывала свои пустые трудодни в колхозном коровнике. Но хворост нельзя было днем привозить, лишь ночью, затемно, когда местное начальство закрывало на все глаза. Все село этим пользовалось. Мне запомнился истощенный ночной вой волков, выворачивающий наши трепещущие от страха детские душонки. Особенно страшен вой волков в зимнюю стужу и при ясной луне, при сорокаградусном морозе. На всю оставшуюся жизнь моя душа боится этих ночей. Эта боязнь воя волков осталась со мною навсегда. Чем тоньше воет волк, тем опаснее он.

* * *

Особенно запомнившийся мне морозный день был отмечен важным событием — смертью вождя. В школе по случаю такого печального события отменили уроки, как впрочем, сама собой отменялась и работа в колхозе. И поэтому с обеда из коровника доносился жалобное мычание коров — хор мычащий всю голодных коров тоже до сих пор стоит в ушах у меня. Мужики и бабы, детишки и собаки воспользовались печальным событием. Женщины плакали, некоторые рыдали, а мужики курили и по этому поводу отпускали шуточки в том смысле, что, мол, бабы и коровы ревут одинаково, только жалобнее все-таки получается у коровушек, так как они от голода, то есть искреннее, а бабы — нарочито. Но все понимали, что о подобном могли и «стукнуть», куда следует. В год смерти вождя мы покинули нашу родную Кутузовку навсегда. С болью в душе прощались с дорогими могилами отца и Вани, на которые впоследствии приезжали неоднократно. Пройдет еще несколько десятков лет, и я приеду на родные наши могилки, поросшие травой, кустарником, с металлическим

крестом, увенчанным пятиконечной звездой, на чем настоял председатель сельсовета, ибо отец был первым на селе председателем колхоза. В свой предпоследний приезд я заказал в Омске надгробие — одно на двоих, которое и установил на могилки. Предварительно соорудив сам лично из двух могилочек одну, ибо отец и сын должны лежать в одной могиле. Праздновало село в день моего прибытия Троицу, как правило, как было заведено издавна, все жители приходили посидеть на могилках и пообщаться с душами умерших родных, так принято у православных, но большинство с водочкой и закуской. Я пристроился в одиночестве у оградки нашей могилки и думал свою грустную думу о жизни и смерти, о своей жизни.

Ко мне неожиданно и запросто, как к своему знакомому, подошел немолодой, но статный мужчина и сказал, спросив перед тем, а не сын ли я Никонора Алексеевича Мирзы, который спас жизнь его родного отца. Он рассказал рядовую и простую для тех далеких лет историю о том, что когда Никонор Алексеевич председательствовал на селе колхозом «Омгоркомол», то его отец родной в то время как раз строил новый дом, возвел стропила, осталось покрыть крышу дранкой, а затем толем или щепой. Было уж затемно, когда к строящемуся дому подошел Никонор Алексеевич и сказал тихим голосом: «Харлампий, вот что, не достраивай дом. Как только возведешь над венцами крышу, тебя тут же арестуют, как врага народа, статья пятьдесят восьмая. Этого ждут поганые людишки, желая вселиться в твой дом. Ты умный человек, пойми правильно. Запомни и ни о чем не спрашивай. Я тебе не говорил, я знаю, ты мужик — язык у тебя не помело». И скрылся в темноте. Мой отец, то бишь Харлампий, оставил строительство дома на многие годы, сославшись на болезнь. А сосед не послушался его праведных слов, возвел дом и загремел по пятьдесят восьмой статье на каторгу, для себя построил тюрьму, а для врага, выходит, дом. Таков был закон жизни нашей. Вот так Никонор Алексеевич сберег для меня моего отца, и я ему благодарен на всю жизнь, вот почему я, Федор Харлампиевич Штырбул, в долгу перед вашим отцом, перед его прахом, слежу за могилкой Никонора Алексеевича, вот елочку посадил, чтоб ему на том свете легче было».

* * *

С высоты третьего тысячелетия большие дела маленьких людей тоже кажутся незначительными, несостоящими, а зачастую и вовсе никудышными. А что говорить о чувствах их, о мыслях, переживаниях — с высоты полета современного лайнера деревни и села на нашей российской земле и вовсе не видны, и даже большие города кажутся с высоты всего лишь игрушечными квадратиками на теле необъятной нашей сибирской земли. Мой отец, как мог, сумел спасти жизнь семьи Харлампия Штырбула, но не смог спасти свою собственную. Когда я подробно рассказал о данном эпизоде моей матери, уже старенькой, совсем иссохшейся старушки, живущей у младшенького Виктора, работавшего секретарем обкома в Караганде, который и сам был уже немолодым человеком, она молча всплакнула, слезы сами собой тоненьким ручейком заструились из ее постоянно слезящихся глаз. Но сказала в ответ мама совсем о другом. О том, что мучило ее постоянно и не давало покоя:

— Я себя, сыночек, до сих пор не могу простить: зачем я Ваню-то отдала в больницу? Я б сама травмами на ноги поставила. Умер, бедненький, еще ребеночком совсем. Одна радость — лежит рядом все ж с отцом. Я б счастлива была рядом лежать, очень он меня уважал. А после вас кто будет за могилками ходить? Отец все мне говорил, что все надо прощать людям. Людям — да, надо, а зверям как? Но зло прощать — горе сеять. Помнить — не прощать! Вон царь Николай-то Второй-то простил всех, как Христосик. А ведь его убили те, кому прощал. Зло прощать — горе сеять, не мною то сказано. И еще мне жаль не всю жизнь. Как Бог дал, так я и прожила. Лёно жалко — погиб ребеночек ни за что. Отоваривала: не ходи добровольно, войне

конец. Помню: уходил на фронт — плакал, обнимал и целовал каждую яблоньку в садике, каждого куренка целовал. Знал, знал, сыночек, что не вернуться ему оттуда, с войны-то.

— Да, мама,— поддакнул я, вспомнив, что на обелиске в селе Кутузовке, открытом в честь Победы в центре села, нашлось место всем погибшим, кроме... не поверите — как для юного паренька, моего братца Алексея, добровольно ушедшего на фронт в предпоследний год войны. Он ушел добровольно — на смерть. Я об этом матери не сказал, чтобы не расстраивать ее совсем.

Слабенький прерывающийся голосок матери рождает во мне, в моей душе — тот далекий звук нашей жизни в Кутузовском родовом доме; на тот звук, как на стержень, нанизываются картины, близкие мне и уже далекие, знакомые и незнакомые, которые стоило бы забыть, но забыть которые невозможно. И нет таких сил, могущих отвлечь сердце человеческое от памяти, ибо самое сильное из всех чувств у человека — это память. Память держит сердце человека в напряжении — сердце, и совесть. Держит память в напряжении и нервы, но зато светом совести освещает, как сильным прожектором, тот наш путь, по которому мы идем. Много стоило бы забыть из пережитого. Оно не стоит памяти. Забыть надо, но забыть невозможно. Как можно забыть, что я родился и вырос в Кутузовке, название которой дал мой дед Петр Захарович Стоянов, отец моей мамы, приехавший на перекладных по столыпинской аграрной реформе со своей семьей сюда в 1909 году, сто лет тому назад? Он дал название Кутузовке в честь тех мест, где полководец Кутузов отвоевывал у турок, громя их, исконные славянские земли — Кутузовское поле. Я издал свыше тридцати книг, мои книги (романы, повести, рассказы) переведены на большинство языков Европы и Азии, и ни в одном крупном моем произведении я не обошел Кутузовку. Я ее часто упоминал, потому что тут похоронен мой отец, брат, бабушка, потому что тут живут лучшие на земле люди. Мои близкие люди, и я имею права о них писать. И даже если я нахожусь в столице Москве, то душа моя обитает в Кутузовке. В Кутузовке! И каждый раз я слышу голос моей мамы. Мама, моя милая мама, я родился при твоём голосе... так как же я могу его забыть. Голос мамы — голос Кутузовки.

**Олег Каширин,
Виктор Харлашкин**
(г. Тула)

ХМУРЫЕ ГОРЫ
(Главы из книги
«Операция «Версаль»»)

Каширин Олег Семенович

Харлашкин Виктор Георгиевич

Каширин Олег Семенович родился в г. Туле в 1949 году. Автор романа «Последний рейс Дракона», повестей «Обреченная миссия», «На траверзе мыса Дооб». Повесть «КГБ как КГБ» отмечена дипломом конкурса ФСБ России 2007 г. на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов безопасности. Многократно печатался с рассказами в сборниках, литературных альманахах и периодической прессе. Состоит в Союзе писателей России с 1998 года.

Харлашкин Виктор Георгиевич. Родился в 1951 г. в Новосибирской области. Закончил исторический факультет и факультет иностранных языков Тульского госпединститута им. Л. Н. Толстого. С 1972 по 1995 г. находился на действительной воинской службе, полковник запаса. Публиковался как поэт во многих периодических изданиях, включая международные журналы. Его стихи опубликованы в США, Германии, Великобритании, Италии, Франции, Израиле. Автор четырех сборников стихов: «Лица и маски», «Мертвый и живой», «Русская натура», «В осажденной России». Известный бард, лауреат Всероссийских фестивалей и конкурсов военно-патриотической песни. Неоднократно выступал с концертами в «горячих» точках: Чечне, Абхазии, Приднестровье, Севастополе. Повесть «Операция «Версаль» — первый (в соавторстве с О. С. Кашириным) опыт автора в прозе.

Через два с лишним года Соколов наконец-то не без труда добился возвращения на свою малую Родину.

Конечно, у коллег, родных и приятелей была масса вопросов, которые сводились к одному — каков он, Северный Кавказ? На них Игорь вполне серьезно отвечал, что понять эти края можно только пожив там не один год.

Но на очередной профессиональной учебе с темой: «Предупреждение и пресечение массовых беспорядков» ему все-таки пришлось рассказать о службе в южных краях.

— О массовых беспорядках все мы знаем только по нашей закрытой литературе и приказам КГБ в шестидесятых годах, — начал он свой рассказ. — Но, одно — сухие строки, совершенно другое — жизнь. О событиях в Новочеркасске и Владимире сейчас уже мало кто знает и помнит.

У нас в республике помимо других проблем была проблема, оставшаяся еще с царских времен. Это дележ Пригородного района вокруг столицы города Орджоникидзе, бывшего Владикавказа. И порожденная этим вражда между соседями — осетинами и ингушами. Район окончательно присоединили к соседней республике после революции. В Осетии мало пахотных равнинных земель, вот и появился этот район, в который вошла и некоторая территория Ингушетии. В целом там жили вперемешку и осетины и ингуши. Конфликты на бытовой почве были всегда, но каких-либо круп-

ных происшествий не случалось. Напряженность в межнациональные отношения привнес уважаемый ингушский писатель Идрис Ганиев, известный своим романом «Сыновья». Сам он неплохо спокойно жил при достатке в Пригородном районе. Но давно был известен своими радикальными националистическими настроениями.

Комитет госбезопасности республики взял в разработку группу интеллигенции, духовно питавшейся от Ганиева. Сам он, как умнейший и хитрый «волк» — символ мужества и мудрости у ингушей — с группой не общался. Связь осуществлялась через посредников. Практически контрразведчики знали обо всех планах «Кунаков» — так называли дело оперативной разработки.

— Игорь Владимирович, извините, — перебил молодой оперативный работник, — я понимаю, что группа была не из двух человек. Как же справлялся с делом оперработник?

— Дело вел заместитель начальника отделения. О разработке знали только руководители отдела и Комитета. Никто в «конторе» об этом не догадывался. Даже в архивном подразделении при постановке дела на учет персональных данных на тех, кто входил в группировку «Кунаки», не знали. Оперативный состав выполнял отдельные поручения, не догадываясь, для чего они нужны. Каждый знал только то, что ему предназначалось.

По закону подлости перед решающими событиями вышла из строя оперативная техника. Всего на несколько часов, но этого заговорщикам хватило, чтобы обговорить все детали предстоящей вакханалии. А это Комитет не отфиксировал. К сожалению.

— Так вот, — Соколов сделал паузу и продолжил. — Январь, понедельник. Как всегда в этот день проводилась чекистская учеба. Значит, нужно прибыть к восьми утра. Понимаете, что опоздания исключались.

Я жил в центре города, на квартире уехавшего в Москву сотрудника. Тому два года предстояло учиться в Краснознаменном институте на разведчика. До нашего Комитета — десять минут пешком. Легкий морозец, редкий пушистый снежок... Настроение хорошее. В пятницу жена ходила на осмотр к врачу. Маша была на шестом месяце беременности. Слава богу, все нормально! Когда я подошел к площади Победы, маршрут проходил через нее, то увидел огромную толпу — папахи, фуражки-«аэродромы»... Большая группа молодых парней толпилась около центрального входа в республиканский областной комитет партии. Ничего не понимая, по телефону-автомату позвонил своему начальнику отделения и услышал категорический приказ прибыть в «контору».

Там узнал, что накануне, в воскресенье, на районном рынке в Назрани какой-то неустановленный тип призвал всех жителей в понедельник прибыть в республиканскую столицу, где на главной площади объявят о передаче Пригородного района ингушам. Вот и разгадка нахождения такого количества народа на площади. Вскоре сообщили, что в Назрани десять женщин сели на железнодорожные рельсы и перекрыли движение поездов, в том числе застрял пассажирский поезд «Москва-Баку». Там же прозвучали впервые требования отдать Пригородный район. Генерал собрал на совещание начальников отделов и других самостоятельных подразделений. О чем конкретно там шла речь — мне неизвестно. Но когда я вышел из кабинета в коридор, то попался на глаза генералу.

— Подь ко мне! — приказал Председатель Комитета. — Иди на площадь, постарайся как-то проникнуть в обком партии и передай моему заму Хромову вот эту записку. — Он протянул заклеенный почтовый конверт. Грустно улыбнулся и добавил, что при возникшей опасности съедать его не обязательно, будет заворот кишок, а просто порвать на мелкие кусочки. Он еще был в состоянии шутить, подумал я.

Когда я подошел к обкому, то увидел, что обстановка там накалилась. Молодые ингуши плотно прижали к входным дверям нескольких милиционеров, пытаясь про-

рваться в помещение. Несколько пожилых старейшин в дорогих папах, обернутых от падающего снега в полиэтиленовых прозрачных мешках, посохами лупили своих земляков и что-то кричали. Было понятно, что они отгоняли ретивую молодежь от входа. Толпа отхлынула на несколько метров, но не разошлась. К этому времени около памятника соорудили помост, на который поставили микрофон с усилительной техникой. Первые выступающие призывали всех говорить по-русски, чтобы не было каких-либо подозрений, не призывать к насилию, главной темой должно быть требование отдать Пригородный район ингушам. Толпа постепенно стала собираться перед помостом.

Я обошел здание обкома и обнаружил, что с тыла у выездных ворот никого нет. Постучал. Предъявил заглянувшему в глазок милиционеру служебное удостоверение и спокойно прошел в помещение. Хромова я нашел на втором этаже. Он наблюдал за толпой через окно, а рядом снимал на кинолентку незнакомый мне сотрудник. Явно из наших, поскольку к Николаю Ивановичу он обращался не иначе, как «товарищ полковник». Хромов распечатал конверт, внимательно ознакомился с его содержанием и после этого кивнул мне — возвращайся назад.

По приходу на работу на очередном совещании Соколов услышал новую вводную: повстречаться со всеми своими контактами с целью выяснения, не вынашиваются ли кем-либо намерения превратить пока мирный митинг на площади в экстремистскую акцию для дестабилизации обстановки в республике. Говоря проще предотвратить массовые беспорядки.

— А как же их предотвращать, Игорь Владимирович? — раздался снова вопрос.

— Если говорить об этом только в рамках нашей учебы, то мы не уложимся в рамки учебы. Как? Разъяснять через наши источники информации позицию государства в давнем межнациональном споре и преступность возможного негативного развития ситуации. Конечно, главное легло на плечи партийных и советских органов. Уже в первый день пытались проводить сельские сходы. Где это удалось, где нет. Женщин на железнодорожных путях в Назрани тоже уговорили не делать глупостей. Встречались в селах со старейшинами родов.

— Аксакалами? — Снова все тот же голос из зала.

— Да, аксакалами. Вы зря иронизируете.— Игорь посмотрел на офицеров.— Надо знать национальные обычаи этой республики. Мнение старейшины порой намного авторитетнее слов партийного функционера.

Нас всех предупредили, что неизвестные лица установили за Комитетом слежку. Пытаются сопровождать каждого, выходил из наших стен. Последнее развеселило присутствующих. Все предвкушали «поиграть в шпионов» за самостоятельными филерами. Но Хромов тут же оборвал раздавшиеся смешки и сказал, что ингуши по природе — конспираторы, и даже перед сватовством невесты устраивают за ней слежку, чтобы выяснить ее моральный облик. Кстати,— заметил Игорь,— я сам однажды такое заметил в трамвае. Смех и грех: ингуш так внимательно смотрел на девушку в головном вагоне из прицепного, что не заметил, как у него отклеилась половина усов. Прямо-таки — кадр из «Бриллиантовой руки» Гайдая.

Так, вот. Промотались мы до самой ночи. В городе полностью прекратили продажу спиртного, на улицах патрулировали усиленные наряды милиции. А основной предварительный вывод из собранной информации был такой: практически никто не поддерживал митингующих. Чеченцы прямо осуждали, опасаясь репрессий со стороны государства, как в 44-м году, когда всех чеченцев и ингушей 23 февраля одним махом выселили в Казахстан, и посмеивались над глупостью организаторов. Русские и другие опасались возможных погромов. Ингушская интеллигенция (журналисты, писатели, художники) высказывалась в разнобой — от экстремизма до осуждения. Картина складывалась довольно пестрая, но в целом не такая мрачная, как предполагали в начале событий.

Домой пришел поздно. Жена не спала. Ни о чем не расспрашивая, поставила на стол яичницу с колбасой и крепкий чай. Я перекусил и забылся без сновидений. Она сказала, даже похрапывал, хотя на меня это не очень похоже. Подъем в шесть утра. На площади догорали ночные костры — организаторы решились на круглосуточную акцию. Вечером подвозили еду и чай с кофе.

Большую группу сотрудников сразу же направили в Дом политпросвещения, где республиканское руководство встречалось с авторитетными старейшинами. О чем говорили, не знаю, стоял на входе. По возвращению в Комитет — новая вводная: документировать все выступления на площади.

Наш миништаб расположился рядом с площадью в двухэтажном послевоенной постройке Доме пионеров. Шесть человек должны были, сменяя друг друга, идти в митингующую толпу, записывая подряд все выступления активистов. Впрочем, мы были только носителями радиомикрофонов, запись шла в штабной комнате. «Технари» очередному оперу закрепляли под воротник технику и — вперед. Скажу вам, что поначалу ощущения были не героические. Сами представьте, протискиваешься сквозь плотно стоящую толпу под самый помост и стоишь там час. Бурно приветствовать очередного «оратора» руки не поднимались, а вокруг тебя — ингуши, в которых ни капли «кацапской» крови. Сомкнись плотнее группа людей, и останешься лежать придушенный на снегу, пока тебя не хватятся.

На «трибуне» и вокруг нее стояли молодые парни с красными повязками — дружинники. Озвучка велась через микрофон с усилением. И постоянно организатор призывал всех говорить только по-русски. Запомнился выступивший армейский прапорщик. Пошатываясь, явно «под шафе», он подошел к микрофону и, вцепившись в него, закричал: — «Братья-мусульмане!» — Толпа бурно его приветствовала. Но следующие слова вояки всех шокировали. — «Земли хотите? Есть земля! Едем все на Колыму, там всем хватит!» Его мгновенно подхватили под руки дружинники и вернули на твердую почву. Потом рассказывали, что его в тот же день уволили из армии без выходного пособия.

Пришел зампред Хромов, который устроил разнос нашему старшему группы за то, что мы ходили в толпу одни без страховки. Тут же сформировали «двойки» — один с техникой, второй за спиной страховал. Мороз крепчал, и последовала команда: смены сократить до сорока минут. Так дальше и пошла наша работа, длившаяся до самой темноты. Всех уже шатало. Потом, ребята рассказали, что один из жителей рассказывал своим знакомым: — «Кегебешники выходили на площадь зелеными, но все равно шли в толпу». Честно говоря, для нас это звучало высшей похвалой.

Не буду занимать ваше внимание рассказом о дальнейшей нашей оперативно рутине. Кто-то сказал, что из Ростова-на-Дону прибыла группа спецназа, и мы стали гадать, как теперь развернутся события. Около часа ночи нас сменила другая группа, и мы пошли к себе в «контору», благо, она находилась недалеко за рекой.

Я пристроился на своем полированном столе, подстелив шинель. Забылся в полусне и проснулся, когда в коридоре раздался топот и громкий разговор. Я машинально попытался встать и слетел по лакировке стола на пол.

Короче говоря, когда удалось уговорить основную массу прекратить митинговать и уехать на предоставленных автобусах по домам, оставшихся на площади 320 экстремистов ростовский спецназ погрузил на транспорт за семь минут. Их отправили на фильтрационный пункт. Нас всех распустили по домам, предоставив отдых до обеда. Через день прибыл на разбор случившегося Председатель Совета министров РСФСР В. Соломинцев, который провел расширенное совещание с руководителями всех окружающих нас республик. О чем шла речь, не знаю. Потом по нашу душу прибыла инспекционная группа из Центра. Я не знаю, какие мероприятия проводил наш Комитет, но инспекторы оценили все действия грамотными. В итоге штат «кон-

торы» был увеличен на двадцать процентов. Так-то! Может быть, все, что я рассказал, несколько эмоционально, но «Дежа вю!» — так было! Какие будут вопросы? — Соколов посмотрел на аудиторию.

— Игорь Владимирович, а в боевых операциях Вам приходилось участвовать? — спросил все тот же любознательный оперработник.

— Ну, а это — тема следующей учебы,— тактично ответил Соколов.

— Тогда и вернемся к вашему вопросу,— ответил Игорь.— Тогда и поговорим.

* * *

По правде говоря, боевая операция, в которой пришлось участвовать Игорю, вызвала у него противоречивые чувства. С одной стороны — настоящее дело, с другой — случайная ситуация, в которой он невольно оказался.

Год, когда Соколов приехал в республику, принес дурные события. Как потом стало известно всем в Комитете, 3 отделение Пятого отдела несколько лет вело розыскное дело под непосредственным руководством заместителя начальника отдела Виктора Ивановича Быкова. Самого опытного и знающего в деле розыска политбандитов времен прошедшей войны. Тридцать лет он занимался этим делом.

Ему пришлось выводить из послевоенного подполья — ходил безоружным к запутавшимся в собственных поступках людям, разъяснял, убеждал или поначалу терпел поражение и снова шел к ним,— они до сих пор с небольшой опаской, но с почтением называли его «Бык». Офицеры отдела его уважали и откровенно побаивались. Его короткая фраза по телефону: «Зайдите ко мне», была неповторима и вызывала, по крайней мере, легкую тревогу.

Коля Воланов считался бо-ольшим специалистом по пародированию голоса Быкова. Как-то к вечеру он закончил служебную писанину и предложил «сокамерникам» по кабинету поразвлечься. Кабинет Виктора Ивановича находился в самом конце длинного коридора, по обе стороны которого находились Пятый отдел и следственное отделение. Кабинет жертвы Воланова был в самом его начале. Авторитетом у ребят он почему-то не пользовался. Почему — Соколов в детали не вдавался.

Николай набрал номер телефона этого опера и, как только тот ответил, коротко буркнул:

— Зайдите!

Сходство с голосом Быкова было поразительным. Через пару минут послышался торопливый топот каблуков, которые двигались к кабинету заместителя начальника отдела. Ребята вышли из кабинета, предвкушая встречу с коллегой, посетившем по их звонку Виктора Ивановича. Но когда дверь в дальнем конце коридора отворилась, они увидели не объекта розыгрыша, а самого Быкова, который посмотрел на них через традиционно съехавшие на конец носа очки.

— Я все понимаю, молодежь, но такие розыгрыши жестоки. А он,— Виктор Иванович кивнул вглубь кабинета,— как раз мне понадобился.— Плотно закрыл за собой дверь.

Хасуха Магомадов был сыном богатого по местным меркам владельца больших стад овец, табунов лошадей. Работники гнули перед ним спину. Он всегда следовал наставлениям отца, носил имя Аллаха в сердце. Когда же неверные совратили народ, оборванцы вместе с пришельцами разорили их семью, отобрали все скопленное богатство, отец исчез среди каменных стен города, а вернувшись, скоро умер, не смирившись с потерей былого достатка и могущества. Хасуха люто возненавидел нечестивцев, затаился, занимаясь охотой,— горы он знал наизусть. Ждал и дождался своего часа.

Он проявил себя тотчас, когда гитлеровцы подошли к Кавказу. Самым лютым был в банде Игаева, выходца из этих мест. Того выбросили с парашютом для сколачивания «повстанческих групп». По сути, бандитских групп. За потерянное богатство мстил Хасуха. Перебил десятки людей. Стрелял, пытал, сбрасывал в пропасти. Хуже

зверя! Зверем и зажил по пещерам-схронам, когда закончилась война. Не выжил бы, если не пособники. А что пособники? Затерроризировал людей так, что они своей тени боялись в солнечный день. Было отчего бояться — уже после войны погубил, мерзавец, уйму народа. То, что стрелял в партийных и советских работников, в военных и милиционеров, как-то объяснимо — в кровных врагов. Но почему в простых людей?

В прошлом году свой человек сообщил абсолютно достоверные данные о нахождении Хасухи. К указанному дому в высокогорном селе оперативная группа подошла затемно. Вроде бы расставились так, что уйти ему было невозможно. Чеченец, старший оперуполномоченный, под благовидным предлогом постучался в дом. Дверь открыл хозяин. Быков не знал, о чем они говорили, но через десять минут вся семья: хозяин, его жена и пятеро детей вышли из дома. «Гражданских вывели», — успокоился старший группы захвата. Как только хозяева зашли за коровник, из окна дома раздалась длинная автоматная очередь. У пленницы дров раздался короткий вскрик, поначалу никто не обратил внимания. Оперативники открыли ответный огонь. Один из офицеров сумел, подобравшись ползком к жилью, бросить в помещение гранату. Сколько прошло времени, потом никто не мог вспомнить. На крыльцо вышел пожилой чеченец с автоматом Калашникова в руках. Постоял и рухнул головой в снег. Кто-то закричал: — «Жору ранило!» И все бросились к Жоре — лежащему на мокрой земле начальнику Советского райотделения Салько. Именно он смог добраться до находящегося тридцать лет в розыске Хасухи. Но Салько был мертв. Как потом установили, во время перестрелки пуля срикошетила от пленницы дров и попала в шейную артерию. Снова нервный выкрик: — «А где Хасуха?!» На месте, где он только что лежал, никого не было. Скорее всего, раненый, прыгнул в глубоченный, как пропасть, глинистый овраг и ушел. На первоснежье остались кровавые следы.

Первый снег, выпавший в горах, подтаивал, следы расплылись. Потом и собаки не помогли. Хасуха исчез, как растворился. После этого Быков, подавленный, подавленный случившимся, был сам не в себе.

На закрытой коллегии Комитета был проведен тщательный анализ проваленной операции. Выявилось, что в состав группы захвата входили вроде бы опытные работники, не старики, но намного старше Соколова. Но, двое не служили на срочной службе в армии, третий вообще носил в линзах очков немислимый «минус». Иначе говоря, был предельно близорук. Был нелюбезный разговор. В том числе для опытейшего Быкова. Нашлись и другие просчеты. Все это привело к трагическому результату. И не так просто было пересматривать свой подход к розыску Хасухи.

Итоги разбирательства доложили в республиканский обком партии. На бюро обкома всем раздали «по полной». Что там наказания! Товарищ погиб в расцвете сил. Сорока лет не было. В последний путь его провожало более тысячи человек: армяне, чеченцы, русские, ингуши и караимы.

В Комитете без излишнего шума формировалась новая оперативная группа. Двое коллег из Пятого отдела, бывшие пограничники, с которыми Игорь быстро подружился, обратились с просьбой зачислить в новую оперативную группу, и их желание удовлетворили. Игорю же сказали, что он, во-первых, служит во Втором отделе и, во-вторых, еще не освоился в специфике местной обстановки, а добровольцев в Пятом отделе хватает.

Хасуху искали через все оперативные возможности КГБ, подключили возможности милиции. След преступника появлялся то в одном, то в другом месте. Даже узнали, что бандит лечился в одной из городских больниц. Но информация, как и раньше, приходила «в хвост». Люди не могли никак прийти в себя от страха. Все было тщетно. Тогда приняли решение: с помощью партийных и советских органов разъяснить свою позицию в отношении Хасухи всем жителям горных селений, рассказывая об истинном лице этого отщепенца.

Всю работу организовывало и координировало 3 отделение Пятого отдела. А до всех коллег доходили только скупые рассказы коллег. Но не зря были эти трудные многодневные командировки в высокогорье. Сельские сходы и беседы со старейшинами, работа с добровольными помощниками, усиленный по возможности милицкий режим в горных районах должны были принести свой результат. Перелом должен был наступить. Народ должен был сам защитить свою честь.

То воскресенье в конце октября Соколов запомнил на всю жизнь. Он долго играл с малолетней дочкой, пока жена категорическим тоном потребовала успокоиться и готовиться ко сну. Маша повела ребенка умываться и укладываться спать под чтение вечерней сказки. Игорь вытянулся на диван-кровать перед телевизором в ожидании вечерних новостей по первой программе. До показа художественного фильма по второй оставалось более часа.

Резкий звонок телефона разбудил начавшего дремать Игоря. Он поднялся, вышел в коридор и поднял трубку.

— Слушаю.

— Ты не слушай, а немедленно собирайся.— Игорь узнал голос своего друга Коля Воланов.

— Куда собираться? Не понял,— зевнул Соколов.

— Тревога объявлена. Дежурный сказал, что в горах была перестрелка. Быть надо, сам понимаешь, в полевой форме при сапогах,— отрезал Николай, и в трубке слышались гудки отбоя.

Полевая форма была, и Игорь быстро одел ее, поддев под китель легкий свитер. Весна весной, а в горах холодно. Вот с шинелью вышла заминка. Пошить повседневную он не успел, была только светло-серая парадная. Выбирать не приходилось. На немой вопрос жены беззаботно ответил:

— Да. Очередной обыск, не волнуйся.

От дома до Комитета недалеко. Через пятнадцать минут он был на месте. Дежурный приказал:

— Бери автомат и два рожка. Забери из сейфа свой «макаров».

Игорь так и сделал. Вместе с Волановым вернулись к дежурке. Они увидели председателя Комитета и своего начальника Быкова. Они громко что-то обсуждали.

— Я уверен, что там Хасуха,— горячился всегда сдержанный генерал.

— Все может быть,— отвечал Виктор Иванович.— Но сомнения у меня есть.

— Что гадать. Выезжай на место с опергруппой и разбирайся,— приказал председатель.

Офицеров собралось семь человек. Один сел за руль восьмиместного ГАЗика, Быков, побряхтывая,— напоминал о себе радикулит — сел рядом с ним. Шестеро расположились в кузове.

Машина рванулась с места, полетела сначала по асфальту засыпающего после выходных города, а затем затряслась по выбоинам шоссе, ведущего в горы. В дороге, похоже, Виктор Иванович хотел было объяснить поставленную задачу — но, повернувшись к офицерам,— передумал и снова стал смотреть в ветровое стекло. То, что сообщил дежурный ему, знали и они. Добавить нечего. Пока нечего.

Дорога пошла вверх, об этом сразу подсказал натужный звук мотора. Ехали в скупом свете фар. Куда? Кроме водителя никто не представлял, куда они двигаются. Тут до Соколова дошло, что он попал в оперативную группу случайно, по ошибке Коляши Воланова, но благоразумно решил промолчать.

Наконец ГАЗик остановился. Все вышли из машины, разминая затекшие ноги и энергично размахивая руками. К Быкову подбежал начальник местного райотделения КГБ и что-то стал ему рассказывать. Виктор Иванович внимательно слушал, иногда в знак согласия кивая головой.

Потом стало известно, что в этот день Хасуха впервые изменил своей привычке — пошел к селу еще засветло. Как никогда возникло желание погреться под теп-

лой крышей. Двоюродный брат не мог предать хотя бы потому, что он — родственник, и потому, что гость в доме неприкосновенен. А «Бык» далеко в городе. Брат рассказывал о бесстрашии этого неверного, и Хасуха сам хотел повстречаться с ним на тропе один на один, чтобы увидеть, как трусливо враз забегают его глаза.

Не вовремя попала на пути кучка сопливых детей, когда он вошел в овраг. Поэтому, не ответив на почтительное приветствие, ворчливо прогнал их от себя. Дети убежали. Он присел передохнуть и только собрался двинуться дальше, как по тропинке северного склона к нему спустились два молодых горца с охотничьими ружьями. Поинтересовались, не скрывая в голосе подозрения, кто он такой и что делает в их местах уважаемый незнакомец? Он нехотя ответил, что он — охотник, сбившийся с пути. Это парней не удовлетворило, но, переглянувшись, они молча повернулись и стали взбираться обратно вверх. Хасуха понял, что эти соплеменники принесут ему беду. Поэтому сорвал со спины винтовку и, почти не целясь, выстрелил им вслед, уже готовым скрыться.

Один из горцев вскрикнул и упал на край оврага. Второй же ударил из обоих стволов по Хасухе. Картечь хлестнула по левой ноге. Парень-дружинник умер почти мгновенно — пуля вошла в бедро и застряла под ключицей. Подбежавшие к этому моменту жители села отпрянули от края. Убитому помочь было невозможно. Его товарищ в иступлении перезаряжал ружье и палил в темноту провала. Сумерки стремительно покрывали землю. Двое мужчин принесли из села старую автомобильную покрывку, зажгли ее и сбросили вниз. Ее огонь мерцал в глубине.

За что уложил парня? Жесток, как в молодости.

Виктор Иванович смял пустую пачку сигарет и отбросил ее в сторону. Распечатал новую и снова закурил, прикрыв от ветра ладонями спичку.

Оперативники подошли к Быкову, а он курил и молчал, размышляя, кто там, на дне оврага. Он колебался, не мог сделать однозначного вывода, а поэтому нервничал, расхаживая за машиной. Потом, приняв решение, приказал по два человека, залечь в засаду до наступления рассвета. Предупредил, что бандит стреляет на звук, а где точно он находится, и что будет делать — пытаться уйти или лежать на месте до развязки, — неизвестно. Подошедший к ним в конце инструктажа зампред Хромов, предупредил — на внешнем кольце окружения уже расположилась рота солдат внутренних войск, поднятая, как и все по тревоге. С ними — дополнительная группа из Комитета.

— При приближении к «секрету» кого-то постороннего, сразу не стрелять, запросить пароль «Весна», — приказал заместитель председателя. — А потом уже действовать по обстановке. Прокуратура подтвердила, что заочно за совершенные преступления Хасуха приговорен судом к смертной казни. Можно стрелять на поражение. Чтобы ни произошло, со своей позиции без команды не уходить.

Коллега — начальник местного райотделения КГБ развел посты по местам, пожелав все удачи.

Соколов был в паре с Николаем. Они нашли местечко посуше. Воланов с торжественным шипением вытащил из внутреннего кармана шинели две республиканские газеты.

— Ты смотри, как ездили тренироваться на полигон, так и остались не тронутыми, радовался он. — Бери, Игорек, подстилай под себя.

— Это зачем? — не сообразил сразу Соколов.

— Все теплее будет! Слушай, а как ты оказался в этой опергруппе? Ты же на тренаж не ездил, — вдруг заинтересовался Николай.

— Здравсьте, я ваша тетя, — огрызнулся Соколов. — Ты же сам меня поднял с дивана.

— Да... Накладка получилась, — стал оправдываться Воланов. — Дежурный по комитету в первый раз просто сообщил мне об объявленном сборе. А после моего

звонка тебе он второй раз уточнил, что в горах перестрелка. А я закрутился со сбором и забыл тебе дать отбой. Извини.

— Да, ладно, Коляша, ты сам-то об этом помалкивай,— попросил Соколов.— Теперь уж никто не вспомнит о том, кто и как сегодня попал на операцию.

— И то — правда,— согласился Николай.

Они стали всматриваться в черное пространство перед собой. Но ничего кроме отсветов горячей автомобильной крыши внизу за небольшим бугорком не было видно.

Виктор Иванович стоял у ГАЗика, нервно выкуривая одну сигарету за другой. Улизнуть из оврага Хасуха не мог. Оба выхода надежно закрыты засадами. Но почему до сих пор не удается обнаружить преступника на дне оцепленной ловушки? Бросали ракеты. Помимо этого ребята из милиции пытались, спускаясь по более пологому склону, высветить фонарями черную глубину, но далеко он их не пускал — встречный выстрел мог прозвучать в любую секунду. Хватит жертв. Одна вчера уже была. Виктор Иванович посмотрел на небо. В разрывах облако стали видны яркие звезды. Высокогорье. Скоро рассвет.

Луна вышла из-за туч. Игорь повернул голову направо и замер. Метрах в десяти от них он заметил согнувшуюся тень человека. Он толкнул в бок Воланова. Они замерли. Не двигалась и тень.

— Что-то великовата тень,— прошептал Николай.

Прошла одна минута, другая. Не шевелится.

— Господи! Да это же тень от камня,— выдохнул Игорь.

— Луна высветила, черт возьми! — согласился Николай.— По этому поводу не мешает закусить. Как ты на это смотришь, Игореша?

— Никак. Я ничего не взял. Думал, что была очередная учебная тревога,— отмахнулся Соколов.— Дома поедим.

— Старик, ты не прав! — патетически воскликнул Воланов и вытащил из-за пазухи газетный сверток.— Чтобы ты делал без друзей? Немного, но на двоих хватит. Жаль, что запить нечем...

Черный хлеб с ароматно пахнущей краковской колбасой был необыкновенно вкусен. Они, закончив жевать, по очереди отползали от места дислокации, чтобы покурить в рукав. После этого наступило, как им казалось, полное блаженство.

По команде Быкова в овраг снова стали запускать ракеты. Неожиданно зазвучали редкие винтовочные выстрелы. У Хасухи не выдержали нервы.

К Виктору Ивановичу подошел один из подчиненных и попросил разрешения аккуратно проникнуть к тому месту, где засекли винтовочные вспышки.

Нельзя! Надо ждать рассвета.

Легкий туман рассеялся, обнажилась гряда гор, окружающих долину. Небо уже очистилось, как будто горы скинули с себя черную бурку ночи, и засеребрились их вершины.

Он дал команду стягивать кольцо. Офицеры, поначалу согнувшись, а потом пошли во весь рост, Соколов и Воланов, как все, передернули затворы «калашниковых» и ускорили шаг. У кого-то не выдержали нервы — прозвучал автоматный выстрел, вся цепь начала стрелять в сторону догорающей крыши.

— Своих не перестреляйте,— услышали они за спиной отчаянный крик Хромова.

— Да вон! Лежит за камнем! — раздался чей-то крик, и стрельба сразу прекратилась.

Все побежали.

Когда Виктор Иванович подошел к труп, офицеры молча расступились. Хасуха лежал навзничь, сжимая левой рукой цевье, а правой — затвор мосинской трехлинейки. Две ленты с патронами перепооясывали суконную куртку, как у матроса времен Октябрьского переворота. Рядом лежала матерчатая сумка. Половину затылка снесло пулей, и были видны окровавленные мозги.

Соколов равнодушно смотрел на сухие скулы бандита, передернутые гримасой боли. Ему показалось, что в открытых глазах Хасухи застыла ненависть.

Быков что-то невпопад ответил суетливому, невысокого роста, следовательно прокуратуры, который просил всех отойти от трупа, прошел мимо размахивающего наганом заместителя начальника республиканского уголовного розыска. Его сотрудники стояли не шевелясь и глядели на начальника. Близкая смерть ошеломила их. Тот махнул рукой — расходитесь. Возвратившись в родные края, Игорь, случайно встретившись, узнал в начальнике областного уголовного розыска того самого милиционера, который размахивал в горах наганом.

Соколов поднял голову. По краям оврага стояли жители села. Виктор Иванович отдал команду, и опергруппа, не оглядываясь, медленно побрела к своей машине.

ГАЗик медленно спускался вниз по узкой дороге. Пробивая толпу облаков, над хмурыми горами показалось утреннее солнце. Оно только светило и не могло согреть людей, сидящих в машине. Сильный ветер гнал по склонам оставшиеся с осени сухие листья. Игорь посмотрел в боковое окно и обернулся. Обочины не было видно, слева, рядом, вниз уходила пропасть. А как же они поднимались ночью при свете фар? Захотелось «под ложечкой» и по спине прополз холодный пот.

Группа через полтора часа возвратилась в город. Сдали АКМ в дежурную часть. Офицеры вышли на свежий воздух и прислонились к стене около входа в Комитет госбезопасности. Повседневные шинели некоторых были в грязи. На парадной шинели Соколова — не пятнышка. Вроде бы на одной земле лежали. Удивительно!

Солнце обжигало воспаленные глаза. Все молчали, курящие достали пачки с остатками сигарет. Закурили...

Понедельник. Восемь утра. Сотрудники «конторы глубокого бурения» спешили на традиционную профессиональную учебу, проскакивали мимо, не обращая внимания на своих коллег. Только Джоник Варздатович, начальник одного из самостоятельных оперативных отделений, остановился и сочувственно спросил: — Ребята, вы-то, где были?

— Хасуху е... Положили на землю сырую, — ответил кто-то.

— Не может быть!

— Может, Джоник, может!

— Мать твою так! — коротко прокомментировал армянин и пошел ко входу. Спрашивать о деталях произошедшего он не стал. Не ко времени и не к месту. Потом все узнается.

— А не употребить ли нам по рюмочке чая, Игорь? — вывел Соколова из оцепенения голос Воланова.

— Почему бы нет? — улыбнулся Соколов. — Я не возражаю.

В магазине они купили бутылку «Ркацители» и пошли в невзрачное кафе. Благо, что квартира находилась рядом. Игорь предварительно позвонил по телефону-автомату, что был при входе.

— Это ты, Машенька? — ележным голосом спросил Игорь. — У меня все в порядке. Просто затянулся обыск. Скоро буду.

— Игорь, врать ты так и не научился, — засмеялась на другом конце провода жена. — У нас на телевидении все бурно обсуждают события в горах. Да что телевидение, весь город уже все знает. Я знаю, где ты был. Ты один, откуда звонишь? Весь город шепчется, что Хасуху убили.

— Да нет, с Николаем, — ответил Соколов.

— Понятно. Сегодня можно. Только пусть Воланов позвонит жене, она только что мне звонила. Все. — Жена положила трубку.

Пока Игорь нарезал брынзу и разливал вино, Николай коротко переговорил с супругой, и, довольный, сел за стол.

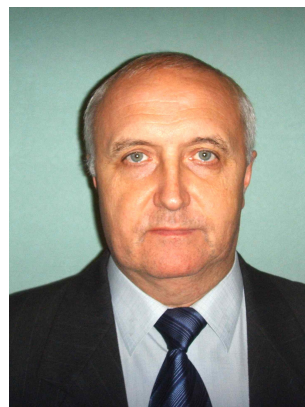
— Будем живы! — Они подняли стаканы с «Ркацители».

Сухое вино сегодня оказалось крепче спирта.

ВОЙНА И МИР В АНТОЛОГИИ РАССКАЗА

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ЗНАХАРЬ

Он запомнился мне таким. Солнечный, голубоглазый летний денек. Мы с братом, жившие в соседнем селе, быстро, по еле заметным в траве полевым тропинкам пробежали полтора-два километра, перешли в брод небольшую, мелководную речушку, и, поднявшись на косогор, оказались на подзаросшей бурьяном улице тихо умирающей деревни, где жил наш прадед.

За невысокой оградой его приусадебного участка тут же увидели и самого нашего прадеда, которого называли не прадедом (неудобно как-то!), а дедушкой Егором.

Среднего роста, полноватый, с седой непокрытой головой, в холщовой рубашке навыпуск, он возился возле пчелиного домика — качал мед. Все его открытое, ширококостное, с большими добрыми голубыми глазами лицо, жилистые руки, рубашка были облеплены десятками жужжащих, ползающих пчел. Видно, они уже давно перестали его жалить, или его организм перестал реагировать на их укусы. Увидев нас, дедушка распрямился, улыбнулся:

— О, внуки пришли проведать старика!.. Заходите в дом, там открыто, бабушка вас пока угостит чем-нибудь... Я сейчас закончу и подойду...

Супруга деда (четвертая по счету, предыдущие умерли по старости или от болезней), которую мы звали «бабушкой», несмотря на то, что, как я узнал повзрослев, ей было сорок три года, когда она вышла замуж за нашего в то время более чем девяностолетнего прадеда, шустро орудовала ухватом в русской печи, извлекая из ее дышащего теплом нутра духмяный ржаной свежеспеченный хлеб. Мы знали, что дедушка Егор всегда ел только домашний, приготовленный из муки, перемолотый из ржи, выращенной на собственном огороде, хлеб. Продаваемым в магазине он брезговал.

Бабушка усадила нас за стол в горнице. Дала каждому по большой алюминиевой ложке, поставила посредине стола хлеб, пустую миску.

— Сейчас дедушка угостит вас свеженьким медком с пасеки, подождите пока, ребятки...

Горница нам казалась просторной. За печкой виднелась дверь, ведущая в спальню. У входной двери стоял большой полированный комод, рядом — такой же объемный старинный шкаф. Дедушка рассказывал, что эти две вещицы ему передал стар-

ший брат перед тем, как в двадцатом году сбежал в Польшу. До этого он жил в городе Белом, владел заводом, магазинами. В начале двадцатых активно участвовал в эсеровском мятеже, когда восставшие за ночь вырезали всех большевиков. Но сила была за ними, и дедов брат укрылся от их мести в соседней стране, где его следы в дальнейшем и затерялись...

В углу горницы висели старинные образа, иконы. Мигала, порой испуская тонкую струйку копоти под потолок, лампадка. С икон на нас с братом внимательно и изучающе смотрели покрытые вековым желтоватым налетом лики святых.

Из сеней донеслись как всегда быстрые звуки дедовых шагов. И вот он уже входит с неизменной улыбкой в избу, ставит на пол у входа двухведерный бидон, наполненный до краев жидким, светло-желтым медом с плавающими по его поверхности немногочисленными обломками восковых пчелиных сот.

— Вот сейчас попробуем свежий медок,— и дедушка наполняет до краев большую миску, возвращает ее на стол. Крестится на образа, негромко произносит короткую молитву и садится рядом с нами.

— Плесни-ка внукам молочка козьего,— просит он супругу, и та из темно-коричневого глиняного горлача наливает всем в кружки густое козье молоко. Последние годы (дедушке все-таки исполнилось пару лет тому сто!) Егору Прокофьевичу стало уже тяжело накладывать сено для коровы, и он продал свою буренку, но купил козу. Та с божьей помощью оказалась на редкость плодovitой (я сам был свидетелем, как она родила одного за другим десять(!) козлят) и молочной.

Мне нравилось по вкусу козье молоко, а вот брату — нет, и он всегда отодвигал свою кружку незаметно мне.

Большими столовыми ложками мы бойко уплетали свежий вкуснейший медок попеременно с краяхами такого же вкусного, теплого ржаного хлеба. Я и дедушка запивали все это лакомство молоком. Заметив, что брат не притрагивается к молоку, бабушка принесла из сенцов ему кружку хлебного кваса. Сама она почему-то не ела, прислонилась слегка к нашему предку сзади, ласково провела ладонью по его седым волосам, счастливо улыбнулась:

— Кушай, Егор Прокофьевич, на здоровье... Мой дедушка хороший...

Трапеза подходила к концу, бабушка уже убирала со стола опустевшую посуду, когда в дверь кто-то осторожно постучал.

— Кто там? Заходи! — пригласил дедуля. Дверь в горницу отворилась, и на пороге вырисовалась стройная фигура молодой девушки лет двадцати трех. Все в ней было прекрасно: и ниспадающие на плечи шелковистые русые волосы, и высокая, рвущая блузку грудь, и правильные, славянские черты лица... Если бы не большое бельмо, белой опухолью обезобразившее левый глаз.

— Егор Прокофьевич, я к вам,— и девушка, не выдержав, разрыдалась.— Может, вы мне поможете в моей беде... В НИИ офтальмологии в Москве и Одессе сказали, что бельмо на моем глазу не подлежит операции, слишком большое и быстро выросло... А на меня парни внимания не обращают, как увидят, что я с бельмом — сразу отворачиваются... И надо же было мне стегануть веткой по глазу... Вот судьба-злодейка... Мама к вам направила... Люди ей подсказали, что вы заговариваете разные болезни...

— Ну, не плачь, успокойся, Надюшка... Постараюсь тебе помочь, господь милостив...— прадед бережно взял девушку за вздрагивающее от рыданий плечо, подвел к окну, внимательно осмотрел ее больной глаз.

— Бабушка, дай-ка мне бурачок, у нас там где-то, кажется, есть,— попросил он супругу.

Бурачок, то есть, свекла оказалась в наличии. Предок ловко очистил круглую свеколку, мелко натер ее на терке. Подвел Надю с мокрыми глазами к русской печи.

— Наклони-ка голову пониже, девонька,— и ладонью достал из печи теплую золу, которой посыпал сверху голову девушки, предварительно наклонив ее в печном проеме. Одновременно начал шептать какие-то молитвы. После этого приложил к больному глазу пациентки протертую, кровоточащую красным соком свеклу. Затем обмотал бинтом левую половину лица больной.

— Ну, вот, Надюшка, три дня повязку не снимай. На третий день придешь ко мне,— я сам тебе ее сниму вместе с бельмом. А теперь покрестись со мной на образа...

Девушка, успокоенная и обнадеженная, истово и послушно перекрестилась несколько раз вместе со знахарем и нами.

Через три дня брату понадобилось остаться дома, а я — тогда шестилетний пацан — был свободен и предоставлен сам себе. Поэтому, съдаемый любопытством, порывавшись с утра на пескарей на речке, с удочкой и уловом, болтающимся на сломанной кривой ветке прибрежной лозы, я заглянул к деду Егору. И, как оказалось, вовремя. Только уселся за стол, чтобы традиционно полакомиться медком с козьим молочком, как подошла и дедова пациентка Надя с забинтованным, тревожным от ожидания лицом.

Дед опять нехитро поколдовал над ней, посыпал голову золой из печи, пошептал молитвы.

— Я сейчас сниму повязку и бельма на глазу не будет! — объявил он напряженно замершей девушке. И вот уже повязка снята с лица, и Надя в нетерпении и со страхом смотрит на свое отображение в зеркале на стене.

— Ой! Дедуля, а ведь оно и вправду исчезло! — слышу я ее счастливый голос, и, улыбающаяся во весь рот, она поворачивается лицом к нам. Из ее глаз льются ручейки слез... Слез радости! Бельма-то нет! Исчезло! Я ощущаю, как восторг от понимания, а, скорее — непонимания, почему такое могло произойти, и как,— случившееся чудо переполняет не только Надину, но и мою, детскую душу.

А исцеленная истово падает на колени перед моим столетним прадедом, целует ему руки, рассыпается в благодарностях...

— Егор Прокофьевич, я — ваша должница по гроб жизни... Чем я могу вас отблагодарить? Я принесу все деньги, что у нас есть дома...— говорит избавленная от недуга.

— Э, нет, девонька, денег я не беру... Нельзя мне этого делать, запрещено господом нашим... Успокойся, живи себе, радуйся жизни... Да, осторожно по лесу бегай, не стегани веткой себя по глазу... Да в церковь сходи — свечи поставь за свое и мое здоровье...— дедушка гладит девушку по русской голове, поднимает с колен, улыбается открыто и широко своей белоснежной улыбкой. (За свою жизнь он ни разу не обращался к стоматологам. Поэтому улыбка и была такая по-настоящему «белоснежная». Когда умер в возрасте ста восьми лет по паспорту, многочисленные земляки, пришедшие попрощаться с ним, обратили внимание, что у усопшего все зубы оказались нетронутыми!)

Счастливая пациентка ушла. Дедушка помолился, потом присел на диван, посадил меня к себе на колени, погладил ладонью по голове (я запомнил на всю жизнь, какая у него была теплая, даже горячая ладонь, казалось, что она как-то неестественно излучает колоссальное тепло, передает неизведанную энергию... Видимо, так оно и было).

— Вырастешь большой, займись, Вова, медициной, стань врачом. У тебя получится... Ты — мой внук, моих кровей...— нашептывал он мне.

— Дедушка, а ты научишь меня всему вот этому?... — я затруднился, как правильно назвать его лечебные действия. Не колдовством же обзывать — еще обидится!

— Знахарству? Научу, внучек, научу... Подскажу тебе, как нужно помогать лю-

ням... Главное, что тебе для этого господом нашим жизненная сила дана... А развить ее я тебе помогу, когда подрастешь...

Поздней холодной осенью сорок второго года гитлеровцы, отступая под нарастающим натиском советских войск, нехотя отдавали каждую пядь многострадальной смоленской земли. Уходя, сжигали предприятия, деревни, города, и, конечно, пытались уничтожить партизанские соединения, воевавшие с ними эти два года. Была организована блокада лучшими эсессовскими частями леса, где базировались народные мстители в родных местах моего прадеда.

Партизанам командование отдало приказ — выходить из кольца окружения по одиночке, затаиться, дожидаясь скорого прихода наших войск.

Мой отец — тогда восемнадцатилетний партизанский разведчик после трех суток голодного блуждания по болотам ночью тихо постучал в оконце дедовой избы, что стояла на краю деревни.

В полутьме занавески с той стороны окна дрогнули, створки окна, чуть скрипнув, приоткрылись. Матово засветилась седая голова в то время семидесяти с лишним летнего Егора Прокофьевича.

— Кто тут? — негромко спросил он.

— Это я — Гриша, дедушка, — ответил продрогший отец.

— А, внучок... Сейчас открою дверь, заходи...

И через минуту отец оказался в теплой, натопленной, наполненной знакомыми с детства запахами ржаного хлеба и хмеля горнице.

— Свет зажигать не будем, чтоб полицаи не приметили... Раздевайся, внучок... Голодный небось... Сейчас перекусим...

Дедушка жил один, вторая жена полгода тому назад скорпостижно скончалась.

— Молодец, что не пошел в родительский дом, а пришел ко мне... Твою маму полицаи уже дважды обыскивали. Простреливали в хате пол и потолок из автоматов, искали тебя... А ее ставили к стене и палили поверх головы — запугивали... Так бедная падала в обморок... — рассказывал дед последние деревенские новости, подкладывая внуку на тарелку новые куски теплого, вынутого из неостывшей печи пирога с картошкой. — Ешь, Гриша, ешь, изголодался совсем, отощал... Я тебя спрячу в яме за сараем, под копной соломой... Специально ее вырыл, как узнал, что немцы начали блокаду леса... Сверху яма прикрыта досками и соломой — не догадаешься, что под копной партизанский схорон. Там и отсидишься до прихода наших, тут недолго осталось, — вон как пушки немчуру долбят по линии фронта — день и ночь слышно...

Григорий прислушался, уловил далекий гул, доносившийся со стороны линии фронта даже ночью.

Дедушка тайно отвел согретого, насытившегося партизана к схорону. Внук спрыгнул в замаскированную яму, где мышки попискивали на дне в грудке заботливо постеленной сухой соломой. Набросил на плечи старый тулуп, разложил рядом с собой автомат с взведенным затвором, три гранаты, мешок с водой и хлебом. В годы оккупации по возрасту Егор Прокофьевич не попал в партизаны, но возглавлял подпольный колхоз, который занимался и снабжением хлебом перебравшихся в лес земляков. Кое-какие неиспользованные запасы оставались к ночному приходу внука.

В схороне Григорий просидел двое суток. По ночам дедушка тайно приносил ему воду и провиант, рассказывал последние новости.

— К матери твоей вчера опять Будыка, гад, с полициями приходил... Все вверх дном перевернули, угрожали... Я ей про тебя ничего не рассказывал... Не знает — и ей сказать полициям нечего... Ко мне тоже, тварюги, наведывались, шарили в избе и в сарае... Ты, наверное, слышал их поганые голоса... Простреливали сеновал... Митьку соседского в амбаре нашли... Сразу вывели за село — и порешили парнишку...

Григорий поперхнулся принесенным дедом куском вареной брюквы — с Мить-

кой они были одногодками, вместе бежали из плена из-под Вязьмы, вместе воевали в разведроты отряда «Смерть фашизму».

...На третьи сутки дед пришел к яме ближе к обеду:

— Вылезай, Гринь... Наши на подходе, фрицы и полицаи час тому назад, как собрали манатки, ладно, хоть нас не подпалили в суматохе, и срочно укатили на запад... Пошли в избу, хоть поешь по-человечески, отогреешься...

Плотно пообедав, Григорий залез на теплую русскую печь, расслабился, задремал.

Проснулся от грохота немецких танков, неожиданно въехавших в село с востока. Какая-то отступающая часть догоняла своих. Партизан едва успел соскочить с печи, как под окном зазвучала гортанная немецкая речь, раздались чьи-то нетерпеливые шаги на крыльце дома.

Дедушка прытко открыл крышку люка, ведущего под пол:

— Гриша, прыгай скорей, а то заметят!

Григорий почти кубарем скатился в подполье. Дверца тут же захлопнулась над его головой. В спешке он даже не захватил с собой оружие. И теперь, согнувшись, присел рядом с полинявшей курицей и огненно-рыжим петухом, которых запасливый дедушка, видимо, припрятывал «на развод» до лучших времен.

Над головой прогрехотали тяжелые чужие сапоги.

— Рус Иван, курка, яйки — давай, давай! — обращаясь к дедушке на ломанном русском языке, заговорил с порога нагрянувший неожиданный гость.

— Да, что ты, пан, какие курки и яйки — всех перевели за эти два года, — притворно взмолился хозяин дома. — Найн, пан, найн...

В это время курица, сидевшая в подполье рядом с Григорием, неожиданно отряхнула свои запылившиеся перья и... закудаhtала...

Партизан замер — если немец услышит, полезет под пол — ему конец!

И голодный фашист услышал зов, возможно, последней сохранившейся в деревне после оккупации глупой птицы.

Фриц с силой дернул за кольцо люка, и в следующее мгновение его налитое кровью, багровое, широкоскулое лицо склонилось над проемом подполья, выискивая взглядом затерявшуюся, обреченно притихшую курицу.

Но вместо курицы немец в упор увидел сжавшегося в комок, готового прыгнуть на врага юношу. Зрачки его глаз зло сузились, он открыл рот, чтобы что-то сказать... И в это время что-то тяжелое обрушилось на затылок немца сзади, отчего брызнула кровь, заливая лицо, и грузный чужестранец мешком рухнул под ноги юноше.

Григорий успел сорвать с плеча падающего автомат, передернул затвор. Руки и ноги поверженного фашиста судорожно дернулись и повисли. Следом за ним дедушка закинул в подпол сразу пропитавшуюся кровью дубовую табуретку, которой и нанес удар. Старик на мгновение нагнулся к внуку:

— Посмотри, может еще живой?! Тогда добей по-тихому!

Партизан потрогал, перевернул немца на бок — глаза того уже ничего не видели.

— Нет, дедусь, ты его наповал, одним ударом угробил... — прошептал пересохшими губами Григорий.

— Тогда притихни... Авось не хватятся они в спешке... Наши, видно, сильно их поджимают...

Немцы на удачу не задержались в деревне долго и не заметили исчезновения одного из своих солдат.

Когда стемнело, дед с внуком оттащили труп убитого фашиста за околицу села и закопали в вырытую в подмерзающей земле яму...

Егор Прокофьевич подравнял лопатой образовавшийся свежий бугорок земли на могиле. Сдернул пропотевшую шапку с седой головы, перекрестился, беззвучно шевеля губами прошептал короткую молитву.

— Вот так, Гринь, бывает — или они нас, или мы их... Хотел бедняга последней курицей поживиться — но сам нарвался, горемыка... А ведь дома, в Германии его, наверное, мать, отец, а, может, и жена с детьми ждут... А он теперь навсегда остался в русской земле... Судьба, внучок, судьба это...

Серые вечерние тучи холодно затягивали горизонт, дул северный ветер. Неожиданно в воздухе закружили редкие снежинки. Они таяли на разгоряченных лицах старика и юноши, и от этого казалось, что мужчины плачут. Фронтальной гул уже перешагнул через затерянную в лесах смоленскую деревеньку, и доносился со стороны запада...

В восьмилетнем возрасте я тяжело заболел ангиной. Причем обострения возникали чуть ли ни ежемесячно. Моя мама по совету врачей повезла меня в город на операцию по удалению миндалин. В то время начала внедряться методика амбулаторного проведения таких операций. Заодно должны были прооперировать и старшего брата — удалить разросшиеся аденоиды, мешавшие дышать.

И вот мы сидим в коридоре поликлиники под дверью кабинета, куда по очереди заводят детей, и через некоторое время выводят уже прооперированных. Первым зашел в этот страшный кабинет мой брат. Вышел оттуда молча, без слез, но с бледным перепуганным лицом, с окровавленными тампонами, прижатыми к носу. Настала и моя очередь.

— Ну, как там? — боязливо спросил я у брата, подталкиваемый матерью к двери кабинета. Тот только что-то невнятно промычал, кривясь, заглатывая порцию мороженого. Этим пломбиром мама меня собственно и «купила» — обещала после операции, если буду хорошо себя вести, дать целых две порции!

В кабинете меня посадили на колени улыбчивой пожилой медсестре. Вторая женщина в белом халате, стоя за спиной, руками удерживала мои руки.

Доктор — ласковый брюнет с внимательными карими глазами, прикрытыми стеклами толстых очков, объяснял мне:

— Не бойся, мальчик. Больно не будет... Открой пошире рот...

Врач сделал длинной иглой шприца распирающий небо укол во рту, и после этого начал что-то подрезать там загнутыми, острыми, блестящими специальными ножницами. То ли «заморозка» — новокаиновая анестезия почему-то не действовала, то ли я неправильно все воспринимал, но вскоре я заорал не своим голосом, рванулся изо всех сил из цепких рук медсестер... Те не удержали, не успели отреагировать... К счастью каким-то чудом врач во время успел выдернуть свои проклятые жуткие ножницы из моего рта.

Кровью, брызнувшей из подраненного горла, были заляпаны стекла докторских очков, его лицо, белоснежный халат.

Меня с трудом втроем поймали у распахнутого окна кабинета, ведущего во двор. Еще чуть-чуть, и я бы сиганул со второго этажа. Рыдающего, кое-как остановив тампонами кровотечение, меня передали матери, вбежавшей в кабинет после моего дикого крика.

Доктор нервно протирал от пятен крови салфеткой свое забрызганное лицо:

— Знаете, я не смогу прооперировать вашего мальчика... Он так необычно приткно реагирует, что нам его просто не удержать... Ещеотрежем не то...

В общем, ни с чем, с застрявшим от боли комом в горле пломбиром, меня, недорезанного, увели из поликлиники, привезли домой. Но делать-то что-то надо было. И тогда моя мать — принципиальная коммунистка, вспомнила о знахарских способностях деда Егора, которые она до того по идейным соображениям всегда игнорировала.

На следующий день, засунув мою голову в темный, не совсем остывший проем русской печи, дедушка посыпал мою голову золой и шептал свои загадочные молитвы. Закончив, сказал:

— Все, Вова, до восемнадцати лет у тебя горло болеть не будет...

Так оно и вышло. После дедова лечения ангины быстро прошли. Я не ощущал своего горла до восемнадцати лет. После того, как отметил совершеннолетие, уже будучи студентом второго курса мединститута, тяжело внезапно заболел. Но, пролечившись на дому антибиотиками, с тех пор особых проблем с миндалинами не испытываю.

Прадед никогда не курил, не переносил запаха табачного дыма. Выпивал. В основном по праздникам, предпочитая всем напиткам хлебный самогон, который гнал сам для собственных нужд. Играя в детстве на чердаке его дома, среди зарослей сушившегося хмеля мы часто натыкались на самогонный аппарат с загнутой длинной трубкой змеевика. Употреблял спиртные напитки дедушка следующим образом. Выпивал в любой компании только три раза: это могли быть три рюмки, три стаканчика, три ковши... Но только три. В четвертый раз никогда не прикладывался. Это было его железным правилом, он любил говаривать при этом: «Бог троицу любит».

Постоянно трудился. Все в домашнем хозяйстве делал своими руками: и косил, и плотничал, и шил лучшие в округе сапоги... Кстати, по этой причине в смутные времена гражданской войны и революций, как сам рассказывал, и сменил свою прежнюю фамилию на «Сапожников».

Был очень подвижен. В шестьдесят-семьдесят лет для него не казалось в тягость встать в пять утра, пробежать лесом километров тридцать-сорок до города Белого, там успеть к открытию ярмарки, сделать свои дела, и к обеду вернуться тоже пешком домой, в свою деревню.

За такую особенную подвижность соседи даже прозвали его «Егором-бегунком». Видимо, эта подвижность, легкость на подъем и обеспечила ему поддержание такой хорошей физической формы до глубокой старости...

Прадед за три года до смерти точно предсказал, что умрет он на Пасху. Его не стало в тот год, когда весна выдалась необычно ранней и бурной. Реки вырывались неслыханным разливом из ставших тесными привычных устьев. Все вокруг рано зацвело и зазеленело, когда не стало моего любимого прадеда.

Его похоронили на холме, на деревенском кладбище над излучиной реки среди могил многочисленной родни и земляков. Я думаю, что ему там спокойно. Когда изредка оказываюсь на малой родине, ощущаю, что здесь по-прежнему живет его неутомимый, невидимый, добрый дух. Дух настоящего русского знахаря. Колдуна, если хотите.

Ну, а я выучился на врача. Занимаюсь врачеванием, лечу людей традиционными методами. Единственное, замечаю, что больные дети быстрее выздоравливают, если поглажу их рукой по голове. А сами маленькие пациенты часто признаются, что им кажется, как моя ладонь излучает тепло. Я этому не удивляюсь — кое-чему прадед успел все-таки меня научить, и завещал обязательно использовать эти во многом необъяснимые пока моменты при проведении терапии.

Рудольф Артамонов*
(г. Москва)

ОТВЕРГНУТЫЙ

Я еду в ранней электричке. Малолюдно. Холодно. Может, потому, что голоден. Торопиться некуда. До работы еще целых два часа. Два часа мучительного ничегонеделанья. Читать? Трудно сосредоточиться на пустой желудок. Чтобы убить время, еду от центра. Через полчаса езды пересаживаюсь и еду обратно. Вагон уже наполнился пассажирами, стало теплее. И не так одиноко. Половина спит. Половина смотрит в окно или читает газеты. Пошли торговцы с рук. Занятный народ. Как ни запрещают их «малый бизнес» в электричках, им нипочем. Вижу их каждый день и знаю многих в лицо. Попадаются виртуозы русского языка. «Я вам в карман глубоко не залезу. За такие цены вы будете целовать меня в уста и другие места». Это высокий мужчина с веселым лицом и звучным голосом. «Чай кракоде. Пьют везде. Засадишь стакан и всяк тебе братан». Нескладно. Но и торговец — старый человек. По лицу видно, крепко злоупотреблявший. Говорит свой «слоган» торопливо и невнятно. Наверное, когда-то балагур.

Другие, тетеньки, скороговоркой, высоким голосом профессиональной торговли предлагают всякую снедь. «Пирожки с капустой, картошечкой, мясом — вкусные, тепленькие!»

Очень кстати.

— Мне с капустой и картошкой, — говорю.

Они, в самом деле, «тепленькие» и легко ложатся в пустой, изголодавшийся желудок. «С мясом» покупать избегаю. Кто их знает, что за мясо, кого забили.

Согрелся. Прислонив голову к стенке, дремлю.

Оказывается, приехал ранние шефа. Удача! Надо воспользоваться, пока мы одни. Кажется, он в хорошем настроении. Лицо полное, довольное. Поздоровался первый. «Как спал молодой человек?» «Попроси, попроси! — завертелась в голове шальная мысль. А почему бы и нет? Потом скажу, последовал совету. Если бы только совету! «Иван Федорович, мне бы зарплату немного прибавить...» Большой рот шефа растянулся в широкой улыбке... «И сколько же хочет младший научный сотрудник?» А мне слышалось — «младший ничтожный сотрудник». «Не знаю», — сказал я. «В два раза устроит?» «Что вы!» — не поверил своим ушам. Надо было бы сказать что-нибудь другое.

Меня толкают в плечо. Открываю глаза.

— Билетик.

Толстая тетка в синем форменном пальто и с ней охранник в фуражке.

Билетик у меня «туда-обратно». Знал, что контролеры ходят пораньше, в расчете,

* Наш постоянный автор, доктор медицинских наук, профессор, зав. отделом науки «Медицинской газеты» (г. Москва).

что народ не станет спозаранку стоять в кассу. Спать хочется. Дорога каждая минута утреннего сна. По себе знаю. Но я и так встаю теперь ни свет, ни заря.

«Эх,— думаю,— сон бы да в руку».

Работа... Если вдуматься, разве это работа? Сидит молодой парень, протирает штаны, изучает усадьбную культуру Подмосковья. Мураново. Абрамцево. Кусково... Шляется каждый день с экскурсантами. Говорит заученный текст. А сам полуголодный. Как поначалу было интересно. Какие имена! Шаляпин. Врубель. Коровин, Савва Мамонтов... Ведь усадьбы — это, прежде всего, люди. И какие люди! Порой мне даже кажется, что я с ними знаком лично, вхож в их круг, принят, почти что свой. Через Мураново я узнал Тютчева. От первого впечатления чуть не заплакал. А Кусково?! Вся Европа на нескольких гектарах. Итальянский домик, голландский. Швейцарское шале. Эрмитаж... Оказалось, это интересно было только мне...

Сегодня нет экскурсий. И то хорошо. Не надо из себя строить вдохновенного рассказчика. Сегодня совсем не форме. Сказывается недоедание и недосыпание последних дней. Нелегко стоять перед разношерстной публикой. Редко кто слушает заинтересованно. Пожилые — да. Спрашивают, задают вопросы. Другие рассеяно смотрят по сторонам или отходят покурить, когда экскурсия выходит в парк. Это запрещено, но не моя обязанность делать замечания. Молодые девушки порой откровенно тебя рассматривают. Отвлекают. Думают, наверное, «ничего себе, парень, но одет, как лох». А я в день экскурсии надеваю лучшее, что у меня есть.

Раз экскурсии сегодня нет, устраиваю себе укороченный рабочий день. Надо успеть вкусить бизнес-ланч. А то придется жевать бутерброды. Он с двенадцати до пятнадцати. Это главное событие моего дня. О нем думаю с утра и вспоминаю о нем, засыпая. Четыре блюда. Пиршество! Салатик в пиале величиной в две столовые ложки. Суп. Кажется, из пакета. А вот второе бывает разное. Рыба, чаще треска или окунь. «На мясо» котлета, реже пельмени. Хорошо, когда курица. Но лучше всего компот из сухофруктов. Вспоминается детство. Мама варила такой компот. Он очень вкусный когда или горячий, или когда из холодильника. Выпив, вылавливал черносливы, вишенки, сплевывая косточки в блюдце... В этих компотах сплевывать почти нечего — одна, от силы две косточки, не больше. Но сладкий. Т-ца!

Мой ланч длится долго, до самого окончания времени, отведенного на это мероприятие. Уходить не хочется. Все-таки ресторан. Чисто, уютно. Еду подают. Приборы. Салфетки. «Приятного аппетита». Чувствуешь себя человеком.

Мне торопиться некуда. Встаю и медленно направляюсь к выходу. Если погода хорошая, иду в сквер поблизости, усаживаюсь на скамейке и тихо сижу. Хорошо. Весна ранняя, теплая. Деревья покрылись легкой зеленью. Сижу час, два. Разглядываю прохожих и с замиранием сердца чувствую, как постепенно пустеет мой желудок. Почему-то пустеет он сегодня очень быстро. Так мне кажется. Вообще-то раньше вспоминал о еде спустя пять-шесть, а то и более часов после очередного ее поглощения. А сейчас... Впрочем об этом лучше не думать.

Если непогода и холодно, спускаюсь в метро. Больше всего мне нравится Новокузнецкая. Гостиная, да и только. Мраморные диваны. По середине зала торшеры, изливающие мягкий, не надоедливый свет. Ты сидишь, никому не заметный, никто тобой не интересуется. И сидеть так можно сколько хочешь.

Сегодня как раз такая погода — моросит дождь и ветрено. В метро я чаще просто сижу. У меня в руках книжка о древнеримской загородной усадьбе. Занятно, они, древние римляне, знали уже тогда толк в житье за городом. А мы, русские, только, когда Петр II отменил обязательную службу при дворе и разрешил дворянам жить в своих поместьях. Вот тогда-то они и занялись обустройством своих «дворянских гнезд». А потом разночинный люд пристрастился тоже к загородному житью. Возникли дачи. Как хорошо они описаны у Чехова! Конечно, жалкое подобие дворян-

ских усадеб, но все же... А теперь и вовсе — пародия на них за высоким глухим забором. Не усадьба, а тюрьма. Вышек с вертухаями только не хватает.

Сказывается профессия. До таких ли дум сейчас? В моем положении? А думается. Профессия! Интересная и жалкая одновременно.

Закрываю книгу. Взгляд останавливается на молодом парне. Я заметил его боковым зрением, когда пришел на станцию и уселся на мраморный диван. У него в руках была роза. Всего одна, красная, на длинном стебле. Он стоял, прислонившись к торшеру. Он и сейчас стоит у того же торшера с той же розой в руках. Сколько прошло времени, не знаю, но думаю часа два. Успел прочитать три большие главы книжки. А он все ждет. Надеется. Лицо осунулось. Взгляд беспокойно скользит по лицам прохожих. Их здесь много. Удобно назначать свидания — деловые, любовные. Наверное, есть и такие, как я.

Очередная жертва.

Кто? Он или я? Оба. Я тоже когда-то ждал. Терпеливо и кротко.

Встаю. Сегодня поеду от Алтуфьево до Битцевского парка. Засекал время, около часа. Делаю пересадку на Третьяковскую. Если ехать в сторону Медведково, то, спустившись с короткого эскалатора, слева на стене около пола видно буро-коричневое пятно на белом мраморе. Приметил его давно. Здесь раньше сидел молодой парень. В камуфляже. Без обеих ног. Перед ним лежала солдатская фуражка верхом вниз. Не заметить его было невозможно — сидело полчеловека. Потом он исчез, и тогда там, где он сидел, стало видно это самое буро-коричневое пятно. По ширине оно равняется ширине его спины. Изо дня в день, едучи на работу, я всегда смотрел на это пятно. Сколько пережил и продолжал переживать этот парень, сидя на полу перед фуражкой верхом вниз, что даже белый мрамор не смог остаться безучастным! Интересно, если я сяду на пол справа от эскалатора и положу перед собой кепку и посижу здесь несколько дней, появится такое же пятно на белом мраморе? Нет, наверное. Если от всех, кто сидит у мраморной или какой другой стены с протянутой рукой, на них оставались бы пятна, что-то должно было бы измениться в мире. Или люди стали бы добрее, или, наоборот, ожесточились бы и всех разогнали.

Что за чушь с голоду и холоду лезет в голову.

От Алтуфьева до Битцевского парка час я убил.

Потом еду в центр. Он сильно изменился. Давно просто так, от нечего делать, не гулял по городу. Лет десять назад только, когда был «молодым человеком». А потом работа, дом в спальном районе, библиотека, архивы, экскурсии по Подмосковным усадьбам. А вот просто так, как беспечный гуляка, никогда.

Город не мой. Глаз привык к спокойным линиям дворянских домов, простору приусадебным парков, глади тихих прудов. Здесь даже старинные дома взяты в стекло. Немыслимые, несуразные переделы. Или билдинги, больше похожие на ледяные глыбы с четко обструганными гранями. За огромными витринами магазинов виден немыслимо роскошный, нереальный мир, в котором медленно ходят хорошо одетые люди и в который страшно войти. Банки с выложенным перед ними фигурной плиткой тротуаром. Рестораны с ливрейными швейцарами в дверях. Идут хорошо одетые парни и девушки, беззаботные, красивые... Но вот и здесь, на тротуаре, попадают нищие. Сидят, прислонившись к гранитным цоколям зданий. Старики и старухи. Даже здесь, в этом роскошном и чужом мире! Для меня всегда нестерпимый укор — седающая худенькая старушка с ведром воды и половой тряпкой на палке, убирающая наши кабинеты на работе. Прожить шестьдесят, семьдесят лет и в конце жизни окататься с половой тряпкой в руках и убирать за молодыми здоровыми мужчинами и женщинами, перекладывающими бумаги на столах!

Захожу в книжный магазин. Огромные площади. Не книги — произведения искусства. Не чета нашим, из позапрошлого века. Но цена, цена!

Здесь тоже убил час. Брал книгу, одну, другую. В интересных прочитывал несколько страниц. Листал книги по искусству, сами произведения искусства. И клал на место.

Не для меня. Мои — это книги совсем другого вида и содержания.

На улице уже смеркается. Засияла реклама. Это красиво. Сверкающий, чужой мир. Иду не спеша. Спускаюсь в метро. Переход от Охотного ряда на Театральную длинный. Здесь часто играют музыканты. Парень или девушка. Парень на флейте. Девушка на скрипке. Перед ними раскрытый футляр их инструментов. Играют хорошо. Хорошую музыку. «Грёзы» Шумана, Листа, точно не помню: то ли «Годы, а может, Время странствий». Что-нибудь из «Лебединого озера». Однажды даже венецианского дилетанта, Альбини, девушка играла. Потрясающая музыка... Люди стоят около, слушают. Потом кладут деньги в открытые футляры. Я тоже люблю постоять, послушать. Теплее становится на сердце. Только положить в футляр мне нечего... Теперь от центра до Красногвардейской и обратно до Речного вокзала. Еще как минимум полтора часа долой.

Народ возвращается с работы. Люблю всматриваться в лица. Мне кажется, что если знать историю лица, то даже в некрасивом можно найти привлекательные черты. История лица это отражение на нем всего того, что человек пережил или переживает сейчас. Первое впечатление это как неудачная фотография — застывшее чужое лицо. А если заговорить с человеком, лицо оживет, и в нем обязательно будет что-то интересное.

О чем только не думаешь, когда уйма свободного времени, и ты бесцельно едешь неизвестно куда.

Начинает подсасывать под ложечкой. Возвращается чувство голода, пустого желудка. Неприятное чувство. Настроение падает.

Чтобы отвлечься от размышлений о желудке, рассматриваю лица девушек. Тех, кто появляются на остановках, и усаживаются напротив меня. Одни входят и уходят, приходят другие. Стараюсь по лицу угадать их характер, какие они. Мне кажется, что больше всего о характере говорит нос. Кажется, у Лермонтова где-то сказано, что нос много значит в женском лице... Остроносые капризны. Обладательницы крупных носов девицы с характером, высокие и физически сильные. Такую не поднимешь на руки, не посадишь на колени. Они не бывают нежными и ласковыми, и секс их мало интересует. Нежные и ласковые это небольшие, полненькие, с расплывчатыми чертами лица и аккуратненьким носом. У них наивный взгляд, и они благодарно смотрят на тебя, если обратил на них внимание. Аристотель считал их самыми интересными в любви. По-теперешнему, в сексе. С длинным, сбегаящим вниз по лицу носом и опущенным кончиком его — скучны и педантичны. Они жаждут объяснения каждому поступку или слову и не успокоятся, пока не докопаются до истины. Те, у кого нос прямой, правильный, с широкими, красиво очерченными ноздрями, деловиты, требовательны, карьеристки и не прощают промахов.

Это, конечно, все мои фантазии на голодный желудок, не подкрепленные сколько-нибудь разнообразным личным опытом. Иначе в свое время не ошибся бы так сильно, как ошибся: остроносая и большая. Не разглядел? Не понял вовремя? Чему поверил? Ответа нет. Не знаю. Расчет в этом деле не проходит. Вначале всегда ошибка. Редко кому дается сразу попасть в «яблочко».

К концу маршрута вагон полупустой. Напротив меня уже долго едет девушка. Небольшая, полненькая, с расплывчатыми чертами лица и маленьким носиком. В джинсах и белой короткой куртке. Когда всматриваюсь в ее лицо, она отвечает мне заинтересованным взглядом. Потом, когда погружаюсь в свои размышления о влиянии носа на девичий характер, наш визуальный контакт нарушается. Размышления закончились. Поднимаю глаза. Полненькая сидит все также напротив, и во взгляде ее, обращенном на меня, вижу вопрос.

Поднимаюсь, киваю ей головой в сторону двери. И, о, ужас! Она встает и выходит вместе со мной.

Сначала мы идем молча. Надо заговорить. Но не знаю, о чем. О подмосковных усадьбах? *Бред.*

Выходим из метро.

— Пойдем в кино? — предлагаю. — Только не знаю, есть здесь поблизости кинотеатр. — А сам — *«может, откажется»*. Тогда — *«до свидания»*.

Как приговор:

— Я знаю, здесь недалеко.

Идем молча. Она берет меня под руку.

— Ты видел «Ночной дозор»?

«Вот так, сразу на — ты. Конечно, не видел. Некогда, да и не в моем вкусе «силовые фильмы».

— Не видел

— Тогда идем.

Идем. *Увы, мне!* — и попадаем к сеансу.

Перед началом покупаю бумажный пакет попкорна. Знаю, так принято.

Сидим, смотрим на экран и по очереди опускаем руки в бумажный пакет. Стрельба, крики, кровь. Тожесть силы и жестокости. Почему-то приходит на память Сенин: «Грубым дается радость, нежным дается печаль...»

Наконец, сеанс окончен. Выходим. Уже ночь.

Она берет меня под руку.

— Тебе куда? — спрашивает.

— Не знаю, — честно отвечаю я.

— Поехали ко мне.

— Поехали.

Идем на автобусную остановку. Ждем.

— Тебя как зовут?

Называюсь.

— А меня Рита.

«Маргарита, ты ли это?»

Подходит автобус.

— Наш, — говорит она и, когда двери открываются, становится на ступеньки.

Подсаживаю ее, а сам остаюсь на тротуаре. Она оборачивается и недоуменно смотрит на меня. Дверь закрывается, автобус отходит...

Смотрю на часы. Полночь. Пора на вокзал. Едва успеваю на последний поезд метро.

В вокзале покупаю билет для выхода на перрон, как встречающий, и прохожу в зал ожидания. Ищу свободное место. Есть. Соседей выбирать не приходится. Усаживаюсь между молодым человеком с букетом цветов в руках и пожилым господином в пиджачной паре и при галстук. Свою сумку с бумагами и книгами втискиваю между собой и подлокотником, вытягиваю ноги и закрываю глаза. Это далеко не горизонтальное положение, в котором не был уже почти сутки. Но все-таки хоть это. Уставшее мое тело обмякает, расплывается в жестком кресле, начинает отдыхать. И тут чувствую острый приступ голода. Рот наполняется слюной, которую приходится постоянно глотать. Господин при галстук думает, что меня тошнит, отодвигается от меня и отворачивается. Зря. Видно никогда не испытывал остро возникшего чувство голода. Встаю. В буфете покупаю пирожок с яйцом и рисом и маленький пакетик яблочного сока. Возвращаюсь на свое место. «Ужинаю». Через пять минут все кончено. Голодный желудок не расположен растягивать удовольствие.

Тотчас засыпаю.

Ровно в пять просыпаюсь. Позже нельзя. Лучше всего успеть на первую электричку. Надо приехать очень рано и остаться незамеченным. В вагоне малолюдно. Народ едет на работу в центр. А из центра желающих мало. Вспоминаю сон, который мне снился на вокзале. Снов было два. Первый помню смутно. *Останкино. Веду экскурсию. На меня пристально смотрит девушка. Лицо знакомое. Востроносая, высокая. О чем-то спрашивает меня. Я не понимаю, о чем. После экскурсии мы гуляем по парку. Потом она исчезла и больше не появлялась.* На этом первый сон кончился. Может, еще что-то было, не помню. Второй сон уже в электричке. *«Я мальчик. Мама молодая, красивая. Ласкает меня, гладит по головке. У меня много игрушек. Мне весело, я смеюсь, прыгаю. Появляется женщина, молодая, строгая, берет меня за руку и куда-то хочет увести. Я кричу — «мама!», упираюсь. Женщина говорит — «мальчик, идем в детский сад». А мама говорит — «иди, сынок». Я плачу.*

Сработали внутренние часы. Подсознательная память, что через двадцать минут поездки моя остановка, будит меня. Я просыпаюсь. От только что увиденного во сне колотится сердце, на глазах чувствую влагу. Выхожу из вагона в прохладу утра.

Через пятнадцать минут подхожу к девятиэтажному дому-башне. Поднимаюсь в лифте на пятый этаж. Достаю ключ, вставляю в замок и стараюсь бесшумно открыть дверь. Это удастся. В прихожей снимаю ботинки и осторожно прохожу в ванную комнату. Бреюсь. Чищу зубы. Умываюсь. Утираюсь носовым платком. В зеркале вижу лицо, уставшее, осунувшееся... Осторожно открываю шкаф. Никто не должен меня видеть. Переодеваюсь, чтобы на работе никто не подумал, что не ночую дома. Прохожу в детскую. Мой мальчик спит. Он похож на меня, светловолосый и лобастенький. Позволяю себе побыть рядом несколько минут. Сегодня от меня гостинца нет. Осторожно подсовываю под подушку десять рублей. На мороженое. Не могу удержаться. Тихонько, чтобы не разбудить, целую его. Он улыбается во сне. На цыпочках выхожу в прихожую, обуваясь, бесшумно открываю дверь и ухожу.

Ухожу в холодное раннее утро. Сажусь в полупустую электричку. Чтобы убить время еду от центра. Через полчаса езды пересаживаюсь и еду обратно, на работу. К своим дворянским усадьбам, которых много в Подмосковье.

Алексей Яшин
(г. Тула)

СЕРЕБРЯНАЯ ЛОЖКА (Рассказ-быль)

В наше волчье время люди общаются друг с другом преимущественно через прилавок частного магазинчика, через тюремную решетку, а то и через автоматный прицел. Потеряна веками воспитанная, а в советское время, особенно в 60—70-е годы, доведенная до благолепного совершенства, культура общения. Остатки этой самой культуры сейчас успешно добывает монстр телевидения, а у подрастающего поколения и надежд никаких уже нет: наркотики и последнее изобретение дьявола — интернетовская сеть отобрали у нас и у мира детей, поместив их сызмальства в легко управляемую и контролируемую службой Антихриста виртуальную реальность. Поэтому поколения, чей возраст перевалил за средний (по советским, конечно, меркам, ибо по нынешним этот возраст относится — молитвами отечественных и зарубежных радетелей — едва ли не к студентам-старшекурсникам...), которых каким-то чудом не сумела затянуть в свои цепкие лапки-царапки современная торгово-воровская жизнь, очень дорожат только им и оставленной привилегией человеческого общения, как и встарь: в тесных, но таких уютных кухоньках сам-друг, да под бутылочку акцизной, да под селедочку-лучок, яишенку с салом, сгоношенную доброжелательной хозяйкой, а по табельным дням — за небогато, но душевно накрытым столом в небольшой, десятилетиями не меняющей своего состава компании.

А чтобы женщины, без которых, как ни крути, не обойдешься в домашней обстановке, и которые не имеют своего царя в голове, а потому и скоро — даже умнейшие и мудрейшие из ихнего полу — перестраивающиеся на новый, пусть и поганый, стиль жизни... так вот, чтобы эти заботливые о нас и очаровательные существа не вздумали включить телеящик с нагло-кривыми, отягченными всеми пороками рожами телеведущих и хозяев новой жизни, предусмотрительный хозяин заблаговременно выдергивает и прячет сетевой провод со штепселем. Как тот дурдомовский врач Моргулис из песенки Высоцкого...

*«Эй, трактирищик-старина?
Дай-ка доброго вина
И крамбамбули стакан.
Доннер-веттер! Кто не пьян?»*

— Это песенка немецких студентов-буршей из прошлых веков, а крамбамбули — сорт крепкого ликера. А слышали ее как-то раз гости от разошедшегося хозяина, Николая Андреяновича, великого книгочея, а потому многое помнившего и знавшего.

Услышали и призадумались: а что? Неужели и «забугорники» тоже когда-то общались в дружеских компаниях? Когда же они свой бизнес-торговлю успевали вершить?

Бедные, бедные люди, даже вы, выросшие и вкусившие в зрелые годы все вели-

чие и благодушные эпохи расцвета Советской Империи, успели позабыть, что в жизни человека есть нечто большее, нежели вышибание копейки, которую с собой в мир иной не возьмешь, а в наследство оставить — значит сделать рабом этой копейки детей-внуков...

Были, были времена иные: не только у нас, но и в насквозь практичной Немеетчине...

* * *

Николай Андреянович — мой давнишний друг-приятель и коллега по работе в одном из тех немногих в городе НИИ, что уцелел в период грабежа-приватизации, акционирования-разрушения и теперь еще достаточно успешно боролся за свое существование. Во всяком случае, как и двадцать лет тому назад, рисовали мы с ним, находясь в соседних комнатах, ракеты: он — переднюю часть с «начинкой», а я — заднюю с движком.

Надо заметить, что еще пять-шесть лет тому назад в третьей комнате нашего отдела — по коридору напротив и наискосок, рядом с кабинетом одного из замов главного инженера — трудился третий наш неперменный компаньон Серега Зябликов. Он рисовал наиболее ответственную часть ракеты — ее оболочку. Когда народ, вдохновленный верховным призывом грабить накопленное и созданное за семьдесят лет советской власти, со стахановским энтузиазмом принялся за святое это дело, Серега, фотография которого не сходила со стенда «Лучшие изобретатели», публично заявил, что жить под властью хама-торгаша и воровского банкира, а тем паче работать на него, он не намерен, ибо прадед его имел, как и отец Владимира Ильича, чин действительного статского советника, то есть, согласно уложениям законов Российской Империи, он является потомственным дворянином, а потому заключает сам с собою пари: если народ в массе своей не прозреет и трижды проголосует за буржуазную власть, то значит, что народ заслуживает, чтобы его грабили и преждевременно сводили в могилу.

Пари он сам у себя и выиграл. Как только дорвавшийся до свободы народ в третий — после заявления Сереги — раз подряд поддержал демократию и частную собственность, бывший лучший изобретатель уволился и ушел в стихию частного предпринимательства. Собственно говоря, успешно предпринимать ему не позволяла ненависть к хамам и торгашам, верность заветам бесклассового общества, но он удачно встроился с совершенно мизерным взносом — в виде семейных бумажек-ваучеров — в организованный его знакомым кооператив. Кооператив же не менее удачно пристроился к распродаже металлических неликвидов одного акционированного завода. Запасы последних оказались столь гигантскими, что уже пять лет Серега получает приличные дивиденды, все время проводит в своей квартире на окраине города, перечитывает русскую классику, а через два дня на третий пьет водку и философствует по телефону со мной и Николаем Андреяновичем. В последние два года, когда его дивиденды заметно увеличились, даже за водкой перестал из дома выходить, чтобы не видеть хамских рож; водку и закуску ему на дом в любое время суток по звонку привозит действующая в городе частная служба доставки. Как он говорит, даже фамилии и адреса своего не называет. Только набирает простой в запоминании номер, а оттуда уже ласковый голос диспетчерши: «Здравствуйте, Сергей Николаевич! Сегодня как обычно? Вот что-то кушаете вы плохо, а у нас настоящий тамбовский окорок завезли и свежую копченую семгу...»

А недавно, очевидно в порядке черного юмора, разбудили его среди ночи и поздравляли: он-де сделал накануне им юбилейный, тысячный за время существования фирмы — заказ. Поинтересовались: привезти ли сейчас приз: бутылку настоящей смирновской и закуочный набор?

Мы с Николаем Андреяновичем Серегу уважаем за четко означенную и выдерживаемую гражданскую позицию. Корпус же ракеты вместо него рисует менее удачливый инженер, который вложил семейные ваучеры в местный гигант металлургии. Гигант прибрали к рукам американцы, и теперь раз в год его жена ездит на другой конец города, получает дивиденды, добавляет к ним три рубля и покупает пачку стирального порошка.

* * *

Надо сказать, что все застолья Николая Андреяновича начинались не водкой под грибки или под селедочку в горчичном соусе, как то повсеместно принято. Исключение делалось только в новогоднюю ночь и на день рождения супруги: здесь поднимались традиционные шампанские бокалы. А в рядовых дружеских пирушках, тем более — беседах за кухонным столиком, все начиналось по-купечески: сначала до пота, до красноты лиц пился чай хорошей заварки, с лимоном, с каплей-другой коньяка, но — без всяких сладостей-пирожков, печений и прочей кулинарии, чем женщины таинство чаепития сводят к обычной жаренке, от которой, кстати говоря, они же и неумеренно и раньше времени толстеют. Конечно, чрезмерная худоба не красит семейную женщину, но все же до сорока лет она должна держать себя в таком теле, чтобы муж ее, особенно подвыпив, начинал слегка ревновать супругу к молодцеватым гостям...

Обычай же, кстати, для здоровья очень полезный, начинать чаем обед или ужин, особенно с вином и тяжелыми блюдами-закусками, Николай Андреянович объяснял наследственностью, в частности, — наглядным примером своего отца, который, будучи на пенсии, пил чай от зари до зари и даже ночью, в бессонницу, благо сон он разделял равномерно по времени суток, где ночные и дневные часы были полностью уравнены в правах. Андреян Матвеевич четверть века прослужил во флоте, где понятий дня и ночи нет, а есть вахты и склянки. Даже настенные часы в рубках кораблей и береговых кают-казармах имеют специальную нумерацию: не от нуля до двенадцати часов, как мы все привыкли, а от нуля до двадцати четырех: восемь вахт по три часа, две полусуточных или одна суточная. Специальные такие часы выпускает (или выпускал?) петродворецкий завод военных хронометров по заказу Минобороны.

Так вот, обычная картина субботнего раннего зимнего вечера. С утра мы с Андреянычем (время — советское!) до полудни в своем НИИ ракету рисовали — обычная предновогодняя штурмовщина: последние две недели уходящего года и работы в цехах опытного производства куют, и инженерный корпус ватман переводит. А выйдя за ворота, ради близкого праздника для отправились стричься в парикмахерскую. После нее сам бог велел заглянуть в парковую «стекляшку», выпить по стаканчику портвейну ординарного розлива, слегка, чтобы не портить аппетит, закусить, потом погулять по чисто подметенным аллеям заснеженного парка среди снующих лыжников. Нагуляв аппетит до бунта желудочного сока, в сизом морозном сумраке, потирая защищавшие уши, идем к Николаю Андреяновичу — он рядом с парком живет. В ближнем магазине прихватываем бутылочку «старки». Она для здоровья очень полезна!

К нашему приходу хозяйка дома, хорошо знающая субботнее расписание, уже заварила литровый фарфоровый чайник, и щедро насыпанный из пачки со слоником чай настаивается до багряной красноты под ватинным сарафаном кукольной купчихи. Пока весьма интересная для своих лет супруга Андреяныча жарит на сале загодя почищенную картошку и разогревает домашней фабрикацией котлеты (закуска же набирается морозного оптимизма в холодильнике), мы сам-друг, уместившись на той же кухне, в противоположность закуске отходим багровыми щеками от уличного холода пятыми стаканами не менее багрового чая. Супруга все норовит поставить

«старку» в холодильник, а Андреяныч сердится: «Сколько же можно учить! «Старка» — это настойка, не водка, а в холодном виде настойка теряет свой вкус...»

Николаю Андреяновичу не только традиция чаепития от родителя досталась, но и само ее оформление. Кое-кто вот посмеивается над китайцами-японцами за их чайные церемонии, а зря. Сам становишься таким русским японцем (ради бога, не подумайте, что это про известную нашу демократическую деятельность касается...), хоть раз отведав чаю в компании с моим приятелем: стаканы у него тонкого стекла с золотым ободком, хотя и пьют из них уже третий десяток лет. Про подстаканники и говорить нечего: настоящая скань, металлическое кружево из мельхиора, музейное произведение искусства. Кроме как у Николая Андреяновича, я такие видал только на больших коробках подарочного краснодарского чая изображенными. А в глубоком детстве — в поездах чай в таких подстаканниках проводники разносили. Да видно все разнесли... уже с 60-х годов их заменила аляповатая алюминиевая штамповка с мутно-выдавленным рисунком.

И ложки чайные особенные, серебряные, с затейливыми узорами, а у хозяина и того примечательнее: старинного серебра, с эмалевыми (как на ордене Красной Звезды) овальными вставками на черенке, с затейливой гравированной монограммой «А. Е. Ш.». Но, как это ни странно, эта замечательная ложка сердит хозяина. И когда «старка» выпита, тянет в сон, энтузиазм приятельской беседы иссякает, пьется последний стакан завершающей заварки чая, Андреяныч с легким раздражением высказывает свое неудовольствие ложкой: «Черт-те что, уже двадцать лет ею пользуюсь, а все привыкнуть не могу! Случайная в доме вещь, опять же инициалы эти... напоминают, что чужая это вещь: как украл все равно! Кто ею раньше владел? — Может графиня Агнесса Евграфовна Шереметьева, а скорее всего провинциальный зубной врач Шустерман Абрам Ефимович... Нет, не могу привыкнуть и все тут!»

Я-то в курсе всех этих неудовольствий, мне и объяснять ничего не надо, а более далеким от семейных тонкостей гостям супруга Николая Андреяновича, когда тот отлучится на время от праздничного стола, поясняет: «Переживает, что отцовскую серебряную ложку в наследство (ха-ха, наследство...) не получил».

* * *

Андреяна звали на посту в глаза и за глаза Матвеичем. Не только свои матросы, то есть, его подчиненные, но и часто заезжавшие на катере офицеры из начсостава СНИС^{*} и политотдела. Действительно, по своему возрасту — недавно двадцать шесть стукнуло ровеснику Октября, да невысокому старшинскому званию он смотрелся дедом среди команды возглавляемого им поста. Оно и понятно, сам он был из кадровых, служил с тридцать шестого, свое срочное выслужил, а к демобилизации Финская кампания подоспела, а поскольку Северный флот считался в той войне действующим, то и ДМБ^{**} отменили, а после Финской и вообще такое понятие исчезло. Так и потянулось, а конца войне не видно было...

Матросы же в его команде — сплошной молодняк-салаги первых военных лет призыва, кроме Асатурьяна, имевшего великое воинское звание старшего матроса, тоже кадрового тридцать девятого года призыва, да слегка охромевшего на левую ногу во время службы. Демобилизовать, конечно, не демобилизовали, но и на Сталинградский фронт, куда осенью сорок второго всех мало-мальски свободных от боевых дел мореманов подбирали, оказался негоден. А в СНИС^е — самое место, не в атаку бегать с хромой ногой; даже в бомбоубежище не нужно утруждаться: запрещено уставом боевой наблюдательный пост покидать.

* Служба наблюдения и связи (военн.).

** Демобилизация, принятое на флоте сокращение.

А сам Андреян в СНИС'е оказался по причине своей фамилии: сколько ему в течение жизни пришлось фигурировать в различных списках, везде он был замыкающим, левофланговым, хотя в строю обычно присутствовал по причине высокого роста как раз на правом фланге! Их опекун из политотдела береговой службы майор Шулейко как-то, будучи в добром расположении духа, сказал Андреяну, что специально интересовался в общесписочном составе Северного флота: там Андреян предпоследним и то потому, что список замыкала его однофамилица, женщина-военврач...

Служба — дело регламентированное, здесь людей, если ты не командир достаточно высокого ранга, считают по головам, а упорядочивают по спискам личного состава. И распределяют вновь прибывших по частям и по роду воинских занятий тоже по алфавиту. А так как в перечне последних поначалу следуют героические военные профессии, а во флоте это подводники, будущие экипажи крейсеров и эсминцев, катерники-смертники и так далее по нисходящей, то завершающие алфавитный список и попадают в лучшем случае на каботажные вспомогательные посудины буксирного образца, а то и вовсе в береговые команды: тот же СНИС, штабные радисты и порученцы, комендатура, особисты. В мирное время это задевает честолюбие воина в тельняшке, а в военное — сам себя стыдясь — порой и поблагодарит воин судьбу и отца своего за фамилию... Дело житейское, понятное, даже черномундирный майор Шулейко не попрекнет.

Так вот и с Андреем: в обоих учебных отрядах — в Кронштадте и на Соловках — с концом списков в связисты попал, а по прибытии в Полярный в СНИС. Правда, Шулейко, тогда еще старший лейтенант, восхитившись его анкетой — с малолетства крестьянский сирота, среднее образование и техникум закончил, на ударной стройке пятилетки Волховстрое успел поработать, дядька капитан НКВД, — пробовал его в особисты записать, однако на непременно условие («Чтобы через год заявление в партию!») Андреян не согласился, ссылаясь на молодость и неподготовленность к столь ответственному шагу. На самом же деле, будучи происхождением из калужских старообрядцев-поповцев, в крови унаследовал он неприязнь к участию в делах, пусть и правильных, нужных стране, но постоянно, днем и ночью подконтрольных начальству.

Шулейко же не оставлял раз запавшей в его упрямую хохлацкую голову мысли: уже и в капитанском, а потом и в майорском званиях при каждой встрече с Андреем набивался даже с личной рекомендацией в партию. А от постоянного неуспеха в этом деле, пакостил, как мог. Оттого-то Андреян, кадровик 36-го года призыва, участник уже второй войны, специалист высокого класса, со средним специальным образованием, был и оставался всего-навсего старшиной 2-ой статьи, хотя и командовал очень ответственным постом прямо на входе в Кольский залив, куда был назначен в самом начале войны, как кадровый старослужащий.

Андреян, опять же по наследственной старообрядческой нестяжательности, мало беспокоился своим скромным воинским званием, однако история с крейсером «Эдинбург» и его задела очень даже чувствительно.

* * *

Несмотря на малое свое звание и незавидную береговую должность, когда всей стране были известны имена североморцев Сафонова, Гаджиева, Лунина, Фисановича, матроса Сивко, героев-катерников, Андреян не был бесконечно малой песчинкой. А многие события войны на Севере, о которых впоследствии сын его Николай узнавал из школьных уроков истории, так или иначе касались отца, который и комментировал их по-своему, приняв «для разговору» пару-тройку рюмок в табельный день.

Это не удивительно, ведь флот — не безликая и многомиллионная серая масса (по окрасу шинелей) пехоты на полях Великой войны. Во-первых, Северный флот

фактически был единственным активно действующим в течение всей войны; во-вторых, пост Андреяна располагался в узловом месте — на крутобоком острове Тóрос (от слова «торóс» — глыба льда, что соответствовало скалистой его форме) на самой границе Кольского залива и Баренцева моря. А в-третьих... сама организация флота есть единый, компактный механизм, где каждый человек — от только что призванного салаги до адмирала — есть недублируемая частичка этого слаженного механизма. А если учесть своего рода обжитость мест базирования — это не кочующие сухопутные армии и фронты — и относительное постоянство состава (гибнут, конечно, единицами на берегу, экипажами на море, но ведь не ротами и эскадрами зараз!), то за два-три года войны, как жители районного города, все друг друга знают, а командующий и его штаб, звоня на отдельный пост за добрую сотню миль, без затруднений называют фамилию того же малочинного Андреяна... И заслуженные награды часто сам адмирал составляет, если только не подвернется бдительный и долгопамятный Шулейко и иже с ним.

* * *

Про крейсер «Эдинбург», вывозивший через Мурманск советское золото — в оплату за союзнические ленд-лизские поставки, из которых Андреян почему-то запомнил только «второй фронт» и хеопсовы пирамиды мешков с какао-бобами на Мурманском причале, — много чего в послевоенные годы понаписано. Но когда «Эдинбург» выходил из Мурманска, шел по заливу и далее в море, вряд ли кто, кроме комфлота, знал о его содержимом. Поэтому когда Андреян взял телефонную трубку и услышал голос адъютанта: «Сейчас с тобой командующий будет говорить», — то был нимало удивлен.

— Слушай (он назвал Андреяна по фамилии), у тебя туман не спадает?

— Нет, товарищ адмирал, со вчерашнего вечера видимость нулевая.

— Вот что... тут один английский крейсер затерялся; он идет без радиосвязи и без звукового оповещения. Акустики его тоже не слышат, значит, встал в тумане. По всем прикидкам на выходе из залива. Усиль наблюдение, а в случае чего звони прямо в штаб.

Стоял полдень, но по всему было видно, что туман установился не на сутки и не на двое. Стояла полная тишина: ни ветра, ни шума немецких бомбардировщиков — на Мурманск, и у люфтваффе по поводу тумана выходной. Только редкие гудки маяков в заливе.

Прошла пара часов, ничто не выдавало возможное присутствие где-то рядом большого корабля. Захотелось есть, глаза слезились от едкого туманного холода, усугубляемого постоянно прижатыми окулярами бинокля. Позвонил по внутреннему и вызвал на мостик самого опытного — Асатурьяна, сам же спустился в жилую часть поста, зашел на камбуз, где никого не было — уже команда пообедала, и кок Гриша ушел. Дежурный бачок со щами стоял на малом огне плиты. Налил миску горячих щей. Сел за стол. Однако решил подождать, пока щи поостынут. Так советовал военврач в госпитале в Полярном, где год назад он провел пару недель: язва объявилась.

Аппетит разыгрался не на шутку, и Андреян неотрывно смотрел на миску, пар из которой все не утихал и наводил на какие-то неясные мысли, вовсе далекие от еды. Внимательно приглядевшись к пару, Андреян наклонил голову вбок, так что глаза оказались на одном уровне с краями миски, а щей он не пожалел, налил вровень с краями. И здесь-то его осенила мысль, сделавшая его имя на некоторый срок известной самому высокому флотскому начальству...

Однако, война войной, а чего шам пропадать? Не торопясь, опять же как советовал старый и опытный врач-подполковник, Андреян закусил и гречневой кашей с тушенкой, только после этого надел бушлат, шапку и вышел на воздух. Даже не заходя в кубрик к команде.

Выбирая дорогу скорее ногами, так как все равно в двух метрах ничего не разберешь, он нашупал тропинку единственно имевшегося на острове крутого спуска к воде, и вскоре под ногами шелестела береговая галька. Дошел до края отмели (был час отлива), выбрал место почище, посуше и, как в физкультурном упражнении на отжатия, прилег на носки и ладони, повернув голову в сторону воды, почти вровень глазами с ее зеркалом.

Действительно, как он и ожидал, над поверхностью воды простирался высотой в полметра участок чистой и полной видимости, а поведя глазами туда-сюда, на расстоянии не более пяти-шести кабельтовых он увидел и длинную черную полосу борта корабля, по размерам вполне соответствовавшего крейсеру, только почему-то черного цвета (?).

Быстро взбежал на горку, поднялся на мостик, не замечая прильнувшего к биноклю Асатурьяна, вошел в остекленную рубку и набрал штабной номер, доложил дежурному офицеру. Тот уточнил: «Окраска бортов черная?» — и получил подтверждение, после чего дал отбой связи.

Однако не успел Андреян рассказать Асатурьяну о связи горячих щей с английским крейсером, как раздался телефонный звонок. У трубки, минуя адъютанта, был сам командующий. Еще раз выслушав доклад, он поинтересовался: откуда, дескать, старшине известно про такое свойство тумана? Про щей Андреян говорить не стал, сослался на прилежное изучение физики в школе и техникуме. «Хорошо тебя учили в школе, — рассмеялся командующий, — готовь дырку на форменке под Красную Звезду!» И дал отбой.

Однако прибывший через пару недель на катере майор Шулейко, построив команду и зачитав благодарность командования за исправную службу, вызвал из строя Андреяна и торжественно вручил ему... медаль «За боевые заслуги», причем даже без номера на реверсе.

Сопровождая вручение награды краткой, но прочувствованной речью, майор Шулейко призвал краснофлотцев быть такими же усердными и сметливыми в службе, «как ваш боевой товарищ и командир, который, хотя и не является членом Ленинской партии, но не щадит...» и так далее. Услышав непонятный шумок на левом фланге, где стояла англо-американская команда, майор чуть повысил голос: «Это же относится и к нашим доблестным союзникам!» После чего ядовито заулыбался весь строй, а хорошо понимавший по-русски матрос-переводчик Джеймс Лэнг закашлялся, глуша разбиравший его смех.

* * *

На этом история с «Эдинбургом» не закончилась, а имела и ближнее продолжение, и весьма отдаленное, а потому и туманное, до конца невыясненное.

Надо сказать, что из всех союзников, несших параллельные вахты на посту, а их сменилось множество — англичан, американцев, австралийцев, канадцев, даже новозеландец один был, — Андреян более всех сдружился с Джеймсом Лэнгом. Он по-русски говорил не хуже его самого, только характерный акцент выдавал иностранца, но с тем же американцем его ни за что спутать было нельзя; был Джеймс породистым англичанином, филологом, окончившим Оксфорд (у них в войну высшее образование вовсе не означало офицерский чин). В мирной жизни преподавал в колледже, работал над диссертацией по славистике, жил в собственном доме в пригороде Лондона, да еще в Ливерпуле квартира была — жена в балетной труппе тамошнего театра выступала. Впрочем, это он о себе в прошедшем времени говорил, там, в Англии, все оставалось по-прежнему: и дом стоял, обихаживаемый семейной парой прислуги, и жена на ливерпульской сцене танцевала, а вот Джеймс в матросской форме нес службу на крохотном островке Торос, на который, пролетая ежедневно бомбить Мурманск, обя-

зательно немцы сбрасывали пару-тройку бомб, ибо был их пост в горле залива как бельмо.

Андреян, хотя и окончил всего-навсего техникум молочной промышленности в Калужской области — по комсомольской разнарядке, но человек был начитанный, самообразованный, думающий и любитель поговорить о высоких материях: сказывалась старообрядческая наследственность.

Джеймсу тоже нужен был собеседник в долгие полярные ночи. Андреян же выделил англичанина с первого дня пребывания самой первой команды союзников, прибывшей на Торос одновременно с приходом в Мурманск первого из ленд-лизовских караванов «PQ». День был ясный, поэтому немцы по расписанию летели с норвежских аэродромов бомбить Мурманск. Летели кучно, неторопливо, как они летали первые два года войны, огибая редкие зенитные батареи, а наших самолетов в воздухе до сорок третьего года и вовсе не было видно...

Увидев первые эскадрильи, союзные матросы дружно устремились в выдолбленное в скалах бомбоубежище. Через полчаса они вновь появились на мостике поста, где Андреян с Асатурьяном продолжили с ними беседу-инструкцию по несению боевых вахт. В конце инструктажа переводивший беседу Джеймс поинтересовался, оставшись наедине, у старшины: почему русские матросы не спускались в бомбоубежище? «А пост покидать нельзя, за это трибунал», — бесхитростно пояснил Андреян.

— Но ведь бомбят? Я слышал несколько разрывов большой силы!

— Что поделаешь. Пока что прямых попаданий не было, островок крутой, бомбы в основном по боковинам лупят, рыбу глушат. Сейчас салаги пойдут на берег треску для камбуза собирать...

Еще через полчаса немцы полетели в обратную сторону, на мостике замигал синий фонарь тревоги, но Джеймс с мостика не ушел. На другой день, тоже на редкость ясный и безоблачный, немцы шли на бомбежку точно по графику. На этот раз все трое англичан остались на мостике, в бомбоубежище спустились только янки (это они делали до конца войны).

* * *

Вскоре после случая с черным английским крейсером, Джеймса перевели с поста в ленд-лизовское представительство, а встретились они случайно в конце зимы сорок четвертого в Мурманске. Андреян с двумя матросами прибыл с утра на политотдельском катере в Мурманск — получить для своего поста тяжелый пулемет «кольт» из американских поставок, стереотрубу, бинокли и кое-что по хозяйственной части. Обратный катер ожидался только наутро, поэтому, оставив на комендантском пирсе в караульном помещении матросов с карабинами при ящиках с добром, сам он отправился побродить по Мурманску, точнее, по тому, что осталось от него после трех лет немецких бомбежек. Однако районы у причалов, судоремонтного завода уже начали застраиваться бараками и скороспелыми служебными зданиями. На улицах, тоже скороспелых, даже под вечер было многолюдно, слышалась английская речь, даже женский смех; закат войны ощущался именно по женскому смеху...

Здесь-то он и встретил Джеймса, уже лейтенанта в щегольской форме. Как тут же выяснилось, Джеймс также был свободен на весь вечер. Надо было выпить, поговорить, но где? Это ведь не Торос, где нет начальства, а кок Гриша даже из сушеной картошки, тушенки и сухого молока мог сготовить на закуску нечто очень даже похожее — особенно по вкусу — на жареную картошку с мясом и яичницу с салом.

В единственную в городе столовую с подачей пива, открытую специально для союзных моряков, вход Андреяну был закрыт. Также и в комендантскую караулку на пирсе Джеймса не пустят. А где взять выпить? — Однако этот-то вопрос решился тотчас; Джеймс попросил подождать его чуток, сбегал в стоявшую рядом свою

миссию и вернулся оттуда с оттопыренными карманами шинели и свертком подмышкой.

Ломая голову, они остановились перед бараком, дальше узкую улочку перегораживала гора свежесваленного угля. Отворилась барачная дверь, вышел пожилой мужик в ватнике, сапогах, с ведром — и пошел в сторону угольной кучи.

— Отец, выпить нам надо, непустишь?

— А в чем дело-то, заходи, дверь открыта, кухня направо, а я сейчас, угольку вот прихвачу...

Через пять минут Андреян с Джеймсом, раздевшись до тельняшек, сидели за столом натопленной до банной духоты кухни. На столе пузырилась литровая бутылка виски, хозяин раскладывал по тарелкам принесенную Джеймсом закуску: уже порезанную ветчину, консервированную колбасу и копченого лосося, порезал белую булку.

Выпив за знакомство полстакана виски, хозяин деликатно удалился в свою комнату, заверив, что мешать им никто не будет: семейные живут в отдельной половине барака, здесь только мужики — по вербовке на портовые работы из Архангельской области, так они только ушли в свою смену, он за дежурного истопника остался.

* * *

В тот вечер они хорошо поговорили, присоединившийся к концу беседы мужик выставил от себя бутылку «Московской», поджарил большую сковороду трески.

В числе прочего вспомнили и об «Эдинбурге». В то время, хотя, конечно, в газетах об этом не писали, и Левитан чеканным голосом не сообщал, но среди моряков-североморцев уже знали о характере груза крейсера. Джеймс горячился, вспоминая обиду, нанесенную Андреяну — медаль вместо ордена, — сказал, что если его командиры так плохо оценили смекалку русского старшины, то он, лейтенант Лэнг, компенсирует русскому герою английским боевым орденом Георга; завтра же попросит своего полковника составить ходатайство. Здесь же, за барачным столом, записал в свою книжку точную английскую транскрипцию фамилии, имени и отчества героя.

— Не знаю, Андрэй-йан, увидимся ли еще, но орден Георга от короля я тебе гарантирую, а от меня — возьми, что есть, — и Джеймс хлопнул ладонью о ладонь Андреяна, отнял ее, а на ладони засверкала золотая гиней (золотой у Андреяна то ли затерялся, а, скорее всего, украли в первый послевоенный год). Еще он записал в свою книжку калужский адрес старшины — адрес его младшей сестры, жившей в деревне; другого адреса у него не было; не давать же адрес дядьки, уже подполковника НКВД? Вырвав листок, Джеймс написал и оба свои адреса: лондонский и ливерпульский: «Пиши обязательно, а будешь в Англии — заезжай без церемоний!»

Расставаясь у пирса, они обнялись. Больше им встретиться на этом свете не довелось, хотя до самого конца войны они не теряли друг друга из виду, при случае передавая приветы через знакомцев.

Орден Георга Андреян так и не получил, хотя наверняка и точно знал, что Джеймс ходатайствовал об этом: в начале сорок пятого, распекая вечного старшину за историю с Косыгиным, Шулейко, уже свежее испеченный полковник, проговорился: «...Мать твою! Был ты старшиной второй статьи, им и войну закончишь. Ордена Георга ему, видишь ли, захотелось!»

Так и закончил Андреян войну со скромным иконостасом: к давешней «За боевые заслуги» без номера добавилась положенная кадровиком «За оборону Советского Заполярья» и всем положенная медаль «За победу над Германией», а в сорок восьмом, за месяц до демобилизации, получил и «XXX лет Советской армии и флоту». Впрочем, многие сухопутные моряки и этого не имели; бытовала после войны среди мореманов присказка: где североморцы с орденами? — Между Кильдином и Шпицбергом! (То есть на дне Баренцева моря.)

Еще Андреян от той войны захватил в мирную жизнь затаившийся туберкулез и язву, что пришлось ему лечить и оперировать в пятидесятилетнем возрасте, когда организм человека выявляет все свои скрытые недуги. Поэтому Андреян и прожил всего-навсего семьдесят с небольшим, хотя у его предков-старообрядцев (родители не в счет, они от холеры в гражданскую померли) в моде были возрасты 100—110 лет.

Закончил Андреян свою жизнь в самую горбачевщину, может, и к лучшему, не увидел разрушения и гибели государства, которому отдал годы и здоровье...

Совершенно неожиданно и каким-то другим боком орден Георга выплыл уже после смерти Андреяна. Намечались очередные демократические выборы, почтовые ящики граждан (у господ в виллах ящиков не было, им почту в офисы приносили) каждый день разбухали от подметных листовок, газет и даже брошюр, описывающих подвиги кандидатов. Николай Андреевич макулатуру эту не читал, конечно, но приспособился использовать большеформатные газетные листы из добротной бумаги с пользой: заворачивал в них бутерброды-торомозки, что брал с собой на работу (в столовую он и его коллеги давно из-за дороговизны перестали обедать ходить). А когда эти бутерброды ешь в обеденный перерыв под чаек собственной заварки, то глаза поневоле ищут себе занятия, вот и прочитаешь какую-нибудь чушь в промасленной газетке.

Но одна пространная заметка раз как-то не на шутку заинтересовала Николая Андреевича. Автор статьи, по всей видимости, получил редакционное задание извешивать в грязи конкурента по выборам, выставив на передний план достоинства патризируемого кандидата, но сделать это аккуратно, не прямыми, но косвенными сопоставлениями, поскольку конкурент, хотя и был коммунистом, но именно он в текущий момент занимал ту должность, которая и была предметом грядущих выборов.

То есть, обляять и оболгать напрямую было опасно.

* * *

Получив задание от начальника выборного штаба, нанятый на время предвыборной компании матерый журналюга Семен Липкин, хорошо известный в их городе корреспондент бывшего органа областного комсомола, а ныне рупора демократии, процветающего и скандального восьмиполосного «Юного ленинца», не долго думал-размышлял. В совершенстве — ведь ВКШ* закончил! — владея тем, что сейчас называют модным словом «*пиар*», он решил написать статью на сопоставлении и вышибить пот негодования у демократической общественности (торговок-челночниц, не имеющей царя в голове интеллигенции, зомбированной телеящиком молодежи и умеющих читать бандитов) историческими параллелями. За основу сопоставления он взял прямо противоположные мнения о «большом брате» — Америке, накануне высказанные обоими конкурентами и еще памятные жителям города. Кандидат от компартии, выступая по местному телевидению, крайне нехорошо отозвался о «старшем брате», который и разрушил СССР, а в качестве извечного американского вероломства сослался на исторический прецедент: бесконечное затягивание открытия второго фронта в годы войны, стремление отделаться от действенной помощи восточному союзнику ленд-лизовскими поставками, весь объем которых не превышал 8% от советского производства...

А его конкурент от правых сил, молодой и энергичный предприниматель, хозяин обоих городских кладбищ и всех платных сортиров города, бывший второй секретарь обкома комсомола Леонид Хребтоломов буквально накануне поделился с читателями «Юного ленинца» своими впечатлениями о недавней поездке в Империю Доллара для стажировки в части муниципально-хозяйственного бизнеса (ездил он по более

* Высшая комсомольская школа (старорежимн.).

прозаическому делу: переводить нажитые трудовые в «*Bank of New York*» и заодно купить заваливший домишко-виллу во Флориде). Статью эту за пару сотен «зеленых» писал сам Семен Липкин, ему же и проще было выстроить центральный эпизод сопоставления, где требовалось документально показать героизм американцев в войне, их неоценимую помощь СССР, наконец, черную неблагодарность советского руководства, да и вообще советского народа, по отношению к звездно-полосатой державе-спасительнице.

Как и всякий интеллигент-середняк из пишущей братии, всю жизнь стремящийся покинуть «эту страну» и обосноваться в краях похлебнее, Семен хорошо знал еще с советских времен, кроме русского литературного и родного разговорного, английский язык. Теперь это знание и здесь пригодилось, в «этой стране», где с каждым годом все труднее и труднее становилось без знания *English* получить сколь-либо терпимо оплачиваемое место.

На следующее за получением редакционного задания утро матерый шакал пера вышел из своей квартиры затемно и сперва-наперво заскочил на часок к Регине, общедоступной журналистке из их «Ленинца», двадцатисемилетней и еще не очень потрепанной — для вдохновения. С ней же доехал до редакции газеты, где с рук на руки сдал спутницу собственному фотокору газеты, который с ежеутреннего похмелья использовал мужелюбивую журналистку в своем закутке-фотолаборатории, сумрачно освещенном вечным красным фонарем...

Сам же заглянул поздороваться со своим заведомом и сообщить, что он на сегодня занимается в архиве-библиотеке редакции, поэтому на экстренные выезды, коли такие случатся, пусть пошлют кого помоложе. Завотделом, видевший в окно, как Семен подходил к редакции с Региной, что-то проворчал насчет «борделя, который развели в коллективе», Семену же кивнул в том смысле, что халтура — дело святое, но и про интересы газеты надо помнить... Семен неопределенно хмыкнул и ушел в архив. Зав же отделом был издавна, еще с советских времен, сторонником иной ориентации полов, поэтому брезгливо относился к внутриредакционному разврату. Сам он в свое время даже подпал под редко применяемую статью о муже- и скотоложестве, правда, срок получил условный (судья волею случая из их же братии оказался). Теперь этим сроком козыряет: жертва тоталитаризма! Еженедельно, в ночь с пятницы на субботу, посещает клуб по интересам «Ганимед»; чисто мужской.

* * *

Уже прочитав основательную статью Семена Липкина в промасленной бутербродами с маргарином и килькой подметной газетенке, изданной на сортирные деньги Леонида Хребтоломова, Николай Андреянович в послеобеденной тишине своего конструкторского отдела ломал себе голову: что есть истина и что есть ложь? А главное — кто сделал кашу из достоверного факта: Семен или автор статьи в той самой американской газете, на которую Липкин ссылается? Наверное, решил он, оба исказили, выполняя каждый по-отдельности, социальные заказы своих хозяев.

Итак, по статье в промасленной газетке получалось, что морской американский сержант Джон (но не Джеймс!) вначале служил в Анкоридже на Аляске при тамошнем ленд-лизинговом управлении... далее Семен на целый столбец развез описание и перечисление поставок Америки СССР через Дальний Восток; получалось, что одних этих поставок за первые полгода ленд-лиза, что Джон служил в Анкоридже, хватило Советам до взятия Берлина. Далее Липкин снова вернулся к героической личности Джона. Как опытного специалиста с высшим образованием и знанием русского языка, сержанта перевели в ленд-лизинговую команду в Мурманск. Там Джон совершил множество подвигов и был награжден высшими орденами США и Англии, получил офицерский чин, но от русских он не дождался даже солдатской медальки... (в дейст-

вительности же Джеймс Лэнг к концу войны имел три советские награды). Там же на Севере Джон подружился с русским моряком, старшиной, который тоже как бы совершил подвиг: в сложной обстановке, ночью в туман и восьмibalльный шторм, сумел, находясь на наблюдательном посту, обнаружить и предотвратить крушение английского транспорта с особо ценным грузом, шедшего в Мурманск и по метеоусловиям отбившегося от ленд-лизинговского каравана.

Как тотчас сообразил Николай Андреянович, то ли американский журналист, а скорее всего Липкин, заменили «Эдинбург» на транспорт; оно и понятно: кому же нужны такие пикантные подробности, что в самые трудные времена войны союзники, словно мелочные лавочники, не верящие в долг, торопились вывезти из истекающего кровью СССР плату золотом за свою тушенку и какао-плоды...

Так получилось, что геройский русский моряк имел кулацкое происхождение (!?), то есть, его родители имели в свое время лошадь и теленка-первогодка, поэтому политотдел «зарубил» его представление к награде. Пораженный такой черной неблагодарностью, Джон от имени ленд-лизингового управления ходатайствовал перед королем о награждении его английским орденом за спасение английского же судна с ценным стратегическим грузом. Действительно, орден Св. Георга вскоре прибыл и был передан в наградной отдел Северного флота. Однако политотдел был начеку. Поскольку у геройского советского моряка (Семен в статье, избегая слова «советский», везде писал — русский) было сложное для иностранцев фамилия-имя-отчество, то Джон сначала ошибся в транскрипции, ошибка также вкралась и в официальный королевский указ, наконец, малограмотные политотдельцы еще раз исказили при обратном переводе на русский. В итоге, хотя все знали о ком идет речь, моряка с такой фамилией-именем-отчеством в кадровом списке флота не оказалось...

Самое паскудное, как возмущался Семен Борисович, орден этот забрал-присвоил себе видный политотделец, слегка похожий по своим фамильно-именным данным на геройского моряка, а некоторое несоответствие с английской транскрипцией в королевском указе мотивировалось все той же ошибкой в переводе на латиницу и обратно сложной русской фамилии-имени-отчества...

От души посмеявшись над последней нелепицей, Николай Андреянович, заинтересовавшийся было некоторыми совпадениями рассказанного в статье и известного ему от отца, потерял к чтению всякий интерес и хотел было скомкать газету и выбросить в мусорную корзину, но что-то его остановило. Пропуская целые абзацы и колонки восхвалений в адрес американских союзников, Николай Андреянович натолкнулся на фразу, совпадение содержания которой с действительно бывшим никак не могло быть случайным: Джон закончил свою службу в Мурманске трагически — и по вине неблагодарных русских! Проходя мимо некоего официального здания в ранневесенний день, он загляделся на чистое голубое небо, так напомнившее ему безоблачные небеса родного штата Канзас. В это время на крыше здания несколько проштрафившихся матросов отбивали с ее кромок густо выросшие за ночь сосульки. Увидев заинтересовавшегося американского офицера, они со злорадством и враз дружно громынули ломами, а посыпавшиеся колья-сосульки выкололи оба глаза у геройского американского моряка...

Да, Джеймс Лэнг действительно вернулся в Англию слепым; о долгой войне, России и русских, советских друзьях-однополчанам ему осталась лишь память. В конце апреля 45-го года, уже с оформленными документами об увольнении со службы королевскому флоту, он шел по главной и тогда единственной улице Североморска, загляделся на синее небо, которого не видел полгода, неосторожно остановившись у стены двухэтажного здания. В это время ударила залпом зенитная батарея, рядом, в Верхней Ваенге; немцы уже давно не появлялись в северном небе, залп был учебным, по баллону воздушной мишени, что тащил за собой на пятиверстовой вы-

соте на тросе самолет. Звуковая волна шарахнула по крышам домов, стряхнув тонны сосулек, которые в тех местах ранней весной нешуточная опасность. Две из них и ослепили Джеймса. Об этом несчастье Андреян узнал из случайного разговора уже после Дня Победы. Он позвал в свою рубку Жору Асатурьяна, вернувшись из Североморска, и они молча выпили поллитровку спирта.

Николай Андреянович уже бережно разгладил газету, аккуратно сложил и упрятал во внутренний карман пиджака. После работы зашел с коллегами в пивную «Восток», одну из немногих оставшихся от старых времен, куда пускали еще *простой народ*, а значит, и цены были мало-мальски реальные. Рассказал о сегодняшней газетной находке. Коллеги советовали обратиться сначала к автору статьи, выяснить первоисточник, а потом действовать через военно-архивное управление. Николай Андреянович попервоначально воодушевился, несколько дней обдумывал, даже пару раз с работы звонил в редакцию «Юного ленинца», но Липкина на месте не оказывалось. Однако по прошествии недели поостыл, припомнив в разное время читанные и слышанные истории про страшную волокиту и неразбериху в архивном военном ведомстве. Да и к чему ворошить? — Пусть останется как есть.

...Хотя орден Георга красивый и внушительный. Николай Андреянович даже по большим праздникам лицезрел его на груди старого, но бодрого инженера по оборудованию Метелина из отдела техдокументации; тот в последний год войны служил штурманом — после авиашколы — в дальней бомбардировочной авиации и летал из Белоруссии в Англию и обратно в знаменитых «челноках».*

* * *

Джон не Джон, но вот уроженец штата Северная Каролина, чистокровный янки Майкл Холлувэй почти что побратимом старшине Андреяну стал; отсюда, кстати, и заглавная история с серебряной ложкой. Ну, об этом дальше. А выделил Андреян Холлувэя уже через пару недель после прибытия последнего на пост. Шел декабрь сорок второго, самый разгар Сталинградского сражения. Как-то совершенно неожиданно к острову подрулил политотдельский катер, а прибывший на нем майор Шулейко, построив личный состав поста (союзников оставил в соседней комнате), произнес краткую и суровую речь о том, что судьба войны решается сейчас на Волге, и долг всех советских людей, моряков-североморцев тем более — своей грудью защитить Сталинград. Короче, от вашей команды — два добровольца:

— Добровольцы есть? Два шага вперед!

Как и положено старшему, два шага сделал Андреян, чуть помедлив, ту же артикуляцию проделала и команда. Так было положено. В этих действиях никто и не заметил, что из соседней комнаты тихо вошел Холлувэй и пристроился на положенный союзникам левый фланг и сделал два шага вперед со всей командой. Майор Шулейко потом объяснял это тем, что американец, не зная русского языка, не понял суть речи и приказов командира. Однако сам Холлувэй — за время общения с союзниками наши матросы научились с ними общаться на ломанном русско-английском — позже утверждал, что он осознанно вызвался добровольцем, правда, для храбрости пару раз приложился к фляжке с виски...

Осмотрев одобрительно строй добровольцев, похвалив выправку и бодрость духа, молча отведя за рукав от строя и направив к двери Холлувэя, Шулейко чуть помедлил и назвал две фамилии: один из этих двух счастливцев как-то попался Шулейко несколько нетрезвым, а другой привел политотдельца в негодование, отравив

* Не дай, бог, спутать с современными мешочниками-барахольщиками... Кстати, почему-то мало кто, даже из старших поколений, знает, что челночные бомбардировки Германии производили на паритетных началах как английская, так и советская авиация.

полгода назад усы, что, с его точки зрения, вовсе не являлось нарушением формы одежды. Шулейко придерживался прямо-таки противоположного мнения...

Самое интересное, что по прошествии достаточно длительного времени Джеймс Лэнг (это он во время памятной встречи с Андреем поведал) встретил обоих в Полярном: оба служили при штабе, занимали лычки на погонах, округлившиеся лица светились сытостью. Оказалось, что уже на сборном флотском пункте пришел отбой, армию Паулюса успешно окружали, а матросов разобрали по неукomплектованным командам. Рослые и ладные (как и все штрафники) добровольцы с Тороса пригласились замначштаба подводников из Полярного, он и взял их к себе. Кому что на судьбе написано; на длинной войне человек приучается ничему не удивляться, не завидовать, по возможности не огорчаться. А флотский фатализм и вовсе хорошо известен.

* * *

И хотя Холлуэй во время бомбежек спускался в убежище, но скорее из компатриотства с земляками, Андреем его сразу выделил и на вахту старался ставить с собой.

В начале февраля сорок третьего, получив известие о победе под Сталинградом, Андреем, нарушив сухой закон, устроил для команды ужин со спиртом из НЗ, а для надежности на ночную вахту встал сам-друг с крепким на спиртное Асатурьяном. Кстати, на этом ужине союзники выставили от себя припасенные две бутылки шотландского, а Холлуэй пожаловался Андрею на неблагоприятность своей фамилии, пояснив, что означает она какую-то чертовщину навряд ли шабаша ведьм и сатаны.

По всей видимости, это очень и давно волновало Майкла. По его словам выходило, что фамилию эту дьявольскую предки его получили на своей родине — в сатанинском городе Солт-Лейк-Сити, где всем заправляют богопротивные многоженцы-мормоны.

...Последнюю стопку, стоя, выпили за великого Сталина (предпоследнюю пили за двух славных добровольцев с Тороса...). Черчилля, Рузвельта и короля Георга тоже вспомнили добрым словом.

* * *

Со второй половины февраля на залив пали долгие, едкие туманы, что стоят неделями. На это время война прекращается: отдыхают на норвежских аэродромах немецкие летчики, надводные корабли стоят у пирсов, только подводным лодкам туман не помеха.

В один из таких дней за обедом, исключая двух вахтенных, недосчитались Холлуэя. Учитывая, что во время плотного тумана по строжайшей инструкции за пределы веревочной ограды вокруг здания поста и хозяйств выходить не разрешалось, дело принимало серьезный оборот, тем более, что речь шла о союзнике. Случись что, за своего взгреют, а за союзника какие-никакие и погоны снимут со всеми неутешительными последствиями. Война на дворе...

Еще раз обыскали все помещения, затем, встав по периметру ограждения, с полчаса звали Майкла. Ответа не было. Андреем взял ракетницу — у нее хлопок громче — и осторожно ступил на полузаметенную тропинку, спускающуюся к воде. Видимость не более метра, то есть, и тропинку-то рассмотреть можно только наклонившись. Куда его к черту понесло? — Уже после окончания этой истории Майкл рассказывал, что, сменившись с последней ночной вахты, впал в хандру, которую он всегда испытывал в затяжные зимние туманы. Поев без аппетита на камбузе (на общий завтрак он из-за вахты не попал), он пошел в свой кубрик, лег на койку, но сон не шел. Оделся и вышел на воздух, сделал пару кругов вдоль ограды, затем ему слышался птичий гомон — и такое в туман случается, что утки прямо у поста усажи-

ваются в снег, — Майкл заинтересовался и вышел за ограду, а затем... затем он пять часов бродил по колено в снегу, когда замерзал, то вытапывал площадку диаметром в полметра, прыжками согревался, брел дальше. Кричать он перестал уже через первые полчаса, охрипнув в сыром тумане.

Андреяну, семь лет пребывавшему в здешних местах, все было понятно и хорошо знакомо. Здешний туман настолько своеобразен, что его и сравнить-то не с чем; пресловутые лондонские туманы (по авторитетному свидетельству Джеймса Лэнга) и лично виденные ленинградские (Волховстрой, потом Кронштадт) ни в какое сравнение не идут. Кроме того, что они длятся неделями, туманы эти ядовито-едкие, обжигают бронхи и легкие даже при осторожном вздохе и настолько плотны, что ладонь вытянутой руки не видна — на глазах, как в сказочном фильме тает... Скольких людей в тех местах этот туман инвалидами сделал, а еще более и на иной, по сравнению со здешними местами, может и лучший, свет отправил? Но и здесь место для юмора найдется: когда Иосиф Виссарионович вернул армии погоны, то туман сыграл злую шутку именно с моряками. В отличие от воинов сухопутных, формы которых для младших офицеров и старших, тем более генералов, имеют массу заметных отличий: фактура сукна, форма зимних шапок, папахи у полковников, лампасы у генералов, сложная иерархия золотого шитья, нашивок, петлиц и пр. и пр., — у моряков всех званий, начиная даже и с неофицера тогда — мичмана, форма единообразная, а в зимнем тумане даже единственное отличие — погоны — и то теряется.

Допустим, когда рядовой моряк или «ундер» в тумане примет широкоплечего лейтенанта за кавторанга и поприветствует того этим званием, то и моряку особо не обидно, а недавнему выпускнику военно-морского училища и вовсе бальзам на душу. Но когда старослужащий старшина откозыряет, став в полный фрунт, надвинувшемся из тумана осанистому мичману, нареча его сгоряча каперангом, то это уже полный конфуз, а у «сундука» квадратная физиономия расцветится ядовитнейшей из ухмылок.*

...Самое скверное, что многодневный туман, порождение Гольфстрима, наводит на человека тоску, угнетает психику самых что ни на есть здоровяков тела и души, а иных во флот в те годы не брали. Даже собаки и кошки угрюмеют в эти туманы. Туман человека непривычного затягивает, гипнотизирует, как колдунья манит в свои тенета. Вступи, дескать, в меня, вступи, ничего страшного во мне нет! Действительно, входить в туман нестрашно, чувство опасности притупляется. Это как с движущимися автомобилями; светлым днем человек их опасается, дорогу не переходит, едва увидев появившуюся за пару сотен метров машину, но вот в вечерней или ночной темноте смело и неторопливо переходит широкое шоссе прямо перед светящимися фарами: потому что и самой-то машины не видно, одни веселые фары, а темнота скрадывает соразмерность пространства. Точно так же обманывает человека и густой туман.

* * *

Начавшаяся легкая поземка, из тех, что туман согнать не осиливает, но следы заметает, сделала тропинку к воде почти незаметной, но Андреян этот путь топтал не один год службы на Торосе. Вода языком выступала из тумана и лизала галечный берег. Андреян прошел от скалы до скалы, слева и справа на пару сотен метров обрамлявших этот единственный на острове «пляж». На крики отзыва не было. Он

* После «снятия» золота с офицерских погон и введения звездочек у мичманов в 60-х годах туманный самообман и вовсе принял гиперболические формы: запросто мичмана можно принять за вице-адмирала; старших мичманов за адмирала флота не принимают только потому, что последний редок и без свиты не появляется на людях...

поднялся обратным путем на гору и через четверть часа был на противоположном, но уже обрывистом берегу острова. Еще через час он приближался к самому отдаленному островному выступу. Кричать он тоже давно перестал: туман съедал все звуки в полусотне шагов.

Этот дальний выступ был и самым обрывистым, самым коварным. Абсолютно отвесные стены выступали из воды неимоверной глубины и высились на сотню метров. Наметенный за полузиму снег нависал козырьком над стеной: человек идет себе в тумане по ровному снежному полю и вдруг проваливается, летит сотню метров, уходит с головой в тяжелую, переохлажденную воду, мигом коченеет, у него сводит мгновенно руки-ноги, а начавшийся отлив тихо относит в море оледенелый труп...

Еще со времен устройства поста на острове берег этот опасный был помечен столбами-вешками. Андреян, проваливаясь по пояс в снежном насте, осторожно, ориентируясь по вешкам, появляющимся из тумана при ходьбе, обходил берег выступа. Окрики ощутимо тонули в тумане, однако у четвертой по счету вешки ему почудился ответный крик. Показалось? — Он накинуд на столб заранее сделанную петлю взятого с собой тонкого фала* и, разматывая моток, осторожно двинулся в сторону обрыва. Через десять-пятнадцать метров на его окрик уже явственно отозвался сиплый, слабый голос Майкла. «Стейт! Стейт!» — закричал Андреян. «Йес, йес, Андрэй-ян!» — сипело, но уже, обрадовано, из тумана.

Андреян скорректировал курс, но через десяток метров фал закончился. «Ком цу мир!» — закричал Андреян, учивший в школе и техникуме немецкий. «Йес, понимай!» — отозвался Майкл. Дабы Холлувэй держал правильно курс и не тратить слов понапрасну, Андреян произнес краткую, но содержательную воспитательную речь, отборно пересыпанную матом. К концу ее из тумана вывалился Холлувэй, по пояс в заледневшем снегу, посиневший лицом. Шапка была с опущенными «ушами» и завязана под подбородком. Для моряка это все одно, что штатскому выйти на улицу в кальсонах...

Уже на посту, после камбуза с оздоровительной остановкой, Холлувэй рассказал, что, выйдя на вешки, он вспомнил их назначение и пошел перпендикулярно линии вешек, полагая, что идет вглубь острова... Сопоставив длину фала, примерное расстояние между Андреем и Майклом, коллективно вычислили, что идти bravому янки оставалось чуть более десятка шагов.

Холлувэй, чувствуя себя трагическим героем дня, растерянно улыбался, потом вскочил, схватил руку Андреяна в обе свои, сиплым голосом горячо произнес на одном выдохе длинную фразу, в которой упоминался «год», Андрэй-ян и почему-то Гитлер, правда, в неодобрительной интонации. Затем он исчез из камбуза и вернулся с довольно-таки массивной чайной ложкой с затейливыми виньетками и выпуклой надписью на черенке: «*U. S. Navy*»**, которую и вручил Андреяну.

В команде, где все и все друг о друге знают, было известно, что раньше Холлувэй служил на эсминце, который был в самом конце 41-го года, чуть ли не через неделю после объявления Германией войны Америке, потоплен немецкой подлодкой у берегов Англии. Англичане же и подобрали моряков, успевших надеть спасательные пояса. Из всех немудреных личных вещей моряка Майкл при спасении имел матросскую книжку и серебряную ложку, то есть то, что и носил всегда в бушлате. Книжка почти не промокла, ибо находилась во внутреннем кармане, да еще плотно прижата спасательным поясом. А ложку Холлувэй уже с полгода постоянно носил с собой — талисман; за полгода до гибели эсминца, последний попал в сильнейший шторм в Атлантике, и матрос Холлувэй, рискуя сам быть смытым, успел схватить за рукав

* Прочный, особым образом сплетенный трос (морск.).

** Флот Соединенных Штатов (англ.).

штурмана, вышибленного волной за борт, но успевшего схватиться за бортовой поручень. Офицер назвал его спасителем, выхлопотал Холлувэю медаль за мужество, а от себя подарил личную его чайную ложку из парадного прибора кают-компания. «Носи всегда с собой, серебро — лучший талисман для моряков; а если тебя кто спасет от неминуемой, то передай ему...» — напутствовал штурман, философ и фаталист в душе.

* * *

Андреян ложку-талисман в кармане не носил, но до самой своей кончины пил чай, любителем которого был страстным, по старой русской традиции, не вынимая ложки из стакана. Эта ложка была сугубо его личной, впрочем, будучи потомком калужских старообрядцев-поповцев из деревни Дворцы на том самом берегу реки Угры, где произошло знаменитое «противостояние на Угре», он, вольнодумец и материалист, в церкви бывший один раз в жизни — когда его младенцем грудным крестили, — он имел собственную тарелку, стакан, ложку и вилку. А завершив военную службу Отечеству, постоянно носил бороду.

Много событий, громких имен, вошедших в большую историю, сопутствовали жизни Андреяна, простого русского моряка. Беды и невзгоды переносил он со стоицизмом, в спокойное время расслаблялся душой, был незлобив и бескорыстен, всегда сам по себе, хотя отшельником не жил и не ощущал себя. Это и есть характер русского человека, ныне почти изжитый.

А живут люди на Земле-планете тесно, хотя их миллиарды. Андреян, Асатурьян, Гриша-кок, Джеймс Лэнг и Майкл Холлувэй, два сменивших друг друга командующих Северным Флотом, министр Косыгин, руководитель комсомола, а потом и партизан Карелии Андропов и многие, многие другие, наконец, и постоянно растущий в званиях политотделец Шулейко — какая судьба собрала их с разных концов света, а, что еще интереснее — с разных социальных ступеней, и свела в одно место и в одно время? Малой стала Земля...

Кстати, о Шулейко; бывает же так, что сведет судьба с человеком, обычно мало-приятным тебе, и всю жизнь на него натыкаешься. Таким вот для Андреяна оказался Шулейко. В середине 48-го года Андреян, скрипя зубами, уже женившись и ожидая сына — нашего знакомого в будущем Николая Андреяновича, подсчитывал чуть ли не дни до увольнения: через полтора месяца должно было стукнуть ровно двенадцать лет службы, что давало право кадровому (то есть призванному еще до войны) на пенсию в тридцать лет; понятно, с учетом военных лет, службы в Заполярье и пр.

Само собой понятно, что пенсия его мало занимала, да и как она может всерьез интересовать тридцатилетнего человека, видного собой, отмотавшего десять с лишком лет, чуть не половину военных, да почти сразу после окончания войны, заставившей всех и все думать об иных ценностях?

Он был настроен снять старшинскую форму сразу после Победы, но многоопытный в жизни Асатурьян, который и сам не рвался в свой Армавир, посоветовал не торопиться, а сначала съездить на родину в отпуск. В родной деревне, полусожженной, маялась с детьми мал-мала меньшая сестра с похоронкой на мужа. А в Калуге — карточки, всеобщий разор, по вечерам и ночам шпанье свищет. Дядька, его воспитатель и самый удачливый из семейства, увы, помочь никому и ничем не мог; был он уже не полковником НКВД, но осужденным на двенадцать лет за должностное преступление; впрочем, это тема отдельного повествования.

Да и родня деревенская и городская, особенно повоевавшие мужики, в голос уговаривали: дескать, не дури, Андреян, были бы мы кадровыми, не задумываясь, в армии остались, переждать это лихое время в тепле, порядке и сытости!..

Андреян послушался и, догуляв отпуск, вернулся на службу, правда, каждое лето приезжал в отпуск. Служил он на посту СНИС'а, но уже в обжитом месте, недалеко

от Мурманска, прямо через залив напротив Североморска. Служил уже не старшим на посту — в мирное время начальники плодятся как грибы!

И дослужил бы до пенсии, но Шулейко, видно, предчувствуя расставание с опекаемым с довоенного времени, зачастил на пост и довел-таки Андреяна до того предела, что плюнул тот на пенсию и подал рапорт об увольнении. Шулейко помог скоренько все оформить. Вот уж расчетливым и терпеливым ради этой расчетливости Андреян никогда не был, да и не стремился им быть.

Однако теперь семейному Андреяну на родину было возвращаться и вовсе не с руки, благо рабочих рук на Севере всегда не хватает, а руки у него росли из нужного места. Так и прожил он в тех местах до середины 60-х годов: подросли и стали заканчивать школу дети, пора было их вывозить на Большую землю. А тут кстати и обособившийся в Т. после отсидки дядька, бывший полковник НКВД, стал зазывать к себе. И зазвал, продав племяннику половину дома в спокойном и недалеком городском пригороде, при металлургическом заводе.

С каким же изумлением он как-то рассмотрел, садясь на автобус, полковника Шулейко, но уже в штатском. Тот тоже узнал в бородаче бывшего старшину. Из разговора выяснилось, что экс-политотделец живет тоже в собственном доме через две улицы, а работает начальником отдела режима на крупном заводе в центре города.

Позже, встречаясь на автобусной остановке, оживленно вспоминали северное житье-бытье. Шулейко про орден Георга — ни полслова, зато часто и со смехом вспоминал, правда, оглядываясь на пассажиров и понизив голос, как Андреян обстрелял из тяжелого пулемета Кольта катер с Косыгиным. Впрочем, это тоже отдельная история.

* * *

Наследство после Андреяна осталось немудреное, больше памятное. Николаю Андреяновичу — медали отца, одному его брату — семейный альбом, а третьему, самому непутевому, — серебряная ложка, которую в родительском доме, где он остался жить и который превратил в подобие шалмана, то ли украли веселые собутыльники, а может и совместно пропили.

Иной мир, иные времена, иные люди...

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

МАРШ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

К вечеру Василию Ивановичу Ермолаеву стало хуже. Если днем он боль худо-бедно терпел, то ближе к вечеру в груди стало резать и жечь, будто какая-то невидимая злая сила разрывала на части его многострадальное сердце. Прибывшая по вызову «скорая» увезла старика в больницу. Не первый год лечивший Ермолаева врач-кардиолог Николай Владимирович Погуляв осмотрел больного, а затем присел рядом с ним на кровать и, нащупывая пульс, взял его за руку.

— Ну что это вы, Василий Иванович, вчера День Победы отпраздновали, а сегодня на больничную кровать угодили?

— Да вот, Николай Владимирович, сердце опять прихватило, — пожаловался ветеран, — у меня же осколок под ним, подарок от фашистов.

— Знаю я, что у вас осколок под сердцем, знаю. Мы же вам предлагали операцию, но вы не соглашаетесь.

— Да нет, Николай Владимирович, теперь уже ни к чему. Раньше меня этот осколок не беспокоил, а теперь я очень стар, боюсь, не вынесу операцию.

— Ну, Василий Иванович, тогда будем лечиться, — произнес доктор, — поколем укольчики, сделаем капельницы, а вам полный покой. Все тревоги и волнения — прочь! Одолеем мы с вами, Василий Иванович, этот осколок, одолеем.

«Милый ты мой доктор, Николай Владимирович! Разве дело в моем осколке? Осколок — что? Так, фашистская метка, — рассуждал мысленно Ермолаев, когда доктор вышел из палаты, — страшнее другие осколки. Злоба людская, ненависть, жадность, подлость превратили людские сердца в маленькие, холодные осколки-ледышки, которые никакой хирург не соберет воедино, не удалит из души, никаким теплом не растопит. И откуда столько ненависти? Особенно к нам, старикам? Ни милосердия тебе, ни сострадания. Живут, будто сами стареть не собираются. Вот и этот случай: взяли и обидели. Да что обидели, — оскорбили до глубины души... А за что? За то, что о своих правах осмелился напомнить. О тех правах, которые честно заслужил, пройдя нелегкий путь по огненным, фронтовым дорогам!» Василий Иванович вновь, в который раз, вспомнил о пережитом унижении.

Накануне Дня Победы он получил поздравительную открытку, да не от кого-нибудь, а от самого Президента России! В своем послании Президент благодарил старого солдата за ратный труд. Василий Иванович очень обрадовался посланию, даже решил написать письмо, в котором собирался поблагодарить Президента за то, что, решая важные государственные дела, нашел время для поздравления простого рядового солдата Ивана Ермолаева. «Ты, если письмо Президенту писать-то будешь, не забудь написать, что пенсии у нас маленькие, пусть немножко добавит, а то хочется иногда колбасы купить, а не на что, — говорили ему старики-пенсионеры во дворе дома, которым он показывал президентское послание. — Небось, не знает, что у нас

такие пенсии маленькие, небось, обманывают его там в Кремле-то!» А еще Василий Иванович получил открытку от главы города с приглашением его на празднование Дня Победы, которое состоится в районном доме культуры.

9 мая Василий Иванович проснулся рано. Достал из шкафа новый, как он его называл «парадный», костюм с прикрепленными к нему боевыми наградами, надел свежую рубашку, повязал галстук, побрызгался в честь праздника одеколоном и, став перед зеркалом, стал долго и придирчиво себя осматривать. Убедившись, что с гардеробом у него все в порядке, вышел на улицу. День был теплым и солнечным, и Василий Иванович не стал дожидаться общественного транспорта, пошел в дом культуры пешком. Знакомая улица встречала ветерана поклонами веток берез и лип, щебетанием птиц и ласковым весенним солнцем. На площади Василий Иванович увидел и других ветеранов, приглашенных в дом культуры. Некоторые были в военной форме, в основном это — ветераны-офицеры, а многие, как и он в штатском, но, несомненно, все с медалями и орденами. Ветераны стояли под вывешенными в честь праздника Красными Знаменами и ожидали приглашения в дом культуры.

— А что же музыка не играет? — спросил Василий Иванович у знакомого ветерана.

— А кто ее знает? — ответил тот.

— Я люблю, когда военная музыка играет, особенно мне нравится «Марш Победителей», — проговорил Василий Иванович. — Я под звуки этого марша всегда своих боевых товарищей вспоминаю, освобождение городов вспоминаю, последний свой бой вспоминаю. Мы тогда в Берлине почти у стен рейхстага стояли, когда меня ранило, а командир батальона Герой Советского Союза майор Новиков...

В это время из дверей дома культуры вышла женщина и, не дав договорить Ермакову, пригласила всех в зрительный зал. После поздравления ветеранов главой городской администрации зазвучали песни военных лет в исполнении участников художественной самодеятельности, а затем всех пригласили в буфет, где ветеранов ждал праздничный обед с традиционными фронтовыми ста граммами водки. За разговорами и воспоминаниями о суровых фронтовых буднях время пролетело незаметно, и, как бы ни хотелось расхотеться, все потянулись к выходу. На улице для приглашенных ветеранов подали автобус, на котором всех довезли до дома, а находившаяся в салоне женщина каждого ветерана проводила до квартиры и еще раз поздравила с Днем Победы! «Какая замечательная и добрая кондуктор, обязательно завтра же напишу в газету слова благодарности работникам пассажирской автоколонны за заботу о нас — ветеранах!» — решил Василий Иванович.

На следующий день Василий Иванович собирался съездить к дочери, которая со своей семьей жила в областном центре. На вокзале он сел в полупустой автобус и отправился в путь. В автобусе работала кондукторша, и он вспомнил, что собирался через газету поблагодарить работников автохозяйства, решил по возвращении от дочери заняться этим вопросом. Вскоре выехал за город, и кондукторша, отрывая пассажирам билеты, подошла к Василию Ивановичу, который привычно достал удостоверение участника войны и протянул кондуктору.

— У нас удостоверения не действуют, — спокойно, даже не взглянув в книжечку, проговорила кондукторша.

— Это почему не действуют? — спросил Василий Иванович.

— У нас рейс коммерческий.

— Как понять коммерческий? — не понял ветеран.

— Коммерческий — это значит без льгот.

— Почему это без льгот?! Я участник войны и имею право на бесплатный проезд.

— Я же вам объясняю, что у нас рейс коммерческий!

— Это почему у вас коммерческий рейс?!

— Хватит лишние вопросы задавать! — вдруг сорвалась на крик кондукторша, — плати за билет или выходи из автобуса, — перешла она на «ты»

— Ты, дочка, не шуми, а лучше объясни мне, старику, почему мне бесплатно ехать нельзя?

— Я уже объяснила, что этот рейс коммерческий! Мне некогда стоять и каждому объяснять. Я перед отправлением всем объявила.

— Я не слышал.

— Дома нужно сидеть, если глухой! Будешь платить за проезд?

Василий Иванович полез было за деньгами в карман, но вспомнил, что кошелек-то он в «парадном» пиджаке оставил.

— Наверное, не буду, — заулыбался Василий Иванович.

— А он еще, ощерясь, сидит! — в гнев произнесла кондукторша. — Валера, останови автобус! Будем стоять, пока этот не заплатит за проезд, — показала она на Ермолаева.

Валера остановил автобус, заглушил двигатель, закурил и безучастно уставился в окно. По радио звучала музыка военных лет. Полная женщина что-то шептала малышу на ухо, и тот беззаботно улыбался, интеллигент в галстук, не поднимая глаз читал газету, толстый молодой человек нервно посматривал на часы, остальные пассажиры, молча смотрели в окно.

— Ну что, так и будем стоять? — наконец-то не выдержал толстяк.

— Будем, пока старик не заплатит, — твердо заявила кондукторша.

— Дед, давай плати! — обратился толстый к Василию Ивановичу.

— Понимаете, так получилось, что я забыл взять деньги, — обратился Василий Иванович к кондуктору.

— А если денег нет, нужно было ждать льготный автобус, а не садиться в коммерческий, — ответила она. — Выходи из автобуса!

— Дык, куда же выходить-то? Довезите хотя бы до следующей остановки, а я там льготный автобус подожду, — попросил ветеран.

— Дед, выходи отсюда, что мы из-за тебя стоять будем? — не выдержал водитель автобуса Валерий. — Я план не сделаю, а мне тоже семью кормить надо, привыкли тут своими удостоверениями трясти!

— Мужчина, ну что вы в самом деле всех задерживаете? — недовольно проговорила молодая женщина с ярко накрашенными губами, — нам же всем ехать надо!

— Давай, дед, на выход с вещами! — покраснел от гнева толстяк.

Под недовольными и гневными взглядами людей Василий Иванович как-то робко, по-черепашьи втянул голову в плечи, как никогда не втягивал даже на фронте под пулями и, обращаясь ко всем, тихо произнес:

— Довезите хотя бы до следующей остановки.

— Выходи из автобуса! — угрожающе закричал толстый. — Тут до остановки осталось триста метров, дойдешь. До Берлина дошел и до остановки дойдешь. Давай маршируй!

Не помня себя от обиды и стыда, Василий Иванович вышел из автобуса. Как в насмешку над ним в это время по радио зазвучал его любимый «Марш Победителей».

В груди у Василия Ивановича неприятно кольнуло, к горлу, мешая дышать, подкатился ком, в глазах потемнело. «Нужно обязательно дойти до остановки», — решил он и медленно, останавливаясь отдышаться при каждом шаге, побрел в сторону остановки. Мимо проносились автомашины, водителям которых не было никакого дела до медленно идущего вдоль дороги старика. Дойдя до остановки, Василий Иванович опустил на корточки и прислонился спиной к грязному, заляпанному объявлениями остановочному павильону. Боль в груди усилилась.

— Что, дедок, видать после вчерашнего праздника уже успел опохмелиться? — услышал он мужской голос.

Василий Иванович увидел рядом с собой улыбающегося парня. «Сердце,— почти простонал Ермолаев,— сердце... вызовите «скорую»...»

Парень некоторое время испуганно смотрел на скорчившуюся фигуру старика, а затем выскочил на дорогу и отчаянно замахал руками, останавливая все подряд, проезжающие мимо машины. Вскоре остановилось такси. Водитель посмотрел на старика, а затем обратился к парню:

— Полтинник до города.

— Да ты что ошалел?! — возмутился парень,— тут до города ехать десять минут.

— Мы пьяных не возим. Или полтинник, или я поехал!

— Да он не пьяный, у него сердце прихватило, наверное.

— Я отдам,— простонал Василий Иванович,— поехали ко мне домой, там сын, жена, сноха — они отдадут...

В палату, стараясь не шуметь, вошла медсестра. Разложив, молча на тумбочки для больных лекарства и проверив у Василия Ивановича капельницу, она вышла. «А кондукторша-то совсем еще девчонка, да и водитель тоже парень молодой. Откуда же у них столько злобы? Когда же в их душах успело столько зла накопиться? А толстый готов был меня из автобуса силой вышвырнуть. И вышвырнул бы. На глазах у всех вышвырнул бы, и никто ему слова не сказал бы! — размышлял Василий Иванович, когда медсестра вышла из палаты.— Вот жизнь-то, наступила какая?! Разве мы тогда в окопах могли подумать, что вот так с нами — фронтовиками — обращаться будут? Думали: вот разобьем фрица, вернемся домой, и жизнь другая наступит, а оно вона как! Развратили молодежь развратом, деньгами, жестокостью. Да что молодежь?! Взрослые, пожилые люди — и те туда же! Вся жизнь звериной стала! А молодежь что осуждать? Что посеяли, то и пожинаем! Неужели и внуки мои такие же жестокие растут? Неужели и у них вместо сердец холодные осколки в груди! Нет, нет! Я не хочу! Я не хочу даже думать об этом! Не верю, что они вот так со стариками поступить могут! А если смогут? Тогда лучше не жить, тогда лучше бы меня в Берлине вместо майора Новикова миной разорвало...» Василий Иванович тяжело вздохнул и, как-то неестественно запрокинув голову назад, закрыл глаза. Боль куда-то отступила, и на сердце у него вдруг сделалось легко, беззаботно и радостно...

Их стрелковая рота была прижата к земле шквальным пулеметно-минометным огнем. Свое догорающее логово фашисты обороняли отчаянно. Мины с немецкой аккуратностью ложились одна к одной, то и дело, накрывая кого-нибудь из бойцов роты. Со второго этажа почти не потревоженного войной здания роту в буквальном смысле слова косил немецкий пулеметчик. Сержант Василий Ермолаев попластунски добрался до остова сгоревшего немецкого автомобиля и, укрывшись за черными от копоти дисками колес, стал вести прицельный огонь из автомата по немецкому пулеметчику. Но застилавший всю берлинскую улицу черный дым лез в глаза и не давал никакого шанса на точность ведения огня. Рядом, за останками развороченной взрывом пушки и какими-то горящими балками и бревнами, лежали цепью бойцы роты во главе с командиром лейтенантом Воронцовым. Лязгая гусеницами, подъехал наш танк, за броней которого, укрывшись, шли в атаку бойцы под командованием командира батальона, Героя Советского Союза майора Новикова.

— Воронцов! Чего лежишь? Уводи бойцов из-под минометного огня! — пытаясь перекрыть грохот выстрелов, приказал Новиков.

— Не могу, товарищ майор, слева немецкий пулеметчик не дает! — не поднимая головы, прокричал в ответ растерявшийся Воронцов.

— Лейтенант! Поднимай роту, говорю! Уводи бойцов в укрытие! — срывая голос, вновь крикнул ротному комбат.

Подняв столб пыли и выпустив из ствола сноп пламени, выстрелил танк, и немецкий пулеметчик вместе с потолочным перекрытием и кирпичной кладкой рухнул

вниз. В это время из-за укрытия мгновенно выскочил немецкий фаустник и метким огнем разорвал танковую гусеницу. Второй выстрел он сделать не успел, попав под меткий огонь сержанта Ермолаева. Из приоткрывшегося такового люка показалось черное от копоти лицо танкиста.

— Пехота! — крикнул танкист, обращаясь к комбату, — впереди фаустники! Надо их выбить, иначе они меня сожгут!

Подняв бойцов в атаку, комбат Новиков повел их на вражеские позиции. Отстреливающиеся гитлеровцы вскоре стали отступать, и в это же время, когда исход боя был фактически решен, рядом с комбатом Новиковым разорвалась вражеская мина. Шедшего рядом с комбатом в атаку сержанта Ермолаева взрывной волной подняло в воздух и с силой бросило на берлинскую брусчатку. Василий попытался подняться, но огнем обожгло грудь, и гимнастерка моментально набухла теплой и липкой жидкостью. В глазах у него потемнело, и наступила полнейшая тишина...

Вдруг откуда-то издалека, сначала тихо, а затем все громче и громче зазвучал «Марш Победителей». Из яркого солнечного света вышел строй солдат и, чеканя шаг под звуки Победного марша, промаршировал по мостовой.

Василий Иванович Ермолаев толкнул шедшего рядом с собой в строю солдата.

— А вчера, на День Победы, «Марш Победителей» не звучал, скучно было.

— Зато сегодня весело звучит, — заулыбался солдат.

— Сашка! Ты?! — обрадовался Василий Иванович. — Тебя же в Белоруссии во время рукопашной схватки фриц штыком заколол!?

Сашка шел и улыбался, а изумленный Василий Иванович повернулся к другому солдату.

— Алексей?! — вновь удивился он, — а ты как здесь оказался? В тебя гитлеровец под Бобруйском автоматную обойму разрядил!

— Посмотри вперед, Ермолай! — улыбаясь, проговорил Алексей.

Впереди, во главе солдатского строя, шел командир батальона, Герой Советского Союза майор Новиков, он, как и прежде, вел свой батальон. Василий Иванович был счастлив, он шел в строю, а рядом были его боевые товарищи. Под звуки марша победители шли туда, где разноцветными радужными огнями переливался победный салют, где ослепительно светило солнце и яркими алыми тюльпанами цвели сады. Они шли в бессмертие.

ВАСЬКА

Автоматные выстрелы и разрывы снарядов раздавались со стороны леса. Бой то затихал на некоторое время, то вновь начиналась автоматная трескотня, приглушенные хлопки пулеметов и уханье минометов.

Накануне расквартированные в деревне немецкие солдаты были приведены в боевую готовность. Немцы что-то кричали друг другу, бегали из хаты в хату, забирали у деревенских жителей последние продукты, а вечером в деревню вошли дополнительные немецкие части. Впереди огромных пятнистых с черными крестами машин и мотоциклов ехала черная легковушка, в которой сидел толстый, в очках на крючковатом носу, немецкий полковник Фриц Шерер. Всю дорогу он смотрел в окно и молчал. Последние несколько дней у него не было настроения. Он получил взбучку от генерала барона фон Мегеля за то, что в зоне его ответственности уже около недели безнаказанно действует заброшенное в их тыл подразделение русских разведчиков. Они взорвали стратегически важный железнодорожный мост через реку, сожгли несколько цистерн с топливом для немецких танков и самолетов, уничтожили целое подразделение комендатуры вместе с комендантом.

Несколько дней усиленного поиска разведчиков никаких результатов не дали, и вот, наконец, как сообщила немецкая разведка, русских диверсантов видели на краю лесу у деревни Бобрышовка, жители которой и наблюдали с испугом из своих домов, как из больших крытых брезентом машин, побрякивая оружием, на землю выпрыгивают немецкие солдаты. За день до этого по деревне прошел слух, что должны прийти немецкие карательные части, и всех жителей расстреляют, а саму Бобрышовку сожгут.

Ночью, когда в очередной раз перестрелка в лесу усилилась, в крайний от леса дом, где жила семья Ивановых, вошли немцы. Один, маленького роста, с болезненным видом и красными от постоянного недосыпания глазами, солдат посмотрел на хозяйку дома Анну и прижавшегося к ней испуганного одиннадцатилетнего Ваську.

— Матка, пистро! — проговорил он и неопределенно махнул рукой.

Не поняв, чего от нее хотят немецкие солдаты и, опасаясь самого худшего, Анна еще сильнее прижала к себе Ваську.

— Пистро, пистро! Шнель! Зольдатен паф, паф! Хаус пф-ф-ф-ф! — немец показал рукой на потолок дома и развел руки в разные стороны, как бы изображая взрыв. — Пистро, матка, шнель, шнель! — выставил он палец в сторону находящегося во дворе дома погребца.

Решив, что немцы собираются сжечь дом, Анна заголосила и, обхватив Ваську, побежала с ним в погреб. В погребе было сыро и холодно, но ни Анна, ни Васька холода не замечали, они все ожидали, что скоро заполыхает их дом, но, кроме раздававшихся в лесу выстрелов, никаких изменений не происходило. Бой в лесу продолжался очень долго.

— Мам, наверное, это наши солдаты наступают, — тихо проговорил Васька. — Скорее бы они выгнали этих проклятых фрицев из нашей деревни.

— Да разве их выгонишь?! Вон их, сколько на машинах понаехало! — как взрослому ответила Анна.

В это время сквозь выстрелы и разрывы стало доноситься мычание коровы. Анна прислушалась.

— Так это же наша Буренка мычит! — с тревогой проговорила Анна и бросилась к выходу, но Васька вцепился в мать обеими руками.

— Мамочка, миленькая, не открывай дверь, а то вдруг какая-нибудь пуля в подвал залетит и тебя или меня убьет, что же мы тогда друг без друга делать будем?! — быстро запричитал Васька и Анна, опомнившись, остановилась.

— Ты никуда не пойдешь? — с испугом в голосе спросил Васька.

— Никуда, — ответила Анна. Но Васька не поверил матери, и еще долго держал ее в своих не по-детски крепких объятиях.

Стрельба в лесу прекратилась неожиданно. Только что была слышна яростная перестрелка, и вдруг все стихло. Анна с сыном из подвала не выходили до тех пор, пока дверь не отворилась и в проеме показалась фигура того самого солдата с красными глазами.

— Матка, битте! — проговорил он.

Был уже полдень, немцы стояли небольшими группами и о чем-то оживленно разговаривали, размахивая при этом руками и смеясь.

— Матка, русишь партизанен капут! — проговорил красноглазый и заулыбался. — Капут! Паф, паф, — поднял он вверх палец руки.

Анна с Васькой прошли в дом.

— Мам, они что, наших солдат убили? — спросил Васька.

Анна промолчала.

— А папы там не было? — не унимался Васька.

— Не говори глупостей! — строго глядя на сына, проговорила Анна. — Твой папа воюет и обязательно победит.

Не смотря на то, что дом Ивановых находился недалеко от леса, их хозяйству никакой ущерб причинен не был, если не считать того, что, испугавшись выстрелов, выскочила из хлева и куда-то убежала корова. Поняв, что без этой единственной кормилицы не выжить, Анна отправила Ваську на поиски коровы, сама же она лишней раз немцам на глаза старалась не показываться.

Походив в поисках коровы по деревне, Васька уже ближе к вечеру спустился в лошину. Ему очень хотелось сходить в лес и посмотреть на то место, где ночью шел бой, но мать строго настрого запретила ходить ему в сторону леса.

В лошине на бревне сидели немцы и жгли костер. После уничтожения разведывательной группы русских они были в хорошем настроении. Увидев Ваську, один из них крикнул ему. Васька подошел, а немецкий солдат достал губную гармошку и стал на ней играть и что-то объяснять, но Васька ничего не понимал. Тогда немец усадил Ваську рядом с собой и, достав из костра печеную картофелину, протянул ее мальчику. Васька был голоден и картошку взял. Она пылала с жару и обжигала ему руки. Васька стал быстро разламывать картошку на маленькие кусочки и, не очищая кожуры и золы, стал запихивать к себе в рот, и, почти не прожевывая, глотать. Немцы захохотали и стали доставать из костра еще картофелины и протягивать их Ваське, а один из них подарил ему свою губную гармошку.

Вскоре со стороны деревни к немцам прибежал посыльный солдат, что-то им сказал, и все находившиеся у костра солдаты поднялись и пошли в сторону деревни, кое-как объяснив Ваське, что ему нужно продолжать подкладывать в костер поленья дров, которые лежали здесь же. По всей видимости, немцы собирались вскоре вернуться обратно. Васька так и делал. Он подкладывал дрова в костер и смотрел на пламя, представляя себе, как в таком же пламени горели в лесу от немецких огнеметов наши разведчики. Ваське вдруг стало жалко разведчиков, жалко своего отца, который так же, как и разведчики может где-нибудь погибнуть. Жалко мать, которую немцы заставили всю ночь просидеть в холодном и темном подвале, жалко свою Буренку, которую теперь в лесу наверняка задерут волки.

От обиды и своего бессилия чего-либо изменить и как-то отомстить фашистам за те беды, которые они принесли жителям его деревни, Васька в ярости бросил в костер подаренную ему губную гармошку. Она вспыхнула, ее металлические бока с нарисованной на них фашистской свастикой стали плавиться, и, наконец, издав последний, похожий на шипение змеи звук, гармошка превратилась в черную горящую головешку.

Дровяные поленья вскоре закончились, и, испугавшись, что костер потухнет, Васька стал ходить вокруг костра и собирать для него валявшиеся деревяшки. Вдруг он увидел в стороне от костра аккуратно сложенные немецкие снаряды и, остановившись, стал с интересом их рассматривать. Ему в голову пришла идея: бросить снаряды в костер. Васька прекрасно понимал, что за такую выходку немцы обязательно его накажут, могут даже и расстрелять, но отказаться от своей затеи он уже не мог. Посмотрев по сторонам и убедившись, что его никто не видит, Васька стал носить снаряды к костру и аккуратно складывать их в огонь. «Десять»,— подсчитал он, когда последний снаряд исчез в раскаленной докрасна золе. Васька хотел уже идти домой, но в это время он услышал немецкую речь, и увидел, что к костру возвращаются немецкие солдаты. Среди них был толстый немец, что приехал в деревню на черной легковушке. Его Васька узнал сразу. Только на этот раз он был без очков и с перевязанной головой. Немцы что-то стали говорить толстому и показывать на Ваську и горящее пламя костра, а толстый немец в ответ кивал головой и улыбался.

— Дяденьки, мне домой пора, мамка ругаться будет,— жалобно заговорил Васька и стал медленно отходить от костра.— Поздно уже, дяденьки, меня мамка ждет,— но немцы уже не обращали на него никакого внимания, они о чем-то разговаривали и показывали руками на стоявший стеной темный лес.

Скрывшись в темноте, Васька, что было силы, побежал домой. Когда он подбегал к своему дому, в лощине, в том месте, где горел костер, рванули снаряды, да так, что содрогнулась земля, а над деревней что-то со свистом и шипением пролетело. Васька пулей влетел в дом, а потерявшая всякую надежду увидеть сына в живых Анна вцепилась ему сгоряча подзатыльник, а затем прижала к себе и со слезами на глазах, обессиленная от пережитого, опустилась на пол.

А в том месте, где горел костер, еще долго со свистом и шипением, как победный салют, взрывались и взлетали вверх уложенные Васькой снаряды. Они, оставляя в темном небе огненные шлейфы, догорающими головешками медленно падали в образовавшуюся от взрыва огромную воронку, в которой нашли свое последнее пристанище так и не победившие Ваську вражеские солдаты.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ДАЧНЫЙ РОМАН

Известный тульский писатель-прозаик, автор многих книг, изданных в России и за рубежом (Израиль, Грузия, Черногория). Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России. Публиковался в журнале «Приокские зори».

— Пап, где у нас ведро с червями? — донеслось с соседнего дачного участка.

— Какая проза жизни! — недовольно произнес Эдуард Евгеньевич и закрыл створки окна террасы, на которой расположился с неизменным ноутбуком, чтобы писать очередное нетленное произведение русской литературы.

В это время сильная молния прорезала небо, словно хотела разделить его надвое, а затем раздался страшный треск и гул запоздавшего грома. Эдуард Евгеньевич выглянул в окно и увидел, как огромная свинцовая туча грозно нависла над всем дачным поселком. Казалось, она вот-вот ляжет на крыши домов и прижмет их к земле, коснется налитыми водой крыльями кустов и деревьев, прольется мощным ливнем. Но, странное дело, в террасе было очень светло. Оказывается, солнце, спустившееся за долгий летний день к самому краю земли, умудрилось найти прореху в мрачной, тяжелой туче, и теперь окрасило ее восточную сторону парчовыми бликами.

«А не пора ли пить чай? — подумал писатель. — Где там наша сношенька?»

— Лизонька! — крикнул он. — Пора чаевничать!

На террасу вошла девушка лет двадцати пяти с красивым выразительным лицом и точеной фигуркой. В руках у нее был поднос с чашками, чайником и домашним вареньем.

— Попробуйте клубничное, Эдуард Евгеньевич: сама варила.

— Вернее будет сказать: земляничное, Лизонька, — поправил сноху тесть. — В культуре человек возделывает землянику.

— Так она в лесу растет. А на дачах сажают клубнику. Викторией называют.

— «Виктория» — это, всего лишь, название одного из бесчисленных сортов земляники. Фестивальная, Солнечная, Гигантская *et cetera, et cetera*.

— Все-то вы знаете! А можно мне с вами чай попить? Владик вечно в своем бизнесе — про меня совсем забыл! Вот, говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Но он вовсе на вас не похож!

— Ой ли? Если ты судишь обо мне и сыне только по тому, как и что мы говорим, то глубоко ошибаешься: человек и его слова живут врозь, — воскликнул Эдуард Евгеньевич и внимательно посмотрел на сноху: мужчина, особенно творческий человек, всегда интересуется женщиной, которая его хвалит и слушает.

Он вдруг обнаружил, что девушка очень хороша собой: тонкая талия, стройные, загорелые, гладкие ноги, нежные, полновесные груди, обтянутые легким платьем...

К тому же, Лиза, оказывается, очень похожа на его первую институтскую любовь! Возможно, эти открытия Эдуард Евгеньевич сделал оттого, что они впервые всей семьей проводили лето на даче: расслабляющая истома и ничегонеделанье жарких вечеров, ошеломляющий, осязаемо плотный запах цветущих трав и кустарников, шашлыки и обильные возлияния способны разбудить любое дремлющее чувство.

— Не в этом суть: с вами интересно, а с Вадиком буднично и серо, словно живешь в позолоченной клетке.

— Но, но! — погрозил Эдуард Евгеньевич снохе. — Все-таки он мне — сын!

В это время у ворот дачи раздался звук подъехавшего автомобиля.

— Иди, встречай, — сказал писатель. — И будь с ним, пожалуйста, поласковее.

Лиза, как показалось хозяину дачи, с неохотой поднялась из-за стола, где они так весело и интересно беседовали, и неторопливо пошла к воротам.

Писатель задумчиво посмотрел вслед уходящей Лизе и вдруг громко воскликнул:

— Вот, он — сюжет, которого так не хватало в моей повести! Герой видит в жене сына давнюю любовь! Та же внешность, черты характера! Словно, и не было двадцати прошедших лет: он — зрелый, состоявшийся человек, а его пассия все так же молода и привлекательна. «Мне потребовалась целая жизнь, чтобы понять, что я люблю тебя». Нет, пошло! А, может быть, так? Гениально!

Эдуард Евгеньевич склонился над ноутбуком и начал набирать текст, которому, по его мнению, предстояло стать бессмертным.

Они уже давно лежали в постели, а сон к Вадиму так и не пришел.

— Ты меня больше не любишь? — неожиданно, глухим от волнения голосом, спросил он жену.

— С чего ты взял, Вадик?

— Чувствую. Кто у тебя есть еще?

— Я люблю только тебя. Но ты не маленький и должен понимать: из всех вечных вещей любовь длится короче всего.

Вадим резко повернулся к жене, схватил ее за голову и попытался посмотреть прямо в глаза. Но Лиза увернулась. Затем холодно чмокнула его в лоб и сказала:

— Поздно, пора спать. Тебе завтра рано на работу.

Утро сегодня выдалось чудесным. Ласковое солнышко приятно грело землю и воздух, напоенный ароматами цветущих трав. Птицы, хоть и поумерили в июне певчий запал, продолжали радовать душу бесконечными трелями. А сплошные заросли зелени вокруг дома наполняли душу спокойствием и умиротворенностью, которой никогда не испытаетшь в душном, пропыленном летнем городе.

Как всякий настоящий художник слова, Эдуард Евгеньевич любил природу в своей первозданности. Поэтому, за небольшим, тщательно подстриженным, по настоянию сына, газоном, находилась девственная чаща. Огромные лопухи привольно расположили почти метровые листья, крапива устремила жгучие стебли вверх, а небольшой островок зарослей Иван-чая радовал глаз лиловыми и сиреневыми кипарисовыми соцветиями. А его любимая собака Джуля разлеглась у самых ног, подставив ласковому солнышку черный, влажный пупырышек носа и кипенно-белые передние зубки. В такие утренние часы ему всегда хорошо работалось. Он был «жаворонком», и предпочитал «творить» с утра. Но, только расположился за ноутбуком, как в кабинет вошла Лиза.

— Я вам кофе принесла, — приветливо произнесла она, ставя на стол поднос.

— О, напиток богов! — радостно ответил писатель. — Все мои герои постоянно пьют кофе и находят в этом большое удовольствие. Как говорится, трудно устоять перед женщиной, которая приносит тебе кофе в постель. Шучу.

Лиза пытливо посмотрела на Эдуарда Евгеньевича, но с разочарованием отвела взгляд: он, действительно, шутил.

— Вы сегодня в хорошем настроении!

— Да, это верно. И причина того — ты.

— Я?! — не поверила Лиза. Затем, помедлив, кокетливо раздвинула края ворота платья, чтобы сильнее обнажить грудь, и наклонилась над сидящим за столом писателем, словно собралась придвинуть ему чашку с кофе.

— Ты меня неверно поняла. Просто, наш вчерашний разговор подкинул мне отличный сюжетный ход для романа. Впрочем, не будем пока говорить об этом.

Лиза резко выпрямилась и задела рукой чашку с кофе. Коричневый напиток растекся по столу, попал на клавиатуру ноутбука и рубашку Эдуарда Евгеньевича.

— Что ты наделала! — закричал рассерженный писатель. — Если он сгорит, то все пропало!

— Что сгорит, и что пропало, папа?

— Мой новый роман! Я даже не успел сделать запасную копию на флэшку!

— А я думала, что сгорит новая любовь, — иронично заметила Лиза. — Снимите рубашку — я отстираю пятна от кофе.

Он одним движением смахнул с себя белоснежную сорочку. Лиза невольно залюбовалась обнаженным мускулистым торсом далеко еще не старого мужчины. Затем взяла салфетку:

— Давайте, промокну кофейные пятна с тела: нельзя портить такой красивый загар...

— Я не помешаю? — раздался насмешливый голос сына.

Эдуард Евгеньевич вздрогнул, а Лиза отпрянула от него так резко, что чуть не упала.

— Лиза, собирайся. Мы переезжаем на городскую квартиру.

Полуденное лето морило дачников невыносимой жарой, тропической духотой и ядовито-кусачими комарами. Эдуард Евгеньевич расположился в беседке под могучей лиственницей, которая веерными ветвями с изумрудно-зелеными иголками благополучно спасала пиита от этих напастей.

— Съесть мне заломной сельди под водочку с томатным соком или нет? — проговорил он вслух и поглядел на мгновенно запотевший графинчик с горячительным напитком, вынутый из холодильника. — С одной стороны, пить в такую жару, вроде бы, нельзя. С другой, — зачем отказывать себе в удовольствии? Ведь жизнь — это мгновение. Завтра Господь Бог может и не дать выпить.

«Конечно, мне только сорок пять, — продолжил он размышления. — Следовательно, прошла всего половина жизни. Я, как говорится, мужчина в самом соку. Не зря же Лизка на меня заглядывается...»

— Дзинь, динь! — раздалась трель вызова домофона.

— Кого это нелегкая принесла? Выпить нельзя спокойно, не то, что роман написать!

— Это я, Лиза! — раздался нежный голосок в динамике приемного устройства. — Владик ключ от дачи забрал, вот и приходится звонить, чтоб открыли.

«Незванный гость лучше татарина? — с сомнением подумал писатель и нажал кнопку открытия калитки. — Впрочем, Лизка может составить компанию: пить одному — это нонсенс!»

— Приехала ягод набрать, — объяснила неожиданный визит сноха. — Можно, я кофточку сниму — такая жара, что даже собственная кожа кажется тяжелой.

Эдуард Евгеньевич посмотрел на грудь Лизы, чтобы оценить правильность ее слов, и, невольно, облизнулся. Молодая, гладкая, без единой морщинки кожа девуш-

ки завораживала, притягивала взгляд, настойчиво приглашала прикоснуться к ней, погладить, поласкать.

Писатель мотнул головой, словно отталкивая назойливое наваждение, и показал на графинчик с водкой.

— Я решил проверить китайскую мудрость: можно ли подобное побороть подобным, то есть жару — горячительным напитком. Составишь компанию?

Лиза кивнула, и хозяин дачи налил в хрустальные фужеры водки, затем добавил томатного сока. Они молча выпили, и почти одновременно поставили на стол фужеры, не прикоснувшись к закуске.

— Воркуете, голубки? — неожиданно раздался голос Вадима. — И даже водку пьете? Народ для разврата готов?

— Вадик, опомнись! — тихо произнес отец. — Что ты говоришь?!

— Лиза — домой! — скомандовал муж. — Вот тебе ключи от машины, и чтобы ждала меня там.

Девушка покорно взяла ключи и пошла к воротам дачи. Вадим тяжело опустился на стул, плеснул в фужер водки и с размаха опрокинул его содержимое в рот. Затем быстро вынул из кармана брюк пистолет и направил его на отца:

— Рассказывай, батя, — приказал он. — Я все знаю.

— Это — она! — испуганно пролепетал Эдуард Евгеньевич. — Это все Лизка, стерва! Ты же знаешь этих баб: если приспичит, они своего добьются... Это — наговор! Она все врет!

Но Вадим вдруг опустил руку с пистолетом и медленно, четко произнес:

— Она мне — ничего не говорила.

Эдуард Евгеньевич вытер обильно проступивший пот и с облегчением вздохнул:

— Вот, дурак! Сам на себя наговорил!

Но сын его уже не слушал: он шел к машине, в которой ожидала жена. Эдуард Евгеньевич быстро выпил полный фужер водки. Вкупе с томатным соком, она сразу принесла ему чувство легкости и спокойствия.

«Все образуется, — подумал он. — Главное, не паниковать: я знаю правду, а сын — нет. А предвидеть — значит, управлять!»

К удивлению Лизы, муж на этот раз не стал скандалить. Он даже не задал дурацкий вопрос о том, верна ли она ему. Женщины очень доверчивы. К тому же ей так хотелось, чтобы все само собой образовалось, как-то рассосалось, что она поверила в то, в чем никак нельзя было быть уверенной. Правда, время от времени в голове возникал единственный вопрос, который задал Вадим: «Как ты с этим будешь жить?» Но Лиза так упрямо отгоняла его от себя, что через некоторое время забыла о нем.

Дома Вадим лег отдельно, на диван. Но ночью не выдержал и тихонько пробрался под одеяло к жене.

Лиза его приняла безропотно. Под влиянием пережитого, взаимных упреков и слез, они провели такую бурную ночь, словно только накануне расписались.

— Ты меня любишь? — с придыханием, тихо шептал Вадим. — Скажи: ты любишь только меня?

— Да, глупенький, да! Ну, к кому ты приревновал?! Он мне в отцы годится!

— К тому же, он трусливый и ненадежный, — радостно согласился муж. — Знаешь, как испугался, как тебя обзывал!

— Я его не люблю, — вдруг буднично и холодно произнесла Лиза. Она встала с кровати, подошла к окну и нервно затянулась сигаретой.

«Вот и ладненько!» — сказал Вадим.

Он, видимо, так ждал этих слов, что расслабился, заулыбался, затем сладко зев-

нул и повернулся к стене. Через несколько минут Лиза услышала его мерное дыхание и сладкое постанывание во сне: наверняка, мужу снилось что-то очень приятное.

Вадим не мог поверить своему счастью: Лиза стала такой прилежной женой, что готовила и подавала завтрак ему в постель. Сегодня у него был напряженный день: планировалось подписание выгодного контракта с иностранной фирмой. А затем он намеревался купить путевки в зарубежный тур: такая красивая, умная и верная жена, как Лиза, заслужила это.

— К обеду не жди,— сказал он, уходя из дома.— Принимаю гостей из Германии. Зато вечером я буду с сюрпризом, который тебе, наверняка, понравится.

Он заметил, как загорелись зеленоватые глаза Лизы, и посчитал это хорошим знаком: в такие времена она становилась безумной от любви и страсти.

День у Вадима сложился удачно. Выгодный договор был подписан, билеты в заграничный тур приобретены, и он очень спешил домой, чтобы как можно раньше сделать Лизе царский подарок. Но ему предстояло завершить еще одно дело: заехать на дачу к отцу, рассказать, как Лиза его любит и предупредить, чтобы он больше не появлялся в их с Лизой жизни.

Вадим повернул автомобиль на проселочную дорогу, ведущую к даче отца. Он хотел проскочить ее, как вдруг на опушке леса заметил целующуюся пару. Что-то неуловимо знакомое показалось ему в этих людях. Сердце неприятно кольнуло, и оно зануло, будто предчувствуя беду. Бизнесмен притормозил автомобиль, а затем и вовсе остановил его. Сомнений не было: обнимались и целовались отец и Лиза.

— Что же вы делаете?! — крикнул он, не выходя из машины.— Лиза, где любовь, в которой мне клялась?! Я купил тебе дорожный тур на Канары!

Девушка, не оборачиваясь, проговорила:

— Лучше купи собаку: это единственный способ приобрести любовь за деньги.

Вадим нервно сглотнул горькую слюну, выхватил из кармана заграничные путевки и разорвал их в клочья. Затем выбросил все это в окно машины и резко нажал на педаль газа. Иномарка взвыла, почти став на дыбы, а затем понесла неудачливого хозяина прочь от места, где он в один миг потерял и отца, и жену.

А дачный поселок продолжал жить летней жизнью, полной внезапной страсти, быстрых любовных романов и душераздирающих интриг. Здесь было все, что бывает в обычной жизни людей. Только зарождалось и происходило это весело, непринужденно и легкомысленно. Здесь любящие пары жили настоящим, ибо о будущем известно только одно: хочешь насмешить Господа Бога — расскажи ему о своих планах.

Тамара Белицкая*
(г. Тула)

ГАВРОШ

Таня вышла из подъезда и сразу увидела его — маленького, приبلудного щенка коричнево-желтого окраса. Он лежал возле сарая и смотрел на мир грустными глазами обиженного ребенка. Она подошла ближе и заметила на лапе и шее бурые пятна крови.

— Бедненький! — прошептала она, присела на корточки и притронулась к лапе. Щенок взвизгнул, попытался вскочить, но не смог и как-то виновато взглянул на нее. Его беззащитность и покорность тронули Таню.

— Бедненький! — повторила она и взглянула на часы. Времени было в обрез. Их офисный автобус за углом уже загружал в свой безразмерный чрев, спешащих на трудовую вахту сотрудников.

«Что же с тобой делать?» — подумала она и осторожно, боясь опять причинить боль, погладила его. Почувствовав ласку, щенок повернул голову и лизнул ее руку.

— Придется потерпеть до вечера, малыш! — она встала — Лежи тихо и жди меня! — и сделав несколько шагов, обернулась. Щенок смотрел ей вслед с доверием и надеждой...

Придя в офис, Таня прежде всего поискала глазами Вадима, к которому втайне питала недвусмысленные чувства. Она знала, что он заядлый собачник и очень гордится своим молодым сенбернаром. Тот уже был за столом и включал компьютер.

— Вадик! — обратилась она к нему — Мне очень нужна твоя помощь. Найдется полчаса после работы?

— А в чем, собственно, дело? — не отрываясь от экрана спросил Вадим.

— Понимаешь, — ей очень хотелось, чтобы он взглянул на нее — в нашем дворе лежит раненый щенок. Давай ему поможем, я одна не справлюсь.

Это известие действительно оторвало его от компьютера и заставило посмотреть на нее.

— А какой он породы? — заинтересованно спросил он, но Таня запротестовала:

— Да какая разница? Он весь в крови, понимаешь?

Вадим кивнул:

— Хорошо, после работы подходи к моей машине. Ты хоть знаешь, как она выглядит?

— Не вопрос! — усмехнулась она потому, что знала не только машину, но и тех счастливиц, которых он отвозил после работы. «Куда они направляются?» — вздыхала она каждый раз — И чем будут заниматься?» Здесь ее мысли разбегались в разные стороны, и она, с тоской посмотрев им вслед, покорно следовала к своему автобусу...

* Наш постоянный автор.

Но сегодня этой счастливицей была она сама, и поэтому гордо прошествовала к машине, стоявшей за торцом здания.

Когда они въехали во двор, ее взгляд сразу выхватил сжавшееся в клубочек неподвижное тельце щенка. Почти на ходу она выскочила из машины и подбежала к нему. Щенок приоткрыл один глаз и слабо вильнул хвостом. Подошедший Вадим наклонился над ним и поцокал языком:

— Нет, мы с ним не справимся. Здесь нужен ветеринар.

— Так в чем проблема? — воскликнула Таня — Поехали!

Вадим принес из машины брезент, и они бережно уложили на него щенка, который слабо скулил и повизгивал.

Внимательно осмотрев пациента, ветеринар покачал головой:

— Не знаю, смогу ли я помочь? У него перекушены горло и лапа, и он потерял много крови. Наверное, драка была нешуточной!

— Но он же такой маленький! С кем же он мог драться? — воскликнула Таня — Доктор, миленький, помогите ему!

— Сделаю, что смогу! Оставьте его до завтра.

Они вышли на улицу, и Вадим, взглянув на взволнованное лицо Тани, сказал:

— Да не переживай ты так! Дворняжки, знаешь, какие выносливые? Тем более этот, дворовый!

По дороге он спросил:

— Хочешь посмотреть моего Нептуна?

Таня радостно закивала головой, хотя дело тут было совсем не в Нептуне...

Когда Вадим открыл дверь своей квартиры, откуда-то из дальнего угла раздалось цоканье когтей по паркету, и на них надвинулось что-то большое и лохматое.

— Ой! — воскликнула Таня и спряталась за спину Вадима.

Он засмеялся:

— Не бойся! Он хоть и большой, но не страшный! — и потрепал его по холке.

Потом они пошли его прогуливать и как-то быстро разговорились. Слова просто сами выскакивали из уст без напряжения и пауз. Они спорили, соглашались, смеялись, и время пролетело так незаметно, что только подступившая темнота вернула их к действительности. Он отвез ее домой и предупредил:

— Завтра поедем за щенком, не забыла?

Весь следующий день она была во власти этого ожидания, бросая украдкой взгляд в сторону его рабочего места. Минут за 15 до звонка отключила компьютер, прибрала на столе и привела себя в порядок. Потом подошла к нему:

— Едем?

В приемной ветеринара им пришлось немного подождать, т.к. тот вынимал занозу из лапы рыжего эрдельтерьера под громкие причитания его хозяйки.

Когда они вошли в кабинет, то не сразу узнали своего подопечного в забинтованном кулечке. Но глаза щенка были открыты, и он радостно приветствовал их активным вилянием хвоста.

— Ну! — сказал ветеринар — Ваш щенок — храбрый малыш! Он мужественно перенес довольно трудную операцию, но главное — быстро пришел в себя и начал поправляться. Дня через 2—3 можете забрать его.

На обратном пути Вадим спросил:

— Ты возьмешь его к себе?

— Конечно! — воскликнула Таня — Вот только я совсем не умею обращаться с собаками.

— Ну, в первое время я тебе помогу, а там привыкнешь.

В порыве благодарности Таня схватила его за руку.

— Тише, тише! — засмеялся он — Не создавай аварийных ситуаций на дороге!

Потом сам взял ее руку и поцеловал.

На 3-тий день они привезли щенка домой. Тот медленно обошел небольшую танину квартирку, затем взобрался на кресло и свернулся клубочком.

— Все! — развел руками Вадим — Почувствовал себя дома!

Таня радостно засмеялась и предложила:

— Давай придумаем ему кличку! Они перебрали несколько имен, и вдруг она хлопала в ладоши:

— Как же я раньше не додумалась? Это же настоящий Гаврош! Такой же мужественный и храбрый, как тот французский мальчик!

Вадим посмотрел на нее долгим взглядом, как будто впервые увидел:

— Я и не знал, что ты такая!

— Какая? — удивленно спросила Таня и почувствовала, что краснеет.

— Добрая, самоотверженная и... — он сделал паузу, — красивая! — взял ее за руку и вдруг порывисто притянул к себе. Они так увлеклись собой, что не заметили, как возле их ног очутился Гаврош и залился веселым лаем.

ВАЛЬС ШОПЕНА

Он играл вальс Шопена. Его сильные, крепкие пальцы легко и свободно металась по клавишам, издавая звуки, от которых у меня замирало сердце. В них было все — светлая грусть, радость любви и глубокая задумчивость. Я стояла возле рояля, смотрела на его вдохновенное и прекрасное лицо, и была не в силах отойти. Мне казалось, что мой уход сразу что-то изменит, и звуки станут пустыми и поверхностными, как та жизнь, которая была до него. Мы встретились случайно, в городском автобусе. Кто-то за моей спиной включил портативный приемник, и вдруг вместо привычных выкриков, хрипов и оглушительного барабанного боя полились тихие, божественные звуки. Но в их тишине не было покоя, они волновали и тревожили. Я оглянулась и увидела молодого человека с приятным, приветливым лицом. Его синие глаза скользнули по мне и метнулись в сторону. Потом возвратились и, подобно стрелам, вонзились в мое сердце. Меня неудержимо, как щепку в бурном потоке воды, повлекло к этому мужчине. Так начиналась наша любовь. Мы понеслись друг к другу, как воздушные шарики к небу! И счастье накрыло нас своим божественным крылом!..

...Он играл вальс Шопена, а передо мной мелькали кадры недавней жизни. Как-то я прибежала на свидание, и тут пошел дождь. Мы спрятались под крышу ларька, но водные струи пробивали ее насквозь. Он взял ладонями мое мокрое лицо и покрыл поцелуями, а я прижалась к его куртке, и замерла от счастья... С ним мне всегда хотелось быть покорной, беззащитной, полностью отдаваясь в его ласковые руки. Он обнимал меня и шептал какие-то немыслимые, неправдоподобные слова, а мне хотелось слушать и слушать, и никогда не разжимать своих рук, обвивавших его шею...

...А потом он уехал на войну. На эту проклятую, никому не нужную войну. А я купила кассету с вальсами Шопена, и все свободное время слушала тот, наш вальс. И он возвращал меня к нему, к нашим счастливым дням. И мне было легче переносить эту ужасную, затянувшуюся разлуку.

Он вернулся, но долго не хотел прикасаться к роялю. А по ночам выкрикивал какие-то бессвязные приказы, или вскакивал, размахивая руками и оглашая ночную тьму грубыми ругательствами. А как-то увидев, что я ставлю кассету с Шопеновскими вальсами, резким движением выхватил ее из моих рук и разломал на части. И я поняла, что та жизнь, где царили счастье, понимание и доверие, где вальс Шопена был талисманом нашей любви, та жизнь кончилась, и началась другая, еще неведо-

мая, но уже нелюбимая мною. К нам с неотвратимой неизбежностью подкрадывались отчуждение и разлука.

Он ушел от меня, и словно канул в вечность. Молчал телефон, дверной колокольчик не заливался веселым перезвоном. В безумной тоске и пустоте тянулись дни. Трещина нашей любви ширилась и превращалась в овраг, через который, еще мгновенье, и уже не сцепить рук...

Но вот однажды... Однажды я подошла к квартире и замерла. Из-за двери глухо просачивались какие-то звуки. Но я узнала их сразу, и мое бедное сердце вздрогнуло, бешено заколотилось и понеслось куда-то вниз. Трясущимися руками, я открыла дверь, и потонула в звуках Шопеновского вальса.

Они звали меня, каялись, молили о прощении, обещали, дарили надежду и любовь. И, поверив им, я подошла, положила руки ему на плечи и заплакала. А он играл и играл, наполняя пространство звуками, а душу радостью. И когда растаял в воздухе последний звук, он обнял меня и прошептал:

— Прости!

И я поверила, что все грустное, тяжелое, обидное так же растаяло в нашей жизни, как этот последний звук вальса Шопена...

РУССКАЯ ДУША

Нора вошла в купе последней. Там уже находились супружеская пара весьма почтенного возраста и молодой парень. Она поздоровалась и присела на краешек своего места. Как только поезд тронулся, все сразу засуетились. Парень полез наверх, лег прямо на голую полку, подложив под голову куртку. Супруги вынули из сумок припасенную еду и приступили к трапезе.

— Присоединяйтесь,— радушно пригласила Нору женщина, но та отказалась и, чтобы им не мешать, вышла из купе. Поезд уже набрал скорость и легко бежал, чуть постукивая на стыках рельс. За окном была кромешная тьма, лишь изредка прорезаемая тусклым светом придорожных огней. И сколько она ни всматривалась, ничего, кроме собственного отражения в стекле, не видела. Постояв еще немного, Нора вернулась в купе. Женщина уже лежала на нижней полке, отвернувшись к стене, а старик сидел за столиком и попивал вино из пластикового стаканчика.

— Не хотите ли составить компанию? — обратился он к Норе и полез в сумку за вторым стаканчиком. Но она отказалась и стала возиться с постельным бельем. Потом пошла переодеваться и еще долго стояла в коридоре в надежде на то, что сосед за это время уляжется и заснет. Однако, тихонько откатив дверь, она увидела, что он сидит в прежней позе, устремив взор в черный квадрат окна:

— Мчится, мчится,— тихо бормотал он,— вот так и жизнь промчалась. А чего видел? — он тяжело вздохнул.— Одно горе, одно горе...

Она хотела как-то прореагировать, но поняла, что он обращается не к ней, а к самому себе, к своей душе. И этот душевный выплеск заставил ее с интересом взглянуть на него. Поймав ее взгляд, он словно очнулся:

— А, соседка! Посиди со мной, уважь старика.

Она под села к столику и сочувственно спросила:

— У вас что-нибудь случилось?

Видимо, услышав ее акцент, он удивился:

— Ты что, не из русских?

— Я француженка, но у меня мама русская. Вот еду навещать свою русскую родню.— И чтобы прекратить дальнейшие расспросы, повторила:

— Так у вас что-то случилось?

— Случилось? — переспросил он и помолчал. Потом наполнил вином оба стаканчика и один придвинул к ней. — Так-то и беседа пойдет лучше. Выпьем, дочка, за хороших людей.

Она пригубила вино и ожидающе посмотрела на него.

— Ну, и глаза у тебя, дочка, чистый янтарь! — он внимательно, с каким-то особым удовольствием смотрел на то, как в ее карих глазах отражался ответ боковой лампочки.

— Вот и у нее такие же были! — неожиданно сказал он, допил вино и задумался. Она не решалась заговорить, боясь нарушить этот провал в себя. Женщина лежала не шевелясь, тихо посапывал наверху парень, а секунды уплывали в вечность...

И вдруг его словно прорвало. Он быстро зашептал:

— Знаешь, дочка, я ведь сидел. 10 лет маялся!

— Да, я слышала о сталинских репрессиях, — тоже шепотом отозвалась она. Но он не дал ей договорить и почти выкрикнул:

— Нет! Я не политический! Я сидел за убийство!

Ее рука дрогнула, расплескивая вино. Не давая ей опомниться, он быстро заговорил:

— У нас была любовь необыкновенная, бешенная! Я ночами простаивал под ее окнами, лишь бы увидеть хотя бы ее тень! Ах, какая любовь!... — он схватился за голову и застонал: — О такой я только в книжках читал, да и то не во всех... — быстрым движением он долил вина, выпил и словно стряхнул с себя наваждение: — Откуда он взялся, до сих пор не знаю. Эдакий красавчик-моряк. Ну, там форма, кортик, слова всякие. И закружил мою Настеньку!... — он снова выпил и посмотрел на свет бутылку: — Эх, жаль, вино кончилось...

— И вы убили его за это? — дрожащим шепотом спросила Нора.

Он усмехнулся:

— Нет, тогда не убил. Себя чуть не порешил, из петли вынули.

— Они поженились?

— Да, сыграли свадьбу, все честь по чести. А меня вскоре забрали в армию. Мать обрадовалась, думала, забуду ее там. Я и сам на это надеялся, даже закрутил любовь с официанткой из солдатской столовой. Да где там? Разве то была любовь? Одно баловство, чтобы ту забыть...

Он снова замолчал, а она терпеливо ждала, увлеченная этой горькой историей.

— Ну, так вот — вернулся он к рассказу — Пришел я из армии, устроился на работу, а в голове так и сверлит мысль — узнать бы, как она там живет, счастлива ли? Тянуло к ней, как магнитом. И вот однажды, на свое несчастье, я как-то встретил ее и, вы не поверите, едва узнал. Как она изменилась! Похудела, лицо какое-то землистое, а под глазом синяк. Когда меня увидела, вскрикнула и побежала в другую сторону. Я догнал, а она лицо закрывает и испуганно шепчет: «Уходи, уходи!» Ну, тут уж я разозлился: «Никуда, говорю, не уйду, пока все про жизнь свою не расскажешь». Она в слезы: «Погибели моей хочешь?» Долго мы препирались, но все-таки договорились встретиться завтра днем в парке. Вот там она мне все и рассказала. Морячок-то оказался подонком, изменял направо-налево, деньги пропивал, но главное — бил ее часто. Она рассказывает, а сама плачет и руки мои целует: «Прости меня, Пашенька, погубила я свою жизнь». А меня такой гнев распирает, сейчас бы побежал да убил его: «Бросай, — говорю, — эту собачью жизнь, переезжай ко мне. Я ведь еще больше тебя люблю!» Но она только в ужасе замахала руками и убежала... Прошло несколько дней. И вот однажды столкнулись мы с ним на улице нос к носу. Я схватил его за рукав: «Эй, морячок! Ты что делаешь-то? Зачем Настену обижаешь?» Он вырвал руку: «А тебе какое дело? Или старая любовь не ржавеет?» — и столько злобы было в его глазах, что я испугался за нее: «Тронь только ее паль-

цем!» — закричал я и опять схватил его за рукав. «А то что? Убьешь меня?» — он развернулся и двинул мне в челюсть... — старик вскинул голову, и Нора даже испугалась его горящего взгляда. — Вот тут-то все и произошло. Мы сцепились и, колотя друг друга руками и ногами, покатались по земле. И я остановился только тогда, когда почувствовал в своих руках его обмякшее тело...

Нора в ужасе закрыла глаза. Словно оправдываясь, старик пояснил:

— Я его порешил не потому, что он увел у меня эту женщину, а потому, что не сделал ее счастливой.

Одними глазами Нора показала на его жену:

— Это она?

Он покачал головой и поправил на ней одеяло:

— Нет, это моя спасительница. Она подобрала меня, когда я вышел из лагеря умирать от туберкулеза. — И столько было нежности в его словах, что у Норы выступили слезы...

Старик встал и совсем другим тоном произнес:

— Однако, пора и на боковую. Спасибо за компанию. — И быстро, словно стыдясь своей откровенности, полез на вторую полку.

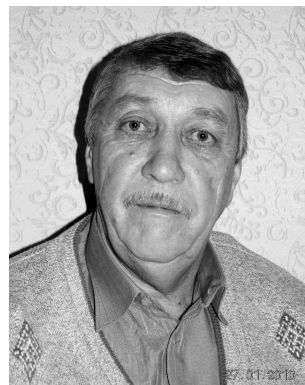
А она еще долго не могла заснуть, прокручивая в голове эту историю. Поистине, загадочна русская душа! Убить из ревности, в момент, когда уводят любимую женщину — это еще можно понять. Но убить, защищая чужую жену, убить за то, что тот не сделал ее счастливой, принести себя в жертву — этого она понять не могла. «Однако какая любовь! Позавидовать можно!» — грустно подумала Нора, вспомнив свою скучную жизнь с Франсуа. — И что вообще это такое — любовь? И что она делает с людьми? И зачем она это делает?» — Но найти ответ на этот вечный вопрос она была не в силах.

Огромные тени набегали на окна. Дробно стучали колеса, вагон подрагивал и скрипел, и сон неодолимо наваливался на нее, постепенно вытесняя из головы все мысли, рассуждения и эту странную историю про необыкновенную любовь. Она заснула и не слышала, когда и где сошла супружеская пара.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ПОЕЗДКА

Рассказ «Поездка» написан мной по воспоминаниям реальных участников описываемых событий во время Великой Отечественной войны. Пишу в основном стихи, но иногда случаются и прозаические произведения. В 2009 году напечатал самиздатом повесть «Мой отец — офицер», посвященную 90-летию со дня рождения своего отца.

Отец болел еще с весны, и Николай, зная про его неизлечимую болезнь, был готов к самому худшему. Но все равно телеграмма застала его врасплох. Это было настолько неожиданно, что известие ошарашило и расстроило его.

На работе отпустили без разговоров, и, быстро собравшись, он уехал. Уехал провожать в последний путь отца, еще не очень старого, поэтому всю дорогу Николаю не верилось, что отца не стало.

Николай не любил похорон. Собственно, не сами похороны, а ту атмосферу, которая складывается вокруг них. Зачастую приходят люди, которые в силу сложившегося жизненного уклада, давно не видели умершего, а может, просто его забыли. Но приходят по слухам, которые даже в большом селе распространяются быстро, словно утренний туман.

Люди приходят поговорить об умершем. Хорошо поговорить. Ведь все умершие были только хорошими людьми. Хотя об Алексее можно было, действительно, вспомнить и сказать только хорошее.

И как всегда бывает, разговор часто переходит на другое, на, так сказать, отвлеченную тему. Люди стараются не встречаться друг с другом глазами, в воздухе висит скованность, как будто все присутствующие на похоронах считают себя виноватыми перед умершим.

Николай приехал за два часа до выноса покойного. Народу собралось действительно много, и большинство людей были ему незнакомы. Мужчины без конца курили, вели негромкие, отрывистые разговоры. Женщины толпились в избе. Умершего отца отпевали.

Николай, оставив дорожную сумку в сенях, вошел в избу. Гроб с телом отца покоился на двух табуретках. Взглянул на них Николай, и ему сразу подумалось, что их смастерил сам отец. В те далекие послевоенные годы, когда они только переехали в свой, построенный руками же Алексея дом.

Отец лежал головой в угол, под образами. Какая-то старушка монотонно бубнила, читая по книге, лежащей у нее на коленях. Отпевание подходило к концу. Прощаясь с отцом, Николай посидел рядом с матерью у него в изголовье. И все не мог поверить тому, что лежащий в гробу сухонький, с обтянутым кожей черепом старик — это его отец.

Николай вышел из душевой избы. Отца вынесли, поставили гроб на те же табу-

ретки около дома. Мать плакала. Соседские парни подняли гроб на полотенца и понесли его по улице. Николай с матерью шли за гробом. Рядом соседская девчушка, внучка бабы Нюры, несла на сшитой матерью подушечке награды отца. Медаль «За победу над Германией», полученную отцом в сорок шестом году, и медаль «За трудовое отличие», которую отец получил уже в конце сороковых годов за ударный труд на серной шахте.

Как прошли сами похороны, Николай помнил бессвязно. К могиле, вырытой на старом сельском кладбище, пробирались с трудом между оградами и крестами.

На поминки собрались все деревенские старики и старухи. Обедали в избе. Сначала столы накрыли для мужчин, потом для женщин. Мужчины вышли на улицу и расположились на лежащих около забора больших бревнах. После выпитой поминальной чарки разговоры среди стариков пошли о войне.

Николай знал, что отец провоевал полгода на Ленинградском фронте. Был мобилизован осенью сорок первого, а весной сорок второго вернулся домой. Открылась старая язва желудка и его демобилизовали. Почти все собравшиеся на похороны были сверстниками Алексея. Все прошли тяжелыми дорогами Отечественной. Кому-то довелось закончить ее в сорок третьем и вернуться домой после тяжелых ранений. А кто-то тянул все тяготы до мая сорок пятого. Но все из собравшихся стариков до сих пор помнили разорванную войной юность, и воочию ощущали ее на своих незаживающих ранах.

Когда Николай подошел к собравшимся после поминок старикам, все молча слушали Михаила Киселева, соседского мужика. Это был крепкий, широкоскулый, улыбчивый старик. Он оказался хорошим рассказчиком, и потому все сидели, затаив дыхание. Михаил почти всю войну провел на оккупированной территории, был в плену, в концлагере.

«Мобилизовали меня весной сорок первого, как резервиста. Везли сначала в Москву, там состав простоял сутки. Из теплушек не выпускали, часовые стояли около каждого вагона.

Из Москвы попали мы в Западную Белоруссию. На строительство укрепрайона. Назначили меня, как сержанта, командиром отделения. Водил я своих людей каждый день на рытье окопов. Из всего оружия — винтовка трехлинейка с пятью патронами у меня, а остальные вооружены лопатами.

Здесь и застала меня война. Командир роты раздал всем винтовки, но без патронов. Их просто не было. Построил в колонну и повел роту на восток. Шли лесами. Видно, по дорогам немцы двигались. Прошло с неделю нашего плутания по лесам. Командир разделил роту на группы и велел этими группами пробираться к своим.

Я со своим отделением таких же деревенских парней, как и я, неделю еще после этого блукал по лесу. Ночью шли вдоль дорог, а днем отсыпались, потом к вечеру снова шли. Жрать нечего, одни ягоды, да трава лесная. Пять патронов есть, но стрелять боялись, хотя пару раз видели зайца.

Помню, подошли мы к деревне лесом. Остановились и смотрим на улицу из кустов. Вроде движения и шума никакого. Решили попытать счастья, сходить в деревню. Но незаметно в нее не зайти: вокруг картофельное поле, метров на сто открытое пространство. Я, как старший, взял винтовку, приказал всем оставаться на месте. И по полю пошел в деревню.

Только я дошел до середины картофельного поля — слышу шум моторов немецкого самолета. Они тогда позволяли себе такие вольности — вылетать на охоту за солдатами Красной Армии, которые в огромном количестве бродили по оккупированной территории. Наши самолеты почти не летали, вот они и охотились за людьми. Этот, видно, меня и приметил издали.

Бежать назад — не успею до леса, вперед — не успею до деревни. Вижу на поле

ложбинка, я упал на землю, да ползком в нее. Пристроился на земле так, чтобы из самолета меня не видно было. Лег на тот скат, который поднимался в сторону летящего самолета. Лежу ни жив, ни мертв.

Самолет, а это был «мессершмитт», приближается. Братцы, этот вой я не забуду до конца жизни. Звук, как будто он по мне едет, а тут еще пулемет затакал. По противоположному скату фонтаны земли, пыль поднялась. Пролетел и заходит с противоположной стороны, а я на другой скат перепрыгнул, и вжался до последней пуговицы в землю. Снова земля позади меня ходуном заходила от пулеметной очереди. Натерпелся я страху.

Пять раз этот фашист заходил на меня. Приближается в шестой. Огонь не открывает. Разобрало меня любопытство, да и надоело лежать мордой в землю, поднимая осторожно голову, дай, думаю, посмотрю, чего он не стреляет. А самолет летит так низко, что я вижу смеющееся лицо немца. А он мне большим пальцем правой руки показывает вниз, на землю. Потом открывает фонарь кабины и что-то бросает. Как мне показалось, прямо в меня. Ну, думаю, вот она, смерть моя пришла. Никак бомбой решил меня прикончить. Что-то стукнулось о землю, метрах в пяти-семи. «Мессершмитт» улетел в сторону дороги и больше не возвращался.

Лежу и жду, когда взрыв будет. Минуты через три любопытство мое перебороло страх, подползаю к тому месту, где «бомба» упала, а там сверток в коричневой, вошенной бумаге. Осторожно беру, разворачиваю. В нем оказалась четвертинка водки и маленькая буханка ржаного хлеба. Наградил, значит, немец меня за храбрость. Войску моему, думаю, этого провианта все равно не хватит. На семь человек делить, только размазывать. Выпил я водку, зажевал хлебом и пошел в деревню. Разжились мы там ведром картошки, да караваем хлеба. Двинулись дальше на восток.

Однажды утром я проснулся, почувствовав холод. Костер потух, и никого рядом со мной нет, разбежались. Прихватив с собой и картошку, и остатки хлеба.

К вечеру вернулся снова в деревню. Немцев нет. Ну, я и попросился на ночлег к хозяину, который нас картошкой снабдил. Проснулся от того, что на улице был шум от множества двигавшихся людей, от стука повозок, гудения машин. Ну, думаю, наша часть отступает. Быстро одеваюсь, что бы успеть присоединиться к ним. Уже подходил к двери, когда она открылась, и вижу, что вместе с хозяином входит немец с автоматом. Направил он на меня свой «шмайсер» и что-то кричит. Понял я, что он меня в плен берет. Руки, конечно, вверх поднимаю, и иду впереди немца. Отвел он меня на окраину деревни, сдал другим немецким солдатам, которые караулили еще шестерых красноармейцев. Мой немец получил от них какую-то бумажку и ушел.

Нас построили гуськом и повели. Километров через пять подвели к небольшому кирпичному сараю. Уж не знаю, что в нем раньше было, но для нашего брата он подошел очень удачно.

В сарае оказалось еще человек десять наших красноармейцев. И хоть было в сарае полутемно, но разглядел я, что у одного пленного на черных артиллерийских петлицах остались следы от двух кубарей. Я-то сержантские треугольники тоже сбросил, еще когда со своей ротой шел на восток. Подсел к нему. Разговорились. Узнав, что я сержант, он сразу предложил бежать. И показал мне, что найденным в сарае гвоздем он уже почти расшатал в стене кирпич. Я помог ему это дело закончить. Кирпич мы вытащили.

К ночи немцы ушли ночевать в дом, а около сарая остался один часовой с автоматом. Стало совсем темно, немецкий гомон за сараем затих. Лейтенант и говорит, что надо нам сделать так, что бы часовой вошел в сарай. Мы устроили шум, гвалт, как будто сцепились друг с другом. Немец начал стучать в дверь. Часовой оказался совсем неопытным, клюнул на нашу уловку и открыл выход. Осветил фонарем, поднял автомат, но в это время получил кирпичом по башке. И сразу же лейтенант вы-

рвал у него из рук автомат. Потом еще раз ударил автоматом, остальные навалились и добили кирпичом.

Ушли в поле, ночевали в копнах сена, кормились, чем придется. Добрались до какого-то села. Немцев почему-то не оказалось, а были наши, десятка два красноармейцев с офицером. Оружие только у него — пистолет ТТ. Местные мужики нас предупредили, что леса вокруг прочесывают немецкие автоматчики с собаками. Мы поняли, что это ищут нас. Но так устали, что решили здесь переночевать.

А ночью неожиданно село заняла гитлеровская часть. Услышав шум, лейтенант успел сунуть автомат под сено, но бежать было бесполезно, немцев было столько, что побег был бы равносителен смерти.

Нас, безоружных, утром согнали на сельскую площадь. Бывший среди немцев переводчик сказал, что пять дней назад в соседнем районе сбежала группа военнопленных, и не просто сбежала, а убила солдата доблестного вермахта. И если мы не выдадим тех, кто это сделал, то каждый четвертый будет расстрелян. Строй стоял молча, опустив головы. Минут пять прошло, фельдфебель отсчитал каждого четвертого. Их вывели из строя и перед нами расстреляли.

Построили в колонну по четыре и погнали на запад. Вскоре присоединили к другой группе военнопленных, потом добавлялись еще и еще. Собрали человек сто. Охраняло нас всего пять автоматчиков. В то время немцы были очень наглые и совсем непуганые. Вот и рассчитывали только на свою силу, а нас в расчет не брали. Не нюхали они еще нашей мужицкой сноровки и хитрости.

Стоял знойный июль сорок первого года. Подвели нашу колонну к какой-то реке. Всех загнали на мост. С обеих сторон моста встали по два автоматчика, а пятый отсчитывает десять человек и выводит их к воде. Я попал в одну группу со своим попутчиком лейтенантом. Спустились к воде, пьем. Вдруг он толкает меня в бок и глазами на воду показывает. А прямо перед нами в реке граната лежит. Целехонькая. Лейтенант загребаёт ладонями воду, как ковшом, а сам незаметно гранату подхватил и за гимнастерку спрятал.

Напились мы все воды, стоим на мосту, а немцев видно тоже жара разморила. Уселись они вчетвером в тени играть в карты, а тот, что пить водил, продолжает за нами наблюдать. Лейтенант негромко говорит, но так, чтобы его слышали красноармейцы. Я, говорит, сейчас брошу гранату в четырех картежников, а вы врассыпную и кто куда. Сам-то я поближе стараюсь быть к лейтенанту, понял, что он парень боевой, с ним не пропадешь. Но тут что-то началось среди красноармейцев непонятное. Почти, как у нас в колхозе на собрании. Одни кричат, что бросать нельзя, куда пойдем? Что делать будем? Другие торопят лейтенанта, чтобы быстрее ходу сделать, пока нас снова не повели. Третьи предложили голосование устроить, что бы значит большинством принять решение.

Лейтенант, конечно, послал всех по матери, бросил гранату. После взрыва кинулись мы бежать. Я не отстаю от него. Сзади слышаться крики, выстрелы. Так второй раз удалось бежать мне из плена.

Но недолго мы на свободе были. И теперь уж основательно попали в плен. Снова по глупости своей. Уснули в стогу, а полевая жандармерия как будто специально шла по нашему следу.

Бредем бескрайной колонной, которая растянулась почти на целый километр. Охрану немцы основательную организовали. С овчарками. Шли мы своим нерадостным, долгим путем и высматривали то, что росло вблизи дороги. И картошку, и кукурузу, и пшеницу — все хватали и рассовывали по карманам. Крохи этого оставшегося колхозного добра спасли нас от голодной смерти.

На протяжении всего долгого пути нашему конвою на машинах подвозили обеда. Фашисты садились есть, а мы стояли на дороге и ждали, когда они «нажрут».

А они насытившись, устраивали веселый отдых. Оставшиеся куски хлеба бросали в колонну, пленные ловили, отбирали друг у друга под гогот веселившихся немцев. Некоторые красноармейцы даже упрашивали тех, кто поймал, что бы дали только понюхать корочку хлеба. Страшнее голодной смерти нет ничего — хуже всякой войны.

Через год я совсем умирал. Отправили вроде как в госпиталь. А на самом деле фашисты заперли нас в холодном сарае, где четверо суток лежали мы без еды и питья. Там нас нашли местные женщины. Оказался я в примаках. Привезли меня в небольшую деревеньку, но женщина эта долго одна кормить меня не могла, тогда я стал ходить есть то к одному, то на другой день к другому. Так прожил до осени сорок третьего. А когда освободили Белоруссию, меня отправили уже в наш, военный госпиталь. Чудо меня спасло от магаданских лагерей, удалось мне в своих мытарствах сохранить красноармейскую книжку. Это и спасло.

Уже в конце войны попал я на фронт, закончил войну в Берлине».

Николай сходил в дом, вынес бутылку водки, стаканы. Предложил выпить еще раз за умершего отца и за всех односельчан, оставшихся на полях войны.

Выпили. Посидели молча. Первым нарушил молчание Павел Соловьев. Его веселый нрав помог преодолеть тягостное молчание. Он, шутя, начал рассказ о себе.

«Дослужился я до самого высокого звания в роте, до звания старшины. Служу, а война уже три года идет. У моего старшего брата Василия, который воевал на Волховском фронте, к тому времени вся грудь была в орденах, а у меня только значок Ворошиловского стрелка, да буква «Т» на погонах. Готовил я все эти три года пулеметчиков в Ярославской школе. Только и знаю, что курсантов гонять.

Лежу как-то после отбоя в казарме, что-то не спалось: вспомнил жену Настю, детишек своих — Витюху да Нину. Думаю, война идет к концу, а вернусь домой, они меня и спросят: «А как ты, батя, нас защищал, воевал ли с немцем?» Что отвечу, что расскажу им? Ну, и начал писать рапорта с просьбой отправить меня на фронт. Почти полгода отказы мне шли. Но в феврале сорок пятого получаю приказ — и на передовую!

Попал я в самый разгар наступления в Венгрии. Но перед этим определили нашу роту пулеметчиков на тыловой армейский рубеж, потому что ждали контрнаступления немцев. И оно началось шестого марта. Дней через пять вышли они на наши рубежи, прорвав главную оборону. Не пришлось нам участвовать в боях в те дни, контрнаступление немцев было остановлено артиллерией.

А на рассвет шестнадцатого марта было назначено наше наступление. Помню, что по утрам в те дни стояли густые туманы. Людей, машины трудно было различить на расстоянии нескольких метров. Самолеты не могли взлететь, такой плотный был туман. Все ждали сигналов. Уже во второй половине дня увидели сигнальную ракету, и началась артиллеристская подготовка. Только она закончилась — мы бросились вперед. Сначала бежали резво, огня немцы не открывали, и мы даже не могли понять, где они.

Заскочила наша рота в какой-то овраг, по которому тут же ударила немецкая артиллерия. И огонь открыли шрапнелью. Над головами разрывы и нас накрывает свинцовым дождем. Ничего не поймем: куда же бежать? Люди вокруг стали погибать один за другим. Вдруг я почувствовал, что по голове, как палкой ударили. Упал без сознания. Когда очнулся, мне голову перевязали и снова вперед. На ногах стою, бежать и стрелять тоже могу.

Ночью, когда мы заняли немецкие позиции, чувствую, что голова гудит, сильная боль появилась. Вытерпел до утра и снова в бой. Вроде полегчало. На следующую ночь опять неважело стало. И только на третий день санинструктор отправил меня в медсанбат.

Хирург осмотрел и давай ругать всякими словами. Я, говорит, удивляюсь, как это ты до сих пор ходишь. А вообще, скажи спасибо своей судьбе, что она тебя в живых оставила. На один сантиметр пониже — и не было бы тебя, старшина, на этом свете. Ведь он, когда снял повязку, увидел, что осколок-то у меня почти из виска торчит. И сразу на операционный стол. Жаль, что я не запомнил ни его фамилии, ни звания. Череп мой долго долбил, но осколок вытащил.

Теперь яма на голове, хоть три пальца в нее клади, все поместятся», — и Павел показал на голове большое углубление.

Как всегда бывает после начала разговоров, вдруг кому-то еще хочется рассказать свое, поэтому все посмотрели на Ивана Лебедева немного с удивлением. Потому что, знали его, как немногословного, молчаливого старика. А тут и он разговорился.

«Помню, со мной на марше в сорок втором случай один произошел. Можно сказать, смешной случай. В начале марта еще морозы не отступали. Холодно. Идем мы па передовую. В строю меня так скрутило. В животе сплошное кручение с бурлением. Выскочил я из строя, и в кусты.

Сел, оправился. Голову поднимаю, а на меня фашист направил автомат, и оскал у него, как у волка. Глаза оловянные выпучил. Я как был без штанов, так и сел назад, в свое же. Смотрю на него и слова сказать не могу. Хана, думаю, пришла. Потом пригляделся, а немец-то мертвый! К березе ремнем пристегнут. И стоит, как живой с открытыми глазами. Поднялся я, и ходу от этого пугала к своим.

А войну я закончил в сорок пятом, в Восточной Пруссии. Кенигсберг не успел штурмовать, мы в него потом вошли. Наступление там мощное было. Наши «Катюши» такого жару давали. Немцам тошно становилось. Артиллеристы даже деревянные ящики со снарядов не снимали. Ставили реактивные снаряды на направляющие машин прямо с ящиками. Немцы так и кричали: «Ахтунг! Ахтунг! Рус Иван амбарами стреляет!» Снаряды летели со страшным гудом, рассыпая вокруг доски».

На деревенской улице стало смеркаться. Разговоры сами собой затихали. Мужики начали расходиться по домам. Еще раз выпили за всех не вернувшихся с войны в деревню земляков, и помянули Алексея.

Николай ехал домой. Из его головы не выходили рассказы односельчан-фронтовиков. Вспомнились скупые воспоминания отца, услышанные в детстве. Хотя отец, пробывший на передовой Ленинградского фронта почти полгода, мало рассказывал о войне. Но даже в этих немногих воспоминаниях чувствовалось, что и ему пришлось хлебнуть военного лиха. Однажды, он чуть не попал в немецкий плен вместе со всем полком, когда ночью, в неразберихе, немецкие диверсанты пытались повернуть полковую колонну в немецкий тыл. Случилось это тогда, когда они только-только выгрузились из эшелона, не получив даже оружия. Только решительность полковых офицеров помогла избежать тогда нелепой случайности.

Зная о войне только из рассказов, Николай с болью думал о том, сколько же пришлось пережить поколению его отца? Но оно выстояло, вытащило страну из того ада, в который ввергла ее война с Германией. А смог бы он и его поколение так же выстоять, случись что-нибудь подобное сейчас?

Мимо пролетали полустанки, переезды, огни придорожных деревень. За окнами заканчивался двадцатый век, век страданий и боли людской.

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Анатолий Панин
(г. Харьков)

ПАМЯТИ НЕВЫНУТЫЙ ОСКОЛОК
(Рассказы)

Анатолий Семенович Панин — харьковский журналист и русскоязычный писатель-прозаик. Долгое время работал в областной печати, редактировал многотиражки Харькова и области. Издал ряд книг, в том числе документальную повесть о В. С. Гризодубовой, изданную на русском и украинском языках (журнал «Слобожанщина»). Ниже публикуем рассказы из книги рассказов о Великой Отечественной войне.

НА ПЕРЕЛОМЕ

Мишка-Танкист вбежал в подполье разбитого дома, где отдыхали его товарищи по взводу, и своим звонким мальчишеским голосом закричал:

— Ребята! Паулюса в плен взяли! Сам видел, как его из подвала универмага выводили. Длинный такой, худой, немолодой уже.

— Да ну?! — послышалось в ответ — Значит, конец Сталинградской битве!

— Погодите радоваться,— рассудительно заметил комвзвода сержант Белов (мл. лейтенанта Кова-

* Из книги, любезно переданной в редакцию «ПЗ» автором: Панин А. Памяти невынутый осколок: Рассказы о войне.— Харьков: Майдан, 2004.— 100 с.

ленко они вчера похоронили, и сержант остался старшим по званию в их сильно поредевшем изводе).— Немцы еще не капитулировали и продолжают сопротивляться.

— И все равно это их последние дни в Сталинграде,— уверенно произнес боец со странной для многих (но обычной в Сибири) фамилией Серых.

— Это точно! — пробасил всегда немногословный Аникушкин.

— Вот что, ребятки,— встал перед бойцами сержант.— Нам поставлена задача: двигаться в южном направлении и заглядывать в каждый подвал, в каждое укрытие и выкуривать оттуда фрицев. Ясно? Будем действовать по обстановке — где парами, где в одиночку. Сдавшихся в плен отводить на сборный пункт (указатели будут на улицах). Оружие применять лишь к тем, кто «хенде хох» не понимает. Пошли, друзья! — скомандовал Белов, и бойцы потянулись к выходу.

...Паулюса пленили 31 января 1943 г. Именно пленили, потому что он на неоднократные предложения о добровольной сдаче вместе со своими войсками неизменно отвечал отказом. В городе еще гремели орудия, взрывались гранаты и мины, строчили автоматы и пулеметы, но напряжение боев стремительно стихало. Участь окруженных врагов была уже решена. Однако немецко-фашистское командование, подчиняясь истерическим требованиям Гитлера — «стоять до последнего солдата» — продолжало упорствовать, обрекая своих солдат и офицеров на бессмысленную гибель. Многие из них уже поняли это и, бросая оружие, вылезали из укрытий с поднятыми руками.

Когда Паулюса доставили к представителю Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии маршалу артиллерии Н. Н. Воронову и тот обратился к нему «господин генерал-полковник», Паулюс прервал переводчика: «Я генерал-фельдмаршал!».

Оказывается, всего два дня назад Гитлер, так сказать, для поднятия духа командующего и его погибающих солдат прислал Паулюсу радиogramму, в которой поздравил его с повышением в звании, но, естественно, выслать ему новые погоны не успел. А если бы и успел, это уже ничего изменить не смогло. Над агонизирующей армией уже витал дух полного разложения.

Мишка Федоров, прозванный Танкистом, потому что раньше он действительно им был, маленький, юркий и самый молодой во взводе, держа автомат наизготовку, нырял из подвала в подвал. Товарищ едва поспевал за ним. Вскоре они наткнулись на немца. Тот сразу бросил свой «шмайсер» и вскинул кверху руки. Товарищ повел его на сборный пункт, а Мишка побежал дальше. В скверике возле вокзала он на минутку задержался. Вспомнил, как в начале августа прошлого года сидел здесь, укрывшись от жаркого солнца, в тени деревьев у фонтана, по окружности которого, взявшись за ручки, плясали гипсовые мальчики и девочки. Что теперь стало с фонтаном! Где отбита ручка, где покорежена ножка, где раздолблена головка... Деревья срезаны до полуметровой высоты, а уцелевшие согнулись в разных направлениях, измочаленные осколками и пулями...

Невдалеке застрочил автомат, надо бежать туда. Пленили еще нескольких фрицев. А потом Мишка помогал снять с переходного мостика повешенного немцами железнодорожника. Ветка замерзла и не поддавалась, обрезали ее ножом, и погибшего осторожно, будто боялись чем-то еще навредить ему, опустили на пилу и положили у насыпи. Хоронить будут потом и уже другие. Трупов столько, что в некоторых местах они лежали сплошняком и на мерзлой земле: немцы и наши. Сошлись в последней рукопашной схватке и теперь, успокоенные, мирно лежат вперемешку...

Мишка остановился между двумя разваленными до основания домами.словно на переднем — натурном — плане не известной еще зрителям панорамы здесь была запечатлена леденящая кровь сцена. В центре ее — черный немецкий танк. Наш снаряд пробил ему броню сбоку, где она не очень толстая, и снес голову водителю — так он и

застыл за рычагами без головы. Командир танка пытался вылезть из башни, но, проши-
тый автоматной очередью, повис вниз головой, зацепившись ногами за крышку люка.
У гусеницы лежал в немыслимой позе третий член экипажа. Напротив, наполовину
высунувшись из окопчика,— моряк с гранатой в руке. Он изготавился бросить ее, но
так и не успел. Мороз сковал могучее тело моряка, из-под бушлата виднелся уголок
тельняшки, а ветерок шевелил ленточки бескозырки. Рядом, друг на друге, немцы и
наши, застывшие в бойцовских позах, с автоматами и примкнутыми штыками винто-
вок... Здесь был такой отчаянный, всесокрушающий бой, что и у художника-баталиста
дрогнула бы кисть в руке, если бы он взялся перенести это сражение на холст...

И привыкший здесь уже ко всему Мишка вдруг почувствовал, как больно сжа-
лось сердце: похожее он уже испытал. Их «тридцатьчетверка» поддерживала наступ-
ление пехоты. Неожиданно немецкий снаряд «вмазал» в моторную часть. Танк
вспыхнул, а в баке — почти полная заправка. «Покинуть машину!» — крикнул ко-
мандир. Стрелок-радист Мишка Федоров быстро открыл нижний люк, ящерицей вы-
скользнул на землю и заработал локтями, давая возможность выползти товарищам.
Почувствовал вдруг, что на спине у него загорелся комбинезон. Мгновенно перевер-
нулся на спину, потом на брюхо и так покатился под уклон. Обернувшись назад, уви-
дел, что механик-водитель застрял в люке, а командир, не теряя времени, махнул че-
рез верхний люк, но срезан был пулеметной очередью. «Может, он только ранен? —
подумал Мишка.— Надо вернуться помочь». Но тут рванул бак с горючим, все заво-
локло дымом, и Мишка, задыхаясь и глотая слезы от бессилия и горечи, пополз к
спасительной посадке...

Все это, как на кадрах кинохроники, промелькнуло в голове у Мишки. Очнув-
шись, он кинулся догонять своих ребят, тепло принявших его, «безлошадного», в
свой пехотный взвод.

На следующий день «подчистка» продолжалась. Мишка доставил на пункт сбора
двух пленных. Возвращаясь, он вдруг заметил выходивший откуда-то из-под земли
дымок. Что там такое? Увидев вход в землянку, осторожно спустился по проделан-
ным в земле ступенькам. Одной рукой ухватился за деревянную ручку дверки, дру-
гой выставил вперед автомат, сильно дернул, отчего дверца враз распахнулась, от-
прянул в сторону и крикнул:

— А ну, выходи! Хенде хох!

— Не шуми, солдатик,— услышал в ответ.— Лучше сам иди сюда.

Все еще держа палец на спусковом крючке. Мишка вошел в полутемную землян-
ку, осмотрелся и неожиданно для себя рассмеялся:

— Ты чего, дед, так чудно одет?

— Да не чуднее фрицев, которые тряпками обмотанные по щелям прячутся. У
меня хоть половина, зато настоящего овчинного кожуха. Видишь ли, вчера забежал
сюда фриц. Худющий, голодный, глаза слезятся, руки дрожат. Обшарил горшки —
пусто. Увидел на мне кожух и вцепился в него обеими руками. «Дай!» — кричит.
Видно, только это слово и знает по-русски. А я, конечно, не отдаю. Тянули, тянули
каждый в свою сторону, кожух по швам затрещал. Тогда немец выхватил штык-нож
и прямо пополам, сверху вниз, разрезал шубейку. Схватил свою половину, прижал к
груди и выбежал из землянки, крича: «Зуппе, зуппе!» Суп, значит, варить будет из
нее. Вот и мне из этой половины придется,— невесело усмехнулся дед, тронув един-
ственный рукав бывшего добротного полушубка.— Есть-то все равно нечего.

— Потерпи немного, старик,— приободрил его Мишка.— Пища уже здесь, а
«котла», почитай, нет — так, остатки подбираем. Скоро тут будет наведен полный
порядок.

— Слава те, господи! — перекрестился дед.— Значит, война на переломе. Теперь
вы их погоните.

— И передыху им не дадим — аж до Берлина! — подхватил слова деда Мишка.

— Ну, ну! Помогай вам Бог.

— Бог тут не причем — сами управимся.

Все еще посмеиваясь над необычным одеянием деда, Мишка вышел из землянки и отправился по своему маршруту. Перестрелка постепенно затихала. Город, точнее, его невообразимые развалины, переходил под власть Красной Армии. В подвале, где расположился на отдых взвод Белова, было тепло: кто-то раздобыл чугунную «буржуйку», а за дровами далеко ходить не потребовалось: кругом валялись расщепленные доски, разбитые рамы и многое другое, что могло гореть. И приварок горячий удалось организовать. Довольные солдаты завалились спать, на всякий случай все-таки выставив караул.

Ночью землю присыпал легкий снежок, немного прикрыв страшные раны войны. А утро выдалось тихое, с легким морозцем, солнечное — утро 2 февраля 1943 г. Этот день уже к обеду объявили днем завершения Сталинградской битвы. Почти 200 дней она грохотала по Донским и Приволжским степям и в самом городе. Сколько жизней унесла! Сколько горя причинила!

Взвод Белова, пришедший к победному дню с восемнадцатью «действующими штыками», еще не знал о конце битвы (о чем уже сообщили по радио, которого у бойцов не было) и продолжал проводить подчистку, потому что не все фашистские вояки сложили оружие. И Мишка в тот день только благодаря быстрой реакции не умножил числопогибших.

Он обследовал какой-то разбитый дом. Неожиданно из-за угла выскочил немец и сразу вскинул автомат. Мишка опередил его на долю секунды, фриц грохнулся набок, потом перевернулся на спину и затих, выронив «шмайсер». Пальцы его скрючились, подбородок и острый кадык на шею уставились в небо.

И второй раз едва не погиб молодой боец. А было так. Мишку заинтересовало что-то блестящее в развалинах: четыре стены, открыв чистый квадрат покрашенного пола, завалились наружу, как будто их кто-то толкнул богатырским плечом изнутри. И в одном углу бывшей комнаты, поблескивая никелированными деталями, лежали в беспорядке три фотоаппарата. Мишка издавна имел слабость к фотоделу, занимался в фотокружке при Доме пионеров, сделал сам аппарат с объективом из старых бабушкиных очков. Но что его самоделка, когда рядом лежат прекрасные цейсовские аппараты! Наверное, они повреждены, раз их бросили. Но из трех-то аппаратов он соберет один действующий, это точно. И Мишка полез через гору битого кирпича. Уже был в каком-то метре от заветной цели, когда зацепился за не увиденную раньше проволочку, и справа под кирпичами что-то щелкнуло. Прежде, чем он что-то сообразил, ноги сами вынесли его через завал в противоположную сторону. Мишка бросился на землю и закрыл голову руками. В развале ухнуло, вверх полетели обломки кирпичей и, падая, забарабанили ему по спине.

Фотограф-любитель встал, отряхнулся, громко чертыхнулся по адресу коварных немцев, но второй раз испытывать судьбу не стал. Черт с ними, этими аппаратами, впереди еще немало городов, которые придется очищать от пришельцев, авось там больше повезет и у него будет классный аппарат.

Свежий снег слегка приукрасил изуродованную непрерывными боями землю. А с другой стороны, это было не такое уж благо, так как запросто можно было подорваться на mine. И саперы уже работали, осторожно разметая снег, извлекали мины, обезвреживали их и складывали в сторонке от проложенных тропок, по которым только и можно было безбоязненно ходить.

Возле сиротливо стоящей березки с обрубленными ветвями, чем-то похожей на солдата с ампутированными конечностями. Мишка остановился передохнуть. Неожиданно возле его ног зашевелилась земля. Что за чудо? Обсыпая снег, приподня-

лась какая-то крышка, и оттуда, как из суфлерской будки, выглянуло бледное личико. Мишка откинул крышку и помог выбраться худющему мальчугану. Тот долго шурился от яркого солнца, потом спросил:

— Ты кто? Красный?

— Разве не видишь? Смотри, вот звездочка на шапке.

— А стрелять уже перестали?

— Перестали. Откуда ты взялся?

Мальчик схватил Мишку за руку:

— Пойдем, покажу.

Они стали спускаться узеньким ходом под землю. В нос ударил тяжелый спертый воздух. Повернули налево, потом направо — и оказались в квадратной земляной норе, едва освещенной потрескивающей коптилкой. Под тряпьем что-то зашевелилось.

— Ну что там, Васек? — прошелестел слабый женский голос. Немного привыкнув к полумраку, Мишка разглядел трех женщин, кутавшихся в какие-то немислимые лохмотья. С большим трудом уговорил их вылезти наружу. У них закружились головы от свежего воздуха и яркого света. Усадил женщин на лежащее поблизости бревно. Они рассказали, что не сумели уехать из города. Чтобы спастись от жестоких бомбежек и обстрелов, воспользовались брошенной щелью. Накрыли ее сорванными с петель дверями, досками, засыпали землей и стали здесь жить, выходя наружу лишь ночами, а последнюю неделю почти не вылезали из своего убежища.

— А чем же вы питались? — поинтересовался Мишка.

— А вон видишь, убитая лошадь лежит?

Мишка посмотрел в ту сторону и увидел лишь торчащие из снега ребра.

— Не одни мы кормились ею, — опередила его вопрос одна из женщин. — В последнее время даже немцы повадились сюда ходить. Хорошо, что приморозило. Мясо, можно сказать, не испортилось, только трудно его обрезать стало, топориком рубили. Потом варили, если удавалось, а то и сырым пробавлялись.

У Мишки было с собой немного хлеба, кусочек сахара. Все отдал сталинградцам, худыми землистыми лицами напоминавшими обитателей какого-то фантастического подземного города. Они, словно не веря, настоящий ли, жадно нюхали хлеб, а мальчишка вертел в руках кусочек сахара, не зная, что с ним делать... Проходя мимо развалин театра, Мишка заметил, что из его подвала выползает едкий, удушливый дым. Позвал оказавшихся поблизости двоих своих товарищей. Вошли. Присветили фонариком: что-то непонятное, но тут солнечный луч, пробившийся сквозь разбитое окошко под потолком, высветил картину, от которой ребята содрогнулись.

На бетонном полу лежало несколько обугленных скорчившихся тел. В стороне валялась канистра из-под бензина. По обрывкам одежды бойцы без труда установили, что это наши красноармейцы, попавшие в плен. Фашистские изверги, очевидно, ничего от них не добившись, облили их бензином и сожгли живьем... А Мишка еще пожалел того немца, которого пристрелил утром. Думал, что тот скорее машинально, чем сознательно вскинул на него автомат. Черта с два! Они и сейчас, наверно, считают себя суперменами, а нас — недочеловеками, унтерменшами...

Мишка почти случайно оказался в том месте, где лежал на земле «его» фриц. Не выдержал, подошел. Лежит в той же позе, даже золотое кольцо на правой руке никто не снял со скрюченного пальца. Но что это? Кругом чистый белый снег, а вокруг убитого немца какой-то серый ореол шириной сантиметров пятнадцать. Присел. Разглядел поближе — и вздрогнул от омерзения. «Ореол» шевелился — это из остывающего фрица выползли пригревшиеся на нем вши. Тысячи вшей! Где они только помещались!

Солдат вспомнил, как прошлым летом они оказались в числе вырвавшихся из Изюм-Барвенковского котла под Харьковом. Тогда на длинном пути отступления им

тоже пришлось «покормить» этих неизвестно откуда взявшихся насекомых, но чтобы иметь такое их количество!? В голове не укладывалось. Очень трудно тогда пришлось. Спали на земле прямо в степи, питались тем, что могли им вынести сердобольные женщины, лежали под бомбами и пулями воздушных стрелков, ощущая на зубах горький вкус полыни, подымались и брели, шатаясь, по степной дороге дальше, не имея даже возможности похоронить погибших товарищей.

А многие немцы в Сталинградском котле совсем опустились. Продовольствие кончилось. Сбрасываемое с самолетов часто попадало, так сказать, не по адресу. Поели всех лошадей, переловили собак и кошек, не брезговали мышами. Грязные, заросшие, обовшивевшие до такой степени, что насекомые уже ползали табунами по наружной стороне шинелей, они втайне от офицеров все чаще сдавались в плен. А в последние дни января по сути шла массовая сдача, хотя Паулюс так и не подписал акт о капитуляции и не дал войскам приказа сдаваться в плен.

Под конец дня Мишка и его товарищи по взводу оказались и южной части города, в районе Бекетовки. По протоптанным и снегу глубоким тропам здесь двигались бесконечные вереницы пленных немцев. Охотнее их сдавались румыны, итальянцы, испанцы, венгры, дивизии которых немцы пригнали в заснеженные приволжские степи для усиления наступательных операций. Интересно, что «союзнички» старались держаться отдельно, не смешиваясь с «хозяевами», которые смотрели на своих «партнерш» снисходительно, а то и презрительно.

Проходил час за часом, а пленные все тянулись нескончаемой, унылой чередой. Руки глубоко засунуты в рукава, головы обмотаны женскими шерстяными платками и просто тряпками. У некоторых на ногах нелепые соломенные эрзац-валенки — последнее «изобретение» немецких интендантов. Лица землистые, под носом сосульки, которых Мишка не видел у наших людей даже и сорокаградусные морозы... Жалкое зрелище. Не верилось, что еще недавно они ожесточенно вели огонь, поднимались в атаку.

— Вот у этих фрицев действительно последние дни на войне, — сделал Мишка вывод, обращаясь к сибиряку Сашке Серых, стоявшему рядом.

— Конечно, — подтвердил товарищ. — Все! Конеч! «Гитлер капут!» А нам-то еще воевать и воевать. До Берлина-то ого сколько!

— О Берлине поговорим потом, — присоединил к товарищам свой голос Витька Аникушкин. — Главное — Сталинград отстояли, не дали немцам похозяйничать на берегах Волги.

— Да-а! «Котелочек» им хороший устроили! — резюмировал сержант Алексей Белов.

Мишка молча кивнул в знак согласия, а самого его яркой вспышкой пронзила мысль о том, что нам «котелочек» они устроили раньше и пострашнее. Сашка и другие ребята их взвода попали в Сталинград из пополнения, откуда-то из Сибири приехали и не испытали того, что испытал он в мае 1942 года. Тогда, увлекшись успешным наступлением с Барвенковского выступа на Харьков (с 12 по 19 мая было освобождено свыше 300 населенных пунктов, взято много пленных, оружия и т.п.), командование Юго-Западного фронта пренебрегло опасностью, которая нависала над ними с флангов, и немцы (в основном та же 6-я армия под командованием того же Паулюса) не замедлили этим воспользоваться. «Мешок» завязали быстро и решительно. Уже к 23 мая наши войска, куда бы ни пытались пробиться, везде натывались на губительный огонь. И с каждым днем кольцо стало сжиматься. В этих условиях никаких оборонительных сооружений не построишь, один выход — прорываться. Нашупали сравнительно слабое звено на небольшом участке у Донца. Стали спешно переправляться, а затем — через Оскол, и хотя не широка эта речка, но сколько и там ушло под воду наших бойцов, чтобы потом всплыть трупами... Совсем недолго «ва-

рились в котелке» почти четыре армии советских войск, но потеряли не меньше, чем Паулюс потом в Сталинграде...

Согревала сейчас Мишку лишь мысль о том, что после Сталинграда в войне обязательно наступит перелом, и наши Вооруженные Силы, наученные горьким опытом отступления, начнут активно наступать. И силы у немцев будут убывать, а у нас — нарастать. И хотя не знал Мишка стратегических планов Верховного Главнокомандования, но, как боец переднего края Фронта, чувствовал это, что называется, нутром.

А в Берлин Мишка войдет... нет, въедет на новом могучем танке. И на теплой броне его удобно примостятся десантники — Сашка Серых, Витька Аникушкин, Алексей Белов и другие ребята их обновленного взвода...

Так думалось и мечталось Мишке в эти часы. Думали и мечтали и его товарищи — каждый о своем. Но неизменно их думы сходились на пути в Берлин. Все понимали; иной дороги домой для них нет.

ТОВАРИЩ РОЛЛАН

«Французы знают, что сделала для них Советская Россия. И знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении».

Генерал Шарль де Голль

Жаркий и хлопотный августовский день клонился к вечеру. Последние вернувшиеся с задания самолеты заруливали на стоянку. Я снял наушники и выключил приемник. А в ушах все еще звучало: «Остров, я Сокол-5, иду на посадку, имею повреждение, освободите полосу». Руководитель полетов немедленно принял меры. И вот вижу, как прямо на мою радиостанцию падает этот самый Сокол-5 — наш «Як». «Ты же мне антенну сне-сешь!» — выскочив из машины, кричу ему, махая кулаком, будто он в этот момент мог меня слышать

Едва не зацепив антенну. «Як» мягко плюхнулся на песочную дорожку и, вздымая пыль, заскользил на «брюхе» к посадочной полосе. Слава богу, все обошлось благополучно. Теперь можно и передохнуть. Откинулся на спинку сидения, прикрыл глаза. И вдруг слышу негромкое:

— Товариш! Товариш!

Открываю глаза. У дверцы стоит французский летчик. Только какой-то он не такой. Все летчики, каких я знал в полку «Нормандия-Неман», с которым мы часто ба-

зировались на одном аэродроме, парни темноволосые, бравые, а этот какой-то рыжеватый, редковолосый, невзрачный, совсем не француз по виду.

— Что вы хотели? — спрашиваю.

— Товарищ! Мне это... — и выразительно покрутил пальцами, кивая на приемник. — Мне Пари. Пожалуйста.

Я понял: француз хочет, чтобы я ему поймал Париж. Приглашаю в машину. Он благодарно улыбнулся, уселся рядом и стал напряженно прислушиваться к звукам, доносившимся из приемника. Пошарив в эфире на одном диапазоне, переключился на другой. Морзянку сменяет музыка, потом какие-то заунывные голоса, снова морзянка... Веду стрелку дальше. И вдруг гость взволнованно сжал мою руку:

— О-ля-ля! Пари, Пари!

Настроил получше, прибавил громкости. Летчик слушал, чуть раскачиваясь и слегка притопывая ногой. Глаза его радостно сияли, губы что-то нашептывали.

Я уже слышал, что парижане подняли восстание против проклятых бошей, как они презрительно называли немцев, и летчики из «Нормандии» нетерпеливо ждали вестей из своей столицы. «Мой» француз, посидев у меня с часок, поблагодарил и ушел, а на другой день после полетов снова был на радиостанции.

Как же иногда бывает обманчива внешность! Я уже узнал, что этот «неказистый французик» — один из знаменитых асов полка, на счету которого уже 15 сбитых самолетов врага. Узнал и фамилию — Роллан де ля Пуап. А эти непонятные нам «де ля» указывают на то, что он из знатного дворянского рода, виконт (граф в нашем понимании).

Да, были в «Нормандии» и графы, и бароны, были и, так сказать, рядовые французы, даже один простой рабочий. И это весьма показательно: ненависть к наглым захватчикам подняла на священную борьбу с ними не только низы, но и представителей именитых родов. Одни из них воевали в отрядах французского Сопротивления, другие — в различных воинских соединениях стран антигитлеровской коалиции.

А «Нормандия» начиналась так. В декабре 1942 г. небольшая группа французских летчиков и авиатехников добралась из Северной Африки через Иран в Советский Союз, чтобы вместе с воинами Красной Армии громить фашистов. Их хорошо приняли, дали современные самолеты и все необходимое. Летчики, которые еще на родине имели солидный налет (некоторые даже закончили специальные школы высшего пилотажа), довольно быстро освоили наши «Яки», а вот с техниками — одна беда. Многие из них и снега настоящего не видели, а тут на морозе пальцы к металлу прихватывает. Да и не привыкли они к таким объемам ремонта в полевых условиях. Увидев изрядную пробоину в фюзеляже, безапелляционно заявляли: «На завод!» Но завод — за тысячи километров, а фронт — вот он, рядом, и он не будет ждать. В общем, попросили французские летчики дать им русских механиков. И положение коренным образом изменилось.

Бывает, возвращается самолет с задания весь в пробоинах. Летчик вылезет, посмотрит, присвистнет и, безнадежно махнув рукой, идет в свое жилище. А наши техники натянут палатку и при свете переносных ламп за ночь не только залатают дырки, а еще и закрасят эти места. Утром летчик подходит к самолету и не узнает его: посверкивает на солнце как новый.

Очень полюбили французы наших «технарей». Наверно, многие из нас (я имею ввиду старшее поколение) видели фильм «Нормандия-Неман» Там ярко показан эпизод, когда летчик де Сейн перелетал на другой аэродром, разместив в фюзеляже и своего техника Владимира Белозуба. В полете случилась утечка горючего. Кабину заволокло парами бензина. Пришлось возвращаться. Летчик пытается сесть, но уже ничего не видит. Ему приказывают прыгать. Он отказывается, так как у механика нет парашюта. Садится вслепую — и они оба разбиваются...

А вот еще один — из числа других — эпизод, описанный летчиком Франсуа де Жоффри в его переведенной у нас книге «Нормандия-Неман»:

«Утром, возвратясь с задания, я сообщил старшему инженеру полка Агавельяну:

— Истребитель очень сильно вибрирует...

Агавельян сразу же достает из своего кармана небольшой блокнот. Он на минуту задумывается и затем говорит:

— Ничего, товарищ де Жоффри. Я сменю мотор на вашем самолете за одну ночь.

Мне показалось, что он шутит. Но, придя на аэродром утром, я увидел моего славного механика Лохина, который уже заканчивал крепление капота мотора. Рядом с истребителем на порыжевшем от масла снегу лежали части старого мотора. Меньше чем за одну ночь, при сильном ветре, не имея возможности работать в перчатках, три русских механика произвели замену мотора в 1200 лошадиных сил.

Я хотел бы достичь величия этих людей. Особенно теперь, когда мы еще больше приблизились к фронту».

...Для «Нормандии-Неман» и для нашего авиаполка война закончилась в Восточной Пруссии, в г. Эльбинге. Дальше не успели продвинуться: много времени и сил отняли штурм мощно укрепленной цитадели пруссачества Кенигсберга, аэродромов и узлов сопротивления на косах Фриш-гаф и Куришес-гаф, города и крепости Пиллау.

Французских летчиков наше правительство пригласило в Москву, устроило им прием, отметило наградами. А во Францию они возвращались на «своих», подаренных им замечательных самолетах «Як-3». Следом на транспортных самолетах летели их верные «технари». Почти неделю они гостили у своих французских побратимов и были отмечены французскими наградами.

Это были незабываемые дни великого единения народов, сбросивших с себя страшное ярмо немецкого фашизма...

Но вернемся немного назад, к напряженным дням ожидания добрых вестей из Парижа.

Роллан де ля Пуап в тот вечер долго не уходил с радиостанции. Слушал. Радовался, хмурился. Наконец положил наушники:

— Думаю, завтра бошам капут. Пари будет либерте... свобода.

Но француз немного ошибся. Ночью, где-то уже под утро, я проснулся — нет, вскочил с ошалело бьющимся сердцем: громкие крики и беспорядочная стрельба ворвались в наши землянки,

Что, немцы пробились? Или десант высадили? Хотя где им теперь. Оказалось, лондонская радиостанция только что передала сообщение о том, что в эти часы, 25 августа 1944 года, войска генерала Леклерка во взаимодействии с поднявшим восстание населением Парижа освободили французскую столицу. Париж свободен! Новость мгновенно разлетелась по гарнизону, словно пружинами сбросила французских летчиков с постелей.

Как они ликовали! И вместе с ними от души радовались мы. Обнимались, кричали что-то нечленораздельное, стреляли вверх из пистолетов, автоматов, винтовок — у кого что было. Кто-то из наших штурманов вскочил в кабину своего «Ила» и прорезал небо разноцветными трассами крупнокалиберного пулемета.

Бедные жители расположенного рядом литовского городка, не зная, в чем дело, метались в испуге по улицам и прятались в подвалах...

В то утро мы долго не расходились по своим местам. Выкрикивали вместе с французами «Париж — либерте!», поздравляли их, они — нас, хорошо понимая, что без побед на советско-германском фронте не пришло бы и освобождение Парижа. Все радовались и говорили о скором окончании войны.

Но до ее конца пришлось еще немало пройти. И немало оставить на пути могил... В одну могилу с советскими бойцами, штурмовавшими Кенигсберг, лег французский

летчик Анри. Еще сорок пять его соплеменников, товарищей по оружию сложили свои крылья в боях с фашистскими захватчиками на далекой от родины земле. Ненависть к ним сплотила в одну семью заслуженных асов и совсем молодых летчиков, потомственного пролетария Марселя Альбера и потомственного дворянина виконта Роллана де ля Пуапа. На счету Альбера — 23 сбитых фашистских самолета, де ля Пуапа — 16. Им, а также еще двоим однополчанам — Жаку Андре и Марселю Лефевру (посмертно) присвоено звание Героя Советского Союза. Всего же французские летчики сбили 273 самолета противника, а также уничтожили немало живой силы и техники врага на земле. Они умножили своими подвигами славу свободолюбивого народа Франции.

На прощальном вечере командир полка «Нормандия-Неман» полковник Луи Дельфино проникновенно сказал: «Совместно пролитая кровь французских и русских летчиков в боях с фашизмом навеки скрепили нашу дружбу».

Хочется верить, что дружба эта, действительно, будет вечной!

МАТЬ

— Ур-а-а-а! Побе-да-а! Урр-а-а!

Прошло всего несколько секунд, как дежурный офицер выкрикнул эти слова, и вот уже, кажется, даже камни мостовой захлебываются в ликующем крике. А от разноцветных пунктиров трассирующих пуль и вспышек ракет словно приблизился рассвет.

Маленький и тихий немецкий городок был взбудоражен той майской ночью ревом голосов и беспорядочной стрельбой — уж очень все ждали сообщения об окончании войны, и оно пришло сюда еще до того, как была оповещена вся огромная наша страна и весь мир — ведь война-то была мировой. Второй мировой. 61 государство вовлекла она в свою орбиту, 50 миллионов убитых — ее кровавый счет...

Немаловажно отметить такое событие: за день до официального объявления об окончании войны американцы, стремясь присвоить себе славу главных победителей, распространили сообщение о том, что они уже приняли капитуляцию от немцев. Узнав об этом, представитель Ставки главнокомандования маршал Г. К. Жуков, находящийся в это время в Берлине, был страшно возмущен сепаратными действиями союзников и организовал эту операцию так, как должно быть. Он пригласил высших военных представителей Америки, Англии и Франции в замок Карлсхорт, где и была

в присутствии военных и журналистов принята от представлявших Германию государственных деятелей безоговорочная капитуляция и подписан соответствующий акт в ночь на 9 мая 1945 г.

Интересная деталь. Когда ввели в зал представителей развалившегося третьего рейха и предложили им сесть на отведенное им за столом место, Кейтель уселся с важным видом, водрузил на глаз монокль и достал золотую авторучку. Дескать, я готов подписывать акт, давайте его. Жуков посмотрел на эти попытки проявления нацистской спеси и приказал адъютанту внести в зал маленький столик и поставить его у стены, сбоку от стола. На столик положили акт, и Жуков показал этим представителям, уже не представлявшим никого, что нужно встать и подписывать акт, стоя у столика. Спесь с гитлеровских выкормышей враз слетела.

Об этом нашей туристской группе, приехавшей в ГДР, рассказала хранительница музея, созданного ею в замке Карлсхорст. Там сохранялись в полном порядке кабинет Г. К. Жукова и вся подлинная обстановка в зале. Уцелело ли все это сейчас? Сомневаюсь.

Но вернемся в немецкий городок в то утро 9 мая 1945-го. С наступлением дня всеобщее ликование продолжалось с новой силой и шло как бы перекатами, волнами. Бойцы, накричавшись и настрелявшись в воздух, тщательно брились, доставали из сидоров и чемоданов чистое обмундирование, начищали до блеска сапоги и, оставив на попечении дневальных автоматы и винтовки, с которыми не расставались все годы войны, спешили на небольшую, как и во многих немецких городах, площадь. Здесь уже играли баяны, гармошки, трофейные аккордеоны, в лихой пляске сбивали каблуки бравые гвардейцы, а раскрасневшимся нашим военным девчатам не давали передышку.

Осмелевшие местные жители толпились в сторонке. Многие из них откровенно радовались: видно, война осточертела и им.

Солдаты постарше с улыбкой посматривали, как веселится молодежь, степенно покуривали, обменивались короткими фразами. И весь разговор крутился вокруг одного: когда по домам?

— Ишь, земля как прет! — раздумчиво говорил уже в годах усатый ефрейтор. — Рук крестьянских требует. А какие там сейчас в деревне руки остались...

— Это так, — поддакивал ему сержант с коричневатым, в резких бороздках лицом. — Одни бабы да ребятишки надрываются.

— Слышал я, с завтрава уже старшие возраста отпускать будут, — не совсем уверенно произнес рябоватый низенький солдат, затягиваясь толстенной самокруткой.

— А что, очень даже возможно, — подтвердил сержант. — Мне писарь наш говорил, что начальство уже списки потребовало на просмотр.

— Ох, и далеко же мы, братцы, забрались! — вступил в разговор молодцеватый старшина со шрамом на лбу. — Почитай, всю Европу протопали. Теперь и поездом до дому не скоро доедешь.

— Сеять уж так и так опоздал, а к уборочной в аккурат доберешься, — послышался веселый голос.

— А чего, старшина, торопиться? — подзадорил кто-то. — Смотри, как немки на тебя глаза пялят, любая за муженька примет...

Шутки, смех, задорные голоса, песни, музыка словно взлетали над площадью, наполняя весь воздух каким-то необыкновенным звучанием. И вдруг они почти разом схлынули, площадь застыла в каком-то напряженном молчании. С той, западной стороны вошла на площадь толпа женщин с землисто-серыми лицами. Впереди широко шагала, резко выбрасывая суковатую палку, высокая старуха. Из-под темной шали выбились пряди серебристо-белых волос.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: наши, русские. Сколько их вы-

везли на работы в Германию! Непонятно только, откуда здесь старуха? Немцы забирали кого помоложе, поздоровее. Изможденные лица женщин светились радостью освобождения. Они жадно смотрели по сторонам, заражаясь общим праздничным настроением. Только старуха никуда не повернула головы, по-прежнему смотрела прямо перед собой, и пыталась идти дальше. Но солдаты окружили женщин. Расспрашивали, кто откуда, интересовались, в каком лагере горе мыкали. Кто-то принес консервы, кто-то — хлеба... Делились тем, что было, так щедро, с такой благожелательностью, что у многих заблестели на глазах слезы.

— Родные вы наши! Освободители! Спасибо вам, соколики! Спасибо,— приговаривали они, принимая солдатские дары.

— Куда путь держите, бабоньки?

— На Смоленщину. Земляков, случаем, нет?

— А мы теперь здесь все земляки — кто из Смоленщины, кто из Сибири, кто с Кавказа,— глубокомысленно заметил молодой солдат с орденом Славы на груди и обратился к старухе: — А ты, мать, как попала сюда? Аль и тебя на старости лет герман угнал?

Женщина поправила платок и тихо ответила:

— Нет, не угонял меня герман — сама я пришла сюда.

— Что, лично посчитаться с Гитлером решила? — засмеялся солдат. Но старуха укоризненно посмотрела на него и так же негромко сказала:

— Сынка я вчера здесь похоронила...— В толпе сразу притихли: так это не вязалось — солнечный день, праздник Победы и — смерть.

— Как же, мать, получилось это? — дрогнувшим голосом спросил кто-то.

— А так. Прислал мне сын письмо с соседом, отпущенным домой. Из госпиталя: «Если хочешь еще увидеть меня, приезжай. Раненый я сильно, тяжело мне умирать на чужой земле, не повидав тебя»... И где лежит, прописал. Я с тем письмом да на дорожку. Машин много к фронту идет. Так и доехала с военными шоферами. Быстро домчали — уважили мое горе. Нашла я его. Увидел меня, улыбнулся. Спасибо тебе, мама, говорит, легче мне теперь... Да так у меня на руках и заснул вечным сном. А утром похоронили его. С почестями, при знамени. Герой, говорят, твой сын был, гордись им. Орден его мне вручили, вот (достала из холщовой сумки орден Отечественной войны в коробочке). Отправим, говорят, тебя с эшелоном, честь по чести... А что мне той эшелон! Да и когда его снарядят. Взяла с могилы сыночка горсть земли и пошла. Авось на попутных быстрее доберусь. (Вытащила из-под пальто маленький узелок, скорбно вздохнула: «Она хоть и чужая земля, постылая, а все ж и за нее сын кровь пролил».)

Старуха спрятала узелок, запахнула поглубже пальтишко, обернулась к женщинам:

— Что ж, пойдемте, что ль! Путь не близкий, а дома, чай, заждались.

Она вскинула палку и зашагала сквозь молча расступавшуюся толпу. Прямая, строгая, с глазами, в которых уже не было слез, а только таилась невыразимая боль матери, потерявшей единственного сына... И неспроста, поравнявшись с матерью, сбились с шага, вобрали головы в плечи пленные немцы, небольшую колонну которых наши бойцы вывели откуда-то с боковой улицы...

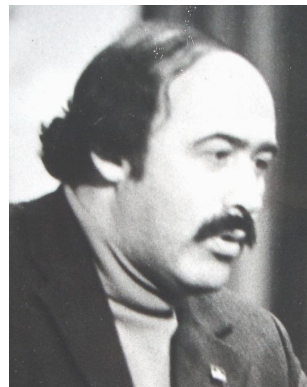
Долго глядели вслед широко шагавшей матери притихшие воины. Они будто наяву увидели в ней и своих заждавшихся, страдавших матерей, ощутили с особой силой, что значит для них, для всего нашего народа и народов освобожденных стран эта Победа, рожденная в огне тяжелых боев и сражений.

ВОЙНА И МИР В ПОЭЗИИ

Владимир Лазарев

(г. Монтейн-Вью, Калифорния, США)

Владимир Яковлевич Лазарев родился в 1936 г. в Харькове. Окончил Тульский механический институт. Известный тульский поэт и прозаик (книга «Тульский истории»). Автор многих стихов, положенных на музыку Марком Фрадкиным, Евгением Догой и другими композиторами. С 1999 г. живет и работает в США.

БЕРЕЗЫ

*(Песня из кинофильма
«Первый день мира»)*

Музыка М. Фрадкина

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят.

Березы, березы,
Родные березы не спят.

Быть может, они напевают
Знакомую песню весны,
Быть может, они вспоминают
Суровые годы войны.

Березы, березы,
Родные березы не спят.

Неужто свинцовой метелью
Земля запыхает окрест,

И снова в солдатских шинелях
Ребята уйдут от невест?

Березы, березы,
Родные березы не спят.

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Не спят под Москвою березы.
В Париже каштаны не спят.

Березы, березы,
Родные березы не спят.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

*(Песня из кинофильма
«Если ты прав»)*

Музыка М. Фрадкина

Гале

Зимний город уснул уже,
В синем сумраке лишь одно
На двенадцатом этаже
Не погасло твоё окно.

Я захожу в автомат ночной:
Этот свет как тревожный взгляд.
Набираю номер я твой,
И сигналы к тебе летят.
А вокруг —
 ни машин,
 ни шагов,
 только шорох афиш...

В самом центре Москвы
Почему ты не спишь?
Голос в трубке слегка дрожит,
Я волненье твоё ловлю:
«Что с тобою случилось, скажи?»
Отвечаешь ты мне: «Люблю».
Я молчу... Я готов обнять
Даже дом у Москвы-реки:
«Повтори мне это опять!»
Только в трубке гудки, гудки...
А вокруг —

 ни машин,
 ни шагов,
 только шорох афиш...

В самом центре Москвы.
Ты не спишь, ты не спишь...

Где-то рядом рассвет уже,
В синем сумраке лишь одно
На двенадцатом этаже
Все не гаснет твоё окно.
Ухожу я под взгляды звезд —
Мне не спать уже все равно.
Сберегу от бурь и от гроз
Мир, в котором твоё окно!
А вокруг —
 ни машин,
 ни шагов,
 только ветер и снег...
В самом центре Москвы
Не заснул человек...

* * *

В минуту жизни наивысшей
Как бы у мира на краю
Во всем я боль живую слышу,
Во всем её распознаю.
И вижу я: мой дух неровен,
Как мало в нём ещё любви,
Я перед замыслом виновен
И перед близкими людьми.

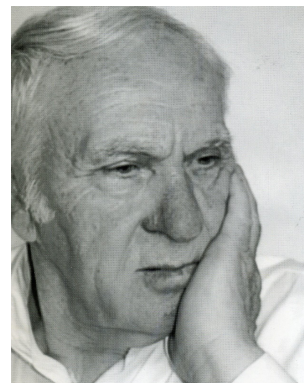
Весь путь пугающе очерчен.
И скоро, как роса с листа,
Исчезнет в дебрях человеческих
И капля моего лица.

И грады все мои, и веси,
И сизый дым, и синева
Сошлись... И вот я в чернолесье,
И вот открылась мне трава,
Траве же — сердце человеческое.
И как бы я перед могилой
Стою, свой долг не соверша,
И разрушительной силой
Потрясена моя душа.

Я облака к себе впускаю,
И листья я впускаю в дом,
И сном коротким засыпаю,
Живым, больным, горячим сном.

Виктор Пахомов
(г. Тула)

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», Заслуженный деятель культуры РФ, академик Петровской академии наук и искусств, Почетный гражданин города Тулы, первый заместитель главного редактора журнала «Приокские зори».

* * *

Все глуше раскаты последней войны
Все дальше она год от года
Но бьется огонь благородной страны
В честь павших героев народа.

Стирается облик солдата — отца,
Забыт вкус горелого хлеба
Нетленная память нам полнит сердца
И крылья вздымают нас в небо!

И чисто, и свято сияние глаз
Шагающих майским парадом
Грядущее смотрит внимательно в нас
Своим немигающим взглядом...

ГИМН

Подаст сигнал рука маэстро,
Ударит в небо гром оркестра
И гимн мне душу опалит,
Что за судьбу страны болит.

Мне ничего тогда не надо
Восторг и гордость — вот награда!
Ты — человек, ты — гражданин,
Своей Отчизны верный сын.

Я все прощу и все забуду!
И даже красного иуду,
Его ужасную вину
Проклятием не помяну!

Лети ты, гимн, вперед и выше!
Пусть каждый Родину услышит.
Пусть знает: Родину, как мать,
Нельзя купить иль поменять.

Гордись такой, какая есть.
Лишь в ней твоя судьба и честь!

Лети над Родиной несчастной,
Звучи над Родиной прекрасной!
Неважно — то Октябрь иль Май,
Зови, с колен нас поднимай!

«ЕЖИ» НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

«Ежи» на площади Победы
Напоминают каждый раз,
Как в сорок первом наши деды
Собою заслонили нас.
Напоминанье в их угрозе,
На полыхающей заре
О той зиме, о том морозе,
О том суровом декабре,
Когда казалось: где ты сила,
Что предварит войны закат,
Которая б остановила
Гудериановский накат?
Ответ на то был вам не ведом
К столице двигалась орда
Ответить предстояло дедам,
Что были молоды тогда.
Больны и слабы ныне деды.
К ним жалости не утаю,
Когда мы вместе в День Победы
В едином двинемся строю.
Их шаг нетвердый и неровный.
Ты их пойми и не суди,
Что греет души им Верховный,
Что на медалях на груди.

* * *

Осени поздней холодные зори
Ты провожаешь без муки во взоре
Ты понимаешь, что все повторимо,
То, что в тебе и что рядом незримо.
С нами прощаясь, летящие птицы
Смогут, дай срок, по весне возвратиться.
Все повторяется, так иль иначе,
В радостном всплеске иль горестном плаче.
Все повторяется, надо лишь верить
В то, что однажды раскроются двери,

Встанет в солдатской шинели отец,
Сердце чье выжжет фашистский свинец,
Скажет: запомнит Россию Фон Бок!
Как же похож ты на деда сынок!
Мама войдет, поцелует, обнимет,
Боль и обиду из памяти вынет.
В комнате тесной родня соберется,
Радость в уставшее сердце вольется.
Все повторяется, что живо и свято,
Все, что при жизни не знало возврата.
Все возвращается, все обратимо,
То, что душою и сердцем хранимо...

* * *

«Печально я гляжу...»

М. Лермонтов

О горьком поколении рассказ
Не затемнить нам временною далью.
Взрывной волной контузило всех нас,
И пах наш хлеб и порохом и гарью.

Войною опаленные птенцы,
Мы выжили сил малых на пределе.
Пример же, что подали нам отцы,
Принять и осознать мы не сумели.

Тоски и боли в нас не извести,
Не хватит ухищренья и старанья.
Отцы сумели Родину спасти,
А мы все отдали на закланье!

А мы ее оставили одну,
Трусливо наблюдая ее муки
И эту непростимую вину
Не раз припомнят дети нам и внуки.

За наше малодушие и страх
Ответ всем нам держать еще придется
Пока Державы возрожденный стяг
Над башнями Кремля не развернется!

О, Родина несчастная моя,
Как нам набраться мужества и силы,
Чтоб вновь и вновь судьбу твою края,
Нам не подрезать собственные жилы!?

САПОГИ

Прошел он немало военных дорог,
У братьев славян был в гостях.
Держались подошвы его сапог
На деревянных гвоздях.

Фашистскую гадину тем сапогом
Без жалости он раздавил
И майской победы неслыханный гром
Господь в его честь подарил.

Вернулся домой он и сел на порог
Вином его не обнесли.
Хотел он разуться, однако не смог:
К ногам сапоги приросли.

Подумал: Не явь это — бред или сон.
Дел столько, что не до того...
До смертного часа проходит в них он.
И в них похоронят его.

СОЛДАТ

Когда солдат идет вперед,
Своим Отечеством хранимый,
Он верит, что его возьмет,
Поскольку он — непобедимый!

Солдат плетущийся назад,
Своею Родиной забытый,
Не мыслит званий и наград,
Поскольку он уже убитый...

ИНВАЛИД

На костылях едва шагая,
Идет не нужный никому.
Страна огромная, родная
Не хочет кланяться ему!

Машины — мимо, люди — мимо!
Клокочет кровь и жжет виски.
Все это так необъяснимо,
Что сводит скулы от тоски.

Три раза ранен и контужен.
В Афганистане и Чечне
И вот такой уже не нужен
Не им, не собственной стране.

Чем мы свои деянья мерим?
Чем осеняем скорбный лик?
Я подойду, он взглянет зверем
И процедит: ты что, мужик?

НА РОДИНЕ

Человек поет, как плачет.
Он не пьяный, трезв вполне.

Он не может петь иначе
На родимой стороне.

В этой брошенной сторонке,
Где повымерла родня,
Где от черной похоронки
Мать состарилась в три дна.

Встал у дедовой березы.
Знает: жизнь идет к концу...
И бегут ручьями слезы
По померкшему лицу.

От реки плывет прохлада,
Шорох ветра в камыше.
Ничего уже не надо
Обездоленной душе.

Жизнь нельзя переиначить
Не ему и никому
Не поет мой друг, а плачет
Так, прислушайтесь к нему!

Пусть сияние заката
Догорает в полутьме.
Все, что дорого и свято,
Остается на земле.

Той, что предал, той, что бросил,
Как казалось навсегда.
Не с того ль обезголосел
И наказан без суда...

ХЛЕБ СПАСЕНИЯ

Зря судьбе своей не возражай,
Коль не ведаешь кто ты отныне?
Собирай, пожинай урожай
Молочая, крапивы, полыни.

Горевую мучицу смети,
Пусть потешится злая недоля,
Что тебя увела от земли,
От кормящего хлебного поля.

Ведь не свой хлеб жуешь, а чужой,
Зря ль душа истомилась, устала.
Для чего, за какою межей
Ты запрягал свой меч и орало?

Отыщи их, себя осознай.
Ты на верном пути искупленья.
Распаши свой непаханный край
И засеи его хлебом спасенья!

НЕУЖТО...

Везде: в Москве, Тамбове, Туле
Нас провели, нас обманули
И продолжают нас дурить,
Кого за то благодарить?

У власти прежние ухватки:
У них к себе лишь интерес!
Мы вымираем: все в порядке!
Жизнь, как на Западе! Прогресс!

И что ты мне ответишь, книжник?
Неужто двигаться нам вспять?
Неужто дедовский булыжник
Нам выворачивать опять?

* * *

Жирует власть, хиреет люд,
Чиновник давится от спеси.
И никаких законных пут
Суду продажному и прессе.

В полях бурьян и воронье.
Мужик не кланяется полю.
Призывы думские — вранье,
А криминал диктует волю.

Что остается? Пить и петь
От беспредельной этой жути.
Неужто нам удел — терпеть,
Поскольку мы — рабы по сути?

И жизнь проходит наша зря
По Библии или Корану.
Нам все давно до фонаря,
Нам все уже по барабану...

* * *

А. Новгородскому

Прихваченный первым морозом,
Оранжев, малинов и розов
От листьев с берез и осин,
Промытых дождем, как один,
Проселок уводит меня
Туда, где бегут зелены
Навстречу спешащей зиме,
К объятиям стужи во тьме.
А если не выпадет снег,
К несчастью великому всех,
И к гибели... Черный мороз,

Все делает только всерьез!
В сознание терзающим мозг,
Мелькнул на мгновение Босх,
Мистический Иероним
И кто-то еще иже с ним,
Что были с природой на ты
Для вящей ее полноты.
Виденью такому не рад,
Стою — ни в вперед, ни назад,
Поняв, как я здесь одинок,
Что слез не стираю со щек.
Закатом объятый простор,
Глядит на пришельца в упор.
Но это я отвечаю ему,
Не зная и сам почему
Средь этих промерзших равнин
Застыл с ним один на один!

* * *

В черных полях ни движенья, ни шума.
Мгла еле брызжет вдали!
Мира картина слепа и угрюма.
— Друг, осторожней рули!
Это селение «Пьяные ночи»
Слышал о нем от родни
Здесь мужики любят спать при дороге.
Остерегись, не гони!
Пьют, что ни попадя и до отвала
Пьют, хоть пожар, хоть страда.
— Или своих неприятностей мало,
Что же мы едем сюда?
Я промолчу, ничего не отвечу.
Молод еще он, Бог с ним!
С детством военным я еду навстречу,
С краем сиротским моим!
Брошенным, вычеркнутым и позабытым
Здесь, у судьбы на краю.
Еду припасть к поседевшим раkitам,
Выплакать душу свою.
Я помолчу, повздыхаю устало.
Я ли в том не виноват,
Что мне своих неприятностей мало.
Не осуждай меня, брат...

Яков Шафран
(г. Тула)

Родился в поселке Брагин Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 году окончил Тульский политехнический институт и в 1997 году высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ. Активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов – «Любимая, прости» в 2008 году и «Спасение рядом» в 2009 году. Участник поэтических сборников. Имеет свои странички на литсайтах: <http://www.stihi.ru/avtor/byans>, <http://www.proza.ru/avtor/byans>, <http://www.chitalnya.ru/users/byans/>. Живет в Туле.

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ

Вот уже шестьдесят
И пяток еще сверху годочков,
Как чужой автомат
Не строчит похоронною строчкой.

И, бросая взор свой
На дорогу, что до горизонта,
Провожая не в бой
И встречаю я вовсе не с фронта.

Ожиданье не срок...
Вот на запад машина-попутка.
Взял я времени впрок —
Шестьдесят, еще пять и минутка.

Предо мною шоссе
Вдаль идет сквозь посты и границы —
Те же травы в росе,
Те же ржи, и все те же пшеницы.

Может не за рулем —
Задремал, может «фата-моргана»?
Но каким-то чутьем
Понимаю, не сплю, хоть и странно.

Как-то что-то в уме
Вдруг защелкнулось, и не на шутку.
И явились ко мне
Прямо в эту машину-попутку

Ослабевший от ран
Молодой лейтенант из тамбовских,
Белорус-партизан
Вот из этих лесов могилевских,

И подпольщик-поляк,
Что Москву, как небесное слушал,
Полтовчанин — остряк,
Даже «фриц», отморозивший уши.

И они вперебой
Что-то мне говорили, кричали.
А вокруг вроде бой —
Вот уж не было, братцы, печали.

Сквозь огонь кое-как
Мы прорвались, пригнувшись, успешно.
И держась за большак,
Покатили на запад поспешно.

Вот последний предел,
И попутчики вышли на трассу.
И к леску, что темнел,
На восток побежали, как к Спасу.

Лишь один только «фриц»
Не к востоку бежал, а на запад.
И бежал словно блиц
Совершал, но в обратную драпал.

Шофер долго стоял,
Все решая куда дальше ехать.
А потом щетку взял
И помыл всю машину без спеха.

На границе стоим.
Шестьдесят и пяток отделяют
Нас от наших годин.
И во время я снова ныряю.

И гляжу на окоп,
Что присыпан, заросший темнеет,
Да, тут все — перекоп:
Все окопы, воронки, траншея.

Да, и вечный огонь,
И штыки монументом до неба,
Обещанья ладонь,
Словно в сердце впечатанье герба.

И я понял сполна,
Хоть и не был в то время на фронте,
Не нужна нам война,
И любовь невозможна к «ним» вроде.

Мы из разных миров,
Мы из разных таких вот созвездий.
И к партнерству наш зов
Без «любовных» и бранных трагедий.

Я В ЛЕС ЗАШЕЛ, КАК ЗАХОЖУ ВО ХРАМ

Я в лес зашел,
Как захожу во храм,
Торжественно и с тихою печалью.
Исчез куда-то улиц гам,
Эмоций суетливых хлам,
Исчезло все,
Вернувшись к изначалью.
Я вглубь забрел,
Не выбирая троп,
Шурша опавшей желтою листвою,
Как, вдруг, внутри услышал «Стоп!»,
Но лишь лучей пробился сноп
Сквозь тихий шепот
Кленов надо мною.
А все кругом
Уже осенних нош
Полно, и все — знакомое, родное...
Вот паутинки поздней дрожь
Меж веток пишет — это ложь,
Что ясно лишь
Заведомо простое.
И вижу я,
В октябрьском лесу
Рябины кистью по холсту мазками:
Ведь это я согнулся, но несу
Так нужное в бою, сквозь полосу,
Чтоб победить
Отважными бросками.
И вижу я
Воронку на земле,
А рядом с нею длинную траншею,
И вижу, как идут со всех
Уже сторон во тьме, во зле,
Чтобы накинуть
Нам петлю на шею.
Я в этот лес
Теперь хожу, как в храм,
Торжественно и с тихою печалью,
Оставив слов и мыслей гам,
Эмоций суетливых хлам,
Припасть к истокам
Важным, к изначалью.

Иван Александров*
(г. Мценск)

PERSONALIA

Юность прошла в Туле. Здесь в 1951 году в альманахе «Литературная Тула» были напечатаны первые стихи. Отсюда в 1954 году вместе с однокурсниками уехал добровольно учительствовать на Алтай. После службы в армии вернулся в родные тургеневские места. Был учителем, инспектором роно, директором школы. Одновременно занимался творчеством. В 1970 году был принят в члены Союза писателей СССР. Лауреат Всероссийской литературной премии имени А. Фета. Автор 13 сборников стихов и прозы.

ЗАРНИЦЫ

Я рано встал из колыбели
И заспешил в большую жизнь.
Какие ветры прошумели,
Какие грозы пронеслись!

Я с упоением мальчишки
Сквозь годы долгие пронес
Незатухающие вспышки
За горизонт ушедших гроз.

Я не забыл дела и лица
Давным-давно — ушедших дней.
И колыхаются зарницы
В душе и в памяти моей...

* * *

Ивану Ивлеву

Вспоминаю радостно и грустно
Школьные далекие года.
Утром было холодно и пусто,
Замерзала в чайнике вода.

* См. также письмо Ивана Александрова в редакцию «Приокских зорь» в настоящем номере, в рубрике «Хроника литературной жизни».

Раньше всех являлось солнце в школу,
Занимало парты и столы
И улыбкой теплой и веселой
Согревало мерзлые углы.

За ночь охлажденная ветрами,
Раскалялась в коридоре печь,
И врывалась, хлопая дверями,
Пестрая мальчишеская речь.

С детства доходяги и трудяги,
Мы спешили одержимо жить
И горели неумной тягой
Все познать и переворошить.

С этой доброй завистью и жаждой
За столы садились пацаны,
Чтоб писать чернилами из сажи
Золотую летопись страны...

ПУЧОК КАЛИНЫ

Металась бабушка во сне,
Шепча бессвязно:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки красной...

Лежала старая, бледна,
В лихой простуде.
А в том саду была война,
Чужие люди.

Снялась из сада солдатня,
Ушли машины.
А возле камня, возле пня
Притихли мины.

Не трогай яблоню за ствол,
Не трогай ветку.
Уж подорвался рыжий вол,
Изранен Гнедко.

А дома в душной тишине
Беда нависла:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки кислой...

И я бегу в запретный сад
Заглохшей тропкой.
И я ступаю в этот ад
Ногою робкой.

Повисла жизнь на волоске
Немецкой мины.
Но трепетал в моей руке
Пучок калины!..

ФРИЦЫ

Избу заполнила теплом
Сгоревшая кострица.
И, сняв рубахи, за столом
Вшей выбирали фрицы.

Мы притаились на печи,
Поджав к пупку колени.
Нам грели пятки кирпичи,
Бока студили стены.

Мы возле бабки улеглись,
Не зажигая свечку,
Чтоб в темноте не забрались
Чужие вши на печку.

Ариец разгонял тоску
Гармошкой и губами:
«Скорей в Москву!
Скорей в Москву:
Там нам готовят баню!»

Закутав теплой тряпкой нос,
Пошли в Москву солдаты.
Непредсказуемый мороз
Погнал их вдаль от хаты.

А дед вдогонку зло шептал
И шмыгал сапогами:
Не то плясал,
Не то топтал
Заблудших вшей ногами!..

АРИНКИН ХУТОР

*Ивану Рыжову**

Шагал в заснеженной дали
Декабрь сорок второго.
А за санями вдаль брели
И овцы, и корова.

* В самом первом номере нашего журнала («ПЗ» № 1, 2005) мы опубликовали рассказ замечательного орловского писателя Ивана Рыжова «Лебедушки».

В какой-то стороне глухой
Вошли мы в сорок третий.
Аринкин хутор в час ночной
Нас громким лаем встретил.

На нем кончался белый свет
В завьюженной пустыне.
Ни радио и ни газет
Здесь не было в помине.

Ни капли ключевой воды,
Лишь пруд вонюче-ржавый.
Мы для питья и для еды
Сгребаем снег шершавый.

Корова бережно жует
Рябинку с полынками.
Хозяйка уголь бережет,
А топит кизяками.

Мы засыпали на полу
В сыром холодном доме,
Зарывшись с вечера в углу
В попонке и соломе.

Мне снился деревенский сад,
Пылавший жарким цветом.
А где-то дрался Сталинград —
Невидим и неведом.

РЕКВИЕМ

*Велика Россия, а отступать
некуда: позади — Москва*

Политрук В. Клочков

Земля тревожно и устало
Гудела далеко окрест.
А поезд мчал из Казахстана
Их на неведомый разъезд.

Бросалась здесь
Под танки осень
За честь отеческой земли.
Дрались бесстрашие но
Двадцать восемь
И здесь навечно залегли.

Забыв про небо голубое,
Они со связками гранат

Лежат и ждут сигнала к бою —
Уже полвека здесь лежат.

Лежат, как будто на чужбине,
Прикрыв собой святую пядь.
Что делать им?
Куда им ныне
И наступать,
И отступать?

Они не знают, воскресая,
Неравный принимая бой,
Что позади Москва
Чужая
И Казахстан —
Уже чужой...

* * *

Под сенью надежного крова
Висит на гвозде у стены
Армейская сумка отцова
С далекой победной войны.

Лежат в ней медаль «За отвагу»,
Потертый военный билет,
А наградную бумагу
Венчает известный портрет.

Хранитель той сумки до срока
Ушел из позорной страны,
Охаявшей зло и жестоко
Реликвии славной войны.

Еще ошкурят отморозки
И всякий отрепьевский сброд
И дивные наши березки,
И наш дурковатый народ.

Презревшая недоумков,
Висит на гвозде у стены
Армейская батина сумка
С далекой победной войны.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Под звон бокалов и стаканов
Страна заходит в новый год.
Дурманит песнею Газманов
И офицеров, и господ.

До хрипа надрывая глотку,
Не замечает он, чудак,
Что офицеры глушат водку,
А господ, поди, коньяк.

Защитники и лицемеры
Не породнятся никогда.
Дают присягу офицеры,
Плюют на клятву господ.

Какой навет, какое свинство!
Какой неведомый урод
Увидел братское единство
У офицеров и господ?

Опять по боевой тревоге
Бросают офицеров в бой.
Их подрывают по дороге,
Их подрывают под водой.

Лишив достоинства и веры,
Толкает в бездну их беда:
На дно уходят офицеры —
Со дна всплывают господа!..

* * *

Кряхтел мотор над головой,
Во поле пушка пукала.
Игралась битва под Москвой
Без Сталина и Жукова.

Глазел кремлевский тихий вождь
Очами воспаленными
На этот доблестный галдеж
Под старыми знаменами.

А небо плакало дождем
При виде войска хилого.
Увы, не оказалось в нем
Клочкова и Панфилова.

Трясли дедули головой
И молодостью бредили.
Игралась битва под Москвой,
Как жалкая комедия.

И, торжествуя, дотемна
Вояки колобродили.
Но пожалела ордена
За эту дурость Родина.

ЗАВЕТ

Пускай мы в бронзе и граните,
Мы видим вас, мы слышим вас.
Вы нас, пожалуйста, храните
От громких слов и пышных фраз.

Не ради почестей и званий,
Мы шли когда-то в смертный бой.
Мы в час жестоких испытаний
Прикрыли Родину собой.

О, как обидно за державу,
Где мародеры и шпана
Разворовали нашу славу,
И подвиги, и ордена.

Они украли наши песни
И осквернили их напев.
Лишь неподвластны силе бесей
Ни русский дух,
Ни русский гнев.

Во все века неистребимы
Земля, деревья, облака.
Пускай склоняется рябина
Над нами знаменем полка.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Александру Лукашенко

Я это священное место
Предать и забыть не могу.
Седые развалины Бреста
Доныне не сдались врагу.

Храня гробовое молчанье
И верность славянской душе,
Безвестные орловчане
На славном стоят рубеже.*

Чертям и богам неподвластный,
Молюсь, преклоняюсь, горжусь,
Что стала воистину красной
Прекрасная Белая Русь.

Никто — ни холопы, ни князи —
Не в силах ее очернить.

* 6-ая Орловская Краснознаменная дивизия участвовала в обороне Бреста.

Она отряхнулась от грязи,
Чтоб лик в чистоте сохранить.

Мы стали мудрей и суровой,
Мы знали, что в горестный час
Ближайшие братья по крови
Не отвернутся от нас.

В друзьях и врагах разуверясь,
Вступились они за Союз,
Когда озверевшая нерусь
Распяла Державную Русь.

Ни мира, ни дружбы, ни славы
В обиженной Богом стране.
Развалины прежней державы
Дымятся в крови и огне.

Я вижу заветное место
На дальнем святом берегу.
Доныне защитники Бреста
Прицельно палят по врагу!

Владимир Чистополов
(г. Йошкар-Ола)

ВОТ И КОНЧИЛСЯ ОПЯТЬ ГОД

Чистополов Владимир Иванович, 1953 года рождения. Член Союза писателей РФ, Заслуженный журналист Республики Марий Эл, работает в республиканской газете «Марийская правда» ответственным секретарем. Автор поэтического сборника «Я всю жизнь хожу по краю» (1997 г.), публиковался в коллективных поэтических сборниках, стихи и рассказы печатались в республиканских и российских СМИ, один из авторов антологии русской прозы Марий Эл «Короткие встречи».

* * *

Вот и кончился опять год
И привыкли, что другой век.
Не замедлился Луны ход,
Также падает с небес снег.

От свечи идет живой свет.
Можно выпить, если есть с кем,
Откажусь, махнув стопарь, пить
И соленый огурец съем.

Хорошо, когда вокруг гам,
Изобилует едой стол.
И в присутствии чужих дам
Глупо пыжится мужской пол.

Где-то в Африке опять мор
И в Израиле опять взрыв,
А у нас едой забит стол
И в сортире без конца слив.

Между рюмками, устав пить,
О России завели спор,
Дескать, нонешней стране смерть,
Потому что тут везде вор.

Дескать, злобен в нищете люд,
Значит нужен нам опять царь,
А иначе на Руси пьют,
Ну, а пьяный, он всегда — тварь.

И опять под рататуй влет,
(За Отчизну не грешно пить)
Соколами стопари в рот —
Чтобы было хорошо жить.

А скукоженный юрист-плут
И какой-то журналист-пень
В унисон: мол на Руси пьют
Те кому вообще пахать лень.

И не нужен никакой царь,
Надо всем свободно жить дать,
Там где царь — всегда полно харь,
Будут бить и из страны гнать.

Кто-то крикнул из угла — блуд!
Вашим доводам цена — грош,
Только божий есть на все суд
И любая власть под ним тож.

От пороков надо в лес, в глушь,
Чтобы к Господу открыть дверь
Для заблудших в темноте душ —
Это главная для всех цель.

Много было за столом слов,
Каждый с выводом своим лез.
Дамы ели с алычой плов
И шнырял по декольте бес.

Я простился и прошел в лифт,
Он унес меня с небес вниз,
Был я чуточку совсем крив
И прохожим говорил: «плис».

А под арками была темь
И я чувствовал, что я клоп,
Вышло где-то человек семь,
Без базара — кулаком в лоб.

Говорят мне: замолчи, вошь,
Может думаешь, что ты крут?
Раздевайся, если жить хошь,
А не то, считай что ты — труп.

Я по улице бежал вскачь,
Снова лифт меня унес вверх,
Где какой-то подшофе врач
Успокаивал вокруг всех.

Дали выпить за конец бед,
Отогрелся и за стол сел.
Завернув себя в чужой плед,
Я соленый огурец ел.

И участием кипел всяк,
И советовать ко мне лез,
Как достойно избегать драк
И безлюдных по ночам мест.

Снова вспыхнул за столом спор,
Кое-где переходя в крик:
Почему у нас в избе сор,
И не надо ли менять ЦИК?

О ЛЮБВИ

На огородах горбато пластаются люди.
Ветер траву задувает в случайные щели.
И, положив на живот истомленные груди,
Толстая тетка открыла прохожему двери.

И окунулся продрогший голодный бродяга
В тесной избы кисловато-потливую сладость,
И не залаяла в будке худая дворняга
Сердцем собачьим почувствовав теткину слабость.

Осенью сумерки рано ложатся на землю,
Тянется ночь не спеша, словно путь на Голгофу.
Странник уставший, шумливо и трепетно дремлет,
Съев натошак покропленного салом гороху.

Но не затем приютила прохожего тетка,
Чтобы задаром кормить его хлебом и салом.
Он в эту ночь для нее — дорогая находка.
Жуть одиночества напрочь с кровати прогнал он.

И, занавесив потершимся ситцем иконы,
Свет потушив и внезапно решившись на шалость
Тетка приникла к прохожему с тягостным стоном,
Сипло шепнув ему в ухо: «Погрей меня малость».

И обвила его крепко за тощие плечи,
И навалилась упрямо и очень мясисто.
Заспанный гость, опасаясь телесных увечий,
К двери рванул, на ходу закричав голосисто.

Бабы бывают порою во многом повинны.
В частности, даже в падении города Трои.
Ночью осенней холодной, промозглой и длинной
Дафнис зачуханный тек от назойливой Хлои.

И серебрился поганый туман над болотом
Там, где, скукожившись, прыгали мелкие звери.
Ежели вам полюбить непременно охота
Лучше держать затворенными накрепко двери.

Только тогда поумнеют беспечные люди,
Если закрыть их, прибавив при этом по роже.
И на пропахшие дымом Отечества груди
Голову склонит любой суетливый прохожий.

* * *

Испокон по всей земле знают человеки,
Что когда-нибудь придет их последний час.
Неохота умирать в 21 веке —
Это как набрать «очко» и глупо крикнуть «пас»!

А чего теперь не жить — хлеба всюду вдоволь.
Да, воруют, как всегда, но зато не мор.
Первой картою на стол выпал туз бубновый,
Значит, есть с чего начать про удачу спор.

300 лет тому назад было много проще,
Жизнь не стоила тогда медного гроша.
Люди верили в судьбу да святые мощи,
И брела на свет свечи грешная душа.

Иногда летели в пыль царские короны,
Ну, а чаще люд простой тупо падал ниц.
И дородные попы в целях обороны
Примеряли на себя кротость светлых лиц.

А бродяга, пьяный вдрызг, славя Божью Матерь,
Осеял себя крестом и чудес просил...
Неожиданный расклад — три шахи — на скатерть,
Между прочим, иногда счастье приносил.

Никому вокруг нет дел до чужих напастей,
Не меняют во дворе рубль на луидор.
Кто-то где-то втихаря так тасует масти,
Что всегда тебе в конце будет перебор.

Снова брошены на кон тихие печали,
Никакого буйства чувств или торжества.
Карты падали на стол... Голоса звучали...
Возводилось мастерство в степень колдовства.

Все еще имеет цель, все еще возможно,
Не протухли от еды зоркие глаза.
Из колоды серых дней очень осторожно
Надо вытащить на свет «десять» и туза.

ПРО КРИЗИС

Я вчера попал в больничку —
Перенервничал слегка:
Сунул Лехе в ухо спичку
С ловкостью мамелюка.

Он хандрил передо мною,
Долгий кризис обещал,
Издевался над страной,
Девальвацией страшал.
Говорил, что голос слышит,
Извещающий извне,
Что повсюду едут крыши,
И валюты нет в казне.

Я его от этих слухов
По-товарищески спас:
Сунул спичку прямо в ухо —
И затих враждебный глас.

Что тут, братцы, приключилось —
Сразу трудно рассказать:
Доброхотов рать явилась
По рукам меня вязать...

Налетели, закрутили,
И какой-то идиот,
Распалившись в хилой силе,
Пнул меня ногой в живот.

А потом укол и койка,
Встреча с добрым главврачом,
И пустырника настойка,
И беседа ни о чем.

Подходили пациенты,
Вопрошали, что и как,
В основном про дивиденды
И про кризисный напруг.

Вижу — нету сумасшедших:
Изнуренный жизнью люд,
Вроде ангелов сошедших,
Если ангелы запьют.

Озабочены серьезно:
Кризис, сука, доконал,
Говорят, пока не поздно,
Надо выпить барбитал.

Или что-то вроде плана
На бумаге набросать...
А от плана — все в нирвану,
И захочется плясать.

Да, идея неплохая,
Но цена ей — медный грош.
План легко найти в Шанхае,
А в больнице не найдешь.

Можно, правда, выпить водки,
Водка, кстати, есть везде,
Но от водки сушит глотки,
Если соли нет в грузде.

Прошагал по коридору
Вова — добрый санитар,
Ищет парень мандрагору,
Чтобы сделать нам отвар.

Он прославиться желает,
Всем врачам наперекор,
Мандрагору откопает —
И снесут вокруг забор.

А меня он, между прочим,
От кровати отвязал,
Я обрадовался... очень...
Но с матраса не слезал.

Мало ли... Один отпустит —
Трое кинутся ловить...
Сгоряча еще опустят
Или рожу станут бить.

Я сижу на одеяле,
Слезы капая из глаз,
Что и где мы прозевали?
Объясните, васисдас?

За окном стрижи летают,
Ни тайфунов нет, ни бурь,
Люди благостно икают
На небесную лазурь.

Где-то прячется Мессия,
Не желая лезть крест.
И, как многие в России,
Не работает, но ест.

* * *

Бабка купила сыру,
Грамм этак, может, сто.
На улице было сыро,
Плохо грело пальто.

Новой весны начало —
Время любви и грез.
Ветром ворон качало
В капищах старых гнезд.

Лифт скрежетал и ухал,
Лазя по этажам,
И, рассунося брюхо,
Шумно людей рожал.

Отгородясь от мира,
Взвизгнула дверь свиньей,
И поплыла квартира
Вместе со всей Землей.

В тихий бездонный омут
Пресного бытия,
Где незаметно тонут
Молодость и друзья,

Где до скончания века
Все же возможность есть
Бедному человеку
Сыру кусочек съесть.

Вкусно и очень грустно.
Стынет в стакане чай.
Это почти искусство —
Старость одной встречать.

Не покриветь душою,
Не проклинать себя,
В малом искать большое,
Прошное тереть.

Радоваться по-детски
Значимым мелочам.
Верить, живя простецки.
Радио и врачам.

Как островок ампира
Гушу худых лачуг,
Вкусный кусочек сыра
Жизнь приукрасил вдруг.

Ела она, как кошка,
Гнулась к земле хребтом,
Жадно ловила крошки
Черным беззубым ртом.

И по бульварной сини,
Остановив свой бег,
Шел, обрусев, в России
Наш двадцать первый век.

Сумерки были зябки
В согнутых спинах крыш,
И не хотелось бабке
Этой весной в Париж.

Олеся Маматкулова
(г. Алексин)

Родилась в городе Щекино Тульской области в 1980 году. Окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. С 2002 года живет в городе Алексине, работает учителем биологии в сельской школе.

АНЮТА

У Анюты новые игрушки
И почти что новая кровать,
Но ее льняные завитушки
Не погладит Ане больше мать.

Отказалась мама от Анюты.
Как кукушка бросила чужим.
Только стены детского приюта
Станут домом девочке родным.

Здесь тепло, красиво и уютно,
И вокруг всегда полно людей...
Но никто не будет поминутно
Греть любовью, ласкою своей.

А могло быть все совсем иначе
У девчушки этой озорной...
Только ночью нянечка поплачет
Над несчастной Аниной судьбой...

* * *

Снова яркая девушка осень
Заглянула в мой город на бал.
Среди пасмурной зелени сосен
Разожгла цвета жаркий запал.

Всех оттенков душистого меда
Ее платье, накидка, платок,
Так и рвется огнем на свободу
Медно-рыжий шальной завиток.

Так и просится пламя на волю,
Обжигая кленовую грусть.
Пусть горят перелески и поле!
В ярком золоте плаваются пусть!

Пусть пылают осины в багрянце,
И возносится к небу душа...
Осень в этом чарующем танце
Так печальна... И так хороша!

* * *

Пуста конюшня за рекою,
Не слышно ржанье лошадей.
Все поросло дурман-травой.
Вороний грай да ширь полей.

Уже не цокают копыта,
Да и не брякает узда,
И жизнь былая позабыта,
Ушла. Исчезла навсегда.

И только ночью мне приснится
Как вместе шли на водопой,
Невеста словно, кобылица
И конь — красавец вороной.

Как жажду свежеею водою
С медвяным вкусом утолив,
Они дорожкой полевою
Летели к краешку земли.

Как танцевал красавец черный
Пред белой лошастью, как дым.
Какой же вздорной, непокорной
Она казалась перед ним.

Как после шли, и темным глазом
Смотрел он нежно на нее,
И было в этом взгляде сразу —
Любовь, тепло и счастье все!

...Пуста конюшня за рекою.
Не слышно ржанье лошадей.
Все поросло дурман-травой...
Но живо в памяти моей!

РЯБИНА

Мне часто снится отчий дом.
Передо мной стоит картина:
Девчушка юная с отцом
Сажает тонкую рябину.

Дает отец ей свой наказ:
— Запомни, дочка, мое слово,
Чтобы не прятать в землю глаз,
Заветам будь верна Христовым:

Не заносись и не груби,
И не желай себе чужого.
И как себя, людей люби,
Да крепко помни мое слово...

Несутся годы напролом,
Другим даря для жизни нишу,
Вернувшись снова в милый дом,
Наказ отца повсюду слышу:

— Люби,— мне шепчет ветерок,
— Люби, кричат мне в небе птицы,
— Люби,— поет мне ручеек.
— Люби... и слезы жгут ресницы.

Люби... Люби... И я люблю
Людей, свой край, страну и дом.
За папу Бога я молю...
У той рябины подо окном

* * *

Уговаривал огонь лучину:
— Подпусти меня к себе поближе,
Я тебя не бойся, не обижу!
Волноваться, слышишь, нет причины!

Подарю созвездья поцелуев,
Аметисты угольков, рубины,
Наслаждений дивные картины
Золотою кистью нарисую.

Я дыханьем обогрею нежным,
Обниму и искупаю в ласке!
Подпусти! С тобой сойдемся в пляске
И утонем в радости мятежной!

Подпустила. И свои посулы
Огонек сдержал: увлек лучину.
А она, не разглядев личину,
Вся сгорела, искрой упорхнула.

И теперь она звездой яркой
На огонь любитесь в томленье.
Пусть всего одно, ОДНО МГНОВЕНИЕ,
Но в любви она пылала жаркой!

* * *

Кружатся в загадочном танце
Снежинки за тонким стеклом
В безмолвном серебряном глянце,
Забывшись мистическим сном.

Аргеста пленив в реверансе,
Тягучий заводят фокстрот,
И в медленном плаваются вальсе,
И дружный ведут хоровод.

Партнеры сменяют друг друга,
Не вспомнить ни лиц, ни одежд
В безвременье вечного круга,
Больших не питая надежд,

Что будут как прежде встречаться,
Впадая в безумный запал,
И без сожаленья простятся,
Лишь вьюги закончится бал.

Не скажут тихонько: «До встречи»,
Не вымолвят робко: «Прощай...»
С теплом не обнимут за плечи,
Слезу уронив невзначай...

Владимир Резцов
(г. Тула)

СОНЕТЫ
(1981—2009)

СОНЕТ № 7

Меркурию предался Гименей.
Там, где поэтов участь незавидна,
На ярмарке, где продают людей,
Мать торговала дочерью бесстыдно.

И покоряясь темным силам зла,
Святую страсть легко назвав причудой,
Богатого невеста предпочла,
Стократ благословленная Иудой.

Бумажный век любовь поработил,
Все растоптал; и в нарушение правил
Орел над страшной бездной гордо взмыл,
Но исполинских крыльев не расправил...

То был не сон. То было наяву.
Зачем родился я? Зачем живу?

СОНЕТ № 8

Когда утратишь то, что не имел,
Не растекайся мыслию по древу;
Вчерашним днем не будь излишне смел,
Не предавайся суетному гневу;

От горечи и боли – не кричи,
Хотя б имел ты веские причины;
Чужого сострадания не ищи, —
В безмолвии достоинство мужчины!

Судьбы неблагоприятный поворот
Переживем,— не вешаться же сдуру!
Ничто не вечно. Даже боль пройдет,
И станет ясным то, что было хмуро.

Не погибай, судьбу свою кляня!
Слова любви — пустая болтовня...

СОНЕТ № 9

Ленивопраздным сытный стол дарован.
Алкаш бездонной глоткой наделен.
Распутник грешной плотью очарован,
И, блуд творя, отнюдь не любит он.

О чем бишь я? В чем сущность размышлений?
Не в том ли, что порой последний жлоб
Обласкан среди вздохов умилений;
Везет ему, хотя и не должно б?

С чего бы так ему мирволит небо
Униженным трудягам вопреки?
Что, создан мир неправде на потребу?
А мы-то — в Бога верим, дураки!

Разгадка где? Трудна сия шарада.
А быть, как он... Спаси, Господь! Не надо!

СОНЕТ № 10

Кривляясь обезьяной там и тут,
Рисуясь всюду этаким павлином,
Юля пред сильным, слабого сожрут.
Что предъявить еще они могли нам?

Кому какое дело, если я
Отказываю им в рукопожатье,
Великодушно не зову в друзья,
Приятельски не распахну объятья?

Им без меня повсюду благодать:
За ними жизнь и будущее тоже;
Для них сотворена, ни дать ни взять,
Юдоль земная... даже рай, похоже!

...Любимый берег. В небе облака.
Я б знать хотел, куда течет река.

АКРОСОНЕТЫ
(2005—2009)

АКРОСОНЕТ № 1

Весенний день — одно воспоминанье.
Любовь была, и не было ее.
А за окошком вьюги завыванье,
Да ночи мрак уже берет свое.

Исполнилось пророчество бывшее:
Мечты давно рассеялись, как дым.
И чудится: «Эй, старый! Что такое?
Раздайся, дай дорогу молодым!»

Рехнулись вы! Какие наши годы?
Еще не вечер. Стариться? Смешно!
Засветит солнце, вновь увидим всходы,
Цветы подарим, снимемся в кино.

О невозвратном горевать не буду.
Вот допишу — и вымою посуду!

АКРОСОНЕТ № 2

Влекомый жаждой жизни, я живу,
Смотрю на мир и миром очарован.
Еще не раз зеленую траву
Весной увижу, восхищен, взволнован.

Озер пою серебряный простор,
Лугов ковры, полей апрельских всходы,
Осенних парков праздничный убор
Да в Новый год снежинок хороводы!

Речною гладью восхитись и ты!
Еловый лес прохладой подкупит...
Зачем, зачем бежать от красоты?
Целуй любя ту, что тебя полюбит!

О, кто там наверху, благослови
Весь этот мир, исполненный любви!

Наталья Квасникова
(г. Москва)

БОЛЬ ПАМЯТИ

Невозможно нам существовать без уважения к предкам, без знаний о своих корнях, без гордости за родителей, дедов и прадедов. Убеждена,— как бы ни сложились судьбы России и всего человечества, величайшие деяния советского народа — подвиги Созидания, Победы над фашистским монстром, Восстановления разрушенного хозяйства страны в считанные годы после освобождения от врагов останутся в исторической памяти людей уникальным, захватывающим дух примером для всех нынешних и последующих поколений.

БОЛЬ ПАМЯТИ

Встал сумрачный пейзаж передо мной,—
Весь в ряске пруд, семейство ив плакучих,
Седое небо в лиловатых тучах
И домик, развалившийся давно...

За ним была заросшая травой,
Уж много лет забытая могила,
И надпись почерневшая гласила,
Что в ней лежит бессменный рядовой.

Ушел он в сорок первом воевать,
Израненным вернулся в сорок пятом.
Мальчишку проводив на фронт солдатом,
Не дождалась его обратно мать.

России неизбывное терпенье
Нашло в пейзаже этом воплощенье.

ГОРСТЬ МАЛИНЫ

В шестидесятый День Победы
Седая женщина одна
Свои поведала нам беды,
Что ей доставила война.

Тогда, в блокадном Ленинграде,
Ей было пять неполных лет.

«Я помню — маму звали Надей,
А больше родственников нет.

Миг помню я коротко-длинный,
Худая мамина рука
Мне в рот вложила горсть малины,
Душистой, давленной слегка...»

Война живет — в осколке мины
И в сладком запахе малины...

ПОБЕДНЫЙ СОНЕТ

Майским днем веселый гражданин
Поживиться захотел немного.
Был он мелкий криминальный чин
И себя держал совсем нестрого.

В дом чужой проникнув без причин,
Догадался сразу, от порога,—
Ветеран войны там жил один,
В этот час он вышел ненадолго.

Пусто в доме. Старая кровать,
Ей пора на пенсию, бедняжке.
Стол хромой, богатства — не видать.
Вор на стол бросает две бумажки...

Через час вернулся ветеран.
В День Победы сыт он был и пьян.

ГОРЬКИЙ СОНЕТ

В июле тихо гаснет
Над пристанью закат.
Баян поет со страстью,
Рубли в берет летят.

Под солнцем и в ненастье
Уж много дней подряд
О грусти и о счастье
Играет всем солдат.

И молодость, и сила
В руках его, в плечах.
Что ж ног его лишило,
Судьбу низвергло в прах?

Века — от скуки буден
В войну играют люди...

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЕТ

Окуджава родился девятого мая.
Вся трагедия века была впереди,
И солдата не жгли ордена на груди,
От горячей войны на ветру остывая.

Он, весну за весной, год за годом листая,
Жил — с людьми в унисон и на общий мотив,
В чутком сердце поэзию разбередив,
Ничего о войне о грядущей не зная.

Парусами вздуваются кроны черемух.
Безымянные тени погибших солдат
Приплывают на праздник в их лодках зеленых.
В этот день очень красны рассвет и закат.

Ароматом черемухи дышит страна.
Горячи на солдатской груди ордена...

* * *

— Ты кто?
— Я — Смерть...
— Зачем ты здесь?
— Я принесла о сыне весть.
— О... сыне?..
— Первенце твоём,
Чтоб ты поплакала о нём.
Он был в бою,
Он стал герой,
Закрыв товарищей собой.
Я пулей в грудь его вошла,
О нём споют колокола.
Винить меня ты не должна,
Беду подстроила война.

ПОБЕДА

Ох, немало спето, сказано
О войне сороковых.
Доли нет, что с ней не связана,
И не будет для живых.
Довелось мальчишке-прадеду,
Некурящему сперва!..
Нахлебаться было дадено,
Раскуриться — лишь едва...
А прабабка-то невестою
Не осталась нипочем,
До отъезда с плачем, с песнею
Настояла на своём.

Расписался скоро-наскоро,
Через пару дней — на фронт...
Я теперь — спасибо, здравствую,
Для детей заря встает.

СУВОРОВ И УШАКОВ

Помнишь, батюшка Суворов,
Как смотрела гордо Русь?
Я ее упрямый норов
Узнавать в тебе берусь.

Как тебя союзник хитрый
В Альпах мыслил сбить с пути,
Но с победной ты орбиты
И в горах не мог сойти.

Помнишь, Александр Васильич,
Как взлетали паруса
Над российской флотилей, —
Ушаковская краса...

Лизоблюды потешались, —
Адмирал-то, Ушаков,
По-французски, мол, едва ли-с
Пару-тройку свяжет слов...

По-французски, по-английски
Разуметь и ни к чему,
Если он морским, российским
Мог затеять кутерьму...

Для российских поколений
Всем примерам — несть числа.
Воевод без поражений
Только Русь произвела.

Марина Русская
(г. Тула)

МОИ СТИХИ, ОНИ КАК ДЕТИ

Мои стихи, я вас люблю и благодарю, за то, что открыли мне еще одну замечательную страницу жизни. Красивую страницу. Страницу, которая заставляет задуматься над прожитым, оценить настоящее, поверить в будущее. Каждое стихотворение связано с определенными событиями или людьми.

Чем живет человек? Надеждой, верой, любовью и мудростью. Все это отражено в моих стихосложениях. Кто-то ждет рифмы. Этого не будет. Стихосложение без рифмы гораздо сложнее, они выстраданы и идут из сердца. Благодарю вас, мои стихи! Я вас очень люблю, вы нравитесь моим близким друзьям и надеюсь, что вас оценят и поймут.

Мои стихи, они как дети,
Рождаются в ночи.
Мои стихи, они, как любовь,
Приходят сердце бередя.
Мои стихи, они, как ливень,
Потоком слов смывают пустоту.
Мои стихи, они, как сон цветной,
Увидишь и забыл, что есть другие сны.

Мое отношение к жизни, может быть, мое назначение в этой жизни выразилось в стихотворении «Вид в даль». Появилось оно очень просто. Я глядела в окно своего кабинета. Огромное окно, сквозь стекла виднелся кусочек неба и макушки берез, а я думала о том, что надо сказать уборщице, что пора помыть окошко.

Как пришло стихоплетение, я и сама не поняла — просто записала слова. Вот они перед Вами в первозданном виде. Это моя альфа...

ВИД В ДАЛЬ

Березы высотой до неба!
В листве запутались сережки
И где-то вдалеке «ку-ку» кукушки.
Как интересно? Сколько лет мне жить?
Нет, я загадывать не буду!
Бог Солнца Ра поведал мне,
Что жизнь есть вечность,
Жизнь есть цикл —
Круговорот людей в живой Природе!
— Кем в прошлой жизни я была?

Ответь мне, Солнце!
— А в прошлой жизни ты была
Жрецом, актрисой и погонщиком верблюдов.
Сейчас ты — Талисман
И помощи твоей ждут люди,
Но избраны не все.
Запомни главное, что власть, богатство —
Это не успех, не счастье, не удача.
А главное...
Березы высотой до неба!
Кукушка, чтобы куковала
И радуга повисла коромыслом,
Встречать рассвет и провожать закат,
И Солнце — покровитель всей живой Природы!

Есть легенда о том, что люди когда-то были соединены вместе — мужчина и женщина. Не понравилось это Зевсу, что делали они все быстрее богов,мышленнее были. И своим высочайшим повелением разделил он их. С тех пор ищут свои половинки мужчины и женщины... Следующие два посвящаются моей половинке...

* * *

Я тебя узнаю по дуновенью ветра,
По цвету глаз, по силе чувств.
Ты придешь, когда уж ждать устану.
Ты посмотришь пронзительным взглядом
И говорить не надо будет ничего.
Тебя согрею теплом души.
Я буду ждать всю эту жизнь
И будущую тоже,
И наши параллельные пространства,
Нарушив все законы пересекутся,
И наши измерения сольются
В потоке светлых чувств
И радости ЛЮБВИ!

ЖИЗНЬ...

День сегодня улыбнулся
Солнце светит в небесах
Ты опять ко мне вернулся,
Вот уже в который раз.
Я простила, я забыла
Горечь всех своих обид
И опять тебя пустила
В дом и на свою кровать.
Ты не клялся, не божился,
Ничего не обещал
Только тихо помолился
За судьбу, что нас свела.

День сегодня улыбнулся,
Вечер тихий наступил.
Мы с тобой сидим за чаем,
Говорим о пустяках.

Жизнь сегодня стала счастьем
Для тебя и для меня...

Следующее посвящаю всем мужчинам бальзаковского возраста, с которыми меня свела добрая судьба и дружба. Что мы без вас? Только правду стесняются тет-ки сказать, что без вас нам очень и очень грустно: и наряды ни к чему, и стрижечка красивая не к лицу, и тусклый свет из-под ресниц пушистых, и дома разбросаны вещицы. Без Вас мы — мымыры! Это я Вам, как Женщина говорю!

Мы случайно встретились взглядом
И разряд электрический тронул сердца.
Я сказала: «Вот то, что надо!»
Он подумал: «Она права!»

Счастье наше было так близко,
Мы мечтали о первой любви.
Я сказала: «Вот то, что надо!»
Он подумал: «Она права!»

Отменить надо все предрассудки,
Возраст наш не помеха любви.
Я сказала: «Вот то, что надо».
Он подумал: «Она права».

Мы ушли от случайного взгляда
И лишь тронули чувства сердца.
Я сказала: «Оно мне надо?»
Он подумал: «Она права».

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ВОЕННЫЕ СНЫ

Олег Викторович Пантюхин в последние годы активно работает в жанре лирической и гражданской поэзии, состоит в Щекинском литобъединении «Поэтическое братство», является членом редколлегии журнала «Приокские зори». Работает директором издательства Тульского госуниверситета и доцентом этого же вуза. Является не первый год председателем Совета молодых ученых ТулГУ.

Давно отгремели разрывы,
Травой давно поросли
Воронки, поля и могилы
Героев российской земли.

Но память опять будоражит,
Заснуть до утра не дает
Живым, уничтожившим вражий
Немецкий насильственный гнет.

Один парадокс есть у жизни:
Солдату в землянке сырой
Всю ночь снятся сны об Отчизне
И матери с детства родной.

А в мирной ночи оживают
Картины военных тех лет,
В солдатской душе оставляя
Свой незаживающий след.

Промчалась годов вереница,
И, кажется, что никогда
Не будет уж больше им сниться
Проклятая эта война.

Не будет пускай лихолетья,
Не нужно нам больше войны,
Пусть людям под небом свободным
Всю ночь снятся мирные сны.

Давайте же будем достойны
И памяти будем верны,
Людей, победивших все войны,
Героев российской земли!

* * *

Нельзя шутить с судьбою,
Со случаем шутить.
Ты доброю душою
Всегда старайся жить.

Кипучей суетою
Охвачен мир вокруг
Но будь в ладу с собою,
Порвав порочный круг.

Счастливые мгновенья
Порой спасают нас:
Друзья, стихотворенья
И свет любимых глаз.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДОВ РОССИИ

«ОТЧИЙ ДОМ» — НАРОДНОЕ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ НА ВОЛГЕ

Литобъединение «Отчий Дом» первым в России получило статус народного коллектива. В начале 2012 года «Отчий Дом» отметит свой 60-летний юбилей. Сегодня этим литобъединением руководит член Союза писателей России, поэтесса Диана Кан. А в далеком 1952 году у истоков создания этого литобъединения стоял старейший поэт-фронтовик Самарской области, член Союза писателей России Илья Семенович Павлов — поэт-фронтовик, награжденный орденом Красной Звезды, орденами Великой Отечественной войны первой и второй степени, медалью маршала Жукова, медалью за взятие Будапешта и др. Литобъединение работает на базе городского молодежного клуба «Русь» и объединяет в своих рядах несколько десятков литераторов в возрасте от 10 до 90 лет — людей, различных по профессиям и конфессиям, по своим политическим воззрениям, но единых в любви в России и русской литературе. Преимущественно в литобъединении занимаются поэты, не зря говорят, что Волга — родина поэзии. В литобъединение входят и профессиональные писатели, члены Союза писателей России, живущие в Новокуйбышевске — Евгений Семичев (секретарь Правления Союза писателей России, руководитель Новокуйбышевского регионального отделения Союза писателей России), поэты Илья Павлов и Иван Бардин, молодая поэтесса Карина Сейдаметова. В 2009 году «Отчий Дом» выступил инициатором проведения в Новокуйбышевске Всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли» и учреждения в рамках фестиваля одноименной Всероссийской литературной премии. Фестиваль так назвали потому, что издавна окрестности Новокуйбышевска и близлежащей Самары были соколиными угодьями, о которых писал еще писатель Аксаков. Сегодня мы представляем нашим читателям произведения некоторых членов народного литобъединения «Отчий Дом».

Диана Кан

ИЛЬЯ ПАВЛОВ (г. Новокуйбышевск)

Илья Семенович Павлов — член Союза писателей России, старейший поэт-фронтовик Самарской области, кавалер Ордена Красной Звезды и Орденов Великой Отечественной войны. Родился в 1919 году. Первая публикация состоялась в десять лет на страницах газеты «Пионерская правда». Илья Семенович воевал в Молдавии и Румынии, освобождал Будапешт, неоднократно был ранен, тяжело контужен. Закончил войну в австрийском городе Зальцбург. После войны Илья Семенович учительствовал в школе, был директором школы, руководил крупным садово-дачным товариществом «Славянка». Автор более десятка книг стихов и

прозы, а также многих публикаций в газетах «Красная звезда», «Вечерняя Самара», «Книжное обозрение», «Советская Россия», «Волжская коммуна», «Солдат Отечества», в журналах «Русское эхо», «Старшее поколение» и др.

* * *

Я горжусь, что от Балтики синей
До амурских крутых берегов,
Не скупясь, размахнула Россия
Необъятность полей и лугов.
Вьются реки, промерив полсвета,
Сквозь тайгу и полярные мхи.
Не уложишь величие это
Ни в какие на сете стихи.
Выйду я на родные просторы.
Мне такое мечталось давно,
Чтоб на пашнях с могучим мотором
Билось сердце мое заодно.

* * *

Ты прости меня, даль многодумная,
С синей дымкой, хорошей такой!..
Ты прости меня, роща угрюмая
С неумолчно шумящей рекой.
Седовласые деды и матери,
Юный друг и вихрастый пострел,
Вы простите, что был невнимателен,
Много в жизни невзгод претерпел.
Несказанные дали сибирские,
Если были слова без огня,
Если были поклоны не низкие —
Умоляю: простите меня!

* * *

Знаю, в осень такую не пишут стихи,
Для стихов надо мокрую осень.
До обеда — туман. В ночь — разгулье стихий.
Буйный ветер, что ставни разносит.
Надо осень, что дождь затяжной-затяжной,
Чуть трусил, как ленивая лошадь.
Вот в такую погоду писать хорошо,
Написаться в такую все может.
Нынче осень с такой синевой в небесах!..
Где уж тут за писания браться.
Перед зимним трудом по окрестным лесам
Захмелевшим брожу новобранцем.

* * *

Сегодня с крыш капелью гулкой
С утра обстрелян был сугроб.

Штыками свесились сосульки —
 Весна ведет атаку в лоб.
 И солнце греет спозаранку,
 И ветры вешние в строю,
 И облака идут, как танки,
 В успешно развитом бою.
 Ручьями снег поплыл и снова
 Все пункты занятые сдал...
 Домоуправ стоит суровый,
 Как при сраженьи генерал.

ВАСИЛИЙ ПОПОВ

(г. Новокуйбышевск)

Василий Николаевич Попов — член Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России. Родился в 1983 году. Автор книги стихов «Голос тишины». Стихи публиковались в «Литературной газете», «Литературной России», «Роман-журнале-21 век», журналах «Русское эхо» (Самара), «Траектория творчества» (Калуга) и многих других изданиях России. Лауреат Всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли» в городе Новокуйбышевске.

ДЕДУ

Едем мягко на арбушке,
 Свесив ноги, тихий шаг.
 На лице моем веснушки
 В лес по ягоды спешат.
 Веет медом на поляне,
 И кузнечики шуршат.
 Я нащупал, что в кармане
 Карамельки две лежат.
 Угощу одной я деда,
 А другую сберегу.
 Он рассказывал, что где-то,
 На далеком берегу,
 За высокими лесами,
 Среди ночи, среди скал
 В терему под образами
 Мне невесту подыскал.

* * *

С кем я воюю? С самим собой?
 Не для себя ведь точно.

Друг мой, я бы хотел с тобой
 Поговорить заочно.
 Мы еще не знакомы, но
 Ты уже где-то рядом.
 Может напротив сейчас в окно
 Смотришь холодным взглядом.
 Слушай, я ничего не скрыл
 И ничего не скрою.
 Битва начнется у белой горы,
 Кончится черной кровью.
 И не для нас, не для чужих
 Нет ничего земного.
 Если сгорает серебряный стих,
 Время — для золотого.

* * *

Я все скажу, а ты мне не поверишь,
 Но в то, что было между нами, верь.
 Любовь одна на всех и не измеришь
 Словами жизнь и эту боль теперь.
 Ты видишь день,
 Ты слышишь расставанье,
 Ты слышишь ночь,
 Ты видишь голос мой.
 Я знаю — это разочарованье,
 Но именно оно родит покой.

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

(г. Новокуйбышевск)

Карина Сейдаметова — член Союза писателей России, поэтесса. Участник всероссийских семинаров-совещаний молодых писателей в Каменск-Уральске (2007 г.) и Нижнем Новгороде (2008 г.). Автор поэтических книг «Лазурь» (2004 г.) и «Позимник» (2006 г.), изданных Самарским отделением Литературного Фонда России. Стихи публиковались в литературно-художественных журналах России — «Сура» (Пенза), «Русское эхо» (Самара), «Роман-журнал-21 век» (Москва), «Литературной газете», «Новом Енисейском альманахе» (Красноярск) и др. Студентка заочного отделения Московского Литературного института им. А. М. Горького. Лауреат Всероссийской поэтической премии «Соколики русской земли».

* * *

Предрассветная чуткая алость...
 Волга павой плывет в тишине.
 То, о чем так надменно мечталось,

Навсегда отоснилось во сне.
Видно, душу подводным теченьем
Напитала мне Волга-река,
Чтоб молчаньем-речением-пеньем
Прославляла ее на века.
Переливчатой волжскою песней
Я спою про нездешний уют...
И не может быть песни чудесней,
Что в родимой сторонке поют!

* * *

Ночной перекресток похож на распятые.
Дороги не видно вблизи и вдали.
Здесь линии счастья, как в древнем заклатье,
Вновь с линией жизни сойтись не смогли.
Распутица схлынет. Распустится вишня,
Зажжется от неба пасхальной свечой.
И сладостный ладан лампы всевышней
Окутает вновь перекресток ночной.
Российские вехи — кресты да овраги.
Но в каждой былинке — державная статья,
В ветрах — отголоски имперской отваги,
Эпичность в дожде, что античной под статью.
Так нам ли тужить окаянною грустью,
Веками смирять огнепальный свой пыл?
Здесь реки стремятся к желанному устью,
Какой бы разор на Руси ни царил.

* * *

Весь в цвету, в подвенечном церковном уборе,
Юный дикий шиповник в заросшем саду,
Подскажи, как избыть неизбежное горе,
Помолись за меня, усмиряя беду.
Я, всегда презиравшая слабость и жалость,
Почитаю завет сокровенной Руси:
Чтобы зло на пути никогда не встречалось
Заклинаю: «Шиповник-соотич, спаси!»
До чего ты красив в царской мантии алой...
Говорили мне — если коснуться лица
Лепестками твоими, то вмиг небывало
Просветлеет душа и возрадуется.
Хоть январской зимой не до вешнего чуда.
Только праздник настанет и в доме моем,
Когда пламя шиповника алого всюду
Прорастет через дверь и оконный проем.
Этим пламенем губы свои обжигая
В час смирения и покаяния час,
Без надежды ответ получить вопрошаю:
«Что ж, соотич, ты русский народ мой не спас?..»
Помоги же избыть наше русское горе.

Да за Русь помолись, умиряя беду.
Ни с судьбою, ни с чертом, ни с Богом не споря,
Я к червленной заре на закланье иду.

АНДРЕЙ ХИТЕВ
(г. Новокуйбышевск)

Хитев Андрей Федорович родился в 1985 году в селе Старая Рачейка Сызранского района Самарской области. Жил в городе Уральске (Казахстан), в селе Шигоны Самарской области. Лауреат Самарского регионального фестиваля молодых поэтов «Отраденская осень» (2008 г.). Стихи печатались в журнале «Русское эхо» (Самара), всероссийском альманахе «Русский смех-2008» (Нижний Новгород). Автор книги стихов «Россия, здравствуй!», вышедшей в Самаре в 2008 году. Учится в Самарском государственном техническом университете.

ДВОЕ В НОЧНОМ ПАРКЕ

На этом свете нет милее
Твоих манящих синих глаз...
Промчался ветер по аллее,
Швырнув в лицо обрывки фраз.
И на щеках твоих румянец
Мне в темноте не различим.
Ты смотришь на беззвучный танец
Листвы, сверкающей в ночи.
Укрывшись шалью от прохлады,
Жалеешь, что я замолчал,
Что этот танец листопада
С тобою я не станцевал.
Я на безумства очень смелый
Под впечатленьем красоты!..
Как недовольно ты смотрела,
Когда я с клумбы рвал цветы!..
Несмело шаль твою поправил,
Когда ты глянула в упор...
Прости, что я тебя заставил
Лезть ночью в парк через забор.

* * *

Продад лошадь дед под старость,
Хватит с нею воевать.
Сил уж боле не осталось
У себя ее держать.
И движением неловким

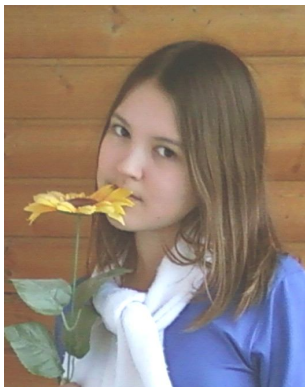
Целовал лошадку дед,
И прощальный хруст морковки
Грустно слышался в ответ.
Вот в последний раз запряг он...
И — пора, пора, пора!..
Отвернулся дед, заплакал
И — подался со двора.
Вот уж повели родную,
А она опять назад,
И светился из-под сбруи
Лошадиный добрый взгляд.
Осыпаясь первым снегом,
Разрыдались небеса...
Эх, скрипи моя телега,
Все четыре колеса!

* * *

Не стирайте надписи в подъездах:
В нашей жизни так заведено
Этих чувств вы не найдете в пьесах,
Этих слов не встретите в кино.
Надпись понимают все не сразу:
То не просто след карандаша!..
Очень часто под корявой фразой
Чья-то зашифрована душа.
Не стирайте надписи в подъезде,
Чтобы через жизни интервал
Мне найти, в каком укромном месте
В первый раз ее поцеловал.
Чтоб потом в нахлынувшем бессилье,
В отрешенье от мирских обид
Вспомнить мне, с каким же счетом «Крылья»
Обыграли питерский «Зенит».
Может быть потом при новой власти
Издадут закон, сменяя старь,
Чтоб во всех подъездах был фломастер
И орфографический словарь.
И проблемой меньше станет в ЖЭКе,
Если будет все разрешено.
И — закроют все библиотеки
Или отдадут под казино.
Лишь в подъездах надписи нетленны —
Серых стен поруганная честь —
Про мечты о самом сокровенном
Где, скажите мне, еще прочесть?
Так пишите все: талант и бездарь —
Каждый тут по-своему велик.
Правда жизни списана с подъездов,
Предрассудки списаны из книг.

АНАСТАСИЯ УСТИНОВА

(г. Новокуйбышевск)

Анастасия Устинова родилась в 1995 году. С семи лет пишет стихи, пробует себя в прозе. Участвовала во многих общероссийских литературных праздниках — Есенинских Днях в Рязани, Пушкинском Празднике в Болдино. Стихи печатались в газете «Новокуйбышевский купец», «Волжская заря» (Самара), «Вечерняя Самара», «Волжская коммуна» (Самара), «Ставроша» (Тольятти), журналах «Русское эхо» (Самара), «Природа и человек. Свет» (Москва), «Детская Роман-газета» (Москва) и др. Стихи Анастасии Устиновой включены в коллективные поэтические сборники «Классная работа», «Навстречу гармонии», «Под сенью города родного», в Антологию Московского Меж-

дународного конкурса «Золотое перышко». Анастасия Устинова является лауреатом Самарского областного литературного конкурса среди молодежи, посвященного 10-летию журнала «Русское эхо», проводимого Министерством культуры и молодежной политики Самарской области совместно с Самарской областной организацией Союза писателей России (2005 г.). Лауреат Всероссийского фестиваля-конкурса «Юные хранители традиций» в поэтической номинации (2006 г.). Лауреат Третьего Московского Международного Конкурса юных поэтов «Золотое перышко» (2007 г.).

* * *

Ручеек ласкает ивы.
Шелестит гордый бук:
«О, моя принцесса, как же вы красивы,
Я ваш преданный друг...».
Болен бук любовной мукой,
А принцесса в ответ:
«Ах, мой милый бук, не будьте букой,
Подарите букет!...»
Разрумянился шиповник —
Он ведь тоже влюблен.
И шипы-колючки затаил терновник,
Шлет принцессе поклон.
Даже шпажник-бедолага
Погрустнел, приуныл.
Ради глаз принцессы позабыл про шпагу.
И дуэль отменил.
Улыбается принцесса:
«Не грустите, друзья!
В моем сердце всем вам вдоволь будет места —
Не любить вас нельзя!...»

* * *

Я вчера сказала маме:
«Не сходить ли за грибами?
Или лучше подождем,
чтоб не мокнуть под дождем?»
Утром вновь сказала маме:
«Может, сходим за грибами?
«Нет,— сказала мама строго,—
Подождем еще немного!..»
У грибов свои порядки —
поутру грибная рать
с грибниками любит в прятки
после дождичка играть.
Вот чуток просохнут кочки,
солнце высушит росу,
и объявятся грибочки —
под деревьями в лесу.
Рыжик, скрипица, горькушка,
груздь, белянка, зеленушка,
шампиньоны и свинушки,
сыроежки и волнушки.
Хороши грибы в сметане —
убедитесь в этом сами!

* * *

Пусть всегда сбываются
надежды и мечты.
Пусть солнце улыбается,
и будешь счастлив ты.
Пусть небо будет яркое,
и радость в дом войдет.
И лучшими подарками
нас встретит Новый Год.
Для бабушки — косыночку.
Духи для мамы в дар.
А мне — морскую свиночку.
А папе — портсигар.
Пусть солнце светит яркое,
чтобы весна пришла,
ведь лучшего подарка я
не жду и не ждала!

ОЛЕСЯ МАЛЮТИНА

(г. Новокуйбышевск)

Олеся Малютина родилась 8 марта 1992 года в Новокуйбышевске. В настоящее время — студентка Самарской государственной академии культуры и искусства. Печаталась в газете «Родничок», газете «Вечерняя Самара», самарском региональном журнале «Молодежная волна». Победитель Самарского областного литературного проекта «Молодые — молодым», проводимого Самарским отделением Союза писателей России при финансовой поддержке Министерства культуры Самарской области. Дипломант Всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли».

* * *

Эх, деревеньки русские
Да маковки церквей!..
Родные песни грустные,
Веселый соловей.
Из стога прошлогоднего
Парит, как из печи,
И более удобного
Ночлега не ищи.
Пахнет травой прелою,
Заржет за речкой конь...
И дочерью несмелою
Луна займет свой трон.

* * *

Ты послушай меня, Русь широкая!
Что ж ты, Русь, да с собою делаешь?
Словно женщина одинокая,
Красоты своей ты не ведаешь!
Почему твои жесты актерские,
И улыбка не светится радостью?..
Наряжаешься в тряпки заморские,
Да и красишься импортной гадостью.
Веришь в рассказы заграничные,
Для врагов твоих — ой удобные!
Наряжаешься по-столичному,
А в провинции — дети голодные.
И беда твоя в их глазах видна.
И сердца у них кипятком горят.
А за что им злая судьба дана,
Даже мудрые нам не объяснят!
Да очнись-ка ты, да воскресни ты,
О сынах своих не позабывшая.
Ты не верь заморским завистникам:
Что в величье державном ты — бывшая.

МАРИЯ ЧЕРНЯЕВА

(г. Новокуйбышевск)

Черняева Мария Владимировна имеет два высших образования — экономическое и юридическое. Автор книг «Взгляд женщины», «Господняя Лоза», «Никогда не уходи», а также публикаций в самарских и российских изданиях — журнале «Русское эхо» (Самара), альманахах «Листая жизни календарь» (Санкт-Петербург), «Любви чарующие звуки» (Санкт-Петербург) и т.д. Лауреат Самарского творческого фестиваля «Жигулевский Барбизон». Замужем. Воспитывает дочку Веронику.

* * *

Горький запах хризантем
Вспоминаю с отвращеньем.
Убежала насовсем —
Не проси о возвращенье!
Я гадаю по глазам,
По глазам читаю душу.
Сразу вижу злой обман,
Верность иль измены стужу.
Непрельщенной блеском фраз,
Мне стоять немим ответом,
Холодок бесстрастных глаз
Прикрывающей букетом.

* * *

Пушай рассвет тебя пленяет,
Мой запах — тает на устах.
Тебя мой голос не обманет...
Тебе неведом этот страх!
Ты юный, дерзкий и никчемный,
Как смелый ветер в пустоте,
Немало покорила девчонок,
Но все не те, не те, не те...
Ты сам не знаешь, чего хочешь...
И все ж судьба тебя уймет,
Когда поймешь, что среди прочих
И ты не тот, не тот, не тот.

* * *

Ты пришел ко мне раскатом грома,
И окликнул трелью соловья...
И моя холодная истома
Озарилась смыслом бытия.
Мы друг другу не напишем писем,

Годы пробегут меж «нет» и «да».
Ты красив, успешен, независим,
Да и я дивчина хоть куда!
Говорят — гордячка, недотрога.
Несмеяна... Значит быть беде?
Помнишь, как ты шел, подобно Богу,
По рассветной розовой воде?

ВАЛЕНТИНА КАРТАШОВА
(г. Новокуйбышевск)

Валентина Владимировна Карташова — автор книги «Я муза... Почему бы нет!», а также публикаций в журнале «Русское эхо», газетах «Вечерняя Самара», «Город Энгс». По профессии лаборант химанализа, работает на заводе масел и присадок. Многие годы является координатором литобъединения «Отчий Дом». Родилась в Прибалтике, но многие годы живет в Новокуйбышевске. Дипломант Всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли».

* * *

О, русский поэт, не тужи
О том, что живешь ты в опале!..
Ведь тот, кто Россией не жил,
Поймет твою душу едва ли.
Презренный людьми всеу дней
И все же — любимый богами,
Живешь ты на грешной земле
Молитвой, любовью, мечтами.
Туда, где надеются, ждут —
Идешь ты сквозь пламень и выюгу.
И ту, что Печалью зовут,
Своей называешь подругой.
Ты часто печален, скорбя.
И часто обманут друзьями.
Но сердце в груди у тебя
Смеется и плачет стихами.

* * *

В моем венке ты ищешь тайный смысл,
Хитросплетения узор витиеватый.
Угомонись, любимый мой, уймись —
За чувства не суди меня предвзято.
Красив, но незатейлив мой венок:
В нем пышной розы нет и томной орхидеи.

Ромашка скромная, наивный василек
Моей душой навеки завладели.
Но в вечном споре с солнцем и луной,
Ты с истиной однажды разминулся...
Любовь ты спутал с бабочкой ночной
И на рассвете одинок проснулся.

ОЛЬГА ТУТАРОВА

(г. Новокуйбышевск)

Ольга Тутарова родилась в 1990 году. В настоящее время учится в Самарском экономическом университете. Стихи пишет с раннего детства. Участник Самарского фестиваля поэзии «Отраденская осень», всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли».

* * *

Как низко приходилось падать,
И воспарять мечтами вновь
В тот миг, когда помочь не в силах
Надежда, вера и любовь.
О, как нередко, впад в отчаянье
На роковом для нас краю,
Мы с ужасом вдруг понимали:
«В себе я Бога предаю!»
И вмиг, собрав всю силу мужества,
Мы мрачный разрывали плен.
И взор свой обращая в будущее,
Счастливых ждали перемен.
И перемены приходили,
Неся не радость, а печаль.
Чего-то светлого и чистого
Нам в прошлом становилось жаль.
Мы не меняемся, мы те же
И суждено нам вновь и вновь
Все те же Веру и Надежду
Звать, уповая на Любовь.

* * *

Ты соткана из песка,
Тумана и запаха рос.
И отблеск зари застыл
В копне золотых волос.
Ты соткана из дождя,
Что тучи приносят с гор.
И всю глубину морей
Вмещает в себя твой взор.
Ты соткана из цветов,

Покрывших собой поля.
 Тепло, согревавшее всходы,
 Тебе отдала земля.
 Ты соткана из огня,
 Что в сердце моем горит,
 Из тысяч моих ожиданий,
 Отчаяний и обид.
 Из тысяч моих мечтаний,
 Забытых надежд, потерь,
 Из тысячи расставаний...
 Разве их вспомнишь теперь?
 Ты, сотканная из яда,
 Что болью пронзает кровь.
 Из слез моих, что росой
 Наутро появятся вновь.
 Из страха моей утраты,
 Что вечно терплю тебя...
 Ты, сотканная из боли —
 Я выстрадала тебя!

ОЛЬГА ПОЛУХИНА

(г. Новокуйбышевск)

Ольга Митрофановна Полухина — родилась в Новокуйбышевске, закончила Куйбышевский электротехнический институт связи. Многие работала в Перми — на телецентре, в Пермском областном управлении связи, в научно-исследовательском институт абонентской телефонной техники. Потом вернулась на родину в Новокуйбышевск. Выпустила две книги лирических стихов — «Я снова ввысь стремлюсь» и «Подари мне надежду на счастье». Стихи публиковались в коллективных сборниках «Под сенью города родного», «Ее величество Судьба», «Любовь — работа для души», в газетах «Вестник» и «Вечерняя Самара», вошли в музыкальный альбом «Живи, Самарский край».

* * *

Не верю, что не встретимся с тобою никогда.
 Мечту свою заветную я буду ждать года.
 Пусть будут ночи длинными, безрадостным рассвет...
 Любимый мой, единственный, тебя роднее нет!
 Так выпало — срывается и падает звезда.
 Но две души срастаются навеки, навсегда.
 Неразделимо трепетно любовь связала нас.
 Но без тебя, единственный, мир для меня погас.
 Печаль моя осеннею листвою опадет.
 И снежными метелями песнь грустно запоет...
 Но все ж порой весеннею вновь живет земля.
 Моя любовь — спасение, печаль и боль моя.

* * *

Не говорите мне, что жизнь почти прошла,
И молодости нет уже возврата.
Звезда упавшая победно вдруг взошла,
Хоть высока была за это плата.
Не говорите мне холодных горьких слов,
Что не разжечь уже костра для страсти...
А может, Бог подарит нам любовь,
И вместе с нею беды и напасти.
Всего и вся я, не надеясь, жду.
Я не хочу златую середину.
Спор нескончаемый со временем веду,
Я не приемлю счастья вполтину.

* * *

Неизъяснимое желанье
Томит полуночной порой,
Когда луны очарованье
Властительно над всей землей.
И непонятно мне — откуда
На сердце горечь от обид.
Иль жажду сказочного чуда,
Но это чудо не спешит.
О чем, о ком душа страдает?
Услышит кто ее иль нет?
И только звезды тихо тают,
Роняя слез волшебный свет.

НЕЛЛИ ХРИСТОСОВА

(г. Новокуйбышевск)

Нелли Христосова работает оператором Новокуйбышевского нефтехимического завода. Многие годы занимается в литобъединении «Отчий Дом». Стихи публиковались в городских и областных изданиях.

* * *

Гуляю под дождем, гуляю.
Тяжесть с души снимаю.
Вот капли дождя летят,
По лицу, словно слезы, скользят.
И никак не поймешь,
Где слезы, где дождь...
По лужам бегу,
Молода и легка...
Года? Что года? Ерунда!
Я здесь. Я есть.
Я счастливая чья-то весть.

* * *

Душа — израненная птица.
Ей бы летать... она боится.
Крыло не зажило.
А так стремится ввысь она,
Надеждами всегда полна.
Но ей не суждено —
Крыло не зажило.
Ты пригляди-ка за душой,
Ведь этот мир такой большой!..
И помоги душе понять,
Что души созданы летать.

* * *

Свежескошенные травы увядают.
Свежевыпавшие росы высыхают.
И года мои навеки убегают,
Удержать и придержать их не могу.
Лишь тихонечко по юности вздыхаю.
И сама себя привычно утешаю:
Вновь придет весна живая,
Разнотравьем полыхая.

ГАЛИНА СОРОКИНА

(г. Новокуйбышевск)

Галина Петровна Сорокина принадлежит к поколению детей войны, на долю которых выпало с лихвой тягот — голод, холод, сиротство, бесприютность. Но никакие жизненные испытания не могут сломить волю русских женщин радоваться жизни. Галина Петровна — частый и желанный гость в читательских аудиториях, представляла литобъединение «Отчий Дом» на Православных Чтениях, посвященных Преподобному Серафиму Саровскому. Стихи Галины Петровны включены в сборники «Под сенью города родного», «В моем сердце прописан» и т.д.

В ПАМЯТЬ О ФРОНТОВЫХ-НАРКОМОВСКИХ

Фронтовые сто грамм — это память солдата.
Ведь они воевать помогали когда-то.
На войне измерение было иное.
И сто грамм эти были — не просто спиртное.
Фронтовые сто грамм вас зимой согревали.

После трудного боя вам силы давали.
Фронтовые сто грамм в «алюминевой» кружке,
Ну а мысли у всех — о семье, о подруге...
Повара, как солдаты, себя не жалели.
И во время боев накормить вас умели.
Но порою, как все, смерть геройски встречали.
Вот тогда вас все те же сто грамм выручали.
И они же наркозом для раненых были.
И солдаты войны те сто грамм не забыли.
Фронтовые сто грамм для солдата — святое.
Фронтовые сто грамм выпьем молча и стоя.

* * *

Возможно, жизнь идет к концу.
Ну что ж, приму его достойно.
Я вовсе не спешу к Творцу,
А позовет — пойду спокойно.
Мы перед смертью все равны —
Профессора, вожди, крестьяне,
Певцы, солдаты, колдуны,
Язычники и христиане.
Все фараоны, все цари,
Имея горы золотые,
Кто ночью, кто в лучах зари
Скончались, как рабы простые.
И души каждого из нас
Взлетят в небесную обитель.
И там, в назначенный нам час,
Нам суд устроит наш Спаситель.
Как важно всем добро творить,
Чтоб было с чем к Творцу явиться.
Тепло души другим дарить.
На жизнь нелегкую не злиться.
Природу не перехитрить —
Ничто не вечно под луною.
Так будем же добро творить,
Пока мы живы, друг, с тобою!

«ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ...»

Николай Макаров
(г. Тула)

**НАГРАДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941—1945 ГГ.**

С каждым годом все дальше и дальше в прошлое отдаляется от нас наш самый светлый, самый дорогой, самый, самый великий день — День победы!

Что о нем помним, что знаем о том дне? Особенно — внуки, правнуки и праправнуки наших победителей?

Напоминаем всем, особенно — внукам, правнукам и праправнукам, о наградах великой отечественной. Хотя, сами победители о наградах, по большому счету, и не думали тогда. Победить!

И они победили!!!

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

16 апреля 1934 года ЦИК СССР учредил звание Героя Советского Союза.

1 августа 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «Золотая Звезда».

За годы Великой Отечественной войны звание Героя Советского Союза получили более 11,5 тысяч советских людей. 104 человека были удостоены высшего звания дважды. Летчики-истребители А. И. Покрышкин (1943, 1943 и 1944) и И. Н. Кожедуб (1944, 1944 и 1945) — трижды.

Более 200 туляков были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них — трое удостоены звания дважды. Три женщины-тулячки также удостоены звания Героя Советского Союза.

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Звание Героя Социалистического Труда было учреждено 27 декабря 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР. 22 мая 1940 года учрежден знак отличия — золотая медаль «Серп и Молот».

Во время Великой Отечественной войны звание Героя Социалистического Труда получил 201 труженик тыла.

Золотая медаль «Серп и Молот» за № 1 в честь 60-летия была вручена И. В. Сталину.

ОРДЕН «ПОБЕДЫ»

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года.

Орденом «Победа» награждались лица высшего командного состава за успешное проведение боевых операций в масштабе нескольких или одного фронтов, в результате которых в корне менялась обстановка в пользу Советских Вооруженных Сил.

Высшего венного ордена «Победа» в годы Великой Отечественной войны были удостоены одиннадцать полководцев страны и пятеро иностранных венных деятелей.

Двумя орденами «Победа» награждены Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, маршалы А. Г. Василевский и Г. К. Жуков.

ОРДЕН ЛЕНИНА

Учрежден Постановлением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1930 года.

Высшая награда СССР — орден Ленина — вручалась за особо выдающиеся заслуги перед государством и обществом.

За беспримерную отвагу и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, крупный вклад в организацию оборонной промышленности и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны были награждены более 41 тысячи человек, в том числе около 36 тысяч военнослужащих и партизан.

ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Учрежден Декретом ВЦИК от 16 сентября 1918 г.

11 января 1932 года был утвержден новый статус ордена Красного Знамени Постановлением Президиума ЦИК СССР.

Согласно новому статусу орденом награждались военнослужащие и другие граждане, проявившие особую храбрость, самоотверженность и мужество при непосредственной боевой деятельности, а также целые войсковые части и соединения за особые отличия в боях против врагов Союза ССР.

Всего орденом Красного Знамени в годы Великой Отечественной войны было награждено свыше 300 тысяч воинов Красной Армии и Флота, партизан, подпольщиков.

Трижды Герой Советского Союза летчик И. Н. Кожедуб был награжден семью орденами Красного Знамени.

ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ СССР

Постановлением ВЦИК и Совнаркома СССР от 7 сентября 1928 года был учрежден орден Трудового Красного Знамени СССР.

Во время Великой Отечественной войны за самоотверженный и доблестный труд орденом Трудового Красного Знамени были удостоены около 22 тысяч человек.

ОРДЕН СУВОРОВА I, II, III СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г.

Согласно статусу орденом Суворова награждались военачальники за выдающиеся успехи в управлении войсками, отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость в их проведении.

Всего орденом Суворова I ст. было произведено 391 награждение, II ст. — 2863 награждения, III ст. — 4012 награждений.

Орден Суворова I ст. за № 1 был вручен маршалу Советского Союза Г. К. Жуко-

ву. Орденом Суворова I ст. был награжден и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин.

ОРДЕН УШАКОВА I, II СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года.

Орденом Ушакова награждались офицеры и адмиралы Военно-Морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом.

Всего орденом Ушакова I ст. было произведено 47 награждений, II ст. — около 200 награждений.

ОРДЕН КУТУЗОВА I, II, III СТЕПЕНИ

Учрежден Указами Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г. (I и II ст.) и от 8 февраля 1943 г. (III ст.).

Этим орденом награждались военачальники за отлично разработанный и проведенный план операции — фронтовой, армейской или отдельного соединения, в результате чего противнику было нанесено тяжелое поражение.

Орденом Кутузова I ст. было произведено около 660 награждений, II ст. — более 3300 награждений, III ст. — около 3300 награждений.

ОРДЕН НАХИМОВА I, II СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года.

Орденом Нахимова награждались офицеры и адмиралы Военно-Морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате которых была отражена наступательная операция противника или обеспечены активные операции флота, нанесен значительный урон противнику и сохранены свои основные силы.

Орденом Нахимова I ст. было произведено 80 награждений, II ст. — более 460 награждений.

ОРДЕН БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО I, II, III СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 октября 1943 года.

Орденом награждались военнослужащие и партизаны за особую отвагу, решительность и умение в проведении операций по разгрому немецко-фашистских захватчиков, мужество и самоотверженность в борьбе за освобождение советской земли от оккупантов.

Орденом Богдана Хмельницкого I ст. было произведено 323 награждения, II ст. — около 2400 награждений, III ст. — свыше 5700 награждений.

ОРДЕН АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года.

Орденом награждались командиры дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов за проявленные в боях личную отвагу, мужество и храбрость, за умелое командование, обеспечивающее успешные действия части или подразделения

Всего за подвиги и заслуги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, было произведено более 40 тысяч наградений.

ОРДЕН СЛАВЫ I, II, III СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года.

Орденом Славы награждались лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия.

Полными кавалерами ордена Славы в годы Великой Отечественной войны стали около 2,5 тысяч воинов, в том числе четыре женщины. Орденом Славы II ст. за годы войны были награждены свыше 46 тысяч человек, III ст. — более 970 тысяч человек.

Среди полных кавалеров ордена Славы — 49 туляков, двое из них после войны удостоены звания Героя Социалистического Труда.

ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I, II СТЕПЕНИ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года.

Орденом награждались военнослужащие и партизаны, проявившие в боях храбрость, стойкость и мужество, а также военнослужащие, своими действиями способствующие успеху боевых операций.

За годы войны было произведено около 350 тысяч наградений орденом Отечественной войны I степени и более 1 миллиона наградений — орденом II степени.

В 1985 году, в дни празднования 40-летия Победы над Германией все участники Великой Отечественной войны, дожившие до этой великой даты, были награждены юбилейным орденом Отечественной войны I и II степени.

ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1930 г.

Награждение орденом Красной Звезды производилось за личное мужество и отвагу в боях, отличную организацию и умелое руководство боевыми действиями, способствовавшими успеху войск.

За героизм и отвагу в годы Великой Отечественной войны было произведено более 2860 тысяч наградений орденом Красной Звезды.

ОРДЕН «ЗНАК ПОЧЕТА»

Постановлением ЦИК СССР от 25 ноября 1935 года был учрежден орден «Знак Почета».

Орденом награждаются как отдельные граждане, так и коллективы за высокие производственные показатели в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в торговле, за особые достижения в научно-исследовательской, культурной и спортивной деятельности, за заслуги по повышению боеспособности Красной Армии и обороноспособности Союза ССР.

В суровые годы войны орденом «Знак Почета» было награждено свыше 66 тысяч тружеников тыла.

МЕДАЛЬ «ЗА ОТВАГУ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года.

Медалью награждаются за личное мужество и отвагу с боях с врагами Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны было произведено более 4 миллионов наградений.

МЕДАЛЬ УШАКОВА

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года.

За личное мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны было произведено свыше 15 тысяч наградений.

МЕДАЛЬ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года.

Медалью награждаются за умелые, смелые, инициативные действия в бою, способствующие успешному выполнению боевых задач подразделением, войсковой частью.

Медаль у военнослужащих Красной Армии ассоциировалась с Георгиевским Крестом.

За время Великой Отечественной войны медалью было награждено около 5 миллионов человек.

МЕДАЛЬ НАХИМОВА

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года.

Всего медалью Нахимова было произведено свыше 13 тысяч наградений.

МЕДАЛЬ «ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ»

Учреждена 27 декабря 1938 года.

В период Великой Отечественной войны за самоотверженный труд в тылу были награждены около 50 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ»

Учреждена 27 декабря 1938 года.

В годы Великой Отечественной войны медалью были награждены за самоотверженный труд в тылу свыше 44 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года.

Борона Ленинграда длилась с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года.

Всего медалью были награждены 1 миллион 470 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ ОДЕССЫ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года.

Всего медалью были награждены чуть более 30 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года.
Всего медалью было награждено около 50 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года.
Медалью были награждены около 760 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ПАРТИЗАНУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» I, II СТЕПЕНИ

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1943 года.
Всего медалью I степени было награждено 56 тысяч человек, II степенью — около 71 тысячи человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года.
Всего медалью были награждены 1 миллион 20 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ КАВКАЗА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года.
Всего медалью были награждены около 870 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 декабря 1944 года.
Всего были награждены более 350 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ КИЕВА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года.
Всего медалью было произведено около 105 тысяч награждений.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ БУДАПЕШТА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью награждено более 380 тысяч человек.
Будапешт был взят 13 февраля 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ КЕНИГСБЕРГА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью было награждено выше 760 тысяч человек.
Кенигсберг был взят 10 апреля 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ ВЕНЫ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью были награждены свыше 270 человек.
Вена была взята 13 апреля 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛГРАДА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью было награждено около 70 тысяч человек.
Белград был освобожден 20 октября 1944 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВАРШАВЫ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью награждено свыше 690 тысяч человек.
Варшава освобождена 17 января 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года.
Всего награждено свыше миллиона человек.
Берлин был взят 2 мая 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.
Всего медалью было награждено свыше 385 тысяч человек.
Прага была освобождена 9 мая 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ.»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года.
Всего медалью было награждено свыше 14 миллионов 900 тысяч человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ.»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года.
Всего медалью было награждено около 16 миллионов человек.

МЕДАЛЬ «ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ»

Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года.
Всего медалью награждено свыше 1 миллиона 800 тысяч человек.
Капитуляция Японии произошла 2 сентября 1945 года.

**ПОЛКОВОДЦЫ,
НАГРАЖДЕННЫЕ ВЫСШИМ ВОЕННЫМ ОРДЕНОМ
«ПОБЕДА»**

СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ

(21 декабря 1879 г. — 5 марта 1953 г.)

6 мая 1941 г. — назначен Председателем Совета Народных Комиссаров СССР (с 1946 г. — Председатель Совета Министров).

30 июня 1941 г. — председатель Государственного Комитета Обороны.

18 июля 1941 г. — народный комиссар обороны.

8 августа 1941 г. — Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР.

1939 г. — удостоен звания Герой Социалистического Труда.

1943 г. — присвоено звание Маршал Советского Союза.

1945 г. — присвоено звание Генералиссимус; удостоен звания Героя Советского Союза.

Награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами «Победа», орденом Суворова I ст., тремя орденами Красного Знамени, медалями.

ЖУКОВ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

(19 ноября 1896 г. — 18 июня 1974 г.)

Маршал Советского Союза (18 января 1943 г.), четырежды Герой Советского Союза (29.08.1939 г., 29.07.1944 г., 1.06.1945 г., 1.12.1956 г.).

Дважды удостоен ордена «Победа» (10.04.1944 г., 30.03.1945 г.).

Герой МНР (1939 г.). Награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденом Красного Знамени Тувы, почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), а также медалями СССР, орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал 1-м Белорусским фронтом.

24 июня 1945 года Г. К. Жуков в Москве на Красной площади принимал Парад Победы.

ВАСИЛЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

(18 сентября 1895 г. — 5 декабря 1977 г.)

Маршал Советского Союза (16.02.1943 г.), дважды Герой Советского Союза (19.07.1944 г., 8.09.1945 г.).

Дважды удостоен ордена «Победа» (10.04.1944 г., 8.09.1945 г.).

Награжден восемью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I ст., орденом Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст., Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), а также многими медалями и орденами иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал 3-м Белорусским фронтом.

В июне-октябре 1945 г. — Главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке.

РОКОССОВСКИЙ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

(9 декабря 1896 г. — 3 августа 1968 г.)

Маршал Советского Союза (29.06.1944 г.), дважды Герой Советского Союза (29.07.1944 г., 1.06.1945 г.).

Удостоен ордена «Победа» (30.03.1945 г.).

Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, шестью орденами Красного Знамени, орденами Суворова I ст. и Кутузова I ст., а также многими медалями, орденами и медалями иностранных государств, Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.).

На заключительном этапе войны командовал 2-м Белорусским фронтом.

С 1949 г. по ноябрь 1956 г. — Министр обороны Польши.

24 июня 1945 года командовал Парадом Победы в Москве на Красной площади.

Только к Рокоссовскому и Шапошникову Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин обращался по имени-отчеству.

К. К. Рокоссовский — единственный полководец, который не «обливал грязью» и не клеветал на Сталина после его смерти.

КОНЕВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ

(16 декабря 1897 г. — 21 мая 1973 г.).

Маршал Советского Союза (20.02.1944 г.), дважды Герой Советского Союза (29.07.1944 г., 1.06.1945 г.).

Удостоен ордена «Победа» (30.03.1945 г.).

Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденом Красной Звезды, Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), многими медалями, орденами и медалями иностранных государств.

Был удостоен звания Героя МНР и Героя Чехословакии.

На заключительном этапе войны командовал 1-м Украинским фронтом.

МАЛИНОВСКИЙ РОДИОН ЯКОВЛЕВИЧ

(11 ноября 1898 г. — 31 марта 1967 г.).

Маршал Советского Союза (10.09.1944 г.), дважды Герой Советского Союза (8.09.1945 г., 22.11.1958 г.).

Удостоен ордена «Победа» (26.04.1945 г.).

Награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденом Кутузова I ст., медалями СССР, орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал 2-м Украинским фронтом.

ТОЛБУХИН ФЕДОР ИВАНОВИЧ

(4 июня 1894 г. — 17 октября 1949 г.).

Маршал Советского Союза (12.07.1944 г.), Герой Советского Союза (7.05.1965 г. — посмертно).

Удостоен ордена «Победа» (26.04.1945 г.).

Награжден двумя орденами Ленина и двумя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова I ст., Красной Звезды, медалями СССР, орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал 3-м Украинским фронтом.

ГОВОРОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ

(10 февраля 1897 г. — 19 марта 1955 г.).

Маршал Советского Союза (18.06.1944 г.), Герой Советского Союза (27.01.1945 г.).
Удостоен ордена «Победы» (31.05.1945 г.).

Награжден пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденами Кутузова I ст., Красной Звезды, медалями и орденами иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал Ленинградским фронтом.

ТИМОШЕНКО СЕМЕН КОНСТАНТИНОВИЧ

(6 февраля 1895 г. — 31 марта 1970 г.).

Маршал Советского Союза (7.05.1940 г.), дважды Герой Советского Союза (21.03.1940 г., 18.02.1965 г.).

Удостоен ордена «Победа» (4.06.1945 г.).

Награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I ст., Почетным революционным оружием-шашкой (28.11.1920 г.), Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), и также медалями СССР и иностранными орденами и медалями.

На заключительном этапе войны был представителем Ставки Верховного Главнокомандования на ряде фронтов.

МЕРЕЦКОВ КИРИЛЛ АФАНАСЬЕВИЧ

(26 мая 1897 г. — 30 декабря 1968 г.).

Маршал Советского Союза (26.10.1944 г.), Герой Советского Союза (21.03.1940 г.).
Удостоен ордена «Победа» (8.09.1945 г.).

Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденом Кутузова I ст., Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), медалями СССР и орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны командовал Карельским фронтом.

АНТОНОВ АЛЕКСЕЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ

(1896—1962).

Генерал Армии (1943 г.).

Удостоен ордена «Победа» (1945 г.).

Награжден тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I ст., орденами Кутузова I ст., Отечественной войны I ст., медалями, и также орденами и медалями иностранных государств.

На заключительном этапе войны возглавлял Генеральный штаб.

**ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ,
НАГРАЖДЕННЫЕ ОРДЕНОМ «ПОБЕДА»**

ТИТО БРОЗ ИОСИП

(1892—1980).

Государственный политический деятель Югославии, маршал (1943), трижды

Народный Герой Югославии (1944, 1972, 1977), Герой Социалистического Труда (1950 г.).

Во время народно-освободительной войны в Югославии в 1941—1945 гг. — Верховный Главнокомандующий Народно-освободительной армией.

ЖИМЕРСКИЙ МИХАИЛ (ПСЕВДОНИМ РОЛЯ)
(1890—1988).

Маршал Польской Народной Республики (1945 г.).

Во второй мировой войне в период немецко-фашистской оккупации Польши — участник движения Сопротивления. С января 1944 г. — Главнокомандующий Армией Людовой, с июля 1944 г. — Войска Польского и руководитель ведомства Национальной обороны в Польском комитете национального освобождения.

МОНТГОМЕРИ БЕРНАРД ЛОУ
(1887—1976) — английский фельдмаршал (1944 г.).

Дважды удостоен ордена «Победа» (10.04.1944 г., 30.03.1945 г.).

Во вторую мировую войну командовал дивизией, корпусом, армией в Северной Африке, группой союзных армий, высадившихся в 1944 г. в Нормандии. В 1945 г. — Главнокомандующий британскими оккупационными войсками в Германии.

ЭЙЗЕНХАУЭР ДУАЙТ ДЭЙВИД
(1890—1969).

Государственный и военный деятель США, генерал армии (1944 г.).

Во время второй мировой войны с 1942 г. — командующий американскими войсками в Европе, главнокомандующий, затем Верховный главнокомандующий экспедиционными силами в Северной Африке и Средиземноморье. С декабря 1943 г. — Верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе. В 1945 г. командовал оккупационными силами США в Германии.

МИХАЙ I
(1921—?).

Король Румынии с 1940 г.

24 августа 1944 г. Румыния вступила в войну против нацистской Германии.

РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ НА ОРДЕНАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 ГГ.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
(1220—1263).

Князь Новгородский (1236—1251) и Тверской (1247—1252), великий князь Владимирский (1252—1263). Сын князя Ярослава Всеволодовича. Победами над шведами (Невская битва 1240) и немецкими рыцарями Ливонского ордена (Ледовое побоище 1242) обезопасил западные границы Руси. Канонизирован Русской православной церковью.

КУТУЗОВ МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ

(1745—1813).

Полководец, светлейший князь Смоленский (1812), генерал-фельдмаршал (1812). Ученик А. В. Суворова. Участник русско-турецких войн XVIII в., отличился при штурме Измаила (1790).

В Отечественную войну 1812 г. избран начальником — командиром Петербургского, а затем Московского ополчения, с августа — главнокомандующий русской армией. Принял решение дать сражение на подступах к Москве и села Бородино. После него, стремясь сохранить боеспособность русской армии, отступил к Москве, а затем оставил ее. Совершил фланговый маневр в район села Тарутино, закрыв Наполеону отступление в южные районы страны. Способствовал развитию партизанского движения. Организовал контрнаступление русской армии и уничтожение французских войск.

НАХИМОВ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ

(1802—1855).

Флотоводец, адмирал (1855). В Крымскую войну (1853—1856), командуя эскадрой Черноморского флота, разгромил турецкий флот в Синопском сражении (1853). В 1854—1855 один из организаторов и руководителей обороны Севастополя. Смертельно ранен на Малаховом кургане.

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

(1730—1800).

Граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), полководец, генералиссимус (1799).

Не проиграл ни одного сражения. Автор военно-теоретических работ «Полковое учреждение», «Наука побеждать». Создал оригинальную систему взглядов на способы ведения войны и боя, воспитания и обучения войск. Стратегия Суворова носила наступательный характер. Развил технику колонн и рассыпного строя.

УШАКОВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ

(1745—1817).

Флотоводец, адмирал (1799), один из создателей российского Черноморского флота, с 1790 г. — его командующий. Разработал и применил маневренную, одержал ряд крупных побед над турецким флотом. Во время войны против Франции (1798—1800) успешно провел Средиземноморский поход русского флота. Не проиграл ни одной морской баталии.

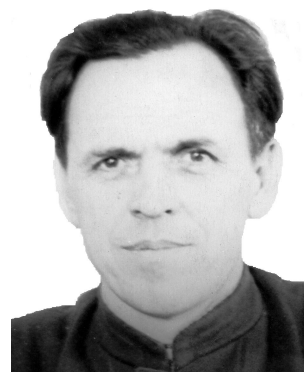
ХМЕЛЬНИЦКИЙ БОГДАН (ЗИНОВИЙ) МИХАЙЛОВИЧ

(ок. 1595—1657).

Гетман Украины (с 1648). Из семьи украинского православного шляхтича. Возглавил крестьянско-казацкое восстание на Украине за освобождение от власти Речи Посполитой. Получив согласие правительства царя Алексея Михайловича о принятии Украины в российское подданство, утвердил на Переяславской Раде договор об объединении Украины с Россией (8 января 1654 г.).

Михаил Черняков

(Почетный гражданин улицы Александрова,
г. Мурманск)

ВОЕННЫЕ БУДНИ ЛЕЙТЕНАНТА-АртиллЕРИСТА

От главного редактора: Сколько бы ни было написано о войне 1941—45 гг., но самым волнующими остаются воспоминания ее участников. Ниже мы публикуем записки Михаила Васильевича Чернякова, подготовленные к публикации его сыном, Юрием Черняковым, проживающим в Петрозаводске и работающим заместителем руководителя Территориального органа Федеральной службы госстатистики по республике Карелии. Им же составлена биографическая справка и комментарии к воспоминаниям его отца.

Черняков Михаил Васильевич родился в 1911 году в селе Березовский Рядок Бологовского района Тверской области в большой крестьянской семье. До 1929 года учился и работал. После окончания школы крестьянской молодежи (семилетки) поступил в Ленинградский рыбопромышленный техникум и закончил его в 1932 году по специальности техник-технолог. Работал в Псковском межрайрыбасоюзе инструктором. Затем в 1933—35 гг. служил в Красной армии, окончил полковую школу младших командиров артиллерии.

После службы в армии работал инспектором рыбоохраны Лоухского и Кандалакшского районов Карельской АССР. С 1939 года работал технологом на Кандалакшском консервном комбинате. С июня 1941 года по 1944 год в действующей армии, демобилизован по ранению в звании лейтенанта. Вернулся на консервный комбинат, работал начальником планово-экономического отдела, начальником цеха. В 1946 году вступил в ВКП(б). Работал пропагандистом райкома ВКП(б) в 1947—48 гг. В 1948 году направлен партией на Порт-Владимирский рыбозавод Кольского района Мурманской области, где работал сначала главным инженером, а затем директором. С 1956 года по 1967 год работал директором Сайда-губского рыбозавода Северомурского района Мурманской области. С 1967 по 1977 год работал начальником ЖКО Мурманского рыбокомбината. Много лет был членом райкома партии, депутатом поселковых и районных Советов депутатов трудящихся. Награжден многими орденами и медалями, в том числе, орденом Красной звезды, орденом Знак Почета, орденом Отечественной войны 2 степени, медалью «За трудовое отличие», «За оборону Заполярья» и другими. Почетный гражданин улицы Александрова, г. Мурманск. Умер в 2004 году.

ВОЕННЫЕ БУДНИ

I

Я уже коротко говорил, что призван был сразу же, на второй день войны. Явился я в Кандалакшский райвоенкомат, а через три дня уже был на полуострове Рыбачий,

в 7-ом пулеметном батальоне. Затем мною перечислены все воинские части и все должности, кои я занимал, и где довелось воевать с фашистами.

Но сейчас хочу вспомнить кое-что поподробнее. О Великой Отечественной войне 1941—45 гг. написано много хороших книг, немало издано воспоминаний и размышлений ее участников, но наверняка еще многое будет сказано в будущем.

Война началась — мне шел 30-й год. Войну многие из нас ждали, предвидели. В начале 1941 г. — с 1 января по 1 апреля — я был взят на 3-х месячные сборы, где комиссар 290 артполка говорил, что в бюджете страны из 3-х рублей — 2 рубля идет на военные цели. Люди нашего возраста войну с немцами воспринимали как неизбежное, осознанно, неожиданности почти не было. А это было очень важно, особенно в первые дни войны. Весь, если можно сказать, трагизм первых месяцев войны мы перенесли гораздо легче, чем те люди, кого война застала врасплох, совершенно ее не ждавших. А такие люди были несмотря на то, что в печати, в лекциях и докладах, в песнях, т.е. всюду шел разговор о надвигающейся войне с Германией, с Гитлером.

Я был, можно сказать, в гуще событий почти всю войну, с первого ее дня — 2,5 года был на фронте, на передовой, затем 6 месяцев в эвакогоспитале и мне довелось видеть и пережить многое.

Войну я встретил в звании младшего лейтенанта — артиллериста. 23 июня 1941 г. 27 человек командного состава кандалакшских ребят, в том числе и я, выехали поездом из Кандалакши в Мурманск. 26/VI около 800 чел., мурманчан, в том числе и нас, «погрузили» на грузовой пароход «Моссовет». Погрузили, более правильно сказать, нежелезнодорожные вагоны, потому, что на судне сидеть было не на чем, имелись пустые 2-х — 3-х ярусные трюма, и на другой день утром высадили в Титовке, вблизи дороги идущей в Печенгу.

Встретил нас, прибывшее пополнение, генерал-майор Журба. О нем потом шла худая молва, якобы он виновен в беспорядочном отходе 14-й дивизии, в предательстве и т.д. На самом деле вроде бы не так, спустя почти 30 лет оказалось, что он был убит в первые дни войны. В Мурманске ему установили небольшой памятник, там, где захоронены погибшие в Финскую и в эту войну.

На войне многое запоминается, некоторые события оставили неизгладимый след, но многое стерло в памяти время.

Первые дни войны, первый пеший переход к месту назначения, потом их было много, не счесть и они были несравненно труднее, опаснее, но вот о нем, о первом переходе коротко скажу, который вероятно все запомнили, кто шел.

Бухгалтер «Мурманторга», не помню его фамилии, когда мы шли из Титовки в Вайда Лахту на полуостров Рыбачий, стер ноги. Он был толстяк, шел с великим трудом, и тогда ему товарищи советовали — «бреди, бреди смелее, все еще впереди» — при этом как бы повторяя слова полковника Красильникова. Так вот он (бухгалтер) в это время говорил — если я останусь жив, то этот переход я запомню.

И действительно было чего запомнить. В 11 часов дня мы вышли из Титовки, а на другой день утром в 5 часов пришли в Вайда Лахту. Расстояние в 80 км преодолели (а не просто прошли) за 18 часов. Шли без остановки, привалов, по бездорожью, по скалам, в ущельях еще был снег и лед, прыгали по сплошным камням — валунам. При отливе морской воды шли по скользким камням, обросшим водорослями, через ручьи — снимали обувь и вброд, оленьи тропинки и грунтовые, малонаезженные, дороги составляли 1/3 пути. Выбывших из колонны по разным причинам были единицы.

К такой ходьбе многие были совершенно не готовы, но преодолели этот путь потому, что это была уже война, это был переход уже военного времени.

Некоторые товарищи шли в угнетенном состоянии, но основная масса шагала бодро, без песен, но шутки и смех раздавались в неорганизованно бредущей толпе взрослых, отборных, сильных людей. В нашей группе комсостава кандалакшан много

было весельчаков, людей никогда неунывающих, анекдотчиков. Были и политики. Один из ребят (Наволоцкий) тихо, осторожно говорил, — «Зачем поднимают народы на войну, лучше бы как в далекие прошлые времена — вышли бы на поле брани и схватились между собой представители народов — вожди военные или гражданские... — называя при этом фамилии — ...и решили бы исход дела сами».

В эти часы перехода все почувствовали, что обрушилась на людей жестокая, кровопролитная война.

Когда мы шли в Вайда Лахту, т.е. во время этого перехода, в Восточное озерко нам встретился полковник Красильников. Там был штаб укрепленного района, и он командовал всеми воинскими частями полуострова Рыбачьего и Среднего. Полковника обступили со всех сторон и ему начали жаловаться, что мол, идем не вооруженные, нас обстреляли, не кормите и т.д.

Он немного послушал и всему окружившему его комсоставу, приписному, резко сказал: «Не хнычьте, а готовьтесь к тяжелой войне, впереди еще всего будет. Придете на место — все получите, вас оденут, вооружат». Все поняли — меньше разговоров, больше дела, надо следовать к месту назначения не задерживаясь.

О полковнике Красильникове можно сказать словами М. Ю. Лермонтова из Бородино, — «полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам...» Так вот, если заменить слово царю словом — Родине, — то эта похвала подойдет полковнику Красильникову. На меня он произвел сильное впечатление, и я подумал, что этот командир ясно мыслит, побольше бы таких. Его твердая воля, трезвый ум, ясное понимание трагических событий — заставили наших солдат и офицеров остановить немцев в Кутовой, не допустить захватчиков на полуостров Рыбачий. Он лично сам в это критическое время, когда немцы шли с открытым забралом, не считаясь с потерями, с пистолетом в руках был среди солдат и офицеров, вселял в них смелость и отвагу.

II

Задача 7-го пулеметного батальона состояла в том, чтобы не допустить высадки десанта на полуостров Рыбачий в местах его расположения.

Он был подкреплён артиллерией — батареей из трех орудий, имел 4 мощных ДОТа с толщиной бетонных стен около метра. В ДОТах располагались расчеты со станковыми пулеметами, с приходом пополнения строились траншеи и огневые точки. Пушки были обыкновенные, 76 мм, дивизионные, бьющие на 8—9 км. Они не были дальнобойными и не были рассчитаны на обстрел кораблей противника на дальних дистанциях. Все это располагалось на территории 3-ей роты, обращенной в сторону Норвегии. Здесь больше всего ожидали высадку десанта немцами. Дальнобойные пушки были у нашего соседа на мысе «Туманный», батарея Космочева.

Прибыв в 7-ой пулеметный батальон, я сначала был назначен командиром огневого взвода (командир батареи Колтанов), затем был назначен командиром взвода управления 3-ей роты. В состав 3-ей роты входила и батарея, вернее сказать, огневой артвзвод. Командовал ротой капитан Величко, политрук Лозакович, командирами взводов были Курлыкин, Шаров, Долгополов, Долгов, Столбов, Титов, Дерябин и др. В 7-ом пульбате, в других ротах, были известные мурманчане: Кулешов С. И., Тимофеев И. Н., Лычкин А. И., в губе Скорбеевка — Миронов П. А. и многие другие. Несколько слов о Миронове П. А., его многие знают.

Так вот этот нелюдим, и как некоторым казалось, что он грубый, несдержанный, жесткий человек, будучи в губе Скорбеевка «начальником гарнизона» проделал за 1 месяц очень большую работу, — изрыл весь берег ходами, траншеями, настроил землянок, ушел со своими солдатами весь в землю. Когда он меня пригла-

сил в гости, т.е. приехать к нему на беседу, мы с ветфельдшером Никифоровым, моим соседом по квартире в Кандалакше, оседлали лошадей и выехали в его Скорбеевку. Езды около 18 км.

После обстоятельной встречи и осмотра его «владений» я ему сказал, — «зачем ты, Петр Алексеевич, мучаешь своих людей, сам не спишь и им не даешь. Все это пустое дело. Во-первых — на таких отмелях, на сплошь илистых берегах немцы завязнут и до тебя не дойдут. Они подберутся, причалят вон рядом, к скалам и вылезут на чистое сухое место». И он ответил: «На войне спать некогда, и чем черт не шутит, где не ждешь, там и грянет беда».

Миронов выглядел сам молодцом и солдаты у него были по боевому настроены. Он был потом командиром батальона 28 стрелкового полка 10 гвардейской дивизии, а затем начальником оперативного отдела этой же дивизии. Вояка он был толковый, смелый. Обо всем мы с ним толковали по душам, на многие вещи смотрели единым взглядом, он мой однокашник, вместе кончали Ленинградский Рыбопромышленный техникум.

3-я рота 7-го пулеметного батальона располагалась в деревне Керванто в 3-х километрах от Вайда Лахты. Вместе со мной во взводе управления были мурманские ребята: Дергунов — часовой мастер, Семенов из универмага, Мохов — сын Мохова И. А. начальника упр. рыбокомбината, Тюрин, Кузнецов, Щербаков и другие с разных предприятий города.

В феврале 1942 наша рота в течение 18 дней, вместо 14, была в боевом охранении (не сменили ее вовремя из-за сильной метели). Боевое охранение или передний край обороны Рыбачьего, что нам было поручено, располагалось на трех сопках Муста Тунтури, Средняя из них была с погранзнаком, рядом с ним находился командный пункт роты.

Погранзнак на средней сопке хребта Муста Тунтури (по фински это означает — Черная тундра) единственное место на всем фронте от Баренцова до Черного моря, которое не было занято немцами.

Должность или, вернее, обязанности начальника связи возложены были на меня. Моя задача состояла в том, чтобы обеспечить бесперебойную связь между подразделениями находящимися на трех сопках и потому приходилось исправлять частые порывы телефонной связи при обстрелах. Как только минометный обстрел, а в сопках больше всего именно минометами вели огонь и немцы и мы, связисты на чеку. На устранение порывов шли обычно сержанты Кузнецов и Дзюбаненко и с ними по 1 или 2 бойца.

Шел и я с одним или двумя бойцами. Сержанты шли по телефонной линии, а я с бойцами по тропинке, или вернее по приметным местам и условленными сигналами давали знать друг о друге, чтобы не сбились с линии, особенно в сильные метели, которые почти постоянно свирепствовали в феврале на сопках Муста Тунтури.

Дважды сержант Кузнецов с бойцами в ночной темноте срывались со скал и падали в снежную пучину. А днем устраняли обрывы телефонной связи под обстрелом снайперов. Устранение обрывов связи на склонах крутых сопек, почти всегда немеленные, сплошь и рядом было настоящим героизмом, но выполнялось оно как обычное, необходимое дело, никто не считал это проявлением какой-то отваги. На самом же деле это был именно героизм, так как требовал от связистов большого напряжения физических сил. Особенно смело и быстро работали на линии по устранению порывов сержант Кузнецов, телефонист Прытков и др. Сержант Кузнецов уроженец Архангельской обл., недалеко от города Шенкурска, с реки Ваги.

Пост у погранзнака был одним из самых опасных. Он обстреливался снайперами и по нему часто били минометы. Надо сказать, что немцы занимали более выгодные позиции по переднему краю обороны почти по всему хребту Муста Тунтури. Лейте-

нант Самойлик был убит на этом посту у погранзнака, разведчик Пospelов шел с этого поста, был снайпером тяжело ранен и в санбате умер.

С этого же поста и с других участков наши снайперы вели обстрел расположения противника и уничтожили не один десяток фашистов. Этот пост как и другие, выдвинутые вперед, прикрывали подход наших людей к сопкам Муста Тунтури.

III

В апреле 1942 г. несколько человек комсостава — артиллеристов, в том числе и меня, перевели с п/о Рыбачий на разъезд Выходной, в Кольский зверосовхоз, где комплектовался дивизион 76 миллиметровых горновьючных пушек. Дивизион предназначался для 6-ой отдельной Олень-Лыжной бригады. Я был назначен заместителем командира батареи. В июне 1942 г. дивизион прибыл в расположение 6-ой Олень-Лыжной бригады. Она находилась на левом фланге наших частей, с 52-го километра (по старому, от Мишукова, измерению Печенгской дороги) влево около 7 километров.

С наступлением темных ночей, в начале сентября 1942 г. нашей батарее было приказано занять огневые позиции километров десять от места расположения бригады или около 15 километров влево от Долины Славы и быть готовыми поддержать пехоту огнем по соответствующей команде. Выезд был исключительно тяжелым. Бездорожье. Вьюки тяжелые: ствол, лафет, оси, ящики с боеприпасами и др. снаряжением. Лошади вязли в болотистых местах и не в силах были выбраться без снятия вьюка, а на скалистых местах — падали на колени, разбивали их до крови, а иногда падали вместе с вьюками. Заняли огневую позицию, но огня не открывали и дня через 2—3 нам пришлось сняться и вернуться в бригаду.

На войне все нужно было, требовались и горно-вьючные пушки. Но после этой операции, которая показала, что маневрировать горно-вьючными пушками очень трудно,— часть их перевели на конную тягу, а часть все же сохранили вьючными.

IV

В октябре 1942 г. из 6-ой бригады нас — несколько артиллеристов, откомандировали в 152 стрелковую дивизию. Я в этой дивизии сначала был назначен зам. командира батареи 2-го дивизиона 333 артполка, а затем начальником разведки этого же дивизиона. 152 дивизия в декабре 1942 сменила в боевом охранении на мурманском направлении 14 стрелковую дивизию. Наш дивизион стоял у 314 высоты 1,5 месяца. Тут тоже не так то просто все было. Уж очень трудно было с отоплением, мы мерзли, с дровами было гораздо хуже, чем на полуострове Рыбачий. НП совершенно ничем не обогревались, а они, как правило, находились на высотах.

Фронтные будни невозможно описать какими, иногда, они были трудными, утомительными, длительные переходы без отдыха, без сна, на пределе человеческих возможностей. Вот один из многих, не боевых, но не легких случаев.

При следовании 333 артполка и нашей 152 дивизии на передовую, в боевое охранение, я ехал в кабине с шофером на большой автомашине — студабеккере (или шевроле) — нагруженной артснарядами в ящиках, весом около 5 тонн. На ящиках сидело 5—6 бойцов. При спуске под гору, примерно в 10—12 км от Ура-губы в сторону Западной Лицы, автомашина сошла правыми колесами с дороги, накренилась и все снаряды с людьми оказались под откосом. Такая же машина с командиром огневой взвода шла сзади. И вот 10—12 человек бойцов-солдат и нас 2 чел. в течение не больше 20 минут поставили, выправили автомашину на дорогу и все снаряды из под откоса подняли в кузов автомашины. Дивизион и артполк следовали без задержки. А

дело было в декабре,— сильный мороз, снега много, никаких объездов нет и задерживать движение артполка в такой момент — значить допустить ЧП. Случай потребовал от нас сверхнапряжения, ящики весом по 80—100 кг летели с рук на руки и в кузов автомашины, как игрушки. Откуда берется в такие минуты физическая сила, можно только удивляться.

Заняв свои места на переднем крае обороны наш артиллерийский дивизион оказался в центре участка, занятого дивизией. Быть в боевом охранении с начала декабря 1942 г. до половины января 1943 г., быть в такое время года на переднем крае на сопках, это значит быть в бою, в бою медленном, изнурительном.

Дело не в том, что освободили или нет от врага какую-то территорию, не в количестве погибших, погибших немного, а дело в том, что в течение 1,5 месяцев бойцы и командиры первой линии были под постоянным обстрелом, не знали ни сна, ни отдыха, зябли в холодных наблюдательных пунктах, траншеях и в сырых, плохо отапливаемых землянках. Условия были, пожалуй, хуже, чем на п/о Рыбачьем.

Встретив Новый, 1943 год на НП, я спустился в свою землянку около 2-х часов ночи и встретил в ней командира соседнего 1-го дивизиона, очень молодого, приятной наружности, капитана Фатьянова, который, пробираясь на свой НП, случайно забрел к нам. Разговорились о разных делах и о том, что ждет нас в новом году. И вот его новогодняя шутка. «Вы сделайте большое окно в вашем земляном дворце и тогда не надо будет коптилки, хватит света от постоянно горящих немецких ракет». И действительно, боясь наших вылазок, немцы всю ночь напролет освещали сопки одновременно десятками ракет, одни висели в воздухе, другие гасли, третьи взлетали. И так с вечера до рассвета ракетное освещение не угасало. И затем я спросил гостя землянки,— «Что, кажется, спокойно встретили Новый год?»

— «Да, спокойно?!»,— ответил он.— Сегодня взвод дивизионной разведки прокрался на территорию немцев, разгромил их огневую, сильно укрепленную точку, взяли языка и привезли в лодках своих ребят — 2 убитых и несколько раненых. Брали языка на участке 480 стр. полка».

«Так почему же мы не вели огонь? Ведь этот полк наш дивизион должен поддерживать артогнем»,— спросил я. Последовал его ответ — «Видимо, не нужен был артогонь, и во всей этой операции требовалось только отвага и холодное оружие».

И я тут же ему рассказал, что на нашем наблюдательном пункте, вчера днем, командир взвода управления гаубичной батареи, молодой мл. лейтенант, только что прибывший в полк, стал наблюдать из амбразуры в бинокль и был убит снайпером. Свежие следы крови на НП и по всей траншее еще не убрали.

«Ну что ж,— заметил капитан,— немцы рядом, надо знать их повадки и рот не разевать».

Вот так идет день за днем без боя и в то же время на передовой линии постоянное напряжение.

Фашистский генерал Дитл мечтал без труда взять Мурманск, но наткнулся на героическое сопротивление наших войск, всех защитников Заполярья и был остановлен.

При защите и при изгнании из Заполярья фашистских захватчиков много было совершено героических подвигов, больших и малых и о них еще не все сказано.

V

В феврале 1943 г. 152-я стрелковая дивизия была переброшена с Мурманского направления под Харьков. Около месяца эшелоны дивизии стояли на окружной железной дороге в Москве, на станции Лефортово и ст. Серебряный Бор.

После санитарной обработки и частично небольшого отдыха эшелоны тронулись на юг и в начале марта нас высадили в гор. Купянске. Почти сходу наша дивизия пе-

реправилась через Северский Донец в район г. Змиева и пошла навстречу наступавшим на Харьков немцам. Сдержать наступление немцев на заданном ей участке наша дивизия не смогла и около 20 километров мы отступали. Отступали с небольшими стычками с противником, а артиллеристам было приказано без боев следовать на левый берег Донца и там занять оборону. Отходили недолго, но тяжело было смотреть на беспорядочное движение людей и техники, на наши потери от бомбежки и обстрела самолетами.

На левом берегу Донца мы заняли оборону и простояли с конца марта до начала августа 1943 года.

Коротко о двух переделках, в коих оказался при наступлении и отступлении в этих неудачных 20 километрах. В дивизии 3 стрелковых полка и один артиллерийский полк в составе 3-х дивизионов. Каждый артиллерийский дивизион придается какому-либо из пехотных полков и они действуют взаимосвязано. Наш 2-ой дивизион больше взаимодействовал с 544 стр. полком. И на этот раз при наступлении мы шли тем же путем что и 544 стрелковый полк. Пехота шла впереди нас. При движении дивизиона походным маршем на исходные позиции нас дважды бомбили немецкие самолеты. В одном случае моя предусмотрительность избавила дивизион от ненужных потерь людей и орудий.

А суть дела такова. При выходе дивизиона из леса на обширное поле, я шел в голове колонны и, увидев в полете около 10 самолетов противника, я сразу же определил, что они нас обнаружили, и по всему сделал предположение, что они нас будут бомбить. Без промедления я подал команду — дивизион в укрытие. Все бросились в лес, от которого первые повозки и орудия были уже на расстоянии 150 — 200 метров. Половина колонны, получив предупреждение, осталась в лесу и сошла с дороги. Минуту-другую немецкие самолеты скрылись за лесом и затем видно было, что делая полукруг, они заходят на бомбежку. Сделав один за другим два захода, самолеты обстреляли нас и сбросили 4 небольших бомбы. В результате налета потери были сравнительно не велики, но были убитые и раненые. После обстрела командир дивизиона, ехавший тогда в середине колонны, сказал мне, — как ты сумел так быстро и точно сориентироваться и определить их замысел — молодец. Мне же казалось, продолжал он, что они летят далеко, и не увидев нашей колонны, пролетят дальше. Они не все бомбы сбросили и лишь потому, что мы вовремя ушли в лес. Так думал не только командир дивизиона, а и все командиры батарей.

Вторая опасная ситуация.

День был на исходе. Выйдя из леса после обстрела, привели все в порядок и дивизион двинулся к месту назначения. Через час хода пришли в большое село, в котором расположились штаб 544 стр. полка и штаб дивизиона. Командир дивизиона майор Данилов вызвал меня и поставил задачу. Развернули карты и он указал мне карандашом — «Вот здесь мы сейчас стоим и здесь же, около этого села, будут стоять все батареи, а наблюдательный пункт выбери вот здесь, в деревне Западенка. Расстояние до нее 5 км. Понял?» Понял — ответил я. И дальше сказал он — «как только выберешь НП — доложишь, я буду ждать, часам к 10 утра. Затем я приеду к вам на НП».

Собрав бойцов, я ознакомил их с поставленной перед нами задачей и, немного отдохнув, стали готовиться к выходу. Вышли из села часа в 2 ночи. Связисты взяли катушки с проводом и аппараты, разведчики — стереотрубы, немного старшина дал продуктов, — все погрузили на повозку и тронулись. Связь начали тянуть из домика, где остался начальник штаба дивизиона. С рассветом мы подошли к дер. Западенка. В ней должны были быть командир батальона или, на худой конец, командир роты. Но мы никого не встретили, в деревне было пусто. Остановились мы в двух домах. В одном был седой старик лет 75, во втором — женщина с детьми. Наш выдвигенец — повар-разведчик Черных и мой ординарец-связной начали соображать завтрак. Обра-

тились к старику, тот нехотя сказал, что кроме буряка у него ничего нет. Тогда Черных забрался к нему в подпол, взял там и картошки, свеклы, луку, немного пожелтевшего свиного сала-шпигу и завтрак подготовили отменный. Так как взяли по совести, лишнего не брали, то старик не возражал и потом был даже доволен, что нас угостил, чем мог.

Я ждал, когда связисты установят связь со штабом дивизиона, чтобы доложить о своем прибытии в дер. Западенку, а командира отделения разведки Мохова направил на высоту, на склоне которой расположилась деревня. Спустя не более часа приходит разведчик и докладывает, что километра 4 от нас по горизонту, слева на право, движутся войска, вроде бы немцы, сержант просит Вас прибыть на высоту. Не теряя ни минуты я бросился на высоту с которой было ясно видно в бинокль, что идут немецкие части.

Первый вопрос, который возник у нас в этой ситуации — где наша пехота? Встретившегося нам командира стрелкового отделения, спешно уходящего со своими солдатами, мы стали расспрашивать, но он ничего толком не мог сказать. Сказал лишь о том, что их рота вот там, слева, и она уже отошла с соседней высоты, а справа должны быть остальные роты, но они уже тоже, наверное, отошли без всякого боя. Ему, — сказал он, командир взвода передал через связного — отходи без боя — получен такой приказ. Вот я и спешу. Это все, что мы видели и знали о батальоне, который должны были поддерживать артиллерийским огнем.

Я сказал сержанту Мохову, — будь пока здесь, а сам пошел доложить в штаб дивизиона о всем, что увидел и что услышал. Прихожу к связистам и мне докладывают, что связь со штабом была, но сейчас прервалась. Впоследствии было понятно, что отступающие воинские части, может быть даже в самом селе, около штабов, в суматохе перервали нашу линию связи. Обычно нарушение связи старались не допускать, за это крепко наказывали, но всякое бывает. В такой обстановке медлить с решением, — что делать? — нельзя и я приказал быстро собраться и следовать обратно, забрать все с собой, снимать телефонную линию и идти кучно, не отставать.

Батальон давно уже отходил и ни справа, ни слева не было видно ни одного пехотинца, они отошли не оставляя никакого прикрытия.

В село, где располагались штабы, мы пришли и никого не застали, кроме хозвода нашего дивизиона. Старшина крикнул нам — давайте размещайтесь на повозках, кто где может, мы догоним трактора с орудиями и все пересядете на них. Мы действительно догнали наши батареи, они шли медленно вследствие бесконечных заторов на дороге и с ними шел начальник штаба дивизиона капитан Веденяпин.

Я ему высказал, что не годится оставлять в неизвестности почти 20 человек. Он ответил, — связь нарушили при начавшемся отходе и я не успел дать вам указание, но я знал, что вы должны были сразу же понять, определить, что происходит, на то вы и разведка. И дальше он продолжал, — мы идем в порядке, не попали под бомбежку, нам пока повезло, кроме вас весь дивизион был в сборе, а ты видишь, что кругом нас творится. А творилось действительно невообразимое. Убитые и раненые лошади валялись на дороге, стояли разбитые повозки и трактора, видно было, что пехотинцы шли неуправляемы. Суматоха, спешка не позволяли все прибрать и навести какой-то порядок. А отступали-то всего ничего, какихнибудь 3—4 часа.

Когда собрались на левом берегу Северского Донца и пришли в спокойное состояние, сержант Мохов и все бойцы, не раз мне говорили — да, мы были не в деревне Западенка, а в западне и чудом не оказались в руках врага. Село, где были штабы и из которого мы выехали, с другого конца, его уже занимали немцы и нам слышна была слабая перестрелка.

РАЗВЕДКА БОЕМ

В середине июля 1943 г. при подготовке наших войск к наступлению на Харьков (оно совпало с началом боев на Орловско-Курской дуге) командованию надо было знать, что собирается делать противник на нашем участке фронта. И вот была задумана и готовилась операция по захвату языка — разведка боем.

Нашему дивизиону приказано было при необходимости поддержать артогнем эту операцию. Командир дивизиона приказал мне отыскать командира роты 544 стрелкового полка капитана Копейкина и поступить в его распоряжение. Капитан Копейкин будет руководить разведкой боем, в ней будет участвовать около 100 человек. Задача заключалась в том, чтобы нанести удар, взять пленных и отойти назад. Немцы находились на правом берегу реки Северский Донец и операцию готовили провести южнее г. Чугуева, в очень лесистой местности.

В течение 2-х часов на лошадях с двумя разведчиками я изъездил весь лес, где стоял 544 стрелковый полк, а землянку капитана Копейкина долго никто не мог нам указать. Он уединился и как бы засекретился. При встрече капитан Копейкин сказал, — наверное, не понадобится мне ваша поддержка, как будут складываться обстоятельства трудно предвидеть и вряд ли вы сможете мне помочь, ведь мы же будем в движении. И дальше, он сказал, — может получится так, что вы своим огнем ударите по нам.

Капитан Копейкин — рослый, грузный, светловолосый, с умным взглядом, погруженный в осмысливание стоящей перед ним задачи, встретил меня без радости и я это хорошо понял. Выслушав его соображения о том, что ему наша поддержка не нужна, я разъяснил ему приказ начальника артиллерии дивизии полковника Сластюнина, обязывающего нас быть в Вашем распоряжении и этот приказ я должен выполнить.

«Ну хорошо, — сказал капитан Копейкин, — завтра переправляйтесь через Донец, расположитесь вот в этом месте и ждите, если понадобится — придет связной» и показал место на карте где он будет действовать.

Рота его вышла ночью и весь день будет стоять рядом с немцами, изучать местность, их огневые точки и поведение. Мы должны выходить на рассвете, переправа будет работать и днем. Взяв с собой радиостанцию и две большие катушки телефонного провода мы пришли на переправу. Нас перевезли через реку и мы пошли, а местами поползли по-пластунски в указанное нам место капитаном Копейкиным. От переправы, от землянки связи, мы протянули связь в один провод, расстояние около 800 метров и слышимость была нормальной. На переправе остался командир 2-ой батареи нашего дивизиона. Вместе с нами переправляли боеприпасы — патроны и гранаты и переправилось около 5 человек санитарок с сумками и носилками. Переправа и мыс, на который мы высадились, все время обстреливались артиллерией и минометами. Мыс когда-то был покрыт густым лесом, а теперь стояли одни стволы, без сучьев, обрубленных минами и снарядами. Мыс тянулся в длину около 1,2 км и в ширину — 1 км. Мы расположились на обрыве у реки, над нами стояли здоровые сосны. Казалось бы, что это хорошо, деревья охраняют, а с другой стороны — плохо, мины ударяясь в деревья, рвались над нашими головами. Один разведчик был ранен в ногу осколками мины и он даже не заметил, как был ранен, и все думал, — откуда у него вода в сапоге. А когда снял сапог — он оказался полный крови.

Передний край расположения немцев от переправы находился на расстоянии 1,5 км. Примерно в полночь с криками — «Ура», со стрельбой, взрывами гранат и непонятными криками со стороны немцев завязалась схватка.

Мы были готовы открыть огонь, если попросит командир разведки, все время держали связь с командным пунктом командира дивизиона. Но этого требования не последовало. Мне же установить по какому месту вести огонь в момент боя, который

завязался в траншеях, было невозможно. Предполагалось вести и вели огонь по противнику в глубину его расположения и по ранее намеченным целям, во время захвата языка и при отходе нашей разведки, командиры батарей по указанию командира дивизиона. В свою очередь, немцы вели огонь по нашему переднему краю.

Бой шел в течение двух часов, человек пять полуживых фрицев взяли в плен. Поставленная задача была выполнена. Мне неизвестно сколько человек было убито с нашей стороны, но раненых было порядочно, человек 20, они проходили мимо нас сами, некоторых несли на носилках.

Для поддержки капитана Копейкина, мимо нас в сторону немцев, к концу боя, прошел взвод полковой разведки. К рассвету отход наших солдат и вся операция «Разведка боем» закончилась. Из семи человек моей группы один был ранен.

Сопереживание солдата (к Разведке боем).

В предбоевой обстановке нервы, в какой-то степени, напряжены у всех. И вот какой случай был.

Утром, почти в тот момент, когда нам надо переправиться через реку, меня вызывает командир дивизиона. От землянок у переправы, где я находился, до места, откуда звонил командир дивизиона, около километра. Срочно явился к нему и вместе с ним отправился к начальнику артиллерии дивизии полковнику Сластюнину, по его вызову. Зачем вызывали нас — командир дивизиона сам не знал. Землянка начальника артиллерии дивизии находилась в болотистой местности, среди зарослей низкорослого кустарника и тростника, но на сухом месте, на песчаном бугорке. Он нас встретил, можно так сказать, дружелюбно. Командир дивизиона доложил ему, что со мной начальник разведки лейтенант Черняков.

Полковник, обратившись к нам, сказал, — «Хорошо, я его знаю, и коротко пояснил, что рота капитана Копейкина уже на исходном месте. Ваша задача, продолжал он, заранее подготовьте данные и обеспечьте благополучный отход нашей разведки, т.е. отсекайте огнем противника, если он будет преследовать. Вот и все. Идите». Но не за этим он нас вызывал, а затем, чтобы видеть самому нас, кому поручал это немаловажное дело, особенно для него.

Возвращаясь обратно на переправу, около домика лесника или какой-то заброшенной часовни, что-то вычурное было в его внешнем виде, меня остановил солдат. До этого я раза 3—4 проходил в этом месте и по его указанию и предупреждению быстро пробегал или проползал расстояние от одной траншеи до другой. Это место, метров 70, сильно простреливалось и, вероятно, хорошо просматривалось немцами, а глубокой траншеи еще не было.

Этот солдат поставлен был для предупреждения всех, кто шел на переправу, об опасности обстрела этого места.

Так вот о чем я хотел сказать. Этот солдат, видимо, определил правильно, что я иду туда, где скоро завяжется бой, из которого не все вернутся благополучно. Он стал меня расспрашивать — откуда я родом, есть ли семья, сколько детей, где призван и т.д. и т.п. Мне некогда было с ним задерживаться, но все же мы закурили и я ему обо всем его интересовавшем рассказал. В свою очередь и я его спросил — уж не чувствуешь ли ты, что меня сегодня в предстоящей переделке ждет беда. Он ответил — нет, но чем черт не шутит, война есть война.

Он так тоскливо говорил, так участливо смотрел на меня, как будто провожал родного и человека на тот свет и мне стало не по себе. Вот это да! — подумал я. Бывают же в жизни такие встречи и сопереживания людей совершенно не знающих друг друга, но глубоко чувствующих какое-то душевное родство. Встреча была мгновенной и солдат был как солдат — сильный телом, не упавший духом, не растерявшийся, нет. Скорее наоборот — богат и крепок душой и сквозь переживания в нем видна была затаенная решительность и бодрость и этим можно объяснить, что из

беседы с ним заряжаешься сознанием того, что мы русские и что мы сильны и едины, любим свой народ и потому непобедимы. Словами он меня не агитировал, а убеждал духовным своим состоянием. Солдат был немного старше меня, рабочий из Свердловска и он остался на своем, — тоже можно сказать, — боевом посту, проводив меня добрым русским взглядом.

А утро было ясное, солнце уже сгоняло росу, хорошо грело, кругом лес в зеленом убранстве и это все заполнилось мне лишь потому, что меня солдат оторвал на несколько минут от постоянного сосредоточения внимания на делах будничных тяжелейшей войны.

УДАЧНЫЙ РИСК

Командир дивизиона дал приказ — переправиться через приток Северского Донца, не помню названия этой речки, и занять огневые позиции у рощи правее какой-то деревни. Мы стояли в обороне, но такие смены позиций практиковались часто. Приказ все получили, а о переправе ничего не сказано, как обычно, и пришлось решать самим — где и как преодолеть эту речку. Дело было в конце марта или начале апреля 1943 г. Весенний паводок уже вошел в силу, вода везде и всюду затопляла низкие места и выходила из берегов рек. Я был со второй батареей и, перед тем как двинуться на новое место, направил двух разведчиков осмотреть переправу у деревни Гинеевка. Разведчики доложили, что мост грузоподъемностью 4 тонны, указатель на нем свежий, без перил, длиной 8 метров, вода почти выступает на настил, подъезд нормальный. Следующая переправа у дер. Мохначи, ниже по реке километров десять, там грузоподъемность моста 12 тонн.

Что делать? Небольшое совещание с командирами огневых взводов и я даю команду — следовать за мной. 76-мм пушки на тракторной тяге создавали тяговое усилие в два раза больше грузоподъемности моста.

Дело было рисковое, но решено — идем на эту переправу. Время, отведенное на смену огневых позиций, торопило. Трактор и пушка по длине, а стало быть и их тяжесть разместились почти на всю длину моста. Это облегчало работу — нагрузку моста, да, вероятно, и грузоподъемность его была с запасом и составляла около 6 тонн. Когда первый трактор с пушкой вышел на мост, вода выступила на настил, мост немного осел, но выдержал. Вслед за первым двинулся второй трактор, за ним следующий, все трактора и пушки прошли нормально, мост весь ушел под воду, но выдержал опасную для него нагрузку. Все, кто, в какой-то степени, переживал за переправу, вздохнул с облегчением, риск обошелся нам кратковременным напряжением и соблюдена была предельная осторожность всех людей. Расчет был сделан мгновенно, но удачно, мост имел нагрузку на пределе, но не подвел, беда на этот раз миновала нас и меня как старшего, несущего всю ответственность.

Преодолев переправу, мы въехали в деревню, где находился уже штаб дивизиона. Когда я доложил командиру дивизиона, что 2-я батарея следует к месту назначения, он с изумлением сказал, — Откуда ты взялся? Я ответил, — из Гинеевки, а не из Мохначей. И дальше он продолжал, — Если бы ты утопил хотя бы одну пушку, тебе было бы не миновать штрафбата. Пушку и трактор достали бы, но трибунала ты бы не избежал. Затем он сказал, — Ну ладно, победителей не судят.

Видно было по всему, что командир дивизиона одобрил такие действия. В это время командир второй батареи был рядом с командиром дивизиона и при моем докладе о переправе только покачал головой. Разговор окончен и командир дивизиона еще раз показал на карте место огневой позиции, приказал следовать туда и заметил при этом, что там предполагается продолжительная стоянка дивизиона.

76 СНАРЯДОВ ЗА 20 МИНУТ

Не каждому артиллеристу приходилось вести огонь по врагу и самому наблюдать ход боя. На войне боеприпасы, особенно артиллерийские снаряды — это хлеб насущный и бросать их понапрасну нельзя, преступно.

Но вот как однажды я вел артогонь по врагу.

Получив приказ командира дивизиона, я должен был найти командира 544 стрелкового полка и по его указанию или командира одного из батальонов этого же полка и, как обычно, по их просьбе вести огонь. В лесу, в котором мы стояли, передвижение большое и нам сказали, что батальоны 544 стр. полка уже впереди. Я взял трех телефонистов, трех разведчиков и мы вышли. Из густого леса на открытое широкое поле. Когда отошли от опушки леса, перед нами развернулось поле шириной около 4 км и в глубине около 5 км. Причем сначала начинался небольшой подъем, затем сравнительно крутой уклон, ручей с полосой сенокоса ~ 200 метров, и дальше возвышалось поле в глубину 2—3 км и на нем полоса обороны немцев.

Идем на поиски пехотных командиров. Нам указывают, что вот в том направлении и батальоны и роты, а никого в том направлении не видно, никакого движения не наблюдаем. Берем одну телефонную линию из двух проводов и предполагаем, что одна к комбату из штаба полка. Идем по проводу. Немцы обстреливают все поле, свистят пули около нас. Движемся ползком, перебежками, и нам кажется, что вот-вот должны быть наши и встречаем на пути убитого связиста, он лежит с катушкой и, видимо, он прокладывал другую линию в одну нитку. Посылаю внимательно его осмотреть. Докладывают — связист мертв. Мой связист включился в линию, но никто не ответил. Приказываю всем лежать и не шевелиться. Огонь по нам немцы почти прекратили. Двигаться вперед до ручья нельзя, неизвестно, есть ли наши впереди и если есть, то где именно находятся — определить не можем. Довериться телефонной линии, по которой мы идем — тоже нельзя и остановиться, пережидать опасно потому, что немцы нас засекли и могут усилить снайперский обстрел или даже открыть артогонь. И я решил — надо возвращаться обратно. При отходе приказал — вперед идет связист по тому же проводу и, не теряя связиста из вида, все движемся ползком, рассредоточено. Как только тронулись, кругом нас снова засвистели и защелкали разрывные пули. На таком расстоянии, которое отделяло нас от немцев, около 800 метров, снайпера могли нас поразить, но все обошлось благополучно. При возвращении трем раненым помогли выйти из зоны обстрела.

Позже мы установили, что когда начался обстрел нашей пехоты, она уже была на склоне, успела пройти до ручья и оказалась в мертвом пространстве, где она мало просматривалась немцами.

Всякое передвижение в зоне обстрела, где мы оказались, в данном случае было неразумным, и потому мы возвратились к своим траншеям и во втором их ряду выбрали НП. На этот раз все сложилось по иному и артогонь пришлось вести по своей инициативе, без просьбы пехоты.

Докладываю командиру дивизиона, что пехота прижата огнем немцев, наступать не может из-за больших потерь. Мы видим траншеи фашистов и их огневые точки, надо бы их подавить, накрыть нашим артогнем. Получаю разрешение — пристреляй одним орудием. Подготовил исходные данные для стрельбы и пристрелял быстро, 6—8 снарядами заключил в вилку. Во время пристрелки наблюдаем, что немцы стали бегать, передвигаться в беспорядке, видим около десятка человек. За этим наблюдал и командир дивизиона. Получаю разрешение открыть огонь батареей. Даю команду на батарею, — «Первым орудием 4 снаряда беглый огонь». Беготня фрицев усилилась. Даю команду — «Батареей, 4 снаряда, беглый огонь». Как только ударили сразу 12 снарядами, беготня фашистов усилилась правее. Меняю угломер, немного прицел

и опять беглый огонь. Видно было немцы в растерянности от неожиданности нашего огня — заметались около 50—60 человек. Из траншей убегали в противоположную от нас сторону. Момент был азартный и я продолжал вести огонь батареями, пока видел мечущихся фашистов и пока меня не позвал к телефону командир дивизиона. Он сообщает, что сейчас откроют огонь катюши и спрашивает, — это ты ведешь огонь батареями? Отвечаю, да я. — Кто просил — командир стрелкового полка (называет фамилию) или командир батальона? Нет, говорю, не просил ни тот и ни другой. Дальше спрашивает — сколько снарядов израсходовал? Спрашиваю разведчика, тот отвечает — 76. Докладываю — 76. Слышу возмущенный голос командира дивизиона, — ты что с ума сошел, прекрати огонь и сам доложи в штаб полка обо всем! Тогда я понял, что действительно перехватил через край. Моя норма (неписанная) не по живой силе врага, а по огневым точкам его — 10—20, а максимум 30 снарядов, и то по разрешению старшего начальника. А я перешагнул в этой стрельбе и норму командира дивизиона. 76 снарядов — это примерно 2 тонны с лишним металла со взрывчаткой, по стоимости равняется 2 тракторам.

За моей стрельбой наблюдали начальник разведки нашего арtpолка и другие командиры. И когда огонь был прекращен, из штаба полка спрашивали — кто вел огонь и одобрили мою стрельбу. Так что впоследствии командир дивизиона был доволен исходом дела.

Правее нас, на той же возвышенности, вели стрельбу катюши и вела огонь одна из батарей 1-го дивизиона нашего полка.

После этого обстрела наша пехота зашевелилась, поднялась, перешла ручей и за светло, с небольшой перестрелкой заняла немецкие траншеи на высоте, по которой только что вели артогонь. А в низине у ручья устроили привал с ночлегом и пехотинцы и артиллеристы. В штаб полка была дана сводка начальником полковой разведки — в результате артобстрела противнику нанесен большой урон с указанием его потерь в живой силе. Пехота необходимость огня подтвердила.

Кстати замечу, что от Донца до Днепра во всех проходивших боях наш 2-й дивизион вел только три раза обстрел позиций оборонявшихся немцев, при общем их отступлении. Это расстояние около 350 км. Как видите, артогонь открывали в исключительных случаях, когда пехота не могла идти вперед без арtpодготовки.

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

При подходе к Днепру, на левом его побережье, почти все деревни и села были сожжены, мы наблюдали затухающие пепелища, мало сохранилось хат, разрушен большой завод в Новомосковске, много разрушений и в Нижнеднепровске. Около 20 октября 1943 г. наша 152 стрелковая дивизия вышла к Днепру, прямо против г. Днепропетровска. При подходе к городу бои были в 10—12 км от него.

В Нижнеднепровск вошли без выстрела, только подрывались на минах. Здесь, в Нижнеднепровске, я впервые увидел расстрелянных мирных жителей, на откосе дороги лежала убитая женщина и, вероятно, двое ее детей — мальчик и девочка школьного возраста.

Форсировать Днепр стали выше города, рядом с пригородом Кайдани. Для переправы через Днепр нашему 333 арtpолку и 544 пехотному полку было выбрано место с небольшого острова. Остров отделялся от берега руслом шириной 40—50 м и неглубоким — около 2—3 метра. Сам же Днепр в этом месте шириной 500—600 метров, с сильным течением. На этом острове мы стояли несколько дней, готовились к переправе и были в безопасности от пулеметного и снайперского огня. Небольшой песчаный гребень укрывал нас, над нашими головами шелкали разрывные пули и искрились трассирующие, но нас редко задевали.

2 или 3 пехотных группы в составе почти целых рот с этого островка были направлены для захвата плацдарма на правом берегу Днепра, занятому немцами. Около десятка понтонных лодок, под сильным обстрелом, причалили к тому берегу, и, высадившись в темноте, бойцы сразу стали зарываться в землю, в песчаный берег, в бой не вступали. Только с рассветом, когда фашисты их засекли и попытались уничтожить — тогда завязалась ожесточенная схватка. Некоторые лодки так сильно были обстреляны немцами, имели такие большие потери, что их бойцы не силах были причалить лодки к берегу, поплыли вниз по течению и только были слышны крики раненых. При этом надо сказать, что место для высадки первоначально было выбрано неудачно. Новое место высадки группы захвата — песчаная безлесная отмель длиной более километра и шириной — 400 метров. На ней немцев не было, а от обстрела можно было быстро в песке вырыть ячейки, гнезда. На нее и высадились группа захвата плацдарма.

Батареи нашего полка вели артогонь по подавлению огневых точек немцев в глубине их расположения, а оказать существенную помощь нашим наступающим ротам при занятии прибрежной полосы артиллеристы не могли. Вероятно, для того чтобы не бездействовала артиллерия, начальником артиллерии дивизии был дан приказ — переправить разведку одного из дивизионов на тот берег и связать со штабом полка посредством радиосвязи.

Командир дивизиона приказал мне срочно готовиться переправе. На подготовку дал и всего несколько часов. Наступила ночь, ничего не видно, темнота «хоть глаз выколи». Я был назначен старшим над тремя понтонными лодками, на одной из них (целый плот), со мной для переправы, было около 12 человек. Взяли все снаряжение — радиостанцию, стереотрубы и пр., все погрузили в понтоны. Лодка 6-ти весельная, тронулись, я в корме с шестом в руках управляю ею. Перед отплытом я объяснил бойцам, что мы должны подняться вверх на мыс острова и от него направиться на тот берег, на песчаную отмель выше леса. К лесу нельзя причаливать, там фашисты, обстреливают наши лодки и нам приказано высадиться выше почти на километр. Все гребут старательно, хорошо (немножко хлопают по воде веслами) и мне казалось, что движемся вперед нормально, а на самом деле мы не смогли подняться встреч течения к мысу острова и видно было, что тем более не сможем подняться навстречу течения по основному руслу реки, как предусматривало начальство. Лодки были сильно перегружены. Несколько лодок, отправлявшихся вместе с нами, вообще отнесло вниз по течению. Не так то просто в темноте разобраться, соблюдая при этом тишину.

Видно было, что так мы не попадем туда, куда нужно, и я принял решение — изменить первоначальные указания, а именно — поднять лодки вверх вдоль своего берега метров на 300. Всю эту местность я знал хорошо, каждый куст, каждую извилину реки. Я начал поднимать свою лодку и вслед за нами все лодки, которые должны плыть с нами, поднялись до небольшой заводи. Опять все разместились в лодках и поплыли наперерез Днепра. За нами последовали и другие лодки.

Все прошло удачно, причалили там, где требовалось — на длинную песчаную косу, повыше опушки леса метров на 200. Многие не ожидали такой удачной переправы. Вместе с нами переправился взвод полковой разведки полка. Как только высадились на берег, ко мне подошел связной командира стрелкового батальона и передал его приказ — подготовиться к атаке на опушку леса. На рассвете с криками «Ура» мы вместе с пехотинцами заняли прибрежную полосу леса и проникли в глубину его. Немцев было немного, они уже отходили, всего несколько человек-смертников с пулеметами и автоматами, часть из них была убита автоматным огнем, часть взяли в плен. А правее нас один батальон 544 стр. полка занял уже населенный пункт.

Об этой переправе, обо всем с ней связанным, со мной беседовал корреспондент дивизионной газеты и в ней была статья, где упоминалась моя фамилия. Был разго-

вор с командиром дивизиона о том, что за Днепр будут награждать, но 2 ноября, т.е. через несколько дней после форсирования Днепра я был тяжело ранен и связь с товарищами однополчанами после ранения не имел.

НЕМНОГО О МОЕМ РАНЕНИИ

Уж очень мало солдат и офицеров, которые прошли все войну невредимыми. Процент уцелевших невелик, но при постоянном пополнении воинских частей свежими силами создается впечатление, что потери хоть и большие, но основная масса все же всегда в строю. В число выбывших по ранению попал и я. На одного убитого, пожалуй, в среднем приходится трое раненых. Это случилось и при моем ранении. Тяжело ранен был я, легко ранены связист и разведчик, они наверняка вернулись в строй, а умер от ран на пути в госпиталь командир гаубичной батареи Ярошко, уроженец Орловской области. Он был ранен в левое плечо, в лопатку. Ранило всех четверых на чердаке небольшого домика, соломой крытого, в деревне Ветровка, в 90 км от Днепропетровска на Кривой Рог. Все мы были ранены осколками при разрыве артиллерийского снаряда, ударившего в стропилу крыши.

Перед ранением двое суток я выбирал место для наблюдательного пункта и ничего лучше не выбрал. После ранения несколько дней, как только закрою глаза, мне казалось, что я выбираю НП. Уж очень невыгодна была вообще наша позиция и пришлось остановиться на чердаке небольшого, продолговатого, глинобитного домика, состоящего из передней комнатки, затем спальни, за ней кухня, коридорчик небольшой и хлев, где держат скот. Все его комнаты расположены в одну линию, а передняя комната окном смотрела в сторону противника. Мимо домишка шла тропа, или небольшая малонаезженная дорога. По ней в направлении передовой туда и обратно, без конца, передвигалась пехота по одному человеку, а то и группами. Это демаскировало наблюдательный пункт, и противник засек нас. Мы об этом знали, но ничего более подходящего на этом участке для НП не было. Перед нами подковой расположены сравнительно большие возвышенности, на которых засели немцы, а мы развернули НП на краю деревни, раскинувшейся в низине, в середине подковы. Наше положение было невыгодным. Передняя линия расположения стрелковых рот от нашего НП была на расстоянии, примерно, 400—600 метров. Мы хорошо видели в стереотрубу передвижение противника и их огневые точки, в т.ч. и артиллерийские батареи, хотя все они на закрытых позициях, но их места, примерно, были нами засечены. Немцы нас, думать надо, так же хорошо видели. Этим можно объяснить, что в первый день, как мы заняли НП, нас обстреляла одна из батарей противника.

Кстати подробнее о НП. Расположились на новом месте с одобрения командира дивизиона и штаба полка. Необычно долго выбирали НП, так никогда ранее не случалось, как правило, сходу находили подходящее место и безошибочно, за что я не раз получал благодарности от командира дивизиона, а тут, как назло, я с разведчиками и связистами исходил и исползал всю местность и ничего лучшего не нашел. Не нашли мы такого места, откуда бы мы могли хорошо видеть противника, а он нас нет. Для НП — это главное.

Так вот, остановившись на новом месте, я умылся, что бывает не так часто, не каждый день, целое ведро воды солдат вылил мне, побрился и сел читать газету ЦО «Правда» — материалы о форсировании Днепра. Сел прямо у окна, спиной на противника и сразу же подумал — ударит прямо в затылок. Перешел в спальню, сел на койку, которая стояла за печкой и стал продолжать читать газету. Прошло не более 15—20 минут и домик был прошит — пробит 3 или 4 снарядами небольшого калибра. Опять я весь в пыли, напрасно умывался. Но все, кто был на НП, оказались целы-

ми, невредимыми. Обстрел был произведен немецкими батареями не только нашего НП, а всего переднего края наших частей.

Сразу же после налета вражеской артиллерии прибыл к нам на НП начальник штаба полка и приказал — подавить батареи противника. Командир дивизиона приказал выполнить эту задачу гаубичной батарее. На наблюдательный пункт прибыл командир батареи лейтенант Ярошко. Командир дивизиона майор Данилов находился тоже на НП, но по моему настоянию спустился с чердака и ушел с НП в штаб дивизиона, который находился метрах в 300 от НП.

Командир батареи подошел к стереотрубе, и я ему стал объяснять все цели, которые были нами засечены, в т.ч. батареи противника. В этот момент, спустя, вероятно, час после первого обстрела, по нашему НП снова открыла огонь вражеская батарея. Снаряд шрапнельного, осколочного действия ударил в стропилу, крыша соломенная раскрылась, стало светло на чердаке, не знаю чем объяснить, но это я запомнил, и мы все четверо, кто был на чердаке, были ранены. Я был ранен в левую ногу тремя осколками, и при спуске с чердака мне попали под ноги телефонные провода, и я на них повис. Внизу было несколько человек разведчиков, связистов и пехотинцев, переживавших обстрел, и был санитарный инструктор. Меня сняли с проводов и сразу же санинструктор перевязал стопу, она сильно кровоточила, сквозное ранение с повреждением костей и сухожилий. Места ранения голени и бедра не были перевязаны и, конечно, потому, что эти раны мало кровоточили, слепое ранение.

Пока шла перевязка, к соседнему дому уже были поданы две повозки для доставки нас в санбат. Лошадей подогнать к НП нельзя было, т.к. от НП до этого дома, где стояли ожидавшие нас повозки, было пространство метров 100 обстреливаемое фашистскими снайперами. Предлагали меня нести на плащ палатке, но тут же один рослый, здоровый парень предложил перенести за плечами, и я, обхватив его, оказался на его согнутой спине, и он быстро перебежал со мной это простреливаемое место.

Так же были доставлены командир батареи, связист, разведчик, и на двух подводах нас отвезли в санитарный батальон, который находился километров восемь от места нашего ранения. В санбате мне перевязали стопу, рассекли рану голени и отвезли в палатку километра 1,5 от места перевязки.

Спустя около часа, после того как меня привезли, зашла врач или медсестра, стала знакомиться с нами — кто во что ранен и как ранен, чтобы рассортировать кого куда и когда отправлять. Раненых в палатке было много, палатка большая. Подошла и ко мне и увидела, что я лежу на плащ палатке весь в крови. Оказывается, что это кровь из раны на бедре. Рана на бедре меня мало беспокоила и поэтому бедро не перевязано. Я об этом врачам ранее, на перевязке, ничего не сказал. Кровь из этой раны мало текла, а тут вдруг сильно стала кровоточить. Врач спросила — откуда у Вас кровь, и я хорошо помню, я ей сказал, что только сейчас чувствую, что очень сыро у меня, и это, видимо, потому, что у меня есть еще рана, и указал на бедро.

По ее распоряжению меня сразу же погрузили на повозку, запряженную уже волами, и доставили обратно в перевязочную. Врачи, которые принимали и перевязывали, были недовольны, — почему сразу о ране на бедре не сказал, но все равно делали свое дело, отстригли штанину, обработали рану и меня обратно отвезли в палатку. В окровавленной штанине были часы, номер дивизионной газеты, где в статье о форсировании Днепра упоминалась моя фамилия — все осталось в перевязочной и, конечно, все было выброшено.

Спустя четыре месяца (29/II-44 г.) при операции в госпитале в г. Саратове из раны на бедре был извлечен осколок вместе с куском брюк и кальсон.

Из санбата нас на автомашинах отправили в какой-то поселок, потом город Павлодар, где мы сутки — двое находились в церкви — церковном здании, а затем при-

везли в г.Константиновку. Из Константиновки санитарным поездом мы были доставлены в гор. Саратов, в госпиталь, где находился до конца лечения, до 30/IV—44г.

Медицинские работники в годы минувшей войны, несмотря на тяжелые условия, спасли жизнь многим сотням тысяч раненых, в том числе и мне. При сквозном ранении стопы были раздроблены кости, из раны фонтаном шла кровь, и в этом случае только своевременная перевязка санинструктором, а затем обработка ран (тоже своевременная) в санитарном батальоне, позволили сохранить мне силу, так необходимую для выздоровления, при дальнейшем лечении в госпиталях.

В Саратове в госпитале мне было сделано две операции под наркозом,— первая — чистка стопы, как сказал хирург — «мы похозяйничали в вашей стопе хорошо», вторая — удаление осколка из бедра.

После второй операции я сильно ослаб, долго не просыпался и услышал голос хирурга — «да покажите ему осколок». Когда привезли в палату с операции, мне было уж очень «хорошо». Спустя часа два после операции подогнали каталку, чтобы отвезти меня в для переливания крови. Я отказался и просил только об одном — не беспокойте меня. Приезжает с каталкой уже не медсестра, а лечащий врач, я опять отказался. Затем подгоняют каталку, и подошла ко мне зав. отделением и спрашивает, почему я отказываюсь. Я сказал, что мне очень хорошо, легко, мне ничего не нужно, я хочу лежать спокойно.

Выслушав меня, она сказала ребятам — возьмите и они меня взяли, силой положили на каталку. У меня была сильная потеря крови при операции, и врачи видели, что если мне срочно не сделать вливание крови, то я погибну. Доставили в кабинет переливания крови, влили мне 200 грамм крови, и я сразу как бы вновь воскрес, почувствовал себя совсем по другому, захотел есть и стал просить.

После этого мне еще 3 раза вливали кровь по 200 грамм. Хочется сказать, что переливание крови — великое дело, уже тогда оно было спасительным средством для многих нас, раненых.

ОБ ОПАСНОСТИ НА ВОЙНЕ

Для многих людей моего возраста нельзя сказать, чтобы война оказалась неожиданностью. Мы чувствовали ее приближение. Но все же встретили ее по-разному и многие как неожиданность. Войны во все времена воспринимались народом как грозные события ни с чем не сравнимые. И это понятно.

Сознание необходимости защищать свою родную страну, свой родной народ от нашествия врага пронизывало наши души и это придавало силы переносить все тяготы войны и питать ненависть к врагу.

Но первый обстрел или бомбежка, первая опасность быть убитым или раненым, пожалуй, каждым пережито очень тяжело. Но тут вот как бывает — одного так потряхнет, что он не может собраться с силами и овладеть собой, а другой — просто и относительно спокойно перенесет, по крайней мере, внешне ведет себя сдержанно, нормально, как того требует обстановка.

Скажу о себе. Первый обстрел я перенес тяжело, но переживания были уж очень кратковременны. И в силу того, что переживания были по существу мгновенны, нервное состояние не было глубоко нарушено, все проскочило как бы мимо, и происшедшее меня не очень коснулось.

А дело было так. Наша 3-я рота 7-го пулеметного батальона из деревни Керванто, бывшее финское селение на мысе Северном полуострова Рыбачий (на картах название мыс Немецкий), шла в боевое охранение на сопки Муста Тунтури (полуостров Средний). Мы должны были затемно прийти в Кутовую и сменить находившихся на сопках людей, но нас задержала враж лишнего часа на два, и мы стали спускаться в

Кутовую на рассвете. По склону в сторону немцев надо было идти километров пять. Все мы были в белых халатах, но все равно фашисты нас заметили, так как халат полностью не закрывает бойца — оружие, сапоги, рукавицы, лицо и др. — все это демаскировало нас.

Начался обстрел. При первых же разрывах снарядов все бросились врассыпную. Обстрел продолжался около 10 минут, выпущено было по нам не более 2-х десятков снарядов, убитых не было, раненых двое. Вот это первый обстрел, он кончился, все собрались около землянок 35 стр. полка и тронулись к месту назначения. А в боевом охранении нас начали обстреливать из минометов и снайперы почти каждый день. За 18 дней нахождения в боевом охранении — 2 человека были убиты и 3 человека ранены.

В этом (февраль 1942 г.) боевом охранении я был начальником связи. И дальше уже всякий раз, будь то обстрел или бомбежка, я переносил не выходя из возбужденно-нормального состояния. Но приходилось видеть, когда в первых опасных ситуациях некоторые товарищи, главным образом необстрелянные, дрожали как при ознобе. Но это очень редкие явления, причем эти же товарищи иногда говорили (а больше молчали, неудобно), что я вот себя так чувствую не потому, что уж очень боюсь смерти, нет, вовсе нет, у меня просто возникает какое-то, временно неуправляемое нервное состояние. Я понимаю и вижу, что так нельзя. И такое состояние пережили некоторые боевые, смелые, толковые ребята, вовсе не растерявшиеся при опасности.

На передовой, в ходе боев, почти все бойцы и командиры, находясь постоянно в опасности, приобретают со временем, в некотором роде, привычку и ведут себя, как будто никакой опасности для них нет, делают все, что от них требует обстановка, ход боя, выполнение задачи. Все лишения будничной фронтовой жизни солдата временами невыносимо тяжелый труд, постоянное напряженное состояние — сглаживают переживание опасности. В моменты боя и в других подобных случаях чувство страха, боязнь смерти как бы совершенно притупляются и на первое место в сознании становятся действия, вызванные обстановкой.

Вот коротко о военных буднях лейтенанта-артиллериста.

НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ К ЗАПИСКАМ МОЕГО ОТЦА МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧЕРНЯКОВА

На своем 90-летнем юбилее мой отец читал стихи Есенина, Некрасова, Лермонтова. Отец рассказывал, что для него выучить стихотворение не составляло труда — за два прочитанных раза он их запоминал. Его сильно огорчало то, после 80 лет он не смог читать из-за сильно ослабшего зрения. После выхода на пенсию отец написал много своих воспоминаний, историю своего села, родословные по своей линии и по линии моей матери, рассказы родителей и дедов, воспоминания о своей жизни и событиях своего времени, о событиях военной поры, о которых он рассказывал своим внукам, разные заметки. Свои воспоминания отец записывал в общих тетрадях, на листах обычной бумаги. Он продолжал писать даже тогда, когда уже не мог видеть написанного. Он говорил, что пишет «на ощупь, рука помнит как надо писать». У отца сохранились дедовские документы позапрошлого века и начала 19-го. Свои документы он также хранил. Архив отца — три больших чемодана, который так еще полностью и не разобран.

Записки о военных буднях написаны в начале 80-х годов. В эти записки вошли далеко не полные эпизоды тех военных дней. Записки писались для своей семейной истории и, может быть, для того, чтобы потомки могли лучше узнать правду далеких от них исторических событий и жизни. Отец любил рассказывать о прожитом,

сопровождал это комментариями, высказывал свою точку зрения на события, которая могла отличаться от общепринятой («официальной»).

Отец всегда много работал. Он вставал очень рано и уходил на работу, обходил свои владения, и к началу рабочего дня он уже знал обстановку на заводе. Работники и жители поселка его уважали за деловитость, знания, заботу о людях.

Фраза «я уже коротко говорил» в записках отца свидетельствует о том, что он излагает рассказ своим слушателям и который является продолжением предыдущих рассказов.

Еще несколько слов об отце в дополнение к биографии, отдельные штрихи.

Уже в начале профессиональной деятельности отца знали, несмотря на его молодость, и ждали в артелях и колхозах по всему Псковскому озеру. Он не только осуществлял инспекцию, но и помогал составлять отчетность, в том числе бухгалтерскую.

Артиллерия во времена службы отца была на конной тяге, и он проходил конную подготовку. С детства прекрасно управлял конем верхом, а навыки ходить верхом в строю, в колонне, а так же рубки лозы и взятия препятствий получил в армии.

После войны хозяйственные должности были заняты бывшими военными начальниками. Такова была практика. Воевать и хозяйствовать совершенно разные вещи. И настала необходимость ставить у руководства компетентные кадры. Директором Порт-Владимирского рыбозавода был бывший майор. Дела шли неважно. Так отца отправили на усиление хозяйственной деятельности. Тогда заменили не одного майора. По той же причине был направлен директором Сайда-губского рыбозавода. В должности директора пользовался непререкаемым авторитетом и уважением.

При ликвидации поселка Сайда-губа получил три предложения по трудоустройству. Это директором Кандалакшского рыбозавода, заместителем директора Мурманского рыбокомбината и начальником ЖКО Мурманского рыбокомбината. В Кандалакишу возвращаться не хотел, а из двух должностей на Мурманском рыбокомбинате выбрал ту, что позволяла быть самостоятельным. Всю трудовую деятельность был самостоятельным и ходить под начальником (директором Мурманского рыбокомбината) не захотел.

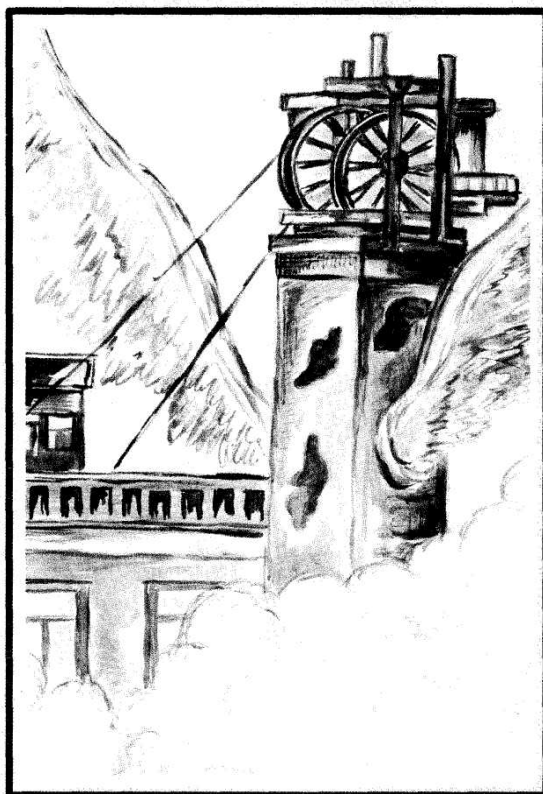
Юрий Черняков, г. Петрозаводск

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Алексей Логунов
(г. Новомосковск)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЖУРНАЛЫ НОВОМОСКОВСКА

...Ушел из жизни Алексей Андреевич Логунов, великолепный мастер слова, наш постоянный автор. Публикуем его последний, присланный в редакцию материал.

В Новомосковске издаются пять православных журналов: «Прихожанин», «Свято-Ильинский храм», «Православный Новомосковск», «Мосбасс» и «Обитель». И каждый из них чем-то интересен, заслуживает внимания или, хотя бы краткого разговора. Начнем по порядку их возникновения.

«ПРИХОЖАНИН». Это первый журнал, вернее, альманах, который собрал вокруг себя православных авторов, то есть, тех, кто пишет о Боге и Божьем мире. Родился он от стенгазеты в литературном кружке воскресной школы храма «Нечаянная радость». Духовно окормлял альманах протоиерей Игорь Бреднев. Читателям запомнились стихи и рассказы Натальи Поляковой, Ларисы Бурцевой, Геннадия Лаптева... Альманах не только объединял пишущую братию, но и содействовал ее духовному росту. Так, благодаря общению с кружковцами принял крещение поэт Владимир Демиденко, который так прокомментировал свой поступок:

*«Некрещеный поэт — не поэт:
Искры Божьей в стихах его нет».*

Многим запомнился очерк о воскресной школе ученицы Кристины Пазенковой «Я приведу сюда брата». А «Рассказы о молитве», о ее помощи человеку в жизни, созданные учениками прямо на уроке, были перепечатаны в городской прессе.

Сейчас альманах «Прихожанин» временно не издается: нет грамотного, любящего православную журналистику редактора. Но мы верим, что такой человек по воле Божьей найдется!

«Православный Новомосковск». Рождение этого журнала напрямую связано с появлением в литературном кружке Надежды Лысенко, выпускницы школы молодых репортеров при газете «Молодой коммунар». По профессии строитель, она в молодости помоталась по комсомольским стройкам, жила в рабочих общежитиях, повидала разных людей и побывала в разных ситуациях, что привело ее к вере в Бога.

Журнал «Православный Новомосковск» — ее детище. Его благословил архимандрит Лавр, наместник Свято-Успенского мужского монастыря г. Новомосковска. Постоянным автором журнала является насельник этого монастыря игумен Августин (Новодничек), написавший учебник для общеобразовательных школ «Основы православной культуры». Из номера в номер публикуют свои стихи и рассказы новомосковские поэты и писатели.

Я знаю, Надежда Лысенко как редактор, планирует привлекать к сотрудничеству новых авторов, публиковать очерки о священниках, о чтимых иконах Новомосковских храмах, о семьях боголюбивых прихожан, о православной молодежи... Помогите ей Господи!

Журнал «Свято-Ильинский храм» создавал и редактировал три года подряд автор этих строк. Было выпущено пять номеров и одно приложение «Ильинский крест». Потом из-за болезни мне трудно стало заниматься журналом. Я молился, просил Бога о помощнике. Как-то раздастся в моей квартире телефонный звонок:

— Не нужна ли помощь?

— А вы кто?

— Наталья Круглова, прихожанка. По профессии, я инженер-электрик. Очень люблю православную литературу.

Наталья Сергеевна продолжила выпуск журнала «Свято-Ильинский храм», уже выпустила очередной номер, который благословил Митрополит Тульский и Белевский Алексей.

«Обитель». Этот журнал создан при Свято-Успенском мужском монастыре, при активном участии настоятеля о. Лавра (Тимохина). Редактируем и готовим журнал мы вдвоем: преподаватель воскресной школы и аз грешный...

В статье «Нет пределу совершенству!», опубликованной в первом номере журнала так определены его цели и задачи:

«Зайдите в любую школьную или детскую библиотеку. Книг на полках — до потолка. А православных книг даже маленькой полочки не найдете. Мы — православные авторы, должны заполнить этот пробел. Сейчас в наши семьи, школы широким потоком хлынули книги, внедряющие в сознание молодежи культ силы, блуд, страсть к богатству, зависть, пьянство, наркоманию и на этой почве — убийства.

Им нужно противопоставить другие книги, православные, которые учат к любви к Отечеству, любви к ближним, трудолюбию, созиданию, почитанию родителей и старших, учат заботе о всем живом, молитве, вере в Бога, как Творца всего живого, видимого и невидимого...

Что посеешь, то и пожнешь!

Это — магистральное направление, которое будет придерживаться редакция журнала **«Обитель»**

«Мосбасс». Журнал родился в шахтерском городке Сокольники, ныне превращенном в микрорайон г. Новомосковска. Учредитель и редактор журнала Валерий Иванович Кручинин-Русич бывший горнорабочий очистного забоя, много лет проработал на шахтах Московского угольного бассейна. Он написал интересную книгу о шахтерах, главы из которой публиковались в «толстом» тульском журнале **«Приокские зори»**.

История возникновения журнала «Мосбасс» грустная. В одной из Сокольнических школ ученикам было предложено придумать герб своему маленькому городку. Детишки затруднились. Тогда, руководитель краеведческого кружка предложила свой вариант, где на первом плане был изображен шахтный террикон. Герб детям очень понравился, только вот никто не смог ответить, что это за огромная, конусообразная гора.

А ведь Сокольники, буквально окружены этими громадными курганами отрабо-

танной породы, где на шахтах еще совсем недавно работали деды, отцы, наконец, старшие братья сегодняшних семиклассников. Пойдите на старое Спасское кладбище, там еще не до конца съела ржа самодельные памятники из железа на братских могилах погибших горняков.

Молодежная политика сегодняшней власти напрочь отбивает память у юного поколения о героическом прошлом родного края. В небытие ушло целых три поколения, огромнейший, богатейший пласт шахтерской жизни, человеческих отношений. Как жили, как любили, чему верили, над чем, смеялись, над чем, плакали люди одной из самых героических на планете Земля профессий.

Так родилась идея журнала «Мосбасс».

Походы за поддержкой в местную власть, к директорам двух в то время еще работающих шахт, результата не принесли. Будущего редактора выслушали, горестно цокая языком, покачали головами и отправили восвояси, прозрачно намекнув — «не холопское это дело» журналы издавать. Интересная деталь: единственным человеком, готовым помочь финансами, оказался местный уголовный авторитет (смотрящий) по кличке Жереба.

Старый шахтер отказался от его помощи, снял свои с женой сбережения, приготовленные на «смертный час» и вложил их в издание журнала. Главной, сквозной темой первого номера стала «Тульская земля — земля православная».

Сбережений хватило только на один номер. И прекратил бы «Мосбасс» существование, если бы не попался один экземпляр, зачитанный до дыр, в руки Алексея Яшина, редактора межрегионального литературно-публицистического журнала «Приокские зори». Это великий трудолюбец. Энциклопедист. Глыба. Алексей Яшин поддержал редактора из глубинки и стал регулярно печатать «Мосбасс из Сокольников» в своих «Приокских зорях», как журнал в журнале. Печатает и по сей день.

Тульский журнал «Приокские зори» избрал В. И. Кручинина-Русича членом редколлегии. А литературная православная общественность Новомосковска избрала его руководителем литературного объединения «*Мосбасс*».

Православные журналы Новомосковска, как пять источников живой воды, несут своим читателям слово Божие. Эти роднички православия, говоря словами старого русского интеллигента князя Жевахова, служат «увеличению Добра и Правды» в нашем обществе.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Валентин Сорокин
(г. Москва)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
(Стихотворения последних лет)

Валентин Сорокин — поэт, автор многих книг. Член СП России с 1962 года, лауреат Государственной премии. Проректор Литературного института, руководитель Высших Литературных Курсов.

ЕЩЕ РАЗ

Не грусти, не горюй ты, не надо,
Только б верность и нежность сберечь:
Нам с тобою одна лишь награда —
Свет разлуки и радости встреч.

Песни счастья теперь не поются,
Через пламя шагнувшие вброд,
Вожаки удалых революций
Растрانжирили русский народ.

Поле пусто и небо высоко,
Разоренные избы пусты,
А за ними скрипят одиноко
Позабытые всеми кресты.

У дорожной развилки старушка
Продает, озираясь, укроп,
Мама наша,
 считай — побирушка,
Собирает копейки на гроб.

Юг и Север, и ветры густые,
Ну а в Лондоне теплый туман,

Там с Чукотки дожди золотые
Абрамовичу льются в карман.

Где вы, Разин, Матросов, Чапаев,
Вы нужны нам сегодня и впредь:
Новый гнет олигарчных баев
Не давали мы клятву терпеть.

Их улыбки и речи их лживы,
И законы их лживы давно,—
Патриоты жратвы и наживы,
Пляска дьяволов, сексово дно.

Эти фабрики, эти одежи,
Эти офисы
и пироги...
Неужели не видишь ты, Боже,
Как над нами глумятся враги?!

ДОРОГА ПОЭТА

Да, перестройка мир перемолола:
Поля пусты.

Родной завод зачах.
И вожаки святого комсомола —
Тот — олигарх.

А этот — в стукачах.
У демократов дух неистребимый,
За братской бойней новая напасть,
А во вчерашней партии любимой
Сегодня губернаторская страсть!..
Мы проклинали расстрелы и доносы,
Мы проклинали прорабскую войну,
Сыны России, впрямь великороссы,
Не давшие страну пустить ко дну.
И ты клеветешь, травишь нас, позоришь?
Бездарностью и злобою объят,
То слухи оседлаешь и пришпоришь,
То в спину нам слюняво брызнешь яд.
Когда ты пьян — глупей неандертальца,
Когда ты трезв — чумой наполнен рот:
И весь твой пыл — под маскою страдальца
За равенство, за правду, за народ.
Краснее рака от натуг и крика,
Отважный лжец и маленький палач,
Хапуга и приемник Оси Брика,
И Лилькой общекоченный стукач.
Тебе порой, действительно, не спится,
Молитву шепчешь, не смыкая век,
Но Ироду уже не обновиться

И дважды в жизнь не входит человек.
Ты не ищи себе прощенья в Боге,
Ведь спесь твоя — не терния венец,
И ты не первый на моей дороге,
И не последний
завтрашний подлец!

СЛАВЯНЕ

Наши ссоры — сердцу перегрузка,
Потому и вновь горюнюсь я,
Украинка ты и белоруска,
Русская красавица моя.

Перелески, реки и просторы
Так похожи, словно это мы,—
Наши ссоры — ложь и приговоры
Опытных заказчиков из тьмы.

Наши дети, может, украинцы,
Может, белорусы,
вновь и вновь
Говорю: мы ныне — палестинцы,
Требуется зверю наша кровь.

Золото он ищет и алмазы,
На Днепре, на Волге держит власть.
Ты зачем такой широкоглазой
И такой славянской родилась?

Мы, славяне, потеряли право
Быть собой, а Ироду везет:
Каждый день смертельная отравка
В души наши с губ его ползет.

Нам вражда, а хищникам закуска,
Но горжусь и окрыляюсь я,—
Украинка ты и белоруска,
Русь моя,
красавица моя!

КАИН

Этот пьяный, жестокий урод
В межмарксистской слепой заварушке
Расстрелял православный народ,
Дом Советов подставил под пушки.

Но душа у него не поет,
Главный киллер кровавой шумихи,
По неделям сидит он и пьет,
Запершись от знакомых, в Барвихе.

Демократы одели прогресс
В нищету городов и окраин,
Мать кричит ему ночью с небес:
«Не отмолишь прощения, Каин!..»

Но у Каина совести нет,
Поднимает стакан, опускает
И ручей золотистых монет
Он обрубок ладони ласкает...

Будь ты проклят в сердцах и в умах,
Ты, предавший страну оголтело, —
Миллионы крестов на холмах
И на взгорьях России взлетело.

Вымирает великий народ,
Обворованный подлым законом,
Чтобы ты,
 опохмельный урод,
Низко кланялся грозным иконам!..

РУССКАЯ БОЛЬ

Все дороги спешат на Москву
От захваченных наших окраин...
Вот я этой тоскою живу, —
Разоряет Отечество Каин.
Тяжкий крест мы по миру несем,
Обесправлены и не богаты,
Почему же сегодня во всем
Только русские, мы, виноваты?
Террористам Россию в кредит
Сдал пахан перестроечной эры:
Вместо друга — у моря бандит,
Вместо сакли — в горах бэтээры.
Ночь над нами, над русскими, ночь,
С тьмой планетною звезды не спорят:
Во вчерашней республике дочь
Русской мамы
 шахиды позорят!
Сын расстрелян ее у ворот,
Безоружный, с учительским ранцем:
Так великий, державный народ
Стал еще в СССР иностранцем.
Сколько крови и слез, и потерь?

Мы, доверчивы и угловаты,
Защищая соседей,
теперь
За свою доброту виноваты.
И опять я не сплю до зари,
Горько думая вновь о раздорах.
Собери нас, Господь, собери
Защититься —
в Москве и в просторах!..

ЛЖЕСТОЛБ

Ты ни о чем не говоришь,
Слова — сплошная скука.
Ты перед правдою хитришь,
Как перед плетью сука.
Я на тебя гляжу с трудом;
Ты весь — процент, удача:
Сияет на Рублевке дом,
А на Канарах дача.
Вчера ты человека сшиб,
Скупил под сад поселок
И в нем теперь стоит твой джип
Средь казино и елок.
ТВ ты в гости пригласил,
Магнатом объявился,
Ты лучше б хутор воскресил,
В котором уродился...
Завод и фабрики тебе
Профуканы Гайдаром,
И с той поры в твоей судьбе
Он — царь и Бог недаром.
Ты столб, но страхами всегда
Ты тайно занедужен:
Случись, обрежут провода,
Кому ты будешь нужен?
Тебе завидуют — богат,
Весь в золоте, красавец,
Но никакой ты не магнат,
Ты —
искренний мерзавец!

ТОЛЬКО ТЫ

Быть красивой — радость через край,
Верной быть — нелегкая тревога.
Русской быть — тропа из ада в рай,
Храброй быть — через кресты дорога.
Ты, лицом и совестью светла,

Русская, идешь через долины.
Над тобой звенят колокола
И встают герои из былины.
Ты невеста, ты жена и мать,
Дочь России,
 солнышко простора,
Это каждый должен понимать,—
Ветры плачут, значит, буря скоро!..
Вновь враги за гранью темноты,
Те же, те же, новых не ищите,
Только Богородица и ты
Нас давно готовили к защите.
Ну, не плачь, прошу тебя, не плачь,
Мы испьем до дна
 терпенья чашу,
Потому и не один палач
Не убьет святую ярость нашу!
Выше смерти, выше темноты
Крест отца и матери, и деда:
Только ты — глаза твои и ты,
Только меч и слово, и победа.
Я, поэт, иду через огонь,—
Колокол,
 молитва,
 дуновенье...
Бiju Богородицы ладонь,
Слышу губ твоих прикосновенье!

ЗА НАШУ КРОВЬ

Памяти моих друзей

Над кладбищем сиянье облаков,
Слеза молитв и колокольных гулов.
Геннадий здесь лежит Серебряков
И старший друг и брат Иван Акулов.
Они скончались от прорабских ран.
Не вспомнят их ни вздохами, ни шуткой,
Когда по суткам занят наш экран
Небритым псом и голой проституткой.
Они скончались, воины, певцы,
Страдальцы
 вновь плененного народа.
И покупают замки и дворцы
За нашу кровь приспешники уroda.
Он отошел, и памятник ему
Спешат воздвигнуть аферисты века...
Звонят, кричат колокола во тьму,
Зовут, зовут очнуться человека.
Вы, жрущие алмазную икру,
Учтите, скуршавелены богатством,—

Они не умерли,
я не умру,
Бессмертны мы терпением и братством!
Остепенись, грабитель, и не тронь
На курьих ножках русскую избушку:
Тебя сегодня обожжет огонь,
А завтра вряд ли ты минуешь пушку.
Да, я несу под сердцем имени
Друзей своих
через года и беды,
О, господи, ну пусть моя страна
Развеет боль знаменами победы!

БАБУШКА НА ХУТОРЕ

Бабушка русская, осиротелая,
Нет, не седая, а белая, белая.
Доля такая ей черная выпала,—
Сжалилась вьюга и снегом осыпала.
Хутор повымер, бабуля с кукушкою
Дни коротает на пару с избушкою.
Глянет в окошко, а небо не светится,
С мужем и сыном теперь уж не встретится.
Мужа в Берлине, а сына в Кабуле
В сердце пронзили свинцовые пули.
Бабушке пенсию платят немножко,—
Козочка, хлебушек, соль да картошка!..
Вспомнит бабуля про «Жадину» сказочку
И попрощает, крестясь, Дерипасочку.
Про Абрамовича молвит заранее:
«Страшно на яхте ему в океане».
И улыбнется: «Какое богатство
Нынче возможно нажить без пиратства?»
Бабушка русская, осиротелая,
Нет, не седая, а белая, белая!

К 280-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА, ГЕНЕРАЛИССИМУСА, КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО, ГРАФА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО

От главного редактора: Символично, но в один год с 65-летием Победы советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. мы отмечаем и 280-летие со дня рождения Александра Васильевича Суворова — полководца, чье имя стоит в одном ряду с равнозначными ему именами в военной мировой истории Александра Македонского, Ганнибала, Кая Юлия Цезаря, Фридриха Великого, Чингисхана* и Тамерлана, Наполеона и Сталина. Писать о Суворове, значит писать книгу. И не одну, что явно не входит в прерогативу краткого редакционного введения. Отметим только: славна была Русь, Российская империя, Советский Союз своими полководцами. Но имя Александра Васильевича — звездное, недосягаемое. И это имя всегда произносится с обязательным уточнением: великий, непревзойденный, неподражаемый, славный...

Все же без сколь-либо развернутого предисловия к собственно военно-литературным трудам Суворова нельзя; личность генералиссимуса того требует. Поэтому ниже приводится введение к книге**, изданной к 250-летию со дня рождения полководца. После чего читатель познакомится — если не имел возможности сделать этого ранее — с достославной суворовской «Наукой побеждать», которую вполне справедливо можно отнести к лучшим литературным произведениям военной прозы конца XVIII века. Завершают настоящую рубрику номера журнала письма Александра Васильевича разным лицам — от императора Павла I до своего родственника графа Хвостова, неудачника в литературе, но человека с обширным сводом друзей и знакомцев; добродушный бал граф. Письма подобраны таким образом, чтобы показать все стороны личности Суворова: он решает на уровне императора и высшего генералитета стратегические вопросы: в других письмах речь идет об обыденной жизни; в третьих — в военное и мирное время Александр Васильевича являет образ военачальника, отвечающего солдатской присказке: «Слуга царю, отец солдатам!».

Нужны ли великие полководцы России сейчас? И дело даже не в похвальных пристрастиях к коллекционированию «Мерседесов» и ношению партикулярных пиджаков; Наполеон и советский генералиссимус тоже редко надевали военные мундиры с погонами. Дело все в востребованности, отвечающей государственной устремленности, тогда и полководцы найдутся. Свято место пусто не бывает. Но Суворов был, есть и останется для России один.

...А самый первый и лучший памятник Суворову создал в своих стихах — на смерть генералиссимуса Гаврила Романовича Державин. С них мы и начнем.

Академик Академии военных наук Алексей Яшин

* Не будем забывать, что Россия 300 лет входила под названием Улуса (государства) Джучиева в состав Золотой Орды — империи, созданной завоеваниями Чингисхана. Пресловутая «политкорректность» здесь неуместна.

** Введение (без указания автора) к книге: Суворов А. В. Наука побеждать. — М.: Воениздат, 1980. — 40 с. Тексты Суворова, приводимые ниже, взяты из издания: А. В. Суворов. Письма. — М.: «Наука», 1986. — 808 с. (Серия «Литературные памятники»).

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песнь военну
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью Россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсяду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Г. Р. Державин, 1800 г.

ВВЕДЕНИЕ: СУВОРОВ И ЕГО ПОБЕДИТЕЛЬНАЯ НАУКА

В русской военной истории имя Александра Васильевича Суворова занимает выдающееся место. На протяжении почти 50 лет непрерывной боевой деятельности А. В. Суворов не знал поражений. Лучшие европейские армии были разгромлены русскими войсками под командованием великого полководца. Военное искусство Суворова по своим масштабам и по своему значению выходит далеко за национальные рамки.

Но вместе с тем Суворов как полководец принадлежит прежде всего русскому народу. Военное творчество Суворова развивало передовые идеи его предшественников — Петра I, Румянцева, а его тактическое мастерство отразило лучшие черты русского народа, народа-воина: патриотизм и преданность Родине, мужество, упорство, выносливость, природный ум и смекалку. Искренний и горячий патриот, Суворов был наиболее последовательным и непримиримым борцом за самостоятельный путь развития русского военного искусства, против чуждого реакционного иноземного влияния.

А. В. Суворов оставил богатое теоретическое наследство в виде многочисленных приказов, инструкций, диспозиций (не говоря уже об обширной переписке). Сре-

ди литературного наследия Суворова выдающееся место бесспорно принадлежит «Науке побеждать».

«Наука побеждать» по своему назначению и форме является наставлением по строевому и тактическому обучению войск. Она состоит из двух частей: 1) «Учение разводное, или пред разводом» и 2) «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом». Первая часть представляет собой примерный план и содержание типового тактическо-строевого ученья войск: батальона, полка и выше, и предназначалась, видимо, в качестве руководства для командиров частей. Вторая часть, получившая наиболее широкую известность, представляет своего рода тактическую памятку для солдат, в которой, впрочем, излагаются не только тактические указания, но и все основные правила солдатского поведения, весь служебный и нравственный кодекс русского воина. В целом «Наука побеждать» в своеобразной и оригинальной форме в предельно сжатом виде раскрывает сущность суворовской тактики и суворовской системы обучения и воспитания войск.

Тактика Суворова логически вытекала из его стратегических взглядов на общие принципы ведения войны. Суворов, больше чем кто-либо из русских военных деятелей прошлого, был сторонником активной наступательной стратегии, ставившей уничтожение армии противника главной задачей войны, а бой — основным средством решения этой задачи.

Соответственно этому тактика Суворова была проникнута духом самого решительного наступления. Стремительное наступление, атака, удар, в штыки, преследование — вот те формы боя, которые преимущественно признавал и применял Суворов.

Наступательная тактика, конечно, не является «открытием» Суворова. П. А. Румянцев, например, дал блестящие образцы наступательных действий и указал на преимущества наступления перед обороной. Однако только Суворов мог раскрыть природу современного ему боя, теоретически обосновать преимущества наступательной тактики, разработать ее основные принципы и технику ведения наступательного боя.

В основу своей тактической школы Суворов положил правильное соотношение двух основных факторов боя: человека и оружия. Из них Суворов отдавал решительное предпочтение первому, что было характерно для прогрессивной русской военной мысли.

Правильное решение того вопроса, было найдено Суворовым на основе глубокого понимания особенностей русской армии. Начав свою многолетнюю службу с солдатских чинов, Суворов хорошо изучил русского солдата. На опыте Семилетней войны, которая была его первой боевой школой, Суворов имел возможность сделать сравнительную оценку сильнейших европейских армий: русской, прусской и австрийской — и близко познакомиться с боевыми качествами русского солдата в суровой обстановке войны. На основе этого Суворов пришел к выводам, которые послужили ему для создания собственной тактической и военно-воспитательной школы.

Суворов уяснил, какое огромное преимущество в руках полководца представляют более высокие моральные и боевые качества русской армии, национальной по составу, комплектуемой на началах рекрутской повинности, в сравнении с западноевропейскими армиями с их преимущественно наемным составом. Низкие моральные качества солдат западноевропейских армий, особенно прусской армии, неизбежно толкали развитие линейной тактики в сторону тех уродливых форм, которые действовали на армию как «смирительная рубашка» (Э н г е л ь с). Солдата наемных армий было трудно заставить драться в условиях, когда он предоставлен самому себе и не чувствует «палки капрала». В этих условиях единственным боевым порядком было построение длинных тонких линий на ровной и открытой местности, а

главным способом боя — огневой бой в форме управляемой пальбы залпами как в обороне, так и в наступлении. Подготовка войск была направлена на то, чтобы добиться безукоризненного равнения при маршировке, быстрейшего, заряжания и производства выстрела. Такие взгляды на тактику и обучение войск имели определенное влияние в русской армии в середине XVIII века и находили своих сторонников среди генералитета и офицерства.

Взгляды Суворова были полной противоположностью. Опираясь на национальные чувства русского солдата, воспитывая в нем сознание воинского долга, Суворов стремился выработать в подчиненных солдатах и офицерах такие качества, как инициатива, находчивость, сообразительность, частный почин. Широко известно суворовское изречение: «Каждый воин должен понимать свой маневр». «Наука побеждать» как раз и направлена на воспитание не муштрованного автомата, а бойца, сознательно выполняющего боевую работу. Суворов растолковывает солдатам, в каком случае и почему нужно применять тот или иной маневр («атака в середину невыгодна... в тыл очень хороша только для небольшого корпуса»), в каких случаях действовать в том или ином боевом порядке — линией, каре, колонной.

Все качества, несовместимые с суворовскими требованиями к солдату и офицеру: бестолковость, безынициативность, боязнь ответственности, равнодушие, казенное отношение к делу и т.п., Суворов объединяет в собирательный тип «немогузнайки». «Проклятую немогузнайку» Суворов считал язвой для армии, «неприятелем больше богадельни».

Более высокие моральные качества русского солдата дали Суворову основания для выработки своей «смелой нападательной тактики». В свою очередь сама эта тактика дает огромное моральное превосходство нападающему перед обороняющимся. «Наука побеждать» вскрывает это моральное преимущество наступления.

Основы суворовской тактики по «Науке побеждать» заключены в трех суворовских принципах: *г л а з о м е р*, *б ы с т р о т а*, *н а т и с к*.

Г л а з о м е р — «как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать и бить». В прямом толковании это означает оценку обстановки начальником в результате проведенной на местности личной разведки. Тактика Суворова, рассчитанная на самостоятельность и инициативу младших начальников, действия на любой, в том числе пересеченной и закрытой, местности, требовала от них овладения искусством оценки местности и противника. По Суворову — «сам-четверт ефрейтор тот же генерал».

Б ы с т р о т а — самая сильная и самая характерная сторона тактики Суворова. Суворов, как никто, понимал и ценил фактор времени на войне. «Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего». Быстрота действий возможна только при условии высокой подвижности войск. Подвижность войск Суворова была изумительна. Она превосходила все общепринятые тогда нормы походных движений. Быстрота маршей достигалась, с одной стороны, натренированностью войск, с другой стороны — соответствующей организацией марша. Суворовская схема походного движения, данная в «Науке побеждать», обеспечивала скорость движения и сохраняла силы солдата («по сей быстроте и люди не устали»). В том случае, когда было важно быстрее подойти к полю боя (например, в сражении на Треббии), Суворов требовал максимального напряжения сил и уже не считался ни с какими маршевыми потерями, лишь бы своевременно бросить в бой хотя бы часть сил — остальные подойдут. Быстрота движения была нужна Суворову как средство упреждения противника, как средство тактической внезапности и захвата инициативы в бою. Тактическую внезапность, как имеющую огромный моральный эффект, Суворов считал залогом успеха, восполняющим численный недостаток сил, который почти всегда сопутствовал Суворову. В «Науке побеждать» Суворов ярко

и образно разъясняет значение внезапности: «Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух и трех стах и больше. Вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй, с чем пришел, чем бог послал! Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай!»

Быстрота и внезапность только подготавливают условия для *натиска*. *Натиск*, или стремительный, сокрушающий удар, пехоты и конницы, совершаемый с полным напряжением всех сил и завершающийся преследованием до полного разгрома, решает исход боя. В понятие *натиска* Суворов вкладывает и моральное содержание — неудержимый порыв вперед, веру в силу своего оружия, чувство коллектива («нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет») и тактико-техническое содержание: техника действия «холодным ружьем» в разных видах атаки. В суворовском *натиске* заключено ядро его «смелой нападательной тактики».

Развивая идею *натиска* в «Науке побеждать» и других документах, Суворов даёт развернутую сравнительную оценку оружия пехоты. Пехота ведет бой двумя видами оружия: огнестрельным и холодным, пулей и штыком. Главным оружием пехоты считался огонь. Все перестроения подчинялись в основном интересам ведения огня в смысле достижения большей плотности или более широкого фронта.

Первым открыл дорогу штыковому удару Петр I, но роль штыка тогда была еще незначительна. В послепетровский период активная роль штыка была отставлена. Современные Суворову уставы ставили на первое место значение огня. Однако петровские традиции, соответствующие национальным особенностям русской армии, не могли быть забыты. В Семилетней войне русские штыки не раз решали участь боя. Суворов не только возродил эти традиции; он первым в Европе (и единственным) придал первенствующее значение удару холодным оружием, сделал его главным военно-воспитательным средством, довел до высокой степени совершенства штыковую атаку. Он сам глубоко верил и воспитывал в подчиненных веру в силу русского штыка, в превосходство русского солдата над любым противником в штыковой схватке. «У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает».

Сравнивая два вида оружия пехотного солдата, Суворов подчеркивал все преимущества штыка. «Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко. Пуля обмишугается, а штык не обмишугается. Пуля — дура, а штык — молодец». Такой взгляд покоился на реальной оценке тактико-технических свойств оружия пехоты. Современное Суворову ружье, почти не менявшееся со времени Петра, давало действительный огонь не далее 60 шагов. На большую дистанцию стрелять можно было только по сомкнутым массам. Это же расстояние пехота может пробежать за 20 секунд. За это время лучший стрелок не сделает более одного выстрела, так как зарядание ружья с дула было делом нелегким и, во всяком случае, небыстрым. В приказе 1794 г. Суворов ясно выразил эту истину: «При всяком случае сражаться холодным ружьем. Действительный выстрел ружья от 60 до 80 шагов; ежели линия или часть ее в подвиге (т.е. в движении) на сей дистанции, то стрельба напрасна, а ударить быстро вперед штыками». Отсюда вытекает, что преимущество в ближнем бою будет иметь та сторона, у которой больше решимости сойтись в рукопашный бой и больше умения владеть штыком. Этими качествами вполне владел русский солдат.

Предпочтение штыка пуле у Суворова вовсе не означало пренебрежения огнем вообще. Наоборот, «Наука побеждать» свидетельствует, насколько серьезно относился Суворов к стрелковой подготовке и к стрельбе в бою. Суворов признавал только прицельный огонь, и не только для специально выделенных стрелков, но для всей пехоты. «Мы стреляем цельно. У нас пропадает тридцатая пуля». Даже при ведении батального огня (частого, непрерывного) требуется соблюдать «исправный приклад» и выбирать цели: «всякий своего противника должен целить, чтобы его

убить». Бесцельную трату патронов Суворов категорически запрещал и требовал строжайшей экономии: «Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять». Короче говоря, Суворов отводил должное место роли огня и признавал его как средство подготовки штыкового удара («пехотные огня открывают победу») и как средство ближнего боя в дополнение к штыку: «Береги пулю в дуле! Трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!»

Отличительной чертой тактических приемов Суворова — видов маневра, построения боевых порядков, размещения в них родов войск и т.д. — является их конкретность, отсутствие всякого шаблона, учет всех элементов обстановки, в первую очередь противника. «Наука побеждать», впитавшая в себя многолетний боевой опыт борьбы с различными противниками, учит этой конкретности и гибкости («линией против регулярных...» и т.д.). В этом отношении тактика Суворова резко отличается от шаблонной линейной тактики пруссаков и австрийцев.

Простота и конкретность характеризуют и выбор маневра Суворовым. Основное, чем учит руководствоваться «Наука побеждать», — выбор слабого пункта у противника («в крыло, которое слабее»). Однако это не шаблон. Может случиться, что придется атаковать и «крепкое» крыло и центр.

Правильная тактика и высокие моральные качества войск еще не обеспечивают успеха. Нужна соответствующая выучка войск. Суворов придавал очень большое значение обучению войск. Еще в 1770 г. он писал: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, то к м о т и щ е т н ы о н и, е с л и н е б у д у т и с т е к а т ь о т и с к у с с т в а», которое вырастает от испытаниев при внушениях и затверждениях каждому должности его».

Суворов создал свою систему обучения и воспитания войск. Общие принципы и методика обучения и воспитания войск находятся в полном соответствии с тактическими взглядами Суворова и составляют единое стройное целое. «Наука побеждать» дает полное представление о суворовских принципах и методах обучения и воспитания войск. В содержании «Ученья разводного, или пред разводом» представлены все элементы: строевой и тактической подготовки: повороты; ружейные приемы, перестроения, развертывание из походного в боевой порядок и обратно, стрельба и, наконец, двусторонний маневр — атака. Все элементы обучения связаны в том гармоническом сочетании, которое дает законченную полноту боевой подготовки войск при соблюдении основного принципа: *учить тому, что требуется на войне*.

Центральным пунктом ученья является двусторонняя сквозная атака. Этот прием, никем до того не применявшийся, имел не столько техническое, сколько воспитательное, моральное значение. Сквозная атака вводила солдата в обстановку, максимально приближенную к боевой, и воспитывала в нем порыв вперед, стремление достать врага в рукопашной схватке.

Суворов тщательно изгоняет из программы обучения все, что способно в какой-либо степени понизить моральный дух солдата, вызвать в нем чувство робости или инстинкт самосохранения. В двустороннем ученье сторона, на которую ведется атака (фактически обороняющаяся) и которую Суворов называет «на месте стоящей», встречает атаку огнем, а при подходе атакующего на 30 шагов сама переходит в штыки. Об отступлении же (о ретираде) Суворов запрещает даже и помышлять, прямо противопоставляя здесь свои требования положениям устава.

Наоборот, все, что способствует поднятию духа солдат, умело используется Суворовым. Суворов воспитывал в солдатах уверенность в своей силе, непобедимости, превосходстве над любым противником («Богатыри! Неприятель от вас дрожит!»). Суворовский солдат должен был быть убежден, что для него нет непреодолимых препятствий. «Ров не глубок, вал не высок!» Ни лес, ни болото не могут задер-

жать наступления, даже через реку — тяжело, но не невозможно. Кавалерия должна всюду пройти, где проходит пехота, кроме разве болота, а казаки — те «везде пролезут».

В словах Суворова, обращенных к солдатам, не было ни хвастовства, ни демагогии; была уверенность в своих чудо-богатырях, и эта уверенность передавалась солдату. Напоминания о славных традициях, о недавних боевых целях — Измаил, Прага — давали призывам Суворова реальную историческую почву.

Сила воздействия личности Суворова на солдатскую массу была необычайно велика. Солдаты безгранично верили в своего полководца и ловили каждое его слово. А Суворов умел говорить с солдатами. Он знал цену меткому острому словцу, сказанному вовремя и к месту. Суворов мог потребовать от солдата огромного физического и морального напряжения, но солдат не должен сосредоточивать свою мысль на трудности или опасности того, что он делает. По суворовской терминологии в «Науке побеждать», тяжелый солдатский ранец — не «ранец», а «ветер»; взвод не «поднимается с привала», а «вспрыгивает, надевает ветры, бежит вперед»; колонны «летят» через стены на крепостной вал, солдаты «скачут» через вал.

Язык «Науки побеждать» — образный, меткий, настоящий русский народный язык — вполне соответствует задаче и духу этого замечательного произведения А. В. Суворова.

«Наука побеждать» является глубоко патриотическим произведением. Она полна веры в творческие силы простых русских людей, в их способность преодолевать любые трудности, в их преданность Родине.

Александр Васильевич Суворов

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

РАЗГОВОР С СОЛДАТАМИ ИХ ЯЗЫКОМ

Развод приходит в Главную квартиру, на разсвете выходит на площадь, где в присутствии Фельдмаршала производит маневры с пальбой пушечною и ружейною, атакуя попеременно конница пехоту, а пехота конницу. Потом штаб-офицер того полку, чей развод, командует: «Под курок!» — и начинает в присутствии всего Генералитета, штаб- и обер-офицеров говорить наизусть следующее к солдатам их наречием:

Каблуки сомкнуты. Подколенки стянуты. Солдат стоит стрелкой. Четвертого вижу, пятого не вижу.

Военный шаг аршин, в захождении полтора аршина, береги интервалы. Солдат во фрунте на шагу строится по локтю, шеренга от шеренги три шага, в марше два, барабаны не мешай!

Береги пулю на три дни, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять! Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко, пуля обмишулится, штык не обмишулится. Пуля дура, штык молодец. Коли один раз, бросай бусурмана со штыка: мертв на штыке, царапает саблею шею. Сабля на шею, отскокни шаг. Ударь опять. Коли другого, коли третьего. Богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше. Береги пулю в дуле. Трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун. Это редко, а заряжать неколи. В атаке не задерживай.

Для пальбы стреляй сильно в мишень, на человека пуль 20; купи свинцу из экономии, немного стоит. Мы стреляем целью; у нас пропадает 30-я пуля, а в полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда.

Фитиль на картечь, бросься на картечь: летит сверх головы, пушки твои, люди

твои, вали на месте, гони, коли, остальным давай пощаду! Они такие ж люди: грех напрасно убить.

Умирай за дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший дом.

Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!

Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь, все ваше. Возьми крепость, все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах — без приказа отнюдь не ходи на добычь!

Баталия полевая. Три атаки: в крыло, которое слабее. Крепкое крыло закрыто лесом. Это немудрено, солдат проберется и болотом. Тяжело чрез реку — без моста не перебежишь. Шанцы всякие перескочишь. Атака в середину не выгодна, разве кавалерия хорошо рубить будет, а иначе сами сожмут. Атака в тыл очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело. Баталия в поле: линиею против регулярных, кареями против бусурман. Колонн нет. А может случиться и против туров, что пятисотному карею надлежать будет прорвать пяти- или семитысячную толпу с помощью фланговых кареев. На тот случай бросится он в колонну; но в том до сего нужды не бывало. Есть безбожные, ветреные, сумазбродные французишки. Они воюют на немцев и иных колоннами. Есть ли бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами ж!

Баталия на окопы на основании полевой. Ров неглубок. Вал не высок. Бросься в ров. Скачи чрез вал. Ударь в штыки, коли, гони, бери в полон! Помни: отрезывать тут подручнее коннице. В Праге отрезала пехота, да тут были тройные и большие окопы и целая крепость, для того атаковали колоннами.

Штурм. Ломи чрез засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез полисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки очищай колонны, стреляй по головам. Колонны лети чрез стену на вал, скальвай, на валу вытягивай линию, караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице. Неприятель бежит в город! Его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо. Недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница — руби. В дома не ходи. Бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел. Занимай площадь, ставь гаубтвахт, разставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазейнам. Неприятель сдался? — Пощади! Стена занята? — На добычь!

ТРИ ВОИНСКИЕ ИСКУССТВА

Первое — глазомер: как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать, и бить. Второе — быстрота.

Поход полевой артиллерии от полу до версты впереди, чтоб спускам и подъемам не мешала. Колонна сближится — она опять выиграет свое место. Под гору сошед, на равнине на рысях! Поход по рядам или по четыре для тесной дороги, улицы, для узкого мосту, для водяных и болотных мест по тропинкам; и только когда атаковать неприятеля, то взводами, чтоб хвост сократить. У взводов двойные интервалы на шаг. Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни, бей барабан, музыка греми! Десяток отломал, — первый взвод снимай ветры. Ложись! За ним второй взвод и так взвод за выводом. Первые задних не жди! Линия в колонне на походе растянется. Коли по четыре, то в полтора, а по рядам вдвое. Стояла на шагу, идет на двух. Стояла на одной версте, — растянется на две, стояла на двух, — растянется на четырех, то досталось бы первым взводам ждать последних полчаса по пустому. На первом десятке отдыху час. Первый взвод вспрыгнул, надел ветры. Бежит вперед 10—15 шагов (а на походе, прошед узкое место, на гору или под гору, от 15 до 50-и шагов). Так взвод за взводом, чтоб задние между тем отдыхали. Второй десяток! — Отбой, отдыху час и больше! Коли третий

переход мал, то оба пополам, и тут отдых три четверти часа, или полчаса, или четверть часа, чтоб ребятам поспеть скорее к кашам. Это для пехоты. Кавалерия своим походом вперед, с коней долой, отдыхает мало и свыше десятка, чтоб дать коням в лагере выстояться. Кашеварные повозки впереди с палаточными ящиками. Братцы пришли, к каше поспели. Артельный староста: К кашам! На завтраке отдых 4 часа; то ж самое к ночлегу отдых 6 часов и до 8-ми, какова дорога. А сближаясь к неприятелю котлы с припасом сноровлены к палаточным ящикам. Дрова запасены на оных.

По сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух-трех стах и больше. Вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова! Атакуй с чем пришел, с чем Бог послал! Конница начинай! руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура чудеса творят, братцы!

Третье — натиск. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает. Вытяни линию, тотчас атакуй холодным ружьем! Недосуг вытягивать линию? — Подвиг из закрытого, из тесного места. Пехота коли в штыки, кавалерия тут и есть. Ушелья на версту нет, картечь чрез голову. Пушки, твои. Обыкновенно кавалерия врубается прежде, пехота за ней бежит. Только везде строй. Кавалерия должна действовать всюду как пехота, исключая зыби, там кони на поводках. Казаки везде пролезут. В окончательной победе кавалерия гони, руби. Кавалерия займется, пехота не отстает. В двух шеренгах сила, в трех — полторы силы, передняя рвет, вторая валит, третья довершает.

Бойся богадельни, немецкие лекарственницы издалека, тухлые, всплошь без-сильные и вредные. Русский солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки, муравушки. Солдат дорог, береги здоровье, чисти желудок, коли засорился. Голод — лутчее лекарство. Кто не бережет людей: офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет. Жидок желудок? Есть хочется? На закате солнышка немного пустой кашки с хлебцем; а крепкому желудку — буква в теплой воде или корень коневьего щавелю.

Помните, Господа! полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского. В горячке ничего не ешь. Хоть до двенадцати дней, а пей солдатский квасок, то и лекарство, а в лихорадке не пей, не ешь. Штраф, за что себя не берег. Богадельни: первый день — мягкая постель, второй день — французская похлебка; третий день ее братец домовище к себе тащит. Один умирает, десятеро товарищей хлебают его смертный дух. В лагере больные, слабые, хворые в шалашах, не в деревнях. Воздух чище. Хоть без лазарету и вовсе быть нельзя. Тут не надобно жалеть денег на хорошие лекарства, коли есть где купить сверх своих и на прочие выгоды без прихотей. Да все это неважно! Мы умеем себя беречь; где умирает от ста один человек, у нас и от пятисот в месяц меньше умирает. Здоровому — воздух, еда, питье. Больному ж — воздух, питье!

Богатыри! неприятель от нас дрожит; да есть неприятель больше богадельни. Проклятая немогузнайка! намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка, безтолковка. Кличка, чтоб безтолково выговаривать; крок, прикак, афок, вайрких, рок, ад и прочее — стыдно сказать! От немогузнайки много беды! За немогузнайку офицеру арест, а штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный.

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! от него победа. Чудо богатыри! Бог нас водит, он нам генерал.

Ученье свет, неученье тьма. Дело мастера боится, и крестьянин не умеет сохою владеть: хлеб не родится. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех, давай нам шесть. Нам мало шести, давай нам десять на одного. Всех побьем, повалим, в полон возьмем. Последнюю кампанию неприятель потерял щетных семьдесят пять тысяч, только что не сто. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот братцы! Воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!

По окончании сего разговора фельдмаршал сам командует:
К паролю! С флангов часовые вперед! Ступай! На караул! по отдаче Генералите-
ту или иным пароля, лозунга и сигнала следует похвала в чем хула разводу. Потом
громогласно говорит:

Субординация — послушание,
Экзерциция — обучение.
Дисциплина,
Ордер воинский — порядок воинский,
Чистота,
Здоровье,
Опрятность,
Бодрость,
Смелость,
Храбрость,
Победа,
Слава, слава, слава!

Примечание редакции: Проведенный выше «Разговор о солдатами их языком»
есть второй раздел «Науки побеждать» — инструкция по тактическому обучению
войск, в которой А. В. Суворов обобщил свой громадный боевой опыт. (Первая часть
«Науки побеждать», носящая название «Вахт-парад», предназначена для офицеров,
проводящих учение войска.)

ПИСЬМА А. В. СУВОРОВА ВРЕМЕН ИТАЛЬЯНСКОГО ПОХОДА 1799 ГОДА

ПАВЛУ I

Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь
Император Павел Петрович — самодержец Всероссийский
Государь Всемиловитейший!

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу: я сего числа
прибыл в Вену и чрез несколько дней выеду к войскам. Повергая себя к освящен-
нейшим Вашего Императорского Величества стопам.

Всемиловитейший Государь
Вашего Императорского величества
всеподданнейший
Граф Александр Суворов-Рымникский
Марта 15-го дня 1799-го года. Вена

ПАВЛУ I

Всепресветлейший, Державнейший
Великий Государь Император Павел Петрович
самодержец Всероссийский
Государь Всемиловитейший!

Его Римско-Императорское Величество, по многих мне оказанных милостях, из-
волил меня к войскам отправить, сходно Высочайших Вашего Императорского Ве-
личества рескриптов. Я, отъезжая туда, всеподданнейше доношу: Его Римско-
Императорское Величество желает для действия в Германии войск команды Генерала
Нумсена. Он при первой аудиенции примечательно изволил быть недоволен о медли-
тельности российских корпусов; я должен был предписать о медлительности россий-
ских корпусов; я должен был предписать о ускорении марша Генералу от Инфанте-

рии Розенбергу, который, следуя чрез Виллах к Вероне, где и Римско-Императорские войски расположены, обретается от Вены 30 миль, также и Генералу-Лейтенанту Герману, о марше коего не получил я поныне сведения. Помянутый же Генерал от Инфантерии Розенберг определен будет в Санкт-Петербург по прибытии Генерала от Кавалерии Дерфельдена, а Генерал-Лейтенант Герман — по соединении с корпусом Розенберга.

Его Римско-Императорское Величество изволил ко мне прислать патент своего Генерал-Фельдмаршала. Всеподданнейше прошу Вашего Императорского Величества на сие о высочайшем благоволении.

Повергая себя к освященнейшим Вашего Императорского Величества стопам с благоговением,

Всемилоостивейший Государь
Вашего Императорского величества
всеподданнейший
Граф Александр Суворов-Рымникский
Марта 23-го дня 1799-го. Вена

Ф. Ф. УШАКОВУ

Марта 23-го дня 1799-го. Вена

Милостивый Государь мой Федор Федорович!

Здешний Чрезвычайный и полномочный посол пишет ко мне письмо, из которого Ваше Превосходительство изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды Вашей на высоте Анконы. Как сие для общего блага, то я, о сем Ваше Превосходительство извещая, отдаю Вашему суждению по сообразию правил, Вам данных, и пребуду с совершенным почтением

Милостивый государь мой
Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

С. Р. ВОРОНЦОВУ

Милостивый Государь мой
Граф Семен Романович!

Вашего Сиятельства, древнего моего друга, почтеннейшее письмо от 8/19 марта имел честь получить. Дня два назад прибыл я к австрийским войскам и нашел их в полных успехах. Российские прежде шли тихо, но потом зделали марш 88 миль в 19 суток, в горах, непогоду, по последнему зимнему пути и разлитию рек. Обождавши соединения части сих с первыми выступаем мы сего числа за Адыж. За памятование меня в толикой отдаленности друг от друга приношу Вашему Сиятельству мою чистосердечную благодарность! и с совершенным почтением пребуду под конец дней моих

Милостивый государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Г[раф] А.Суворов-Рымникский
Апреля 8/19 дня 1799-го. Г. Ва[ле]джио

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Милан. 1799 года апреля 18/29 дня

Милостивый Государь мой
Граф Андрей Кирилович!

По почтеннейшему Вашему письму 10/21 апреля о Графе Бергене исполнено будет, и Краю я внушил. Ваше Сиятельство чистосердечнейше поздравляю с здешними

от Бога нам дарованными неожиданными успехами. Быстрота столь велика, что задние российские войски еще к нам не успели. Но еще и тут мешает провиант по томным прежним обычаям. Мелас действует похвально. Баталия при Ваприо — малочисленные цесарцы бились хважно холодным ружьем, но начально тож в иных местах. Монарх может ожидать их превосходными! Верьте, почтеннейший друг! что я устал, собираю силы. Да благословит Господь Бог! Его Превосходительству Степану Васильевичу усердное мое почтение. Ах! я забыл: Графиню поздравьте с Миланом. С совершенной преданностию пребуду во век мой

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства покорнейший слуга
Г[раф] А. Суворов-Рымникский

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Павия. Апреля 24 дня 1799 году

Милостивый Государь мой
Граф Андрей Кирилович!

Письмо Вашего Сиятельства покорнейше благодарю. Г[енералу] Шембеку великую Вы милость учините, естли способ найдете ему плыть из Триеста; и моих русских знатный хвост воды так отрывали даже, что насилу он весь сего числа здесь соединился. При Ваприо они потеряли не свыше трех, но к пяти тысячам убитых; еще после две пушки бросили, и так 16; и с тысячи 4 реквизионеров так разбежались домой, что едва осталась 4-я часть.

Из Флоренции Монтришар и отсюда Отто гуляют к Ферраре. Магдонала ждут из Неаполиса тысячах в 15-ти, також и армии, что были в Португалии, якобы тысячах в 30-ти, где доля 3-я — хороших. Пескиера и Мангуа отнимают у нас свыше 20 тысяч.

О! ежели б Всемогущий там кончил. Весь век мой пребуду с совершенным почтением

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга

Моро, командира при Ваприо, не отыщут; после сражения он был тяжело ранен.

При сдаче Серрюрье с 2700; убито у него около тысячи человек, что пропущено было; всякой день 20.

А. Г. РОЗЕНБЕРГУ

К[репость] Горгона. Апреля 30 дня 1799

Ваше Высокопревосходительство Андрей Григорич!

Жребия Валенцы предоставим будущему времени. Генерала Чубароса соедините к себе, что, полагаю, не видя там нужды, Вы и учинили. Довольно на его прежнем пункте, пока все сюда переправятся, оставить обвещательный казачий пикет. Вы же наивозможнейше спешите денно и ночью российские дивизии переправлять чрез реку По для соединения в стороне Тортоны, собирая из всех прилежащих мест наиболее количество судов.

Г[раф] А. Суворов-Рымникский

Н. А. ЗУБОВОЙ

[1 мая 1799. Тортона]

Сестрица Наташа!

От 2-го марта твое письмо я получил 30 апреля в Тортоне.

Христос воскрес! Целую тебя с детьми.

А. С.

А. Г. РОЗЕНБЕРГУ

[2 мая 1799]

Не теряя ни минуты, немедленно сие исполнить или под военный суд.

Г[раф] Александр Суворов-Рымникский

П. И. БАГРАТИОНУ

Тортон. 1799 года мая 2/13 дня

Князь Петр Иванович!

Розенберх, которому велено было сюда итти, пошел сам собою на Валенцию и, переправясь при Боргофранко на Басиньяно, зашел в кут. Вчера ему было дурно, а сего дня не будет ли дурнее. Я его тороплю переправляться назад; токмо как он то учинит — судите сами. Я иду отсюда есть. Но первое, что буду лишь зритель из-за Тонара: Вы, Бога ради! сколько можно со всем спешите (коли нет лутче дороги) чрез Торе-ди-Гарофоли по большой дороге, которая идет к Камбии к реке По.

Побудите Карачая также, чтоб скорее шел, к нему здесь ордер.

Г[раф] А.Суворов-Рымникский

П. И. БАГРАТИОНУ

Маия 2 дня 1799

Генерал-Маиор Князь Багратион!

Хороша прежняя операция, мне жаль, что я Вас тронул из Нови. Оставайтесь оба на месте, где Вас сие застанет, и тотчас пошлите сказать товарищу вашему Карачаю. Я все в движение поднял, велел поворотитца. Я бы и отсюда операцию начал, но судов нет, и Шатлер ушибся на бесплодном геройстве; сказывают, человек 300 убито и около тысячи ранено; пленных живо раненных человека 2. Между прочим, ваш при Милорадович колот штыками конницу, и иные последовали примеру. Среди лутчего дела малочислием вздумалось Розенберху бить збор, как будто у частных начальников глаз нет; то все испортило. У французов считают урон 2 тысячи, больше убитых, и у нас их человек 200 в плену; но половина тут раненых, больше мертвы. Вежливые французы сделали золотой мост, по которому оставалось переправлять Розенберху сот пять.

П. А. ТОЛСТОМУ

Маия 11-го дня 1799-гою года. Кандия

Милостивый Государь мой

Граф Петр Александрович!

На первое ваше письмо от 16/27 числа (других я не получал) отвечал я кратко чрез Вену 29-го апреля, на последнее, от 2/13 мая, отвечаю приложением. Предразсудкам кабинета без ответа Богу последовать не должно: он в четырех углах. Эрцгерцог Карл в четырех частях круга солнечного. Французы в офензиве проворнее многих народов; чрез дефензиву Эрцгерцога Карла они, центрально моих недосугов, на Лагоди-Комо чуть было мою печенку не проглотили, ныне лутче. Дефензив терял Италию до предградиев Вены, офензивом Эрцгерцог Карл выгнал из Германии две армии: Иордана и Моро. Эрцгерцог Карл, сообразно здешним действиям, не только то, что должен был занимать вниманием французов, но надлежало ему давно завоевать Швейцарию и с помощью тамошних храбрых народов, даровав им вольность, учинить себя господином Рейна — тако сею вернейшею иных чертою оградить царские владения. О том для цели, ежели изволит глядеть в туп, до врат Парижа.

С истинным почтением

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства покорный слуга

Г[раф] А.Суворов-Рымникский

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Маия 18 дня 1799 года. Турин

Милостивый Государь мой

Граф Андрей Кирилович!

Вашего Сиятельства почтеннейшие письма от 7/18, 8/19 и 10/21 маия имел честь получить и покорнейше благодарю за решение о Шембеке... Это была пропозиция без рефлексии.

Unterkunft* уже не здесь, но в Вене, отношениями мне вреден. Preusch Impertinens** сокращаю ласковостью. Ich kann nicht bestimmt sagen*** — мне наименее приятель. Очень скушен дипломатический стиль обманчивою двуличностью. Спать недосуг... Русские не те — штыковые; генералы их больше рекруты. Боже, пособи кончить кампанию. Всероссийский Император повелевает мне относиться К королю обеих Сицилий, мне там еще темно.

Г[рафу] Толстову, вы усмотрели, моя система, иначе или 30-летняя война, или Кампоформидо, хуже ее, с юным Бонапартом. Сею мог бы нам открыться наипозже, в будущую кампанию, Париж.

Адда — Рубикон. Мы ее перешли на грудях неприятеля при Кассано (как здесь называют); слабейшею колонною разбили его армию, что отворило нам путь в Милан. Выучить мне своих неколи было. Препоны, что я выше описал. Почти бы никто из них не спасся. Лишь я здесь сведал, что они сюда, как овцы, бежали, и генералы впереди.

Тако По и другие в свете реки все переходимы.

Дефензив, офензив. По 1-му славен Лассиев кордон от Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по их воле. В нем много хранительных пунктов, слабейшие больше к пользе неприятельской, чего ради меньшие его силы, ударяя в один, преобладают. Так делал здесь Бонапарте, так погибли Болье, Альвинцы и Ворумзер. Мне повороту нет, или также погибнуть.

На шее моей Тортонский и Александрийский замки; в 1-м больше провианта. Мантуа сначала — главная моя цель. Но драгоценность ее не стоила потеряния лугочего времени кампании. Субсистенция ее уменьшилась. Теперь от нордовой черты приступим тверже к ней, наполнив в герои Края. Пора помышлять о зюйдовой черте. Недорубленный лес опять вырастает.

Выгрузившийся при Сестрин неприятель пошел на воздух; место того тамо вгружал багажи для отправления в Геную, куда видно Магдональ и Монтришард, испуганные и издали Отто и Краевым Клейнау, намерены прогуляться; откроет время.

Спешим мы здесь к осаде Туринского замка, сооружаем на то здешние пушки... О Боже! колико бы нам пиамонтская армия полезна была. Ее после можно было распустить, ежели не нужна. В моих трудах утешают меня всемилостивейшие рескрипты Римско-Императорско-королевского Величества! Спасителя ради, не мешайте мне.

С совершенным почтением
и искреннейшею дружбою
Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга

* Уютный уголок — зд. в смысле комфорт (нем.).

** Прусская наглость (нем.).

*** Немогузнайство (нем.).

П. И. БАГРАТИОНУ

Маия 22 дня 1799. Турин

Князь Петр Иванович!

Вот Вам милое письмо от походного атамана. Никто лутче не выполнит желаемого, как Ваше Сиятельство. Христос с вами... Нимало медля, извольте следовать с полком вашим, соединясь с Андреяном Карповичем, и коли потребно будет, то можете взять к себе к тому какие и иные подручные войски вскорости. Генералу Циммерману объявите мою дружбу, а его команде — вольность, по силе которой и Вы моим именем им можете дать на месте беспечные паспорта, но по мере их добровольной здачи, а не обороны. Предаю все в ваше благоразумное рассмотрение.

Г[раф] А. Суворов-Рымникский

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Маия 27-го дня 1799-го года. Турин

Милостивый Государь мой

Граф Андрей Кирилович!

Ваше Сиятельство из приложенияв ясно усмотрите: при отправлении моем из Вены в инструкции сказано мне было о Мантуе — осадить или блокировать. Последнее по обстоятельствам происходило, как сам Край с Клейнау, оставя там нужное, с протчим войском, отделя к соединению с Отто, дабы поразить мнимую, для Мантуи опасную Неаполитанскую бывшую армию, под Магдоналем, соединенную с Монтришардом и Готье, отозван был вдруг, без всякого ко мне предуведомления, к осаде Мантуи Гофкригзратом. Ежели операциями повелевает Гофкригзрат, то во мне здесь нужды нет, и я ныне же желаю домой. Сей кабинетный декрет разрушил порядок всех моих операций. Мне должно было для исправления довольно здесь приостановиться. Магдональ не побит, он соединяется с Моро: мне надлежало Белегарда поспешать к себе. Гадик дремал, но наитомнейший Эрцгерцог Карл тот удар ему нанес, и на нас всех опасную бурю наклоняет. Белегард на походе должен был подкрепить Гадика почти половиною своих сил; к нам придет слаб, тако и мы будем слабы. Всякий частный генерал не по одним внутренностям, но во всем относится в Гофкригзрат; тако имеет право интриговать по его пристрастиям и предразсудкам... По сим — Гофкригзрат из четырех углов имеет право им повелевать и меня вязать... Томность его кабинета налагает томность Эрцгерцогу Карлу: сей принц, хотя бы и усерден был для общего блага, також связан, как я, для коопераций с нами, как неуповательно, что он сам вредную медленность любит. Иначе надеяться можно бы было в сию кампанию отвечать: мне за Италию, ему за Германию, по Швейцарии. Его Высокопревосходительство б[арон] Тугут да вникнет в сии правила, его мудрость да преодолеет единожды гибельные оным препоны и твердость его духа, да удалит безконечности для спасения Европы.

Много бы у меня здесь набралось добровольных пиемонтских войск и было бы чем их вооружить, как и содержать без малейшего Римскому Императору убытка. Ныне ж они мне паче, по многим причинам, нужны. Лутчие люди для гарнизонов; с нашими, ради их замены, могут действовать иногда и в поле; при наших — для внутренней службы. Не первое ли это правило было у французов в быстрых их завоеваниях! Влажные *liberte, egalite** не могли долго стоять против важных *religion, souverainile***. Еще что? Граф Андрей Кирилович, которые с верою и верностью приступали для нас к службе; как из них много праздных людей! вспомагаемы черепашьим шагом Гофкригзрата, направят паки их флаг к французам. Многие каде-

* Свобода, равенство (франц.).

** Религия, самодержавие (франц.).

ты-офицеры по недостатку довольного пропитания пойдут его у них искать и артели свои легко соберут. По всем сим уважениям я здесь... Иначе, я бы лутче из Вены ехал домой.

Между Алекто и Терзита. Как Гофкригзрат мне ни мешал, его одна и две кампании мне стоили месяц. Как его владычество загенералиссимуствовало, может мне стать один месяц его кампании на целую кампанию.

Пребуду с истинною дружбою и совершенным почтением до дней моих

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Граф Александр Суворов-Рымникский

П. И. БАГРАТИОНУ

Маия 30 дня 1799. Турин

К[нязь] Петр Иванович!

Графа Белегарда войски из Тироля придут под Александрию необученные, чуждые действия штыка и сабли. Ваше Сиятельство, как прибубете в Асти, повидайтесь со мною и отправьтесь немедля к Александрии, где Вы таинство побииения неприятеля холодным ружьем Белегардовым войскам откроете и их к сей победительной атаке прилежно направите. Для обучения всех частей довольно 2-х — 3-х раз, и коли время будет, могут больше сами учиться, а от ретирад — отучите. Наблюдайте сие крепко и над российскими. Скорее возвращайтесь к своей команде.

Г[раф] А.Суворов-Рымникский

А. Г. РОЗЕНБЕРГУ

Июня 2/13 дня 1799 года. Александрия

Ваше Высокопревосходительство Андрей Григорьевич!

Новейшие известия. Французы как пчелы и почти из всех мест роятся к Мантуе... Нам надлежит на них спешить. Где это Вас застанет, отдохнувши сколько надлежит, поспешайте к нам в соединение. Мы скоро подыдемся. Они сильны. С нами Бог! Простите мне, что Вы были затруднены по обстоятельствам.

Г[раф] А.Суворов-Рымникский

К. В. КЕЙМУ

[2 июня 1799. Александрия]

Любезный мой генерал Кейм.

Я отправляюсь в Пиаченцу; иду разбить Макдональда. Возьмите скорее цитадель Туринскую, чтоб я не пел благодарственного молебна прежде Вас.

С. Р. ВОРОНЦОВУ

Милостивый Государь мой

Граф Семен Романович!

Лорды, дети патриотизмом славящегося дюка Портланда, и господа Клинтон и Свинбурн вручили мне письмо Вашего Сиятельства, я весьма порадован приобретением сих толико знаменитостию рода и похвальным рвением к воинским подвигам отличающихся великобританцев. Препоручение Вашего Сиятельства приемию я в истинной его цене и потщусь довить им случай к удовлетворению их желания. Они уже были на поле сражения у реки Требио, где неприятельская армия под Магдоналем в 28 000 баталиями чрез три дня продолжившимися низложена; он, оставя на месте убитыми более 6000 и в плен над доставшихся 4-х генералов — Руска и Оливье дивизионные, Салм и Камбре, полковников 8, штаб и обер-офицеров 502, унтер-

офицеров и рядовых 11 766, пушек 6, знамен 7 и часть обозу с провизиями и снарядами, с остальными спасся стремглав в Генуэзские горы.

В Турине по отворении траншеи 31-го мая и открытии батарей 7-го июня началось сильное бомбардирование на цитадель. Сие принудило гарнизон поспешить к задаче на капитуляцию на разсвете 9-го июня. Генералы Фиорелла и Лаланс вышли пленными на размен с 2790 человеками. Там найдено медных: мортир 148, пушек 384, гоубиц 30, ружей 40 000, пороху 50 000 пуд, снарядов неисчетное множество.

Пребываю с совершенным почтением и преданностию

Милостивый Государь мой!

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Г[граф] Александр Суворов-Рымникский

Ч. 9/30 июня 1799 года. Александрия

А. Г. РОЗЕНБЕРГУ

Александрия. Июня 24 дня 1799-го

Ваше Высокопревосходительство Андрей Григорьевич!

От обвещательного посту и патрулев, как скоро Вы уведомлены будете, что неприятель сближается к Бобио, то извольте с содействующим Вам Генералом Фельд-маршалом-Лейтенантом Оттом, поелику он потребен будет, принимать меры к его низвержению. Неприятель: 1-е. Когда Бобио займет каким своим отрядом, то его схватите и поразите нечаянным нападением — особливо ночью. 2-е. Ежели Магдональ очутился бы тут с остатками его армии, Вы столько сильны, чтоб его до корня разбить. 3-е. Если б случилось, что и Моро с ним соединится, то, хотя Вы совокупно и один достаточны их низложить, но для крепчайшего удара — мы отсюда готовы к Вашим услугам.

Г[граф] Александр Суворов-Рымникский

И обо всем подробно иметь сношение с Г[енералом] Ф[ельдцейхмейсте-Краем, а в отсутствие Его Высоко[превосходительст]ва исполнять Генералу Ребиндеру.

ПИСЬМА А. В. СУВОРОВА ВРЕМЕН КОМАНДОВАНИЯ ВОЙСКАМИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ДИВИЗИИ (1796—1797)

Н. П. РУМЯНЦЕВУ

Милостивый Государь мой

Граф Николай Петрович!

Ваше Сиятельство потеряли отца, а Отечество героя! Я ж равно Вам в нем отца теряю, память милостей его останетца во мне до моего издыхания: одна мне утеха, что благосклонности Ваши мне сию потерю награждать будут. С истинным почтением и искреннею преданностию буду

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Г[граф] Александр Суворов-Рымникский

Генваря 9-го 1797. Тульчин

Д. И. ХВОСТОВУ

Генваря 10-го [1]797 на закате солнца

Я Генерал Генералов. Тако не в общем генералитете.

Я не пожалован при пароле.

Мою тактику прусские принимают, а старую, протухлую оставляют: от сего французские их били. Пусть политика, того выше демиркация [?].

Не зная моей тактики, Вурумзер есть в опасности.

Я, Боже избавь, никогда против отечества.

А.С.

Д. И. ХВОСТОВУ

1-го генваря поутру [1797]. Тульчин

Сколь же строго, Г[осуда]рь, ты меня наказал за мою 55-тилетнюю прослугу! Казнен я тобою стабом, властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, знаменем с музыкою при приличном карауле, властью переводов. Оставил ты мне, Г[осуда]рь, только власть Выс[очайшего] указа 1762 году (вольность дворянства).

Я бы это сказал Г[ра]фу А[лександр]у А[ндрееви]чу, но он это знает и интересовался бы. Ежели ныне не видит ли: болонка на Борей. Естли кого слушать — спрашивают; естли кого не спрашивают, того не будут слушать; тем более это ко мне.

Какое благовоние от цветов Ваших! И каков Вам контраст.

Не отлагаю, тороплюсь ехать в Кобрин.

Король прусский: што наше с моей тактикою, то видится только в одном намерении, но что формировал десятиэскадронный драгунский полк в наших мундирах и убранстве, — это правда.

Нет вшивее пруссаков. Лаузер, или вшивень, назывался их плащ; в шильтгаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их вонью вам подарят обморок. Мы от гадины были чисты, и первая докука ныне солдат — штиблеты: гной ногам, за артельные телеги идут на половинное жалованье. Карейные казармы, где ночью запираются будут, — тюрьма. Прежде делили провиант с обывателями, их питомцами.

В слезах мы немцы.

Карманиольцы: посол в С[анкт]-П[етер]бург, газеты.

ПАВЛУ I

Всепресветлейший Державнейший Великий
Государь Император Самодержец Всероссийский
Государь Всемиловитивейший.

Вашего Императорского Величества при победоносных войсках обстоит благополучно, здоровы, и их прошлого мая по новой год умер сотый век. На границе болезни не вкрадывались, и всегда было спокойно. В дисциплине, субординации, порядке службы и ее приятности во все время были исправны.

Мои многие раны и увечья убеждают Вашего Императорского Величества всеподданнейше просить для исправления от дни в день ослабевающих моих сил о Всемиловитивейшем увольнении меня в мои здешние кобринские деревни на сей текущий год.

Повергая себя к освященнейшим Вашего Императорского Величества стопам...

Генваря 11-го 1797. Тульчин

Д. И. ХВОСТОВУ

12 [января 1797] навечер

Государь лутче Штейнвера не видал. Я — лутче Прусского покойного великого короля; я, милостью Божиею, батальи не проигрывал.

В начале Ваши розы крыли России терны; Ваши лавровые листы открывают тухлый корень, древо валится. Иначе, веря Вам, как мудрому, я бы, под отрывом моей головы, возможен бы был Великому Государю иногда дать противостояние

прусского или иного чужестранного с россиянином даже топографией. Говорю для войск, ныне поздно.

С Тищенко мне жаль и вкратце разлучиться. Вы кончите... я отхожу. Вот Вам Мерлин, дело просто, он честный человек.

А.С.

Всемогуший Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно.

А.С.

ПИСЬМА А. В. СУВОРОВА ВРЕМЕН КОМАНДОВАНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ДИВИЗИЕЙ (1784—1785)

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Августа 6 дня 1784 году [с. Кистошь]

Матвеич! Будь осторожен. Моего жалованья ни полушки не давай в руки Терентью Ив[анови]чу; чего ради будь при приеме неотменно и сам считай. Так у тебя и останется оно и будет в твоей диспозиции. Из него удержи у себя по прежде писанному, что подлежит. Счет как можно скорее ко мне пересылай от Терен[ьтя] Ив[анови]ча, что он от г. Борщова прежде принял. 470 р. новгородские недоимки оброчные скорее отбирай у него и пересылай ко мне. А пересылай все деньги до Ундола; в отсутствие ж мое в руки ундольского священника. Из моих денег купи, Матвеич, и отправь винные казаны в Рождествено по примеру как в Ундоле для сидки вина и водок. Заведи там всю посуду и винокурню. Отыщи и отправь туда винокурщика; насади там вина (кроме одной персиковой или из горьких миндальной), коренной водки умеренную пропорцию и отдай в сохранение священнику. Впрочем, будь во всем исправен и ничего не запускаяй. Купи и пришли ко мне шелковых женских чулок, ежели дороги — одне, а то — двои; бумажных, смотря по цене, двои или трои. Но при всем том смотри доброту, чтобы были прочны.

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Ч. 13 августа 1784 году. Кистошь

Матвеич! Какая ошибка! Взял ты Петрова, а я Васильева. Кузьма-Федор Иванович из разъезда не бывал. Некому в Ундоле и кровь пустить. Ты тотчаспусти Петрова в Ундол; а тебе Иван Куракин, который при сем и отправляться должен. Впрочем принял бы ты к себе денщика из рекрут. Что у тебя за белые чернила? а?

По Рождествену исправляй все. Чини там дом, — иногда, к зимнему приезду. Рожь оставить только на обретающихся в Рождествене и в москов[ком] доме, да в запас можно оставлять иногда на мое летовье с небольшою свитою, как она не пропадет или после продана быть может. Токмо на семена оставлять предовольно.

А. Суворов

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Ч. 10 сентября 1784 году

Матвеич! За письмо твое от 25 августа спасибо. Валторн моим музыкантам купи, а какой именно, спросись с добрыми людьми. Васютку Ерофеева старайся поскорее сюда прислать. В нем там дела нет, а здесь фиол-бас. Купи еще полдюжины скрипок с принадлежностями для здешних ребятишек. Прочих моих правил не упускай. Из Москов[ского] Почтамта газеты и французские обыкновенные книжки энциклопедии Дебульон он те же мне выписать и на будущий год.

А. Суворов

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Ч. 17 сентября 1784 году

Матвеич! Чай из Москвы с Борщовым прислал ты столь дурен, что весь желудок мой перепорчен, да и здесь не хорош. Купи чаю наилучшего, какой только обретаться может... черного... как бы тебе дорог ни покался... выбери чрез знатоков и перешли ко мне очень сохранным, чтобы постороннего духа он отнюдь не набрался, а соблюдал бы свой дух, весьма чистый. От нюхательного табаку, тобой присланного, у меня голова болит... чрез знатоков купи табак; смотри исправно внутрь, а не на обертку, чтобы не была позолоченная ослиная голова... Вино твое тоже дурно; но уж быть так... Обилие ли стулья в Рождестве, уведоми и об ином, касающемся до моей мелкой управы, понеже иногда я и зимою туда набегу. Хотя это и неважно, но все-таки знать бы, нет ли кому там бить тетеревей в шалашах для подарка Князю Ивану Роман[овичу] Горчакову. Я бы и Кречетникову и к Каменскому написал наизусть. Только не знаю, не иная ли какая подлежит сделка тут; ибо во всяких делах свой термин. Нетерпеливо ожидаю я от Тереньтя Ив[ановича] пояснительный о всех делах экстракт, чтобы мог сам к окончанию их приступить. Дело с Анной Аркадьевной Бутурлиной и с Трегубовым удостоился я разобрать и нашел его во всем с моей стороны неспособным.

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Ч. 23 сентября 1784 году

Купи, Матвеич, боченок сельдей хороших от 50 до 100 пониженной ценою. Вот тебе челобитная по делу пропалой крепости. Избегай подвоху и кончи дело скорее. Была плоская в доме тетрадь. Прозвание ее, помнится, «Дело между бездельем, или Собрание ста песен, положенных на ноты», печатные. Купи ее в Москве, где водится. Арбузов покупай на месяц по рублю; отсылай при оказиях. Коли случая не будет, то и неважно, что арбузы иногда очень дороги, да их и купить нигде нельзя. Буде ты нечаянно найдешь в Москве кого из Сатинских поверенных, открой ему чистосердечно, что я великодушно снисхожу на его Сатина нынешнее против прежнего неприятное состояние и в том имею жалость, как честный человек. Дело это производи скорее. Оно прямо и просто — и о том при прозьбе внуши учтиво судьям, как есть обычай. Очень мне на сердце второе дело, апелляционное, новгородское по Сенату. Крестьяне мои сами признаются виноватыми: мы же лезем в ябеду. Стыдно и безсовестно. Из письма Тереньтя Ив[ановича] паки видишь глухоту. Если бы все это при мне было, равно б и дело с Сатиным, то я бы яснее мог тебе челобитную доставить. Чего ради спешу введением меня в ясность сего новгородского дела. Юристам я не верю; с ними не знаюсь; они ябедники.

А. Суворов

Ф. М. МАРТЫНОВУ

1784 году сентября 24 дня

Милостивый Государь Федор Михайлович!

Никто о себе сам точно знать не может, как паче я. На постоянство моей судьбы я надеяться не могу, будучи непрестанно разноместным. Чего ради паки покорнейше прошу Ваше Вы[соко]родие о ханеневском деле, в чем на Вас уповаю и почту особливим то благодеянием.

Достиг я и до долгу: по суздальскому уезду под вексель купил деревню за десять тысяч рублей, кроме сделки. Правда, борозда к загону, и не знаю, батюшка, похвалите ли. Хоть ободрите меня присылкою двух третей пензенских оброков к будущему Николаю Чудотворцу. Цалую любезную вашу фамилию и буду всегда с истинным почтением

А. Суворов

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Сентября 25 дня 1784 году

Матвеич! Аглицкого пива бочку купи. Я его поделю здесь с соседями. Сию минуту на подводах захотел к тебе съехать Николашка, чтобы сочетаться законным браком с воли, и обещает то исполнить чрез месяц; то тако или сяко, а более месяца его не держи и с матерью или Бог даст с супругою отправь его обратно ко мне. А жить ему в московском доме пока где в углу без пустодомства. Сервиз модный белый на 12 персон сорокарублевый в Кистоше не годится. Один калмык недавно у меня там в раз разбил девять тарелок; а лучше в 8 руб. или хоть побольше. Но только, чтоб узор не зеленого цвета и с разводами. За птицею хождение иметь в Рождествене кухмистеру Сидору с его супругою, которым производить обыкновенные, не чрезвычайные, рождественские при провианте порции. Детям и до 5-ти лет половинный провиант, а с 5-ти лет полный для поощрения детородства. Да не дослал ты игрушки лотовой и карамболевой игры ящик. В нем костяные марки по многу призов в 4-х коробках — каждая особого цвета: белый, желтый, зеленый, алый. Думаю, цена около семи рублей. Купи и пришли. Да не дослал ты еще дюжину карт и книжку гадательную для резвости и затем хоть недорогую камер-обскуру, купи и пришли мне еще книжку Фонтенелеву о множестве миров. По рецепту Кузьмы-Федора Ивановича заплати в аптеке и лекарств пришли.

С. М. КУЗНЕЦОВУ

[Сентябрь 1784]

Пуще всего тяжелы мне 3000 р. Толбухинские... Таково-то ябедное медление по приказным делам! Я уж и тому, впрочем, рад. А как подобные дельцы еще есть, то я бы очень желал, чтобы ты приучился по приказам ходить. Хотя верь, что останется дел мало... я смертный и хочу эти дела частью ныне кончить. Пришли мне из всех их подробный и ясный экстракт, с наименованием особ, чинов и мест пребывания, с коими у меня дела. Желаемое, если разсужу потребным, здесь совершу. Ты же о текущих, как я тебе препоручил, присылай мне рапортицы. Гуляй сам по приказам, дел не много, — то будешь человек...

...Терентий вместо дела упражняется только в поэзии. За что ж я 500 р[ублей] в год плачу? Ни одного дела как надо не сделал, да еще интригует и спекулирует. На что он нам? Приучайся ты ходить по приказным делам и по частям с достаточным учтивством отбирай у него дела, чтобы он не вредил нам вяще во отмщение...

...Отбери от него дела и узнаешь все колдовство. Красны бубны за горами. По апеллиционному делу тебе нужно было самому челобитную написать, т. е. доброму приказному дать рубль, колпак водки, стопку пива, и тогда бы не было нужды в Терентии...

...Учини ему последний подарок по твоему вкусу рублей во сто какую-нибудь вещь или деньгами отсыпь... лилась знатных от меня доходов, он должен идти на мщение. Буде от него неистовые разглашения будут, то об его облуплении меня ты и сам всюду разглашай, только не начинай сам, а лишь ему этим разглашением плати, доколе не уймется...

...Невозможно стоять ради его всегда на карауле...

С. М. КУЗНЕЦОВУ

[Сентябрь 1784. с. Кистошь]

Вспомни, Матвеич, о рождественских дровах; все ли они срублены, сохнут ли. Половина в Москву на продажу, половина сохнет всегда на будущий год.

В Рождествене, помнится мне, в доме был вторичный сенокос в саду и по иным местам, так то соблюдай коливо можно. Доставляй в Ундоле рождественских сухих и соленых грибов также и ягод. Исправляй крепко рождественские мои дома к внезап-

ному моему приезду; закажи пива сварить, русского, в Рождествено и Ундол. Но сие, впрочем, удобнее около марта, чтобы в московском доме зарубить в лед и в свое время его привезти рождественским крестьянам при приезде их подвод с господским сеном и иными тамошними продуктами, чтобы токмо им было без отягощения.

Да приторгуй в Москве французского вина. Там есть виноторговец, знатный купец, имеет каменный дом в Немецкой Слободе (забыл его имя). Узнай у хороших знатоков. Купи у него французского вина молодого, отнюдь не порченного и не могущего в скорости испортиться или старого французского вина сладкого, крепкого, мадеры или испанского и португальского, а также красного столового, хорошего кагору, бордо или подобное модное, всего бутылок 120 и более. За сим из Ундола пришло волов. Купи в Кистошь полдюжины средних немарких стульев, ломберный стол и столик еще ломберный да сервиз каменный на 12 персон, получше и покрепче. Я люблю беленький с разводами, лишь бы не зеленой краски, и отправь все при оказии. А в Ундол пришли ломберных марок хороший ящичек, цены средней, и дюжину карт.

Не из чего и не за што, Матвеич, приказные дела попусту тянуть; мне от них один убыток, и я их, как ни есть, да уменьшу.

Огурцов в Рождествене насолить довольно число, до новых, как говорил я. Василья огородника снабжать и блюсти, как было при покойном моем родителе. Капусты белой и серой и кочанной наготовить, также и всех земляных продуктов довольно числом в запас до новых, дабы с небольшою свитою мне можно было летовать в Рождествене. В московском доме в лед зарубить лучшей рыбы и виноградной тешки. Осетрины и белужины думаю по 6 пуд засолить, селитрой лучше; все это запасти в малых кадочках, чтобы лучше из Москвы их в Рождествено забирать. У добрых хозяев готовится густой красный мартовский квас; то и такого не худо заготовить в московском погребе несколько бочонков — для употребления в Рождествене. Своевременно для этого требуй у меня Николаева, чтоб он в одно время управлялся и с рыбой, и с квасом. В Рождествене наварить и в лед зарубить крепкого русского хорошего пива и полпива.

Было у меня много восковых свеч. Будет оне в Ундол не отправлены, то и их отправь при первой оказии. Полагаю я в Рождествене содержать во всякое время гусей, одну или две пары, взирал на то, как они там водятся; уток при селезне одну пару или двух; индеек при петухе... две... три... кур русских при петухе десять; да свинок при борове одну или две. Из них приплодных для нечаянного моего приезда блюсть в зиму третью долю, а прочих продавать. Ежели моего приезду не предусмотрено будет, то можно и весь приплод от сего продавать. Коли по твоему рассмотрению дальнего по сему убытка нет, то на том и утвердись... dokonчи сие мое заведение и, что надобно, докупи, особливо как будто бы я собираюсь в Рождествене летовать.

Ф. Г. [.....]

[Октябрь 1784]

Государь мой Федор Гаврилович!

Из моего письма к Терентию Ивановичу и его письма увидите, что почти способу нет иметь мне с ним связь. Разве подлинно, заградя себе уста, паки разораться. И паки говорю, Вы судите сами; два артикула: 1. Сбор оброков с рождественской экономии, но на него и смотреть нам было стыдно. 2. Приказные дела. Но первые беру я сам, вторые — ведаю сам. И ныне почти не за что дарить ему жалованья 500 рублей. Так вот желая с Терентием Ив[ановичем] кончить, отдаю то на Ваше разсуждение. Но ежели он снизойдет, то я, соблюдая мое слово, в первых числах будущего года дополню ему что следует в число взятых им своеобразно 200 рублей до 500 рублей. В том уже я неколебим. Долг на мне велик. Чувствуете Вы, что мне от разточения удаляться надлежит.

А. Суворов

М. И. [.....]

Октября 24 дня 1784 году. с. Ундол

Милостивый Государь Михаил Ильич!

Ваше письмо октября 12 дня имел честь получить и покорнейше благодарю тем паче, что по примечательным Вашим летам изволите писать своею рукою. Боже даруй, чтоб дело с Ханеневым скорее кончилось благополучно, чтобы тем благодетельные труды Ваши увенчались. Мне по оброкам моим вспомоществовать еще крестьянам тяжело по причине возрастающего на мне долга чрез покупку в здешних околичностях поместьев и совершению на них сделок. Усерднейше поздравляю Ваше Высочокорodie с любезным надворным советником, о чем только теперь узнаю, и утешение мое только в том и разнится Вашему.

А. Суворов

А. М. БАЛКУ

[Октябрь 1784. с. Ундол]

...На-приказные расходы деньги мирские должен выдать особый поверенный мирской, которые он и держит из своих рук, а ходатаю-крестьянину денег никаких не надобно в избежание лихоимства, сопряженного с крестьянским бременем. Земли и пустоши покупать позволяю всем миром, разверстывая равнообразно цену на богатых и неимущих, скудных и убогих. В неурожайе крестьянину пособлять всем миром заимообразно, без всяких заработков, чиня раскладку на прочие семьи совместно при священнике и с поспешностию. Сим можно избежать запасного магазина и многих, по моему отдалению от того, неудобств, хотя я и стараюсь о нем с моими новгородцами.

Ныне повелите суки рубить в местах, определенных по мирскому приговору, и прежде удовлетворять лядинами скудных, а за сим уже достаточных совестным рассмотрением при священнике. Ибо, в случае малейшего налога от имущественных крестьян над скудными, в моем присутствии последует строгое взыскание за неприличность сию и недонос мне на сильных крестьян. Солью торговать моим крестьянам поодиночке незаконно; когда соль покупать, то на это всем миром складываться старшим крестьянам на мирском сборе, сколько на какую семью потребно, и потому на покупку собирать с семей деньги, и как скоро привезена будет соль по наряду подвод от мира, то в те же сутки оную по семьям разделить. Непорядки сокращать мирскими наказаниями, но непорядочного в рекруты отдавать не можно; понеже малоллюдствуют от того семьи и страждет крестьянское хозяйство — и я моим крестьянам всюду запретил в натуре рекрут отдавать. В осторожность от своевольств от покойного моего родителя запрещено было новгородским крестьянам между прочим варить браги. Так и ныне сие наистрожайше повелите. В кривинской моей вотчине остерегите паки от держания беглых и искорените зло...

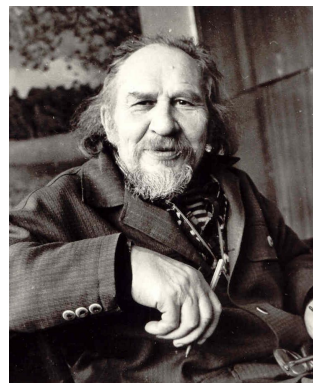

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

*Новую в журнале рубрику ведет зам. главного редактора по сибирским регионам
Тамара Булевич из Красноярска*

Вениамин Зикунов
(г. Дивногорск Красноярского края)

ГУНЬКИН ХУТОР

Вениамин Карпович Зикунов (1937 — 2008 г.г.) родился в селе Антоньевка Алтайского края. Работать начал с 14 лет, был токарем, мастером производственного обучения ПТУ, экскурсоводом, редактором районной газеты. Служил на Тихом океане в морской авиации. Работал в редакции «Красноярский железнодорожник».

Первые стихи написал в армии. Позже его стихи, очерки, рассказы публиковались в «Комсомольской правде», в альманахах «Алтай», «Енисей», в журналах «Юность», «Урал», «Сибирские огни», «Смена», «Уральский следопыт», в коллективных сборниках. Автор поэтических сборников «Шелест травы» (1982), «Дни сентября» (1997), прозы — «Все от матери», «Родинские колодцы», «Серезка на веревочке», «Подсолнечные кони», «Никишкины рассказы».

Член Союза писателей России. Последние годы жил в г. Дивногорске.

I

У Паньки Матвеева умерла старуха... Панька был малость с дурнинкой от фронтовой контузии, на него иной раз находила блажь, и он в это время все на земле воспринимал легко, радовался, что просто живет на земле, не рвал сердце грустью. Вот поэтому в скорбные дни похорон как во сне жил Панька, молчал, не выронив ни слезинки, а только курил папиросу за папиросой и всем, кто приходил проститься с покойной, сообщал хрипловатым простуженным голосом:

— Слышь, учудила моя Матрена. Ни с того ни с сего коньки отбросила...

И только на кладбище, когда спускали на полотенцах гроб с Матреной в неглубокую глиняную могилу, Панька неестественно сморщился, тоскливо, по волчьему завыл:

— Не уходи-и-и-и, Матрена! Не уходи-и-и-и...

Он с маху, всем своим тщедушным телом рванулся к могильной яме, и, если бы мужики не подхватили его под мышки, упал бы Панька на неостроганный гроб, в кровь бы разбил лицо и руки. Это был искренний мгновенный взрыв тоски, прорва-

шийся наружу из его тихого сердца. Но через минуту на душе у Паньки опять все успокоилось и присмирело.

— Смотри-ка, что делается... Как будто кто-то в спину толкнул. Знать, свяжусь скоро с Матреной,— прошептал он смирно и, ссутулившись, как мокрый ворон, побрел с кладбища...

На поминках Панька уже совсем успокоился, тянулся рюмкой чокнуться с соседями по столу, пил охотно и много, а под конец печальной трапезы до того окосел, что даже попытался затянуть разухабистую песню:

...Ехала деревня мимо мужика...

Деревенские старухи, прижизненные подружки Матрены, накинудились всей гурьбой на Паньку, пристыдили, с трудом оторвали его дряблое тело от табуретки и унесли на койку в горницу...

На следующий день, когда стихла сутолока похорон, когда старухи прибрались в избе, сняли покрывала с закрытого зеркала, Панька, совсем больной от перепоя, встал с постели, добрел до умывальника, прямо из соска долго жадно пил воду, грустно матерился. В избе было прохладно и темно, старухи ушли по своим делам: Матренина койка была тщательно убрана, взбитые подушки в розовых наволочках дыбились, словно пасхальные пышки, даже клетчатое покрывало было заправлено по-матрениному в складочку...

— Вот и нет на свете Матрены,— простонал Панька и заплакал.

Он плакал долго, как несправедливо обиженный ребенок, уткнувшись седой головой в краешек кухонного стола.

Всласть наплакавшись, Панька решил повеситься: он долго гремел в сенцах пустыми ведрами, пустыми бутылками, оставленными после поминок, но не нашел подходящей удавки.

— Ладно... успеется. Шея всегда при мне — крюк на матице. Поживу еще маленько,— справедливо рассудил Панька и успокоился.

Он снял с вешалки свой синий выходной пиджак. На засаленном лацкане которого колокольцами позванивали три медали: одна настоящая, военная, «За взятие Будапешта», и две юбилейные. Панька стряхнул с пиджака пыль и накинудил его на острые плечи. Перед зеркалом он по-гитлеровски на бочок причесал седую, но щетинисто крепкую челку, посмотрел внимательно в свои голубые, замутненные слезой глаза, потрогал зачем-то пальцами синий застарелый шрам на щеке — печальная память о mine, на которой он подорвался в центре венгерской столицы, и нарочито громко, бодро сам себе сказал:

— Мужчина — основа семьи... Я еще не совсем одряб. Пока справный...

Панька вышел на улицу и побрел куда глаза глядят...

Где-то за увалом, выгоревшим от недавней несусветной жары, стрекотал, словно кузнечик, далекий трактор. На высоких заплешинах созрели хлеба. Пахло пожаром и сухой травой.

II

Ноги сами понесли маленькое тщедушное тело Паньки по пыльной дороге, размеченной зелеными коровьими метками, на окраину села, где чуть в отдалении, кряду, стояли, испуганно спрятавшись в черемушник, покосившиеся без мужских рук три избышки. В них доживали свой век солдатки Манюня Гунькина, Стюра Першина и Аграфена Сурова. Солдаток недолюбливали замужние деревенские бабы, потому что жили вдовы как могли, не гнушались заманивать под хилые крыши блудливых деревенских мужиков, были не дураки выпить и вообще вели себя вольно...

Правда, в последние годы из-за нахлынувшей старости утихомирились, подвляли

солдатки, и уже три лета кряду не было слышно, чтобы кто-то бил у вдов по ревности окна и, заходясь в истошном крике, таскал какую-либо из них за волосы... Но по сей день вечерами и ночами низинной береговой тропкой подкрадываются старые и молодые мужики к домам солдаток, пугливо озираются по сторонам, прислушиваются, как чуткие серны, к каждому шороху. Сзаду, через черемушник, приближаются к какой-нибудь избе, тихо и вежливо стучатся в двери... Чаше всего мужики останавливаются у крыльца Манюни Гунькиной, потому что дом ее ближе к деревне.

— Манюнечка, того, выручай...

Манюня, огромная, широколицая старуха, открывала дверь, и ее голова, словно светлое полнолуние, всплывала над просительно сжавшимся гостем.

— Чего тебе? — спрашивала она басом.

— Помираю, Манюня! Войди в положение...

Манюня настораживалась, прислушивалась к шорохам в черемушнике и спрашивала:

— Ты один?

— Неужто... Мерианских шпиенов обвел вокруг пальца...

Хозяйка молча, как створку большой раковины, со скрипом захлопывала дверь, шарилась в избе, а потом выносил бутылку мутного самогона. Она решительно совала ее в дрожащие от нетерпения руки покупателя, потом неторопливо прятала деньги в огромный лифчик, где у нее покоились одрябшие груди и сбережения за текущий день.

— Сгинь, — шипела Манюня. — Ты у меня не был, и я тебя не знаю...

— Знамо дело... — отвечал благодарно и преданно мужик и исчезал в огородной темени...

С послевоенных времен солдатки, не дождавшись счастья, стали сами его искать в скудной жизни, погуливать и бражничать. Прозвали в селе эти три вдовьих окраинных дома Гунькиным хутором.

Сама Манюня Гунькина, по имени которой имела честь носить звание деревенская окраина, была душой вдовьего общества, тем стержнем, или, как говорят сегодня, лидером, вокруг которого и копнился коллектив. Деревенские мужики, хлебнувшие окопного лиха, душевно тянулись к Манюне, потому что, несмотря на свою крупность, басистость, сохранила она бабью статью, какую-то необъяснимую притягательность. Она была для них словно чистое, без сорняков хлебное поле, неоглядная даль которого щемила сердце грустной загадкой...

Когда выдавались свободные от колхозной работы деньки, Манюня Гунькина заплетала золотую свою косу, укладывала ее кольцами, украшала довоенным перламутровым гребнем и шла в деревенский сельмаг за «чекушкой», заманчиво подрагивая налитым здоровьем кобыльим задом. Бабы, истощенные работой и нехватками, наскоро и неряшливо одетые в замызганные ребятней и скотиной платья, завистливо и ненавидяще смотрели ей в след, ворчали, сплевывая брезгливо в крапиву:

Потаскуха... Разорение наше... Глядеть в оба нужно за своими кобелями...

Манюня врывалась в магазин, заполняла его почти полностью своим крепким и добротным телом, осматривала карим блудливым взглядом пустые полки, не стесняясь насупившихся баб, лезла огромной пятерней в грудной разрез кофточки, доставала из лифчика деньги:

— Чекушку и полкило кильки.

— Гости приехали? — спрашивала ее, ехидно улыбаясь, продавщица Дуська.

— Да... Бог прислал меня в гости на эту землю. Вот и украшаю, чем могу, свое гостевание... Красиво жить никто не запрещал, — как из пушки бухала Манюня и хитро, с чувством собственного превосходства, хохотала.

— Это верно, — соглашалась Дуська, — повеселиться не грех, если в меру, не в ущерб другим. Бабы вот только на тебя в обиде. Разлад из-за тебя, Манюня, в семьях.

Манюня наивно приподнимала крутые плечи, играла двухпудовыми грудями-«Везувиями», готовыми взорваться спелой магмой.

— А что добру-то пропадать, бабоньки. Пусть попользуются фронтовички. На-терпелись они в окопах, намыкались. Я для них, как дом отдыха. Так что не обес-судьте... Не все же ко мне бегают... А только те, у кого жены жалются. Так что себя вините, бабоньки...

Манюня Гунькина гордо разворачивала свой мощный корпус и, не пряча от люд-ских глаз чекушку и отсыревший бумажный сверток с килькой, не выходила, а вы-плывала из сельмага, словно белотрубный пароход.

Чекушка — это была затравка, пригревка, сигнал для мужичков, что, дескать, вдовый хутор пошел вразнос, загулял и не прочь приютить под скособоченными крышами шалого земляка. После сигнального похода Манюни в магазин замужние бабы настороженно и зло следили за своими сужеными, старались не выпускать их из поля зрения... Но разве удержишь на цепи вольную душу? Как мотыльков свет, при-тягивал мужиков спрятанный в черемушнике Гунькин хутор. Усыпив бдительность жен внезапно нахлынувшей лаской, завидной работоспособностью, мужики посте-пенно добивались их благосклонности и покидали родимые подворья по неотложным делам: кто на рыбалку, кто посмотреть покосы, кто заготавливать дрова на заречной забоке. И все они уходили в сторону противоположную от Гунькиного хутора, и только в безопасном месте круто разворачивали «оглобли» и по береговой низине просачивались к месту дислокации.

Собирались обычно в более просторной избе Манюни, сюда же приходили с за-куской и самогоном вдовы Стюра Першина и Аграфена Сурова. Бабы эти тоже были ничего, но все же прогадывали Манюне Гунькиной и в плотности тела и по женской привлекательности.

Стюра Першина, вертлявая, черная, как цыганка, постоянно подмигивала левым чуть прищуренным глазом, и казалось, что она непрестанно, без выходных, затягива-ет кого-то в свои бабьи сети. Но эта беда осталась у нее после болезни, когда в сорок третьем получила она похоронку на своего ненаглядного Ивана, с которым прожила до войны всего около месяца. Свалилась тогда от смертельной тоски Стюра, переко-сило ей скулу от переживания, а когда поправилась и выровнялась нервная ассимет-рия лица, остался навечно недостаток: как крылья черной бабочки, мигал одиноко и независимо от правого левый глаз. Мужики привыкли к ее недостатку. Не обращали на это внимания...

После пьянки, когда становилось ясно, как распределены роли, кому и с кем ос-таваться на ночь в Гунькином хуторе, а кому с «бородой» возвращаться под родимый кров, очередной ночной ухарь Стюры брал ее под ручку и говорил торжественно и серьезно: «Пойдем, семафор, до твоей избы».

Стюра покорно поднималась из-за стола, подмигивала всей честной компании, и, зардевшись лицом, уходила, чтобы отдаться без спора загулявшему земляку. И какой бы она ни была пьяной, не забывала перевернуть лицом к стене фотографический портрет Ивана, который висел над койкой на длинном ботиночном шнурке...

Аграфена Сурова среди мужиков не пользовалась повышенным спросом, потому что была костиста, широкоплеча, с жилистыми руками. Но и она не была обойдена вороватой лаской, которую потом недодавали изработанные и испытые деревенские мужики своим законным женам.

Но, конечно, душой компании была Манюня — королева красоты Гунькиного хутора. На нее с самого начала гулянки возжеленно и с опаской посматривали мужи-ки — ждали, как внезапно свалившегося счастья, ее благосклонности. Манюня за столом не позволяла излишних вольностей, плясала и пела под гармошку, жалобно скрипели от ее плотного тела пол и потолочная матица. Ходили манящими штормо-

выми волнами груди под кофтой... Под конец гулянки, когда приходило время и честь знать, Манюня критически оглядывала гостей, выбирала для себя того, кто потрезвее. И говорила счастливчику:

— Ты останься... В избе поможешь убрать...

Незанятые вдовами мужики выпивали «на посошок», нехотя поднимались, кряхтели, поглядывая с завистью на Манюниного избранника, и, рассредоточившись по-фронтовому, исчезали в темени. И не было никаких обид и склок среди блудливых мужиков деревни, потому что знали они: не обломилось сегодня, улыбнется фортуна в следующий раз. Капризы Манюни были неожиданные и выбор ночного «помощника» непредсказуем... В напряжении, в загадке, в тревожном ожидании счастья держала Манюня приبلудных гостей...

Однажды, это было на сороковой день после смерти товарища Сталина, устроила Манюня поминки неожиданно усопшего, но навсегда оставшегося жить в сердцах вождя. Сначала пили молча, не чокались по-глупому стаканами, говорили о великих заслугах Иосифа Виссарионовича, вздыхали, но постепенно разошлись, забыли про праведную грусть, запели песни. Манюня, подперев бока руками, прошлась павой в мелком переплясе по избе и на плясовом ходу справедливо заметила:

— Все помрем... Но в мавзолей не влезимся — там двоим тесно...

Поминки товарища Сталина подходили к концу, и Манюня, обозрев собравшихся мужиков оценивающим взглядом, остановила свой блудливый взор на Паньке Матвееве:

— Останешься помочь в избе. А остальные — с Богом. Помянули вождя для душевного очищения. Отдали уважение...

От неожиданности Панька даже выронил ложку с квашеной капустой на стол, глупо хихикнул.

— Вот так-то,— сказал он в спины понуро уходивших из избы мужиков...

И уже потом, после всех дел и уборки, зарывшись острым щетинистым подбородком в огромные плотные груди Манюни, страстно стискивая руками ее бедра, спрашивал, задыхаясь от счастья, Панька:

— Неужели ты вся моя?

— Нет, не твоя я, Панька, не твоя... Я — ничья... Я — колхозная, обобществленная...

— А почему ты меня выбрала из всех? Сладость ты моя, золотишка...

— Раненый ты, Паня... Ущербный... Тебе для памяти нужно иметь солнышко в сердце. Вот я и буду твоим солнышком. Вспомнишь обо мне и тепло на душе станет...

Больше никогда Манюня не оставляла Паньку Матвеева в избе, другим, более здоровым мужикам отдавала предпочтение, но память об этой единственной и сладкой ночи осталась навсегда жить в душе старого солдата: то жалила, как крапива, когда он уходил отвергнутый с Гунькиного хутора, то грела теплом, когда он с тайной надеждой шел на гулянку во вдовьи дома... Неоднократно ночевал Панька у Стюры Першиной и Аграфены Суровой. Но это не то. Нет, не то... Ночь, проведенная с Манюней на сороковой день после смерти вождя, застыла в сердце, как яркая звезда на черном печальном небе Панькиной жизни... и когда позже свалили вождя с пьедесталов, обхаяли с высоких и низких трибун, Панька все равно не терял веру в товарища Сталина, потому что образ вождя слился в контуженной его голове с образом Манюни.

III

Вот и понесли ноги легкое, как воронье крыло, тело Паньки на Гунькин хутор. Не было у него никаких мыслей и планов. Он шел на край деревни без корысти, просто какие-то непонятные магнитные нити тянули его, как железную пылинку, к Манюне...

Деревня опустела, люди работали: кто на уборке колхозного урожая, кто в своем огороде, и только ребятня, взбив пыль босыми ногами, носилась, как угорелая, по улице, радостно щебетала от избытка счастья. В детскую зеленую пору нет тягостных дум, а есть только необузданная жажда жизни и одуванчиковая легкость в сердце. Панька завистливо слушал детский щебет, прижимался по привычке к тени заборов, в такт шагам легко и напевно играли бронзовые колокольца медалей на лацкане пиджака.

— Войны, дай Бог, не было бы,— шептал Панька.— Пацанва вот эта хоть бы лучше нас прожила. Корябает война всех разбору, выдирает тигрицей наизнанку душу...

Манюня Гунькина обирала черемуху, она стояла на табуретке и, нагнув ветку к груди, свободной рукой ловко рвала жирную ягоду. Ягоды беззвучно падали в ведро, словно черная икра...

Манюня, конечно, стала далеко не та, что была раньше: круглые когда-то плечи обмякли, опустились. Всем корпусом потяжелела Манюня, как устаревший, но гордый еще корабль, подготовленный к списанию на металлолом.. Но все же кое-что осталось у Манюни от прежнего богатства: икры ног были по-молодому крепкие и сметанисто белые, грудь хоть и раскиселилась и опустилась ниже к животу, но еще не совсем одрябля и скукожилась, она манила двумя разнеженными взбитыми подушками страждущую душу положить на них усталую голову, отдохнуть и забыться. Белый когда-то волос стал пепельным, но коса по-прежнему была тугой и по-прежнему подколотой усталой змеей лежала на породистой голове.

Панька взволнованно остановился у калитки и с замиранием сердца смотрел на Манюню. Казалась она ему молодой и белотелой, как тогда в постели после поминок Сталина. И все забыл на свете Панька: про похороны Матрены, про то, как пытался найти веревку, чтобы удавиться и навсегда уйти из этой жизни. Видел он только одну Манюню и шептал, шептал пересохшими губами:

— Сладость ты моя, золотишка...

Манюня заметила Паньку, опустила ветку черемухи в белесое осеннее небо, сказала мягким басом:

— Проходи в избу. Что стоишь, как сиротка...

В избе Панька скромно сел на лавку рядом с умывальником, вздохнул:

— Вот так и живем... А я вчера Матрену похоронил...

Манюня присела рядом с Панькой, как несмышлениша, погладила по щетинистой голове:

— Все там будем... Царство ей небесное. Виновата я перед Матреной...

— А в чем виновата?... Оставила когда-то ночевать? Так это, Манюня, не грех. Потому что не казнили я после этого душой, а жил памятью об этой ночи. Счастье ты мне дала. Грешные люди на счастье не щедрые...

Манюня поспешно встала со скамейки, нагнулась уточкой, открыла крышку подполья, достала с верхней приступки грязную бутылку самогона.

— Помянем Матрену,— сказала она, вытирая бутылку влажным полотенцем.

— Может, не надо? — нерешительно спросил Панька и придвинул скамейку ближе к столу.

Манюня молча поставила на стол закуску: малосольные огурчики, хлеб, отварную картошку, красной горкой уложила на тарелку нарезанные спелые помидоры. Выпили, не чокаясь, по рюмке. Потом еще. Разговор не клеился.

— Проходит жизнь, проходит,— сказа Панька.

— Почти отдежурили на земле,— поддержала его Манюня.— А счастья не видели... Все, как в тумане... Жили, словно на вокзале... Ты ешь, исхудал весь...

Манюня пододвинула ближе к Паньке тарелку с рассыпчатой картошкой. Панька взял одну, пожевал, с трудом проглотил:

— Что-то нет аппетита. В последнее время жомкаю что попада. Не ем, как люди, вот и нарушил аппетит...

Паньке было хорошо в избе, легкость какая-то легла на душу, как будто жил он у Манюни всегда, не расставался с ней всю жизнь.

— Пенсия у меня хорошая. Сама знаешь, работал в быткомбинате, сапожничал. Вот и заработал высокую пенсию...

Манюня ничего не ответила и только вздрогнула гордой головой, ласково улыбнулась...

Пить больше не хотелось ни Паньке, ни Манюне. Вышли на улицу, сели в прохладе черемухи на скамейку. Маленький тщедушный Панька рядом с Манюней казался подростком. Телок поднялся с обочины дороги, подошел вплотную к скамейке, смотрел на людей влажными и грустными глазами.

Сидели долго. Панька курил папиросу за папиросой, ждал ответа...

— Легкие зря рвешь,— пожалела его Манюня.

— Ничего... Они привычные к табаку. Прокоптились...

Солнечные лучи пробивались сквозь листья черемухи, и яркие блики трепетали на лицах Паньки и Манюни. И казались они подвижными и смешливыми...

Шаркая усталыми ногами, подошли и сели на скамейку соседки Стюра Першина и Аграфена Сурова.

— Осиротел, Панька? — жалостливо спросила Аграфена.

— Если с одной стороны, то верно. Если с другой, то как знать,— ответил Панька и посмотрел на Манюню.

— Ничего, все проходит... И ему полегчает на душе. Не один остался — люди рядом,— поддержала Манюня...

— Оно конечно,— сказала Стюра Першина и подмигнула зовущее Паньке болезненным черным глазом...

Мимо Гунькиного хутора пацанва гнала лошадей на водопой. Уцепившись руками в гривы, трепыхались, как легкие листочки, всадники на лошажьих спинах. Лошади, взбешенные жарой, дико ржали, взбрыкивали, кусали друг друга за ляжки. Но крепко, надежно, клещисто присосались к лошадям пацаны, положив вихрастые головы на жесткие гривы...

Галина Рукоосуева
(г. Красноярск)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Галина Петровна Рукоосуева родилась в Изгарке. В Красноярске живет с 1948-го года. Ее творчество в основном посвящено детям.

ХРЮШИН ПЯТАЧОК

Рано утром после душа,
«Пятачком» сияет Хрюша.
Шел, споткнулся, в грязь упал,
«Пятачок» свой потерял.

Целый день искал он в луже,
И домой пришел под ужин...
Стол накрыт, хотел он сесть...
«Ох, устал, хочу я есть.

Мама, у меня нет нюха.
Как же мне насытить брюхо?»
«Хрюша, глупенький ты мой,
Мордочку пойдя, умой».

Хрюша взял в копытце мыльце,
Чисто вымыл губкой рыльце,
Вновь сияет «пятачком»,
От восторга хвост крючком.

КОСОЛАПЫЙ МИШКА

У медведицы спросил
Маленький сынишка:
«Волк вчера меня дразнил —
Косолапым мишкой.

Вперевалочку идут
Утки друг за другом.
Почему меня зовут
Косолапым другом?»

«Не грусти. Быть веселей,
Дружба помогает.
Ведь неважно для друзей,
Кто и как шагает».

ДЫРЯВЫЕ КАРМАНЫ

У меня в карманах клад.
В них сокровища лежат.
Вещи все полезные,
Разные, железные.
Почему карманы рвутся?
Может, вещи в них дерутся?

ПОДЕЛИЛ

Встала баба спозаранку,
Внуку испекла баранку,
Подрумяненный бочок.
— С другом поделись внучок.
Съел Андрюша половинку,
Другу отдал серединку.
Бублик как Андрей делил?
Честно ль с другом поступил?

ПЕРЕХОД

Нескончаемой лавиной,
По дороге мчат машины.
Но, как грозный постовой,
Светофор мигает: «Стой!»

Строго взглянет красным глазом —
Тормозят машины разом.
Пешеходам путь открыт —
Им зеленый свет горит.

Всех зовет пройтись немножко
Полосатая дорожка.
«Зебру» знает весь народ,
Называют «ПЕРЕХОД».

РУКИ ВАЖНЕЕ

Мне во сне частенько снится,
Что подпрыгну и лечу.
В небеса взлететь, как птица,
Я давно уже хочу.

Иль нырнуть в глубины моря,
В лабиринты тайников,
Плывать рыбкой на просторе.
Жаль, что я без плавников.

Так устроена природа:
Есть у рыбки плавники,
Крылья птице для полета,
У людей же — две руки.

Берегут меня от скуки,
Любят строить, рисовать,
А еще нужны мне руки,
Чтобы маму обнимать.

У КАЖДОГО ЕСТЬ СВОЯ МАМА

У лошадки спросил жеребенок:
«Это правда, что я твой ребенок?
Я зову тебя мамой с рожденья.
А козленок вчера без стесненья,
Звал козу, словом ласковым — мама.
Со слезами твержу я упрямо:
— Ну не может быть мама козою.
Знаю маму безрогой, другою».
Тут теленок мычит: «Мама, мама.
Погляди из цветочков панама.
Ты примерь ее, мама, на рожки.
Он к корове бежит по дорожке».
Жеребенок подумал немного:
«Это странно, но мам столько много.
Ты скажи мне, лошадка, скорее:
Чьим же сыном считаюсь теперь я?»
Улыбнулась лошадка сынишке:
«Как же глупы порой ребятишки!
Дорогой мой, скажу тебе прямо,
Что у каждого есть своя мама».

КТО НЕСЕТ ЯЙЦА?

Кто ответит? Что за птица
Яйца носит, не ленится,
Чтоб глазунью и омлет
Ели дети на обед?

— Мама,— произносит Зина,—
Ведь вчера из магазина
Тридцать беленьких яиц
Принесла она для птиц.

— Разве птица ваша мама?
Зина все ж твердит упрямо:
— Папа ласточкой не раз
Маму называл у нас.

Он для мамы — сокол ясный.
Я же — птенчик их прекрасный.
И потом, мы все втроем,
В нашем гнездышке живем.

АРБУЗ

С виду круглый, словно мячик.
Почему лежит не скачет?
Для детей он, ради шутки,
Летом ходит в толстой шубке.
От жары он раздувался,—
Зеленел и зазнавался.
Папа всем сказал: «Ну, что же —
В руки взял большущий ножик.—
Вот тебе Андрюша долька,
Посмотри веснушек сколько.
Тут арбуз, как рассмеялся,
Слезно соком обливался,
Изнутри весь покраснел,
Потому что переспел.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Валерий Богушев*
(г. Воронеж)

УРОКИ БУНИНА, ИЛИ КАК СТАТЬ КЛАССИКОМ (Ироническая проза)

Сейчас появляется много толковых трактатов о том, как написать бестселлер, роман, книги или просто стать писателем. Самое большее, чего вы можете добиться с помощью этих пособий — это освоить те приемы и способы письма, в которых поднаторели сами авторы. Но, что делать, если вам этого мало, и вы хотите стать классиком? Классикам почему-то не приходило в голову поделиться секретами своего мастерства.

Итак, для начала вы хотите написать рассказ в русле классических традиций, но пока не совсем представляете, как это делается. Предлагаю обратиться к первоисточникам. Против И. А. Бунина возражений не будет? Открываем наугад в сборнике «Темные аллеи» рассказ «Речной трактир», написанный 27 октября 1943 года. Автор начинает сюжет с того, как в переполненном ресторане «Прага» его пригласил к своему столику возле окна, «открытого на весеннюю теплую ночь, на гремящий трамваями Арбат», знакомый военный доктор. В первом абзаце крайне сжато сообщается об обеде с водкой и кахетинским под разговор о недавно созданной Государственной думе (время действия).

Затем военный доктор, расчувствовавшись, меняет тему, заговорив о весне и о грусти, зачем-то закрывает окно и посылает старого полового за коньяком. Стоит сразу оговориться, что к развитию сюжета это не имеет прямого отношения. Почему же Бунин не вычеркнул эти мелкие и, казалось бы, совершенно бесполезные подробности? Да в самих этих мелочах, без которых нет ощущения правдоподобности, и содержится некоторая интрига, заставляющая с нетерпением ожидать начала действия. Кто же поверит, что все затеяно ради воспоминания о банальной пьянке!

Далее, после рюмки коньяку, следует рассказ военного доктора о недавнем скандале, устроенном поэтом Брюсовым, который заходил в ресторан «с какой-то худенькой и маленькой девицей». Поэт заказал по телефону место, а места не оставили. «Наконец-то, начинается!» — целый большой абзац будет думать читатель, приготовясь стать свидетелем интимной жизни знаменитости.

Не тут-то было. Описание сцены с участием взбешенного поэта и его беззащит-

* Наш постоянный автор.

ной спутницы, молчаливо и робко взирающей на происходящее, лишь навело военного доктора на еще одно воспоминание о том, как лет двадцать назад в одном волжском городе он увидел стройную изящную девушку. Новая завязка происходит в момент, когда читатель от нетерпения уже согласен хоть на какую-нибудь историю. А тут загадочная прекрасная незнакомка, которая к тому же куда-то очень торопится. Разумеется, доктор из любопытства последовал за ней (кто в молодости хотя бы раз не поддавался подобным искушениям!). И вот он видит девушку опускающейся на колени перед алтарем в пустой церкви. В нескольких предложениях дается детальное описание внутреннего убранства храма. И еще несколько штрихов к образу самой незнакомки: «тонкая талия, лира зада, каблучки уткнувшейся носками в пол легкой изящной обуви...» Эти лишенные индивидуальности штрихи, почему-то кажутся необыкновенно свежими, волнующими и выразительными. После молитвы девушка спешит к выходу, видит военного доктора, наблюдавшего за ней, и его «просто поражает своей красотой ужаснейший испуг, вдруг мелькнувший в ее блестящих следами глазах».

Оговорившись, что следующая встреча с девушкой должна была случайно и закономерно произойти в речном трактире тем же вечером, и еще сильнее заинтриговав этим читателя, рассказчик снова делает предлинное отступление. Приводятся пространственные описания Волги и речного трактира того времени: посетители, половые, балалаечники на сцене. И вот во время пения под аккомпанемент трехрядной гармоники «знаменитого Ивана Грачева» неожиданно появилась в трактире она с пожилым промотавшимся помещиком, пьяницей и развратником. Молодой доктор, «ничего не соображая, не думая, кинулся вперед между столами так стремительно, что настиг его и ее почти при входе». После короткого бурного объяснения девушка покинула трактир, благородный молодой человек догнал ее на набережной и взял под руку. Небольшое расстояние от одного фонаря до другого шли молча. Затем она, «уткнувшись» в него, «задрожала от слез». Он усадил ее на скамейку и услышал: «Нет, неправда, он хороший... он несчастный, но он добрый, великодушный, беззаботный...» Доктору нечего было возразить. Он кликнул извозчика, они вдвоем добрались до города. На прощание она поцеловала ему руку. Больше он никогда не видел ее. Вот и вся история. После нее следуют еще два заключительных абзаца. В одном — описание ночного Арбата при прощании автора с доктором после ресторана («мягко пахло весенним дождем»). А в другом — мораль, заключенная в монологе доктора («не все ли равно, чем и как счастлив человек!») Из чего, по-видимому, можно сделать вывод, что рассказ этот не столько о любви, сколько о позднем прозрении, которое произошло на наших глазах. Доктор заплатил одиночеством за то, что не знал, на что способны хорошенькие барышни. Возможно, он сейчас завидовал и промотавшемуся помещику, и поэту Брюсову, и ему стало стыдно за свой давний, в сущности, эгоистический порыв в речном трактире.

Автор рассказа об этом не сказал ни слова, и каждый волен делать какие угодно умозаключения из так называемого подтекста, или не делать их вовсе. Теперь попробуйте сами написать рассказ по этой классической схеме и отнести в редакцию.

Только не удивляйтесь, если редактор его вернет под тем предлогом, что сейчас так никто не пишет.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ТЕПЛЫЙ ЗОВ «СТРАНЫ ХОЛОДА»

Когда закрываешь последнюю страницу хорошей книги, остается ощущение расставания, и еще не раз рука потянется к ней, а в душе навсегда будет отведено для полюбившихся героев и персонажей особое место. История мальчика Николки не отпускает от себя читателя от первой до заключительной строки. Автор, как говаривал незабвенный наш фантаст Иван Ефремов, скользит по лезвию бритвы, не впадая в сентиментальный тон, рассказывая о внутренней жизни ребенка, и не приписывая ему излишнюю «взрослость», — крайности, которыми нередко грешат весьма неплохие писатели, и детские, и не очень. Переходя из одного возраста в другой, люди чаще всего начинают страдать размыванием границ представления о прежних, более ранних этапах собственного восприятия мира. Ничего подобного не встречается в повествовании Яшина. Необычная суровость условий, в которых от рождения выпало расти его маленькому герою, безусловно, влияет на характер развития ребенка, придавая ему основательность и солидность, но не лишая наивности и обаяния, неотделимых от прожитых им пяти-шести лет. Перед читателем появляется «мужичок с ноготок», который, едва научившись ходить, крепко, сразу на двух ногах, обосновался на земле родного острова, он видит непростую жизненную реальность, участвует в ней без попыток «дезертировать» от ее сложностей, не утрачивая свежего и радостного взгляда на происходящие немудреные события. Для введения в глубь этой детской и, тем не менее, далеко не маленькой души автор находит верные и точные фразы: «...Сейчас-то он уже мог словами объяснить и метели с оттепелями, свертывание серого неба в веселые облака-барашки... Но год с лишком назад Николка все это понимал не словами, но как-то по-другому...» Пишет Яшин книгу для взрослых и речь формирует соответственно, — а тот, кто открыл ее, проникается заботами мальчугана, даже не изучившего пока алфавита — по малолетству. Любой человек, чье сердце не обумажнено погоней за деньгами, с увлечением будет следить за перипетиями течения времени на удаленном клочке земли, где жителей — раз-два, и обчелся, но вершат они важную для страны работу — обслуживают маяк. Прихлынет, как слезы к глазам, воспоминание о собственных первых годах, возникнет, хоть ненадолго, понимание, что чувствует и думает родимое чадо. Вдруг нагрянет осознание важности семейных уз, копейку стоящих по нынешним расценкам. «Страна холода» предстанет ярким образом самого теплого товарищества и взаимовыручки.

Вместе помогают выгрузить корову-новоселку, вместе работают и устраивают застолья с «обсуждениями». Николкина мысль трудится непрерывно, постигая основы мироустройства, ученье его давно началось, но он еще не осознает этого факта. Урок 1: глава семьи приобщает сына к литью дроби — дело немаловажное в суровых жизненных условиях. «Смотри внимательно, — говорил отец, принеся... ведро с разнокалиберными кусками свинца, — куски... гармошкой уминаешь, чтобы ковш плотнее набить и за один раз весь расплавить...» Урок 2: сосед Трофим Матронин показывает мальчику редкую книгу:

«...Интереснее было на страницах книги, ... где... в целый лист красовались хотя и не цветные, но очень необычные, словно тонким пером нарисованные картинки: старинные... парусные корабли, люди в меховых одеждах, едущие верхом и в упряжке на оленях, а главное — шторма на море, скалистые берега... Все это... похоже на окружающий сегодняшнего Николку мир...»

Через оценивание поступков приходит к нему и понимание людей. Он смекалисто подмечает, что родитель, напившись любимого чаю, становится разговорчивым и благодушным, больше интересуется сыновними проблемами и вопросами (с кем из нас не случилось?); видит, — матери бывает скучно воспринимать мужнины философствования, но из уважения к супругу ей приходится имитировать внимание. Не всегда одобряет чуткий детский разум и заглазные отзывы взрослых друг о друге. «Познакомившись с Матрониным накоротке, до этого даже чуть побаивался его, почти всегда хмурого, как-то досадливо хромающего на левую ногу, Николка теперь с неудовольствием слышал упоминаемое в разговорах дома прозвище Трофима — Колчедыкин. Нехорошо это, думал он, смеяться над несчастьем хорошего человека...»

Еще урок — Меловая бухта. Разглядывает мальчонка легко крошащийся белый камень и обнаруживает следы древней жизни — «...рисунки... хорошо ему знакомых ракушек, винтовых улиток...» Сама природа щедро дает растущему человеку первичное образование.

Не отстает и социум. На гребне радиоволн всплывает к нему из пучины геройский крейсер «Варяг», и под неторопливые отцовские разъяснения рождается уважение к отечественной истории, деяниям предков, любовь к родному краю, своей стране.

Убедительно разворачивается перед Николкой картина полезности школы, когда его старший брат Толька, опираясь на полученные в интернате знания, измеряет остров, «по правилам науки» осушает озерцо. Ненавязчиво, просто, житейски воспитываются маячные ребятишки. Северное лето одаривает их множеством свобод и накрепко внедряющихся в восприимчивые души красот. Недаром в первой и последней главах немолодой уже человек Николай Андреянович хорошо вспоминает далекие годы, проведенные на будто неласковом, однако приросшем к сердцу клочке суши, хотя увела давно судьба, вполне благополучная, за тысячи километров от него.

Размеренное повествование ведется последовательно и логично, языком, вызывающим чувство добротности, прочности, точно подобранных интонаций и глубокого проникновения в сущность вариантов детского и взрослого мироощущения. Неподсахаренная, естественная людская жизнь. Автор владеет и словом, и знанием того, о чем пишет, благодаря чему книга необыкновенно интересна, тем более для читателя, никогда не бывавшего в столь дальних широтах.

Литературный почерк Алексея Яшина крупный, округлый, впечатляюще самобытный.

Людмила Алтунина
(г. Тула)

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ...

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ

Сразу же оговорюсь, это — не рецензия, а, скорее, отклик на рассказ Алексея Яшина «Индустриальная пустыня (Старый директор)» («Приокские зори» № 4, 2009 г., стр. 76—90). В основе повествования — подлинный образ Вадима Сергеевича Усова (его светлой памяти и посвящен рассказ), на протяжении многих лет возглавлявшего машзавод (ныне ОАО «АК «Туламашзавод»), истинно государственного человека, руководителя, организатора производства, мецената, созидателя, сердцем болевшего за страну, за народ, за своих земляков. Имя его известно многим тулякам. И мне посчастливилось с ним встречаться. Есть и еще весомый повод вспомнить этого необыкновенного человека. В октябре текущего года Тульский государственный университет, при поддержке и на базе которого издается данный журнал, отметит свой 80-летний юбилей. В.С. Усов — выпускник этого вуза 1949 года, по специальности «Технология машиностроения». Уверена, именно вуз во многом заложил основы его незаурядной личности, сыграл определяющую роль в его профессиональном и духовно-нравственном становлении, в выработке жизненных ориентиров, в подходе к любому, а тем более к заводскому, делу по-государственному.

Сей материал — отклик человека, задетого за живое созвучностью размышлений героя рассказа — этого старого директора (по сути, за ними — гражданская позиция и самого писателя А. Яшина).

Для ясности процитирую: *«Как же мало надо, чтобы пробудить в человеке заразу наживы, индивидуального обогащения, образа жизни по принципу «человек человеку — волк»? — Надо только бросить клич: «Бери, что плохо лежит, отними у соседа, перережь ему глотку и завладей, а власть тебя же и охранять будет!» И все, насмарку 70 лет борьбы с голодом и нищетой, разрухой и отставанием, неграмотностью и диким бескультурьем.*

Вот, казалось бы, подняли страну с колен, выиграли самую свирепую войну, наконец-то накормили досыта, сделали людей и страну самой образованной и культурной в мире, загнали глубоко-глубоко в подсознание каждого инстинкты индивидуализма и наживы, а вот поди же... За считанные годы разрушили величайшую Империю мира с помощью своих «лютых друзей»...

Кстати, сразу же замечу, подобные размышления лейтмотивом проходят не только в данном рассказе, но и в публикациях других авторов. Например, в рассказе «Сухари» сочинца Валерия Румянцева, в прошлом работника КГБ СССР, написанного хорошим, хлестким литературным языком. Читаем: *«Пришли другие времена, когда борцы с привилегиями перешли на сторону противника, когда в гонке за богатством победителей уже не судили, когда торжество лжи широко освещалось через средства массовой информации, когда опьянение свободой пока еще не вызвало похмелье*

заднего ума, когда из двух зол стали выбирать тайным голосованием. А выборы в Думу? Они показали, что только очень богатые люди могут позволить себе думать о родине. Ветер перемен поднял пыль, за которой Черкашину трудно было рассмотреть происходящее. Вокруг него бурлила совершенно иная, чуждая для него жизнь. То, ради чего он проливал свою кровь, за что в меру своих сил боролся всю жизнь, новая власть, не задумываясь, перечеркнула. Получалось, что свою жизнь он прожил зря. Черкашин так же, как и миллионы других его соотечественников, растерялся в этой новой жизни. Он не понимал и не хотел понимать, как это всего за каких-то три-четыре года одни россияне умудрились заработать миллионы долларов, а несколько человек — миллиарды. Сам Черкашин относился к той категории, кого судьба бросила в потребительскую корзину, а попала в мусорную. Пришло время, когда будущее уже не таило в себе надежду»...

Судьбы, мысли, отношение к жизни и происходящему в ней героев А. Яшина и В. Румянцева, в общем-то разных людей, во многом очень похожи. Похожи, прежде всего, не только тем, что жить им довелось в одной стране, в одно время, и старость их пришлось на время тяжких перемен лихих 90-х годов прошлого столетия, а главное тем, что оба не предали, не перешагнули и не перечеркнули нравственные законы, не задушили совесть в себе, не потеряли понятия о чести, человеческом достоинстве, патриотизме, наконец, в самом широком смысле этого слова — понятиях, почти полностью упраздненных в постсоветском обществе. Они не перестроились столь быстро, ловко и подло, как это сделали иные, руководствуясь принципами временщиков: «разделяй и властвуй», «урви, пока не поздно», «после меня — хоть потоп» и т.п. Эти люди не вскочили суетливо и по-хозяйски на рельсы новых перемен, не сменили окраску. Они остались верными прежним идеалам и не разучились думать по-государственному, а не как индивидуалисты — стяжатели. А что греха таить, иные директора российских предприятий, имея в руках немалые материальные ценности и мало совести, быстренько их присвоили и стали исповедовать совсем другую идеологию, нежели прежде.

В этой целостности натуры — величие героев рассказов и их личная трагедия как не вписавшихся в новое постсоветское пространство с моралью и законами, чуждыми их внутреннему миру, воспитанию и гражданской позиции.

...В силу своей журналистской деятельности мне не раз приходилось видеть на различных мероприятиях прототип героя рассказа А. Яшина В. С. Усова и даже брать у него интервью, как у выпускника нынешнего Тульского госуниверситета, в многотиражной газете которого я работаю много лет. Это был, повторюсь, истинно государственный человек, заслуживающий того, чтобы лишний раз вспомнить его добрым словом. Именно благодаря таким людям, — к счастью, они были и есть не только на производстве, но и в российских учреждениях и организациях, НИИ, КБ, в вузах и в ученой среде, — Россия выстояла в 90-е годы, не упала на колени, жива и, несмотря на кризис, возрождается потихонечку.

В 90-х годах на совещания Совета директоров, проходивших, как правило, в Тульском Доме науки и техники, Тульский Союз промышленников и предпринимателей приглашал журналистов, в том числе и многотиражных газет. Дебаты среди руководителей производства порой разгорались горячие. Время было такое: свертывалось производство, останавливались целые цеха, закрывались предприятия, объекты социально-бытовой инфраструктуры. Оборонные предприятия переходили на выпуск гражданской продукции — конверсия. Огромная утечка кадров, пугающая неуверенность в завтрашнем дне. В общем, перемены шли нешуточные и, увы, как известно, далеко не в лучшую сторону. Когда по какому-либо вопросу накалялись страсти, взоры невольно обращались к В.С. Усову. Он, если не ошибаюсь, возглавлял

в то тяжелое время Совет директоров. Вадим Сергеевич, седовласый, подчеркнуто спокойный, всегда подтянутый, несмотря на солидный возраст, безупречно одетый, немного сутуловатый, как большинство людей высокого роста, неспешно выходил к трибуне или просто вставал у своего места и очень спокойным тоном начинал говорить негромко, но убежденно. Взгляды устремлялись к нему с какой-то нескрываемой надеждой — так мне казалось. Гулявший по залу рокот стихал. Меня всегда восхищало, как убедительно и просто умел Вадим Сергеевич связывать воедино цепь своих рассуждений, подкрепляя их конкретными цифрами, фактами и выводами. Умел прозорливо заглянуть в будущее, перекинув на глазах у всех этот невидимый мостик из сегодня в завтра. И каким он был оптимистом в своих воззрениях даже в тот, казавшийся многим беспросветным и безвыходным период!

Тогда все больше раздавались призывы «перековать мечи на орала». Идея конверсии оборонных предприятий, сокращения, а то и вовсе перепрофилирования оборонных специальностей в вузах охватило многие умы того времени. И в такой ситуации крайне важно было не пороть горячку, сохранить здравомыслие, дабы вместе с водой не выплеснуть ребенка.

В 1993 году на базе ТулГУ проходил Международный конгресс «Конверсия, наука и образование», собравший широкое представительство ученых ведущих вузов страны, РАН, НИИ, КБ и т.д., гостей из ближнего и дальнего зарубежья, включая Австрию и Германию. Солидный был форум, весьма серьезно поднимавший вопросы конверсии предприятий ВПК и существования оборонных специальностей в вузах. Участвовали в нем и тогдашние видные люди России: Н. Г. Малышев, советник Президента РФ по вопросам науки и высшей школы, член-корр. РАН; В. К. Глухих, председатель Комитета РФ по оборонным отраслям промышленности; А.Е. Еремин, председатель Комитета по промышленности и энергетике Верховного Совета РФ, и другие высокопоставленные лица. В рамках Конгресса в университете работала выставка, демонстрировавшая результаты конверсии — товары народного потребления, вплоть до термосов и сковородок, произведенных на базе некогда оборонных предприятий страны, в том числе и тульских. Грустно было смотреть на эти сковородки. Невольно вспоминались мудрые слова о том, что «кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую»...

Эту точку зрения полностью разделял и В. С. Усов. Он тогда сказал, отвечая на мои вопросы о конверсии на машзаводе, что, конечно, чтобы выжить, они будут производить гражданскую продукцию, те же знаменитые на всю страну мотороллеры «Муравьи». Но, как подчеркнул он тогда, даже если его будут заставлять перепрофилировать на гражданку все цеха, он на это не пойдет, а самые основные цеха с современными ЧПУ «заморозит» до лучших времен. Он был уверен, что уже скоро спохватятся и вспомнят о ВПК, и снова у завода будут госзаказы оборонного характера.

Не он один поступал тогда, на свой страх и риск, так же мудро и дальновидно, мысля и подходя к решению проблем по — государственному, а не местнически, не с позиций сиюминутной выгоды. И время показало, что эти люди были правы. В этом славном ряду можно назвать имена многих и многих туляков. К примеру, знаменитых оружейников, стоявших у руля флагманов отечественной обороны: тогдашнего генерального конструктора и начальника ФГУП «Конструкторское бюро приборостроения», академика Российской Академии наук А. Г. Шипунова; его заместителя, соратника, единомышленника и друга, Героя Социалистического Труда В. П. Грязева. Вместе они создали непревзойденные образцы отечественного стрелково-пушечного оружия, стоящего на вооружении Российской Армии и Военно-Морского флота на суше, в воздухе и на море; генерального директора ФГУП «ГНПП «Сплав», разрабатывающего самые современные и мощные в мире реактивные системы залпо-

вого огня, основателя научной школы проектирования реактивных систем, Героя Российской Федерации Н. А. Макаровца. Этот пост он занимает с 1985 года и по сей день. Добавлю, что в сложных условиях переходного периода, в 1996 году, Николай Александрович организовал и возглавил в ТулГУ кафедру стартовых и технических комплексов реактивных систем залпового огня, которая и поныне успешно работает под его руководством. Что знаменательно, все эти люди — выпускники Тульского механического института (ныне ТулГУ). И, повторюсь, именно вуз сыграл главную роль в их профессиональном и личностном становлении, заложил морально-нравственные основы, научил государственному отношению к делу, дал путевку в жизнь. Список можно продолжать долго...

Отрадно осознавать, что в противовес всякой грязной «пене», вдруг обильно, пышно всплывшей на поверхности и стремящейся ловить рыбку в мутной воде, дабы побольше урвать для себя, эти, государственные, люди были не где-то там, далеко, а здесь, рядом с нами. Они, порой почти в одиночку, самоотверженно боролись каждый на своем месте, создавали и не опускали рук. И тем, что положительного мы сегодня имеем в промышленности, образовании, науке и культуре, выйдя из недавнего, тяжелого прошлого, во многом обязаны именно им. Эти люди, не потерявшие честь и совесть, были во всех сферах жизни. В то же самое время, например, гибко отстаивали необходимость подготовки оборонных кадров в ряде вузов тогдашний ректор ТулГУ Э. М. Соколов (более 26 лет находился на этом посту, пройдя путь в стенах данного высшего учебного заведения от студента до ректора), возглавлявший в то время Совет ректоров Тульской области, — ныне заведующий кафедрой аэрологии, охраны труда и окружающей среды этого вуза, — доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, трижды лауреат премии Правительства РФ, награжденный орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, почетный гражданин города-героя Тулы, и ректор МГТУ им. Н. Э. Баумана И. Б. Федоров, другие представители высшей школы. Объединившись в Российский Союз ректоров под руководством ректора МГУ В. А. Садовниченко, они, единомышленники, единодушно, последовательно, грамотно отстаивали интересы высшей школы на федеральном уровне. И многое сделали для того, чтобы она вообще выжила в 90-х годах и вышла из того периода не едва дыша, а динамично развиваясь, перестраиваясь в соответствии с веяниями времени, но не теряя главного — своих лучших традиций и наработок.

В этой связи просто не могу не привести такой красноречивый пример. В середине 90-х годов, когда на содержание государственных вузов из федерального бюджета в течение нескольких лет не поступали средства, и высшая школа находилась на грани выживания, проблемы эти остро обсуждались на одном из собраний представителей вузов Тульской области. Некоторые выступающие пылко призывали профессорско-преподавательский состав устроить забастовку, не выходить на работу и т.п. Вот тогда на трибуну поднялся видный ученый, доктор физико-математических наук, профессор Тульского государственного университета Леонид Александрович Толоконников и сказал, что, если ему государство не будет платить ни копейки, он все равно не бросит занятий со студентами, науку, потому что быть ученым и преподавателем — это не работа, это — состояние духа, образ жизни. Зал притих, слушая его, а потом взорвался бурными аплодисментами, дружно поддерживая, одобряя и разделяя жизненную позицию ученого.

Вот на такого сорта людях и выстояла высшая школа, Тульский государственный университет в том числе. Весьма показательно, что и в трудные 90-е годы он активно прирастал новыми факультетами и специальностями. В этом, прежде сугубо техническом вузе, появились естественнонаучные, гуманитарные, социально-экономические, медицинские специальности. Из политехнического института он перерос в нача-

ле 90-х годов в технический госуниверситет, а в середине 90-х — в статус классического университета, при этом сохранив, расширив мощное инженерно-техническое направление, включая оборонные специальности. Сегодня это — крупнейший, многопрофильный университет, таковых по всей России сыщется немного. И именно под руководством Э. М. Соколова вуз вырос в крупный многоотраслевой университет классического типа, вошедший в число лучших вузов страны.

Но вернемся к В. С. Усову. Хочу вспомнить еще пару моментов, связанных с его светлым образом как мецената — продолжателя добрых традиций российской благотворительности. Опять же провальные 90-е годы, когда производство в буквальном смысле слова стояло на грани выживания. Заводских забот и хлопот полон рот, как говорится, а Вадим Сергеевич собирает в торжественной обстановке в актовом зале машзавода лучших студентов Тульского госуниверситета с тем, чтобы принародно, празднично вручить им сертификаты на получение заводских, именных, стипендий, носящих имена видных ученых и производственников, чьи судьбы были тесно связаны с тульской промышленностью и наукой, с машзаводом и вузом. В тот период разрухи, упадничества не только в экономике и промышленности, но и в головах, умах Вадим Сергеевич смело, мудро и оптимистично заглянул далеко в будущее. Он убежденно сказал тогда студентам и всем собравшимся — зал был полон, — что Россия, а с ней и тульская промышленность возродятся, и скоро снова будет большой спрос на инженеров, что быть инженером во все времена было почетно и престижно, а высококвалифицированные специалисты всегда нужны. Одаренных и увлеченных студентов надо особенно поддерживать в трудное время, чтобы потом получить достойную смену... Сегодня спрос на инженеров действительно высок.

Или еще эпизод. 1991 год. Праздничные дни, посвященные памяти Л. Н. Толстого в его имении в Никольском-Вяземском, возрожденном по инициативе В.С. Усова; с музеем Толстого, воссозданной атмосферой XIX века в облике и культуре исторического села. Народу понаехало тьма. И вот всем собравшимся в Доме культуры раздали текст любимой великим писателем песни об удалом Хазбулате. Все душевно пели и вместе со всеми — Вадим Сергеевич. Как сейчас вижу этого старого директора — мецената в светло-сером костюме, превосходно гармонизировавшем с серебром его волос, воодушевленно выводившем слова старинной песни вместе с народом. Красивый, сильный духом человек!

В тех же, 90-х годах, когда повсюду закрывались детско-юношеские секции и кружки, по инициативе и при материальной поддержке В. С. Усова в Туле открылись бесплатные Центры технического творчества для детей и школьников «Гайдаровец» и «Винтик и Шпунтик». В «Гайдаровце» художественной чеканкой и инкрустацией по металлу и дереву под руководством талантливых умельцев — братьев Горбуновых занимались трое моих детей и их друзья. Здесь же работал и кружок мягкой игрушки, который они тоже посещали. Вот так, благодаря Усову многие дети избежали пагубного влияния улицы и обретали деловые навыки, которые некоторым из них даже помогли выбрать профессию по душе. А ведь, заметим, то было время, когда большинству родителей, озабоченных добычей хлеба насущного и мыслями, как свести концы с концами, накормить, обуть-одеть детей, было не до их воспитания. И эта пресловутая «улица» поглотила далеко не одного из тех, чье детство и отрочество пришлось на провальные 90-е годы, горькие плоды которых мы до сих пор пожинаем.

То, что такая тематика: осмысление новейшей истории, творящейся на наших глазах, судеб людей, выросших на идеалах бывшего СССР и многого, чуждого, не воспринявших в российской действительности, находит место на страницах «Приокских зорь» в литературно-художественной интерпретации, имеющей под собой очевидную документальную основу, жизненный опыт и наблюдения самих авторов рас-

сказов, делает честь этому изданию. Придает ему актуальность, острое общественное звучание. Подталкивает и читателя к осмыслению современных общественно-политических, социально-экономических процессов и явлений, определению своего места и роли в жизни, своей гражданской позиции.

«Приокские зори» — единственный в Тульском регионе такого рода полновесный литературно-художественный и общественно-публицистический журнал, на страницах которого находится место весьма широкому кругу тем и проблем. Это живое издание, отражающее через призму творчества разные стороны нашей жизни, человеческих судеб в единой канве ее исторической ретроспекции и современности. И, главное, журнал объединяет неравнодушных людей, у которых болит душа за свое Отечество, за будущее наших детей и внуков.

Будем же и впредь все вместе, в силу своих сил и возможностей, служить на поприще доброго, вечного...

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ПОЭТУ БЫТЬ ЗОИЛОМ — НЕ РЕЗОН!

Просматривая рубрику «Литературная критика, рецензии» в одном из номеров «Приокских зорь», невольно обратил внимание на рецензию, не оставляющую камня на камне на творчестве одного из публикующихся авторов. И все бы прошло гладко. Ну, пожурил кто-то кого-то за недостаток смысловой нагрузки в стихах, или за огрехи в словотворчестве. Добрая критика, глядишь, и будет на обоюдную пользу! Вот только стиль критической статьи как-то не вязался с принципом конструктивности. А уж когда вчитался в суть, то не удержался от встречного опуса.

Одним из объектов критики стало выражение «*Душа нудит еще глоток хлебнуть, и, рассекая волны ярым кролем, доплыв до середины, утонуть...*». Обратимся к толковому словарю В. И. Даля (т. II, «И-О»). *Нудить* — неволить, торопить и др. Как пример приведено: «Неволя нудит». *Душа нудит* — т.е. торопит, неволит. Вполне допустимое в русском языке выражение. Неудовлетворение у критика вызвали также слова: «*ярим кролем*». Одним из значений слова «*ярый*» является — скорый, быстрый, рьяный, неустойчивый (Даль В. И., т. IV «А—В», Словарь русского языка под ред. Евгеньевой А. П.) И. С. Тургенев в рассказе «Певцы» пишет: «*Ярый смех поднимался временами оттуда взрывом*». Ну, а уж «*ярый кроль*», или «быстрый кроль» — вполне литературное авторское выражение.

Вряд ли стоило упрекать автора в негативном отношении к жизни, тем более, что слишком розовые очки искажают нашу многоцветную действительность, нарушают гармонию ее восприятия. У Омара Хайяма читаем:

*«Если ты не слепой, мглу могильную зри!
Эту полную смут, землю пыльную зри!
Сильных мира сего в челюстях муравьиных —
Этот мир, эту тризну обильную — зри!»*

Что бы сказал критик про эти строки? Излишен также упрек автору в логике стихотворения:

*«Вдоль улицы распутица,
В снегах стоят дома.
Но пьет из лужи курица.
И, стало быть, весна...»*

Уважаемый критик! Конечно, куры во все времена года способны «приложиться» к луже, чтобы испить воды. Но автор пишет: «*В снегах стоят дома*». И уж, коль скоро появились лужи, которых при снеге не бывает, «*то, стало быть, весна*». Вполне логично. Может малозначимо в смысловом отношении. Но как эту, набросок с натуры — почему бы нет?

Не эстетичны и оскорбительны для автора и читателей слова критика: «сграфоманить», «по-казюковски хаять», «противоречивая ложь», «плохо и непоэтично»,

«записки сумасшедшего алкоголика, готовящегося от безделья к суициду». Это все-таки обмен мнениями о литературном труде. Хорошем, или, плохом — утверждать не могу, не читал, а, если бы и прочел, посчитал бы невозможным разделять под орех коллегу по перу. Пусть этим занимаются профессиональные критики, которые зарабатывают на хлеб насущный. Представляю, что мог бы написать критик про рубайи Омара Хайяма:

*«В жизни трезвым я не был, и к Богу на суд
В Судный день меня пьяного принесут!
До зари я лобзаю заздравную чашу,
Обнимаю за шею любимый сосуд».*

Здесь ведь и алкоголизм, и имя Бога — рядом!

Нельзя назвать «бумагомаранием» и «жаждой изобретательства» использование автором термина «зоил», а слово «доднесь» — «новорезом». Читаем у В. И. Даля: «Зоил — от имени древнего *осуждателя* Гомера, злой, жадный, завистливый критик». «Доднесь — доньше, до сего дня, до наших дней, времен». (В. И. Даль, Толковый словарь, т. I, (А—З).

Не всегда поэт должен рассчитывать на «простого читателя». Он должен побуждать его к познанию истории и литературы. Во что бы превратилось творчество, если почти каждое слово надо было бы расшифровывать? В энциклопедию? Толковый словарь? Например, стихи Н. Гумилева:

*«И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт».*

Неужели эти строчки нуждаются в подстрочном переводе, что мол, *Агра* — это город в Индии, бывшая резиденция Великих Моголов, а *онагр* — это тот же *кулан*, животное рода лошади, низкорослое, длиной до двух с половиной метров? Что останется от музыки стиха? А какую оценку можно дать классику японской поэзии Басё за его *хокку* (трехстишие):

*«Ношу хвороста отвезла
Лошадка в город... трусит домой, —
Бочонок вина на спине»?*

Нет слов без смысла. В каждом слове — смысл. Мы хаос слов — в систему превращаем. И, если не почил в бозе мысль, слова своею сутью наполняем. Сказал поэт, безграмотность коря: «Вы мне пришлите знаки препинания. Я тут же, лишних слов не говоря, наполню рифмы смыслом содержания».

Наши мысли это и есть те знаки препинания, которые надо воплотить в строчки, наполнить личностным восприятием. Давайте не будем никого лишать права творить по-своему! Не учились в литинститутах Ломоносов и Пушкин, Толстой и Тургенев. И ошибки могли делать в правописании. И к творчеству Пиромани, других народных художников, примитивистов Митьков, надо относиться соответственно степени их восприятия и понимания.

Переходя от частного к общему, от конкретной ситуации к проблеме критики как таковой, хочется пожелать всем поэтам оглянуться на свое творчество. Трудно от самого себя ожидать объективности. Исторически критические статьи и рецензии писались специалистами литературоведами. Правда, они как теперь говорится, «пиарили» тоже не всегда объективно, но, хотя бы не вызывали неприязненности от коллег по цеху.

Поэты свои личные, подчас, предвзятые, отношения к собратьям по перу чаще выражали на поэтическом языке. Сергей Есенин писал:

*«Мне мил стихов российских жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.*

*И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи, как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.*

*Других уж нечего считать,
Они под холодным солнцем зреют.
Бумаги даже замазать
И то, как надо, не умеют».*

Здесь — личностное отношение к литературным противникам и критика социального в творчестве. Право на собственное видение мира сомнению не подвергается. Остро, нелицеприятно, но талантливо! Эти слова воспринимаются, как эпиграмма, на которую обижаться ни Маяковский, ни Клюев не могли.

Есть у А. С. Пушкина эпиграмма на критика Каченовского, резко осудившего «Историю государства Российского» Карамзина. А. С. Пушкин не был согласен с консервативной направленностью «Истории», но защитил Карамзина от критика поэтическим способом:

*«Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!»*

И, дальше:

*«Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!»*

А вот уже принимается за членов «Беседы любителей русского слова», нелицеприятно отозвавшихся о В. А. Жуковском:

*«Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!»*

Безусловно, Пушкин также умело поучал поэтов, и, при необходимости, мог высечь их одной эпиграммой, или парой другой незабываемых строчек. В своем раннем стихотворении «К другу стихотворцу» он писал:

*«Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет».*

*«...не тот поэт, кто рифмы плестъ умеет
И, перьями скрывя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать...»*

Чтобы не перейти в сообщество критиков, на этом хочу закончить свои заметки по поводу... Будем добрее друг к другу, хотя бы в творчестве!

В древней китайской «Книге перемен» И-ЦЗИН сказано: «Наступи на хвост тигра так, чтобы он не укусил тебя самого».

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть, журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, СПб и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, в частности, администрация области планирует включение журнала, начиная с 2011-го года, в Культурную программу области. С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не поленитесь занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху листа) и в аннотации на обо-

ротном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

В четвертом квартале 2009 — первом квартале 2010 года в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2010, №№ 1—4.

2. *Созвучье слов живых*: Антология современной поэзии. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 320 с.— Содержатся избранные стихи Геннадия Азанова, Ольги Астафьевой, Сэды Вермишевой, Наталии Гай, Георгия Ешимова, Нины Дубовицкой, Евгении Токаревой, Анатолия Третьякова, Виктора Широкова.

Примечание: многотомное издание современной поэзии осуществляется совместно Академией российской литературы (президент Владимир Мирнев — член редколлегии «ПЗ») и Независимым литературным агентством «Московский Парнас» (гендиректор Леонид Ханбеков — член редколлегии «ПЗ»). Многие из авторов антологии регулярно публикуются в «ПЗ».

3. *Кристалл*. Литературно-художественный альманах / Гл. редактор Ирина Пархоменко — член редколлегии «ПЗ».— Плавск: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 8 с.; № 4.

4. *Александров И.* Пучок калины: Стихи.— Орел: Изд-во «Вешние воды», 2001.— 342 с.

5. *Александров И.* Лирические тетради: Стихи.— Орел: Изд-во «Вешние воды», 1996.— 319 с.

6. *Александров И.* Вербный родник: Книга стихов.— Орел: Изд-во «Вешние воды», 2007.— 375 с.

7. *Александров И.* Багряные листья: Книга стихов.— Орел: ООО «Типография «новое время», 2008.— 311 с.

8. *Офицеры России* — державная политическая сила! — М.: Изд. Военно-державного союза России, 2006.— 56 с.

9. *Шерстнев М. П.* Психологическое управление людьми. 4-е изд.— М.: «Русская правда», 2006.— 239 с.

10. *Шерстнев М. П.* Кто правит нами: психология управленцев. 4-е изд.— М.: «Русская правда», 2006.— 240 с.

11. *Усанин К.* Моя маленькая. Надежда: Стихи.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 140 с.

12. *Бугримова О. Н.* Неплакучая ива: Стихи.— Тула: «Инфра», 2008.— 86 с.

13. *Иллюзии*: Литературно-поэтический сборник студентов и сотрудников Института высокоточных систем им. В. П. Грязева Тульского госуниверситета / Сост. Н. С. Тархов; Под ред. А. Н. Чукова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2009.— 64 с.

14. *Тряпша В. В.* От Баяновых песен: Стихи и поэмы / Илл. Э. Гузаирова.— Бишкек: Литературный Киргизстан, 1991.— 16 с.

15. *Науменко Е. В.* Я болтаю с попугаем — Стихи для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста.— Хабаровск: РИОТИП, 2009.— 48 с., цв. ил.

16. *Сенчин Р. В.* Рассыпанная мозаика: Статьи о современной литературе / После слов. Вяч. Огрызко.— М.: Литературная Россия, 2008.— 256 с.

17. *Волин А.* Время: Стихи. Поэмы. Притчи. 2-е изд., доп.— М.: Издат. содруж. А. Богатых и Э. Ракитской, Изд. «Летний сад», 2009.— 560 с.

18. *Новгородский А. Е.* Осень поздняя Песни.— Тула: Гриф и К, 2009.— 72 с.

19. *Гармония*: Независимый альманах. Вып. 2 / Под ред. Александра Ореховского.— Новосибирск: Изд-во СибГУТИ, 2009.— 183 с. (А. Ореховский — автор «Приок-

ских зорь», один из первых лауреатов премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Альманах «Гармония» издается при информационной поддержке журнала «Приокские зори»).

20. *Иван Васильевич Александров*: К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель / Сост. Г. А. Волобуева.— Мценск: Центр. библ. Им. И. Н. Новикова, 2007.— 16 с.

21. *Центральное* конструкторское бюро аппаратостроения — вчера, сегодня, завтра / Предисл. В. Д. Дудки, Ю. Д. Маслюкова, Л. С. Мочалина, А. Г. Шипунова, С. П. Непобедьмого; Под общ. Ред. С. И. Аверина.— М.: ООО «Военный Парад», 2009.— 182 с., цв. ил.

22. *50 лет* кафедре аэрологии, охраны труда и окружающей среды / Сост. Э. М. Соколов, Н. В. Максимова, А. Ф. Симанкин; Под общ. Ред. Э. М. Соколова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007.— 284 с., ил.

23. *Летников Ф. А.* Байки и беседы у вечернего костра. Книга первая — XX век.— Иркутск: Ин-т земной коры СО РАН, 2008.— 262 с., ил. (Книга воспоминаний геолога, академика РАН Феликса Артемьевича Летникова).

24. *ЛитераТула*: Литературно-публицистический альманах доброй воли / Гл. ред. А. Н. Бабенко.— 2009.— № 2(5).— 31 с.

25. *По щучьему велению*: Детская литературная газета (г. Щекино) / Ред. Н. Ростовцева и П. Юрьев.— 2009.— №№ 1—20.— 4 с.

26. *Три века тульской поэзии*: Хрестоматия / Сост. В. Ф. Пахомов и Н. Н. Минаев.— Тула: Гриф и К, 2010.— 864 с., ил. (В книге представлены стихи членов редколлегии «ПЗ» и многих его авторов).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в IV кв. 2009 — II кв. 2010 года вышли следующие книги:

1. *Савостьянов В. Н.* В эпоху нежности: Новые стихотворения. Эссе / Предисл. В. Ф. Пахомова.— Тула: «Гриф и К», 2009.— 144 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Пархоменко И. В.* Музыка души: Песни и стихи / Илл. Александра Пархоменко.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 176 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Яшин А. А.* Катехизис идеалиста: Повесть-размышление / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 380 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Сапожников В. Г.* Три дерева: Сборник песен и романсов на стихи автора: Нотное издание.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2020.— 24 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Мир Геннадий.* Отражения. Солнце: Поэмы / Предисл. Сергея Норильского.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 64 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Мир Геннадий.* Симфония дождя: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 159 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат

литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2009-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2010-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, МЫ ПИШЕМ...

К 80-летию Тульского государственного университета готовится антология художественных произведений авторов, так или иначе связанных с вузом. Работы присылать по адресу: 300025, Тула, а/я 920, редакция журнала «Приокские зори», главному редактору профессору Алексею Афанасьевичу Яшину. Справки по тел.: (4872) 35-06-73.

(«Литературная газета», 23—29.12.2009 г., № 52 (6256))

«Приокским зорям» — 5 лет

ЖУРНАЛ С ТУЛЬСКИМИ «КОРНЯМИ»

Выходом очередного номера литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» завершился 2009 год.

Выпуск номера совпал с пятилетним юбилеем журнала, вдохновителем и главным редактором которого является писатель, лауреат нескольких литературных пре-

мый, заслуженный деятель науки РФ, доктор технических и биологических наук, профессор Алексей Афанасьевич Яшин. Печатается журнал типографией Тульского государственного политехнического университета. За прошедшее время издание фактически получило всероссийскую известность.

Через библиотечную сеть и Интернет журнал «Приокские зори» стал доступен любому читателю в России и всем читающим по-русски в мире. «Приокские зори» имеют большую читательскую аудиторию. С ним могут ознакомиться лидеры ведущих фракций Госдумы, Тульской областной Думы и администрации области. Журнал получают редакции ведущих газет России: «Литературная газета», «Завтра», «Российский писатель», библиотеки Рязани, Новосибирска, Петрозаводска, Курска, Сургута и многие другие организации в разных уголках страны.

В каждом номере журнала на суд читателей представляются работы свыше тридцати авторов. Главным мерилом при отборе произведений являются: талант, качество, литературная актуальность, есть и поблажки для молодых и юных авторов. Им становятся продолжателями нашей русской литературы.

В четвертом номере «Приокских зорь» за прошлый год (журнал выходит один раз в квартал) были опубликованы произведения щекинских авторов: рассказ Геннадия Маркина «Обвиняемый Толстой», стихи Олеси Маматкуловой, Олега Пантюхина, Татьяны Леоновой, Геннадия Мирошниченко. Кстати, новым ответственным секретарем журнала стал внештатный автор «Щекинского вестника» Геннадий Маркин.

2009 год для журнала был юбилейным. «Приокским зорям» исполнилось пять лет. Мы поздравляем издателей с этой датой, желаем творческих успехов и светлого будущего.

*П. ЮРЬЕВ,
внештатный корр.*

(«Щекинский вестник», 13.02.2010 г., № 5 (14753))

СЕЯТЬ МУДРОЕ И ВЕЧНОЕ

Еще летом в каминном зале Тульского дома творчества в начале общего собрания Тульского регионального отделения Союза писателей России чествовали первых лауреатов ежегодной литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за лучшую публикацию в межрегиональном литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Звания лауреата были удостоены: Геннадий Маркин — в жанре прозы, Александр Ореховский — поэзии, Николай Боев — литературоведения и литературной критики и Евгений Воропаев — по разделу публицистики. И конечно же вспомнили о том, что в этом же году журнал «Приокские зори» отмечает свой пятилетний юбилей.

Незадолго до Нового 2010 года репортеры газеты «Ярило» встретились с писателем, лауреатом литературных премий имени Л. Н. Толстого, Валентином Пикуля и Александра Фадеева, лауреатом Литературного агентства «Московский Парнас», кавалером памятных медалей «100 лет со дня рождения Михаила Шолохова» и «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», Заслуженным деятелем науки РФ, доктором технических наук, доктором биологических наук, Почетным радистом России, профессором, заместителем заведующего кафедрой Медицинского института Тульского госуниверситета, главным редактором «Приокских зорь» Алексеем Яшиным и задали ему несколько актуальных вопросов.

— Алексей Афанасьевич, расскажите, пожалуйста, о прошлом и настоящем журнала, а также поделитесь планами на будущее.

— Журнал возник не на «пустом» месте, имеет своих предшественников: изда-

вавшийся в 50—60-х гг. альманах «Тула литературная», в котором, кстати говоря, появились первые публикации ныне старейшей писательницы России Наталии Диомидовны Парыгиной, недавно встретившей свое 85-летие (см. в «ПЗ» № 2, 2009) и так же ставшей лауреатом «Левши» за № 1; в конце 80 — начале 90-х гг. выходил журнал «Ясная Поляна», так называемого «комсомольского формата». В 90-е же годы были попытки издания различных альманахов, из которых по сию пору «устояли» «Тула» и «НЛЮ» г. Новомосковск; главные редакторы, соответственно, Сергей Галкин и Валентин Киреев).

«Приокские зори» являются первым и единственным в Тульском регионе «толстым» литературно-публицистическим журналом, в полной мере продолжающим традиции русской и советской литературной периодики, восходящие к «Современнику» Пушкина и «Отечественным запискам» Некрасова. Наш журнал выходит строго периодически, без пропусков и сдваивания номеров.

Прошлое журнала — в его предыстории, а контуры будущего явно прослеживаются в настоящем, в тех полутора десятках уже вышедших в 2005—09 гг. номеров. Мы отказались от сугубого провинциализма журнала. Нет, конечно, он был, есть и будет изданием тульских корней; даже арифметически до 50 % объема каждого номера так или иначе связано с Тульским краем. Но в то же время в журнале широко представлена вся палитра общероссийской литературной жизни. И вновь учрежденная премия «Левша» нами продекларирована как всероссийская.

— *Как происходит отбор произведений? Кто может стать автором журнала?*

— Принадлежность к Союзу писателей России не является обязательным пропуском в журнал. Нет дискриминации и по географическому признаку: в журнале представлены многие города страны от Северной столицы до Красноярска и Сочи, печатаются авторы из Германии, Англии, Китая, Монголии, Италии.

Главное мерило: талант, качество, литературная актуальность. Приветствуем молодых и юных авторов.

— *Скажите, как происходил присуждение звания лауреата, и почему премия носит имя Лескова?*

— Почему Лесков? Во-первых, хотя он орловец, но его Левша давно стал символом Тулы; во-вторых и главных — он выдающийся русский писатель, особенно рассказчик. Тот же факт, что в официальном литературоведении и до, и после 1917-го года его старались «затолкнуть» в писатели второго ряда, объясняется просто: он не пел под дудку групповщине своего времени. Главное же — мы во многом следуем художественным традициям Николая Семеновича. Сам же выбор номинантов на премию — см. публикуемые в каждом номере журнала в рубрике «Хроника литературной жизни» условия выдвижения. Каждый автор и читатель журнала может высказать свое мнение, которое редколлегия честно и обязательно учтет.

— *Скажите, если это не секрет, над чем сегодня работает писатель Алексей Яшин?*

— Скоро в издательстве «Московский Парнас» (Москва) выйдет новый роман «Любовь новоюрского периода», который это издательство думает представить на премию «Русский Букер'2009». Приступил к второй части довольно большой повести «Страна холода: Детство в Гипербореях» — это литературно-биографическое произведение о полярном детстве шестилетнего Николки, моего постоянного, авторизованного героя Николая Андреяновича. Поэтому и подзаголовок повести: «Четвертая книга рассказов Николая Андреяновича».

— *Алексей Афанасьевич, что бы Вы пожелали авторам и читателям журнала «Приокские зори»?*

— Любви ко всем и всему, исключая: деньги (в любой валюте), стяжательство-

потребительство, хамство и высокомерие, самовластие и себялюбие. И читайте «Приокские зори», ибо они сеют разумное, доброе, вечное!

— Спасибо за беседу!

Геннадий Маркин

(Газета «Ярило: Культура. История. Промыслы», декабрь 2009 г., № 12 (53), Тула)

ОБЪЯВЛЕНЫ НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ

Жюри Всероссийской литературной премии «Левша» имени выдающегося русского писателя XIX века Николая Семеновича Лескова, автора «Сказа о тульском хромом левше», присуждаемой за лучшие публикации текущего года в литературно-художественном и публицистическом «толстом» журнале «Приокские зори» («ПЗ») объявило лауреатов второго сезона премии.

Лауреатом за 2009-й год стали: в номинации прозы — член Союза писателей России Николай Смирнов (Новомосковск) за цикл рассказов «Варакша»; «ПЗ» № 1, 2009; поэзии — член СПР Галина Дубинина (пос. Шексна Вологодской обл.) за подборку стихов «...Быть поэтом», «ПЗ» № 4, 2009; литературоведение — профессор Борис Кобринский (Москва) за исследование «Поэтические образы и революции: призывы и пророчества», «ПЗ» № 3, 2009; публицистики — Игорь Карлов (Улан-Батор, Монголия) за очерк «Тихий ток наших чистых рек».

В течение декабря сего года аналогичные объявления будут опубликовано в главных литературных газетах: «Литературная газета» и «Русский писатель», в других тульских изданиях. Поздравление лауреатам с публикацией их фото на обложке будет помещено в № 1, 2010 «ПЗ».

Премия учреждена в 2008 г. редколлегией журнала «ПЗ», издаваемого с 2005 г. Тульским госуниверситетом (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СПР (ответственный секретарь В. Ф. Пахомов); учредитель журнала — ООО «Издательство «Неография» (директор С. Н. Минаков). Цель учреждения премии: активизация литературного процесса в современной русской литературе и консолидация творческих сил Тульской области и приокских регионов России.

Жюри принимает решение по номинантам, учитывая поступающие в течение текущего года в редакцию предложения читателей. Порядок направления таких предложений публикуется в каждом номере «ПЗ» в рубрике «Хроника литературной жизни» и в одном из сентябрьских номеров «Литературной газеты», а также на сайте журнала в Интернете: www.medtsu.tula.ru (в pdf-формате). В частности, предложения можно направлять на имя главного редактора «ПЗ» по адресу: 300025, Тула, а/я 920 и по электронной почте: priok.zori@yahoo.com.

Приглашаем всех авторов и читателей «ПЗ» активно поучаствовать в третьем сезоне — 2010-го года, а областную, городскую администрации и гипотетических меценатов — в создании Фонда премии.

*Главный редактор журнала «Приокские зори»,
председатель жюри премии «Левша», профессор Алексей Яшин*

(Газета «Ярило: Культура. История. Промыслы», декабрь 2009 г., № 12 (53), Тула)

НЕ МОЛЧИТЕ!

В центральном Доме литераторов прошел круглый стол на тему, которая, несомненно, отвечает интересам творческой интеллигенции, любящей слово и живу-

щей его силой и красотой. И хотя название круглого стола обозначено как «Союз писателей — вчера — сегодня — завтра!», говорили в основном о современной литературе и условиях, способствующих или мешающих ее развитию. Организатор и ведущий круглого стола президент Академии российской литературы В. Мирнев осветил актуальность темы, а также выразил уверенность в том, что в год, получивший название года великого рассказчика А.П. Чехова, нельзя не заострить внимание на развитии литературного процесса в России.

Литературовед А. Большакова с присущей ей глубиной исследовательско-критической мысли отметила значение СП в развитии литературного движения, снова и снова обращаясь к критерию художественности произведений, к высокой миссионерской линии литературы, с сожалением констатируя измельчание и однобокость видения современной реальности.

В. Недзвецкий, профессор Московского университета, говорил о статусе литературы в обществе, об условиях, которые сохраняют ее высокое значение в общественном развитии. Суть этого значения: «Без литературы нельзя вырасти в культурного человека».

В. Недзвецкий поднял также вопрос не только о высокой роли писателя, но и о существующем сейчас негативном явлении, когда писатель вынужден оплачивать свои публикации, в которых нередко отражается суть жизненных явлений.

Об уважении к писателю, об исчезающем у представителей писательского цеха ощущении прочности и нужности литературного слова говорили И. Нехамес, В. Широков, В. Поваляев, А. Салуцкий, П. Редькин, Е. Бузни. Каждый из них по-своему рассматривал проблему, которую можно обозначить словами «литература, общество и Союз писателей», однако все они пытались разобраться в сути современного отношения к писателю и писательского отношения к тому, что происходит в нашей жизни.

На круглом столе был поднят вопрос о мастерстве прозаика и поэта, о необходимости, работая со словом, владеть знаниями родного языка, законами стихосложения и развития прозаического произведения. Звучали слова А. Толстого о том, что небрежное обращение с родным языком приводит к тому, что и мысль развивается небрежно, не давая творческой работы ни уму, ни сердцу. Участники круглого стола обратились и к словам А. Сумарокова, призывавшего словотворцев «мысль свою прочистить наперед».

Говорили о необходимости приобщения к литературе молодого поколения. Это приобщение происходит и посредством создания литературных произведений для Детей и подростков, и проведением увлекательных конкурсов знатоков отечественной литературы.

Встреча созидателей художественного слова прошла бурно. Наверное, так и должно быть, тем более в период нестабильности самого общества. Не молчите, писатели. Нам предстоит снова стать носителями общественных настроений

*Ирина Кедрова,
академик Академии российской литературы*

(«Литературная газета», 17-23.03.2010 г., № 10 (6265); Ирина Кедрова — зав. отделом критики журнала «Приокские зори»; Владимир Мирнев — член редколлегии журнала «Приокские зори»).

АЛЕКСЕЙ ЯШИН — ЛАУРЕАТ ЧЕХОВСКОЙ ПРЕМИИ

В январе этого года литературная общественность страны и всего мира отметила 150-летие со дня рождения выдающегося русского писателя Антона Павловича Чехо-

ва. К этому событию Союз писателей России в лице его московского отделения учредил литературную премию им. А. П. Чехова с вручением Золотой медали — с девизом: «За верность традициям русской литературы».

Одним из лауреатов премии стал наш земляк, известный современный русский писатель Алексей Афанасьевич Яшин, являющийся главным редактором всероссийского «толстого» литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» (см. сайт журнала www.medtsu.tula.ru).

Одновременно Алексей Яшин был избран действительным членом (академиком) Академии российской литературы.

Редколлегия нашего издания, не чуждая духу русской словесности, поздравляет Алексея Афанасьевича, находящегося в расцвете творческих сил, и желает ему дальнейших успехов в художественном творчестве и организации всероссийского литературного процесса.

(Опубликовано в марте 2010 г. в ряде тульских газет: «Тульская правда», «АБВ-курьер», «Панорама», «Тула» и др.).

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия «Приокских зорь» поздравляет писателей, членов Союза писателей России, членов Тульской писательской организации: Марка Самойловича Дубинского — с 80-летием, Александра Сергеевича Пешкова — с 70-летием. Оба юбиляра активно участвуют в литературном процессе, много публикуются, а Марк Самойлович проводит большую организационную работу в рамках Тульской писательской организации Союза писателей России, много лет возглавляет литературное объединение «Пегас» при ТПО СПР. Желаем нашим юбилярам дальнейших творческих удач, здоровья и неиссякаемого оптимизма, без которого в нынешние времена жить холодно и неуютно.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Здравствуйте, уважаемый Алексей Афанасьевич! Получила номер «Приокских зорь», спасибо. Читаю (конечно, в первую очередь, стихи, так как авторы все для меня новые). Всегда ловлю себя на одной и той же мысли — велика Россия и богата талантами, особенно в провинции. Очарована Александром Хадарцевым, его притягательной самоиронией, и в то же время он — настоящий поэт со своим, только ему присущим голосом, строчками, подкупающими искренностью и печалью. Поэзия. Хороши стихи Татьяны Леоновой. Прочитать наскоком весь журнал было бы преступным, поэтому мне — читать и читать. Рада присутствию на страницах журнала «Парнасовцев»: Наташи Квасниковой, Тамары Булевич, Ирины Кедровой. С их творчеством знакома, с Наташей мы иногда даже шлем друг другу весточки. Удивили стихи Иосифа Джугашвили: переводчик замечательный и стихи хорошие. А вообще-то, лучше бы этот человек стал знаменитым поэтом, чем злодеем своей эпохи. Мнения своего о Сталине не изменю: слишком много горя принес он стране. Надеюсь, что последние строчки письма никак не повлияют на наше сотрудничество. Желаю нескучных спонсоров, по которым Вы так изящно «прошлись» — разные они, спонсоры — везде. Сама ничего и ни у кого не прошу. Просто жить с этим не смогу дальше. Вот и лежит уже готовая рукопись у Бориса Бурмистрова (Председателя Союза Писателей Кузбасса) почти целый год: денег в департаменте культуры нет! Будьте здоровы и счастливы, Алексей Афанасьевич, легкого плавания «Приоским зорям», вдумчивых и ценящих Слово читателей и нашу с Вами работу. С уважением, *Надежда Ма Динь (г. Кемерово), 31.01.2010 г.*

Дорогой Алексей Афанасьевич!

От души признателен Вам за все хлопоты и новости. Я давно оторвался от тульской литературной среды и совершенно не ожидал, что «напорюсь» на такую глыбу, как Алексей Яшин, и был несказанно обрадован, что в Туле издаются «Приокские зори».

Спасибо за приглашение к сотрудничеству. Я по сути неандерталец, ничем, кроме авторучки и пишущей машинки не владею. Выручила Эльвира Матвеевна, жена. Она (по профессии — учительница начальных классов, но ревностно помогает мне во всем) обратилась в городскую библиотеку, и ей оказали услугу. Сложнее было — что отобрать из стихов. Я обычно заикливаюсь на определенной теме. Вот и на этот раз предлагаю небольшой цикл о давно минувшей войне. Подойдет — хорошо, не подойдет — не огорчусь.

Для меня важнее всего, что я встретил по существу единомышленника, человека редкого в наше время, бескорыстного и одержимого, фанатично преданного науке и литературе, подчас излишне наивного и доверчивого и в сущности — одинокого. Это мне душевно близко.

Извините за то, что перепутал учебные заведения. Сейчас сам черт не разберет, что и как именуется. Теперь обычные училища и школы обзываются колледжами, лицеями, гимназиями, а институты — сплошь университетами. Дурь все это! Во Мценске до революции была одна гимназия (ныне ср. школа № 3), из стен которой вышли знаменитый автор учебников по математике А. П. Киселев и писатель-пушкинист И. А. Новиков, чье имя носит теперь городская библиотека, а нынешняя похожа на ту «школу», которую сейчас показывает Первый канал. А тут еще на голову учителей свалился дурацкий ЕГЭ. Это же умышленное надругательство над школой и образованием. Я уже давно не работаю в школе, но интересуюсь ее делами, потому что учатся двое внуков.

Чувствуется, что с вас в журнале подобралась дружная и порядочная команда, а значит, не избежать завистников и недоброжелателей. У меня у самого они есть и во Мценске, и в Орле, и даже в Туле: вышла в 1974 году «Снежедь» под редакцией Панькина — оскорбился некто Х., дал отрицательный отзыв на рукопись стихов другого некто Х. — тоже обида. На всех пирога не испечешь...

Алексей Афанасьевич! Бывает же... Выпрыгнул какой-то винтик — и машина задурила. Придется заканчивать от руки. «Тульского энциклопедиста» прочел на одном дыхании. Биографический очерк интересен и познавателен. Не понимаю, почему опытный Леонид Ханбеков не догадался поставить к нему эпиграфом слова М. Ломоносова, что «может собственных Платонов и быстрым разумом Невтонов Российская земля рождать»?

Сейчас Э. М. погрузилась в «Страну холода», а я неспешно осваиваю журнал. Ваша «индустриальная пустыня» подкупает незаметной интригой, достоверностью, публицистичностью и нескрываемой ностальгией. Моя сестра много лет проработала на машиностроительном заводе в хозяйственном отделе. Она (закончила строительным техникумом) всегда тепло отзывалась об В. С. Усове и горько переживала, когда он умер, а завод пошел на распыл. По существу это ему мы обязаны тем, что в Никольском Вяземском появился музей.

Интересен и достоверен историко-географический очерк Игоря Карлова «Тихий ток наших чистых рек». Мне эти места душевно близки (по «Снежеди»).

Бегло ознакомился с поэзией в журнале. На мой взгляд, есть добротные стихи, есть неровные, есть новомодные — жаль, что умные и одаренные ребята обижают своей волнностью родной язык. Я всегда болезненно стремлюсь к простоте и прозрачности.

Хорошо, что Вы отважились напомнить России о Сталине. По-моему, Резцов весьма удачно перевел его юношеские стихи, передал и сентиментальность, и роман-

тическую настроенность души будущего вождя. Не мешало бы автору издать сборник стихов и включить в него этот цикл. Многие были бы благодарны за это.

Эльвира Матвеевна передала городской библиотеке один экземпляр журнала. Зав. библиотекой, моя однофамилица, была удивлена, что в Туле издается такой журнал!

Удач Вам во всех делах и хлопотах!

Ваш Иван Александров, г. Мценск, 25.01.2010 г

От редакции: подборка стихов Ивана Александрова публикуется в настоящем номере «Приокских зорь». Письмо поэта из Мценска публикуется с некоторыми сокращениями.

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

В годы Великой Отечественной войны город Полярный (основан в 1899 году под названием Александровск как база Флотилии Ледовитого океана) был «столицей» Северного флота. Сейчас — Город воинской славы и база Кольской флотилии Краснознаменного Северного флота. Есть в Полярном знаменитая средняя школа № 1 им. М. А. Погодина, описанная в произведениях многих писателей (Юрий Герман, Алексей Яшин и др.). Библиотека и музей школы регулярно получают вновь выходящие номера «Приокских зорь», поддерживают связь с редакцией. Недавно мы получили от руководителя школьного музея Ирины Ивановны Осиповой обстоятельный рассказ о нынешних буднях школы, о ее истории и, конечно, о музее, который и публикуем в рубрике «Обратная связь».

Музей истории школы был создан ровно 12 лет назад в канун 60-летнего юбилея. Именно тогда, в результате поисковой работы наших старшеклассников был собран интересный материал и о самой школе, и о людях, которые здесь работали и учились. Не все из вас могут найти себя на фотографиях и прочесть информацию о своем классе. Есть еще «белые пятна» в истории, но мы надеемся с вашей помощью их восполнить.

Наш музей включает следующие экспозиции: «М. А. Погодин», «Наши традиции», «Школа сегодня», «Творческие работы учащихся», «Пионерское движение», «Новая цивилизация», «Международное сотрудничество». В основном в экспозиции использованы ксерокопии фотографий и различные предметы, связанные с учебой, а также творческие работы учащихся.

Первая экспозиция посвящена заслуженному учителю, отличнику просвещения Михаилу Андреевичу Погодину, который был директором нашей школы с 1947 по 1955 годы, а так же учителем русского языка и литературы. На этом стенде вы видите фотографии, на которых запечатлен сам Михаил Андреевич Погодина и его ученики. Это время, когда в школе зарождалась дружба старших с младшими (шефство старшеклассников над младшими), отчеты старших братьев и сестер за успехи своих младших.

Это была целая эпоха в жизни школы, и сама школа была необычной. Что только не придумывал Михаил Андреевич со своим коллективом!

В школе появились классные хоровые коллективы. В это время под руководством Михаила Андреевича осуществляется строительство гаража и теплицы за зданием школы.

С каждым годом расширялось и развивалось школьное самоуправление. Активно функционировали учком, старостат, комитет комсомола, совет дружины, физкультурный совет, редколлегии классных и общешкольной стенгазет. Михаил Андреевич был замечательным педагогом и руководителем. Он умел быть строгим, когда надо, и умел пропустить через свой ум и сердце все, что требовалось от ребят.

Вместе с Михаилом Андреевичем Погодиным трудились педагоги: Мария Ильинична Щекотова, Анна Васильевна Диева, Галина Николаевна Зыкова, Александра Григорьевна Сычева, Анна Васильевна ПикULEва, которые поддерживали и продолжают поддерживать связь со школой. Им посвящен этот стенд.

Михаил Андреевич Погодин отработал в нашей школе 9 лет. Он пользовался бесспорным авторитетом среди учащихся, учителей, родителей, общественности города Полярного.

В 1996 году, в день проведения торжеств, посвященных 60-летию юбилею школы, от имени бывших учителей и учеников М. А. Погодина прозвучал наказ педагогическому коллективу: «Мы все заслужили того, чтобы школа носила имя этого замечательного человека». Чтобы заслужить это право, педагогический и ученический коллективы приложили много усилий. Проводились линейки, педсоветы, классные часы, внедрялись инновационные технологии.

8 февраля 2000 года решением городского Совета Депутатов школе было присвоено имя заслуженного учителя РСФСР, бывшего директора школы Михаила Андреевича Погодина.

В период работы в школе, Михаилом Андреевичем Погодиным были заложены замечательные традиции, о которых знали не только в городе и регионе, но и в Москве. Эти традиции были продолжены и обогащены замечательными педагогами школы: Верой Алексеевной Гудиной, Галиной Николаевной Зыковой, Людмилой Андреевной Тукачевой, Анатолием Александровичем Кульчицким. И следующая экспозиция посвящена этим традициям, которые появились через военно-патриотическое и эстетическое воспитание школьников. Это ТЮП и КМЛ и ежегодные школьные фестивали. Основателем этих традиций стала Галина Николаевна Зыкова. На стенде представлены фотографии, рассказывающие о КМЛ, ТЮПе и о самой Галине Николаевне, а также коллекция грамот.

Галина Николаевна пришла работать в школу по приглашению М. А. Погодина. Сначала она вела уроки пения, драмкружок, потом стала завучем по эстетическому воспитанию на общественных началах, позже была назначена организатором по внеклассной работе. Всего Г. Н. Зыкова проработала в школе 27 лет. Она явилась руководителем Театра Юного Полярника, директором комсомольско-молодежного лагеря «Полярник», организатором школьных фестивалей.

Одна из экспозиций музея посвящена деятельности Театра юного Полярника. Здесь мы можем увидеть пригласительные билеты и репертуар ТЮПа.

Театр Юного Полярника был создан в 1957 году. Создавался он не на пустом месте. Еще при М. А. Погодине существовали драматические коллективы учащихся 2—6-х и 7—10-х классов. В репертуаре драматических коллективов были такие пьесы, как «Воробьевы горы» Симакова, «Снежная королева» Шварца, театрализованные инсценировки по роману Н. Островского «Как закалялась сталь» и т.д.

В 1957 году в школе впервые прозвучало очень короткое звонкое слово «ТЮП» — Театр юных полярников. В него вошли бывшие члены драматического кружка и еще многие любители театра.

Первые спектакли готовились очень напряженно и прошли они с большим успехом. Особой удачей можно считать спектакль «20 лет спустя», впоследствии показанный тюповцами на сцене Мурманского Дворца пионеров. На протяжении всего существования Театра юных полярников его участники трижды играли спектакль по пьесе Бориса Горбатова «Юность отцов».

С работой ТЮПа связана еще одна традиция нашей школы — работа комсомольско-молодежного лагеря. КМЛ отпраздновал свое рождение в станице Бриньковская. Краснодарского края на берегу Бейсовского лимана Азовского моря. Там ребята трудились и работали над новыми спектаклями. Первый раз в лагерь поехали только

ТЮПовцы, их было 57 человек. А в следующем году это была довольно большая рабочая бригада более 150 человек. С каждым годом лагерь рос, и маленький совхоз им. Калинина был не в состоянии их принимать. Затем лагерь перебазировался сначала в Тамань, а затем в село Новые Каширы, Херсонской области. Лагерь имеет 5 грамот Центрального Комитета Комсомола, грамоты Херсонского и Краснодарского Комитетов комсомола. Еще раньше — Переходящие Знамена. Часть грамот вы можете увидеть на стенде.

С появлением Мурманского телевидения у школьников с ним завязалась тесная дружба. На следующей фотографии запечатлено выступление школьников на Мурманском телевидении. Безусловно, ребята в ТЮПе менялись, но одной из самых лучших традиций я считаю то, что выпускники школы и бывшие тюповцы, оставшиеся в Полярном, с удовольствием принимали участие в наших спектаклях, как правило, они играли роли пап, мам, учителей, дедушек, бабушек.

ТЮП не ставил своей целью воспитание профессиональных актеров, но надо сказать, что очень многие наши тюповцы связали свою жизнь с театром.

ТЮП был не только местом, где готовились спектакли, но и опорой педагогического коллектива, привития культурных навыков школьникам.

Следует сказать еще об одной традиции школы, которая родилась тоже в 1957 году. Это был год Международного фестиваля молодежи и студентов, который проходил в Москве. Было решено провести в школе свой малый фестиваль. И этому событию посвящен следующий стенд. На фотографиях стенда участники фестивалей.

Главной целью было поставлено: участвовать в нем должны все, а не те, кто имеет какие-то особые данные. И эту задачу удалось решить, потому что действительно в Фестивале участвовали все школьники. Классы готовили выступления, проявляя творчество. Каждый класс — свое. Ребята мастерили декорации, шили костюмы, разучивали стихи, песни, танцы, придумывали сценки. Весенние фестивали тоже стали традицией школы.

Нужно сказать еще об одной интересной и важной традиции школы — это работа школьного радиоклуба.

Идея создания радиоклуба принадлежит М. А. Погодину. Но в его бытность в школе она только зарождалась. А вот несколько позже в школе появился один очень интересный человек — мичман Алексей Васильевич Калинин. Вот он и создал этот радиоклуб на третьем этаже школы. В этом радиоклубе занималась большая группа ребят. Радиоклуб был прекрасно оборудован и имел свой позывной — «ИА-1-КИЗ». Этот позывной знали не только в Союзе, но и за рубежом, так как ребята поддерживали связь с радиостанциями других стран. Очень часто ребята дежурили сутками, устанавливали наиболее известные связи, а школа в это время была буквально засыпана так называемыми «куцельками», открытками, подтверждающими установленную радиосвязь. И многие из тех, кто получил первые навыки работы в школьном радиоклубе, потом избрал своей профессией дело, в котором эти навыки очень пригодились. Долгие годы руководителем школьного радиоклуба был Анатолий Александрович Кульчицкий.

Безусловно, важным событием для нашей школы была и дружба с шефами — североморцами. Не случайно многие выпускники нашей школы выбрали профессию, связанную с защитой Родины.

Многим ученикам полюбилась военно-спортивная игра «Зарница». На стенде представлены фотографии игр «Зарница» и «Орленок». Впервые в игре учащихся школы приняли участие в 70-е годы. «Зарница» проводилась в г. Североморске, был подготовлен один 7-ой класс. Занимался подготовкой ребят Анатолий Александрович Кульчицкий. И в первый же год ребята заняли 1-е место. Позже старшеклассники приняли участие в игре «Орленок» и тоже заняли призовое место.

Несколько стендов в нашем музее посвящено выпускникам школы, которые связали свою жизнь с педагогической деятельностью и работали или тесно сотрудничали со школой. Это Галина Васильевна Пуговкина, Людмила Андреевна Тукачева, Елена Владимировна Щукина, Ирина Николаевна Мишук, Зоя Михайлова. Они передали свои фотографии той поры, когда сами еще учились в школе. На этих фотографиях запечатлены наиболее интересные моменты школьной жизни.

Трудными для школы стали 80-е годы. В июне 1980 года школа сделала последний выпуск учеников перед длительной реконструкцией. Ремонт затянулся на 6 лет. И благодаря стараниям вновь назначенного директора — Владимира Григорьевича Вайля школа была восстановлена. После длительного перерыва 1 сентября 1986 года прозвенел звонок, известивший о начале учебного года. Много было утрачено за это время. Пришлось начинать все заново.

Следующий стенд посвящен 50-летию школы. В марте 1987 года школа отметила свой полувековой юбилей. Здесь можно увидеть и пригласительные билеты, фотографии гостей юбилея и их газету с поздравлениями и пожеланиями. С разных уголков нашей страны съехались на юбилей школы ее выпускники и учителя. К этому событию, в 1986 году под руководством учителя русского языка и литературы Игоря Николаевича Опимаха в школе был открыт литературно-краеведческий музей. Энтузиастами в его работе стали старшеклассники: Лида Габель, Наташа Данилова, Игорь Толокнеев, Женя Кубликова, Ира Лозовая, которые организовывали и проводили экскурсии, занимались поисковой и исследовательской работой. Музей просуществовал три года и был расформирован в связи с уходом Игоря Николаевича на другую работу. Сейчас Игорь Николаевич Опимах является главным редактором «Северной субботней газеты», которая издается в нашем городе.

Трудным испытанием для школы стали 90-е годы, которые разрушили ценностные ориентиры общества и школы. В 1990 году прекращает свою деятельность комсомольская организация, в этом же году состоялся последний прием в пионеры учащихся школы. А в 1991 году пионерская дружина им. Константина Ивановича Душеннова прекратила свое существование. Пионерскому движению посвящена витрина, в которой представлены пионерские атрибуты: галстук, значки, пионерки, вымпелы, свидетельства пионерских вожатых. Образовавшийся вакуум нужно было заполнить чем-то интересным. Время поиска длилось недолго. И школа вновь возродилась. В школе начинается работа по художественно-эстетическому воспитанию. Создаются новые художественные коллективы. Это хореографический ансамбль «Сюрприз», ансамбль бального танца «Макси — Мари», танцевальный коллектив «Терпсихора», вокальный коллектив и кружок эстрадной песни. Их выступления видели не только в городе, но и в области. Это периоду посвящен стенд.

В школе наступил период возрождения старых добрых традиций, таких как участие школьников в военно-спортивных играх «Орленок» и «Зарница», работа органов ученического самоуправления, это Совет старшеклассников, Совет школы, Советы параллели.

Опыт накапливался и проверялся в течение нескольких лет. Кое-что отменялось, кое-что дополнялось.

Несмотря на все трудности, мы сумели сохранить те традиции, которые достались нам в наследство и приумножить их.

Большую пользу в сплочении коллектива приносят продуманно организованные дежурства учащихся по классам и школе. В школе введены трехдневные дежурства учащихся 5 — 11 классов. Сохранилась процедура приема-сдачи дежурств, заложенная М. А. Погодиным.

В начале учебного года каждый ученический коллектив обеспечивается пакетом документов: «Правилами для учащихся», «Декларацией учащихся» и выпиской по-

ложений из Устава школы. Это традиция, когда ребята вместе с классным руководителем вырабатывают нравственные законы жизни коллектива и пытаются ежедневно ими руководствоваться в жизни. Постепенно восстанавливается такая форма организации учащихся, как шефство старших классов над младшими. Ученические коллективы старшего звена шефствуют над младшими школьниками с учетом принципа преемственности. Ребята — старшеклассники оказывают помощь классному руководителю в организации классных праздников, экскурсий, классных часов, веселых перемен.

25 мая, в День Последнего звонка, одиннадцатиклассники передают старшинство по школе ученикам 10-х классов. Эта традиция ежегодно расширяется. Весь учебный год выпускники работают в творческой лаборатории вместе с родителями по воплощению плана, связанного с подготовкой подарков школе. Их масштабы не ограничиваются книгами и сувенирами: это совместные работы, выполненные в форме панно, это и комната природы и творческие работы. Некоторые из работ можно увидеть в следующей витрине. Это и сувениры из дерева. Это и работы из пластилина. Учителя школы тоже не остаются в стороне. В витрине представлены куклы в национальных костюмах, выполненные Жук Натальей Дмитриевной, учителем экономики.

Стали традицией ежегодно проводить смотры кружков. Игра «Зарница» — это еще одна из возрожденных традиций. Учащиеся 6—7-х классов принимают участие в этих соревнованиях. Но мы не только возродили традиции, заложенные М. А. Погодиным в стенах школы, но и создали новые.

Это и проведение торжественных линеек в параллели по случаю участия в городских спортивных мероприятиях и награждение победителей олимпиад.

Акция «Новогодняя компания» является самой яркой. В ней принимают участие учащиеся 1-11 классов. Ребята готовят украшения для школы. Учащиеся школы ведут летопись школы, а каждый класс — летопись школьной жизни. По окончании школы выпускники передают свои летописи в школьный музей.

Стали традицией и новые праздники, такие как «Праздник чести школы», День ученика, «Парад потешных войск».

С 1993 года берет начало традиция отмечать каждую пятницу 13-го числа День ученика.

Ежегодно в апреле месяце принято подводить итоги работы ученических коллективов на Празднике чести школы. На этом празднике проходит награждение самых-самых в различных номинациях. Поздравление для всех награжденных — праздничный концерт, в котором принимают участие танцевальные коллективы школы, вокальные группы учащихся и педагогов. Парад потешных войск проводится среди учащихся 1—3 классов ежегодно в феврале и посвящен он дню Защитников Отечества. Огромную помощь в подготовке к этому празднику оказывают наши шефы.

В 1998 году учащиеся нашей школы впервые совершили поездку за рубеж. Под руководством директора школы Бусыревой Аллы Анатольевны и ее заместителя Мишинской Елены Владимировны, наши ребята побывали в Норвегии. А затем учащиеся побывали в Финляндии, Болгарии, Швеции, Англии, Германии, где состоялось общение с зарубежными сверстниками и знакомство с их культурой.

Список традиций школы можно продолжить. Их роль заключается в том, чтобы сделать общение учащихся и учителей полезным и необходимым, положительно влиять на формирование мировоззрения и мироощущения учащихся. Результаты работы сказываются в устойчивой сознательной дисциплине, в организованности основной массы учащихся, в формировании и развитии у них коллективистских начал. Это заметно прослеживается в кипучей жизни школьников, в многообразии их интересов, в стремлении организовать себя и других, активно бороться за честь класса, школы.

Следующая экспозиция называется «Школа на современном этапе». В 2002—2004 годах школа получила ряд грантов от международного фонда «Сорос» и от Генерального консульства королевства Норвегия за реализацию проектов: «Человек-созидатель, человек-миротворец», «Знакомство с культурой Норвегии», «Молодежь Севера говорит наркотикам «Нет!» Так в музее школы появилась новая экспозиция «Международное сотрудничество». Здесь представлены сувениры, привезенные из-за рубежа. А также экспонаты, связанные с реализацией проектов. Это и норвежский национальный костюм, флаг Норвегии, подарки от Генерального консульства Королевства Норвегии.

Во многом интересная, творческая жизнь школы зависит от талантливых педагогов. А их у нас в школе не мало. Вот уже 16 лет в школе продолжает работать танцевальный коллектив «Сюрприз», художественный руководитель Михайлова Елена Александровна, которая в 2004 году стала победителем городского конкурса «Учитель года», а ее коллектив постоянно занимает призовые места на областных конкурсах. Учитель начальных классов Вивдюк Мария Ананьевна стала победителем городского конкурса «Учитель года-2008». Уланова Светлана Викторовна — учитель русского языка и литературы в 2006 году стала обладателем Президентского гранта и победителем конкурса Лучшие учителя России.

Важное событие произошло в 2008 году. Школа получила 1000000 рублей в рамках национального проекта «Образование».

За время работы школы сменилось 23 директора. В настоящее время образовательным учреждением руководит Сулаева Вера Владимировна, учитель английского языка, депутат Муниципального совета депутатов.

В школе обучается 570 учащихся, работает 47 педагогов.

За годы существования школы было сделано 57 выпусков. Трудно сказать, сколько учеников закончили школу. Но свой «золотой фонд» мы знаем. С золотой медалью школу закончили 19 человек, с серебряной — 94.

Изучение прошлого своей школы укрепляет ее нравственные основы и способствует связи разных поколений.

Сегодня нам уже 73! Но мы полны творческих сил, чтобы решать новые задачи!

*Ирина Осипова,
директор музея средней школы № 1 им. М. А. Погодина,
г. Полярный, Северный флот*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 28.05.2010
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 92

Памятник контр-адмиралу В. Ф. Рудневу, командиру крейсера «Варяг», уроженцу тульской земли (перед входом в Комсомольский парк)

Площадь Победы: памятник «Три штыка» героическим защитникам Тулы осенью 1941-го года. В нескольких сотнях метров южнее проходила передовая линия обороны

Памятник в Могилевском сквере напротив второго корпуса Госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого. На этом месте была остановлена танковая армия Гудериана. Здесь же закончилась военная карьера «танкового бога» вермахта...

Памятник перед вторым корпусом Тульского госуниверситета. Из таких крупнокалиберных зенитных орудий осенью 1941-го года прямой наводкой срывали башни танков армии Гудериана

Памятник «Катюша» на Пролетарской площадке в Чулкове, бывшей исторической оружейной слободе. Тула имеет самое прямое отношение к созданию систем реактивного залпового огня — см. очерк Людмилы Алтуниной в этом номере журнала